

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Алексей Исаев
Владимир Бешанов
Владислав Гончаров
Юрий Житорчук
и др.

Великая Отечественная катастрофа II

1941 год.
Причины трагедии

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

**Алексей Исаев
Владимир Бешанов
Владислав Гончаров
Юрий Житорчук
и др.**

Великая Отечественная катастрофа II

**1941 год.
Причины трагедии**

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2007

ББК 63.3(0)62
В 27

Серийное оформление художника *А. Зарубина*

В 27 **Великая** Отечественная катастрофа II. 1941 год.
Причины трагедии: Сборник/А. Исаев, В. Бешанов,
В. Гончаров, Ю. Емельянов, Ю. Житорчук и др. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 416 с.

ISBN 978-5-699-22268-1

Новая книга проекта «Великая Отечественная катастрофа», посвященного одной из самых спорных и загадочных страниц отечественной истории — трагедии 1941 года.

Жесткая бескомпромиссная дискуссия — без политической цензуры и идеологических запретов.

Самые популярные современные историки противоположных взглядов и политических убеждений — Алексей Исаев, Владимир Бешанов, Владислав Гончаров, Юрий Житорчук и др. — отвечают на самые важные и болезненные вопросы:

Кто виноват в трагедии 1941 года?

Почему, имея сильную армию и подавляющее численное превосходство в танках и авиации, Советский Союз был разгромлен за считанные недели?

В чем главные причины величайшей военной катастрофы в русской истории?

ББК 63.3(0)62

© А. Исаев, 2007
© В. Бешанов, 2007
© В. Гончаров, 2007
© Ю. Емельянов, 2007
© Ю. Житорчук, 2007
© С. Вережкин, 2007
© В. Кожин, 2007
© М. Морозов, 2007
© ООО «Издательство «Яуза», 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-22268-1

Владимир Бешанов

«МЫ БЫЛИ ЕЩЕ НЕ СОВСЕМ ГОТОВЫ...»

Чтобы как-то объяснить причины уничтожения кадровой Красной Армии в 1941 году, была придумана дюжина самых «уважительных причин».

Например, немцы напали вероломно и неожиданно. А мы к такой подлости были не готовы, вот нас и побили.

К тому же Вермахт за два года осуществил агрессию против девяти европейских стран, Красная Армия — всего только против шести. Следовательно: у германца накопилось больше боевого опыта. Прославленные маршалы и генералы, уступая партийным теоретикам, сквозь зубы признавали, что к началу войны они мало понимали в военном деле. Мемуары пестрят откровениями о том, что «мы этому не учились» и «мы этого еще не умели».

Еще германская армия до зубов вооружилась самой современной техникой, а наши войска не успели перевооружиться, а где успели — не освоили. В итоге враг, имея огромное количественное и качественное превосходство, походя уничтожил устаревшую советскую авиацию и пожароопасные танки с «фанерной» броней, невзирая на массовый героизм командиров и красноармейцев, имевших на троих одну винтовку.

Сталин, поразмышляв на досуге, вывел «историческую закономерность» о неготовности в принципе «миролюбивых наций» к войне: «...заинтересованные в новой войне агрессивные нации, как нации, готовящиеся к войне в течение длительного срока и накапливающие

для этого силы, бывают обычно — и должны быть — более подготовленными к войне, чем нации миролюбивые, не заинтересованные в новой войне».

Виктор Суворов, основываясь на выводе, что кремлевские миротворцы сами готовили грандиозное вторжение в Европу, образно поставил двух противников в положение дуэлянтов, стреляющихся через платок, когда однозначно побеждает сделавший первый выстрел.

Еще одна причина: Сталина об опасности предупреждали буквально все — от глав правительств до перебежчиков, а он не внял, Сталин поверил Гитлеру (в другом варианте: боялся до судорог) и старался его не провоцировать. Гитлер таки спровоцировался, а Вождь всех народов то ли по недомыслию, то ли от страха не привел войска в боевую готовность. И вот, утверждает маршал А.М. Василевский: «В результате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить вглубь страны». Хотя здесь, по авторитетному мнению бывшего начальника Генерального штаба, есть одна тонкость: «...преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может нанести не меньше вреда, чем запоздание с ней».

Маршал элементарно подменил понятия. Степени боевой готовности, устанавливаемой для отдельных соединений, — это одно, а боевая готовность Вооруженных Сил — совершенно другое.

Боевая готовность — состояние, определяющее степень подготовленности войск к выполнению возложенных на них боевых задач. Боевая готовность предполагает определенную укомплектованность соединений, частей, кораблей и подразделений личным составом, вооружением и боевой техникой; наличие необходимых запасов матери-

альных средств; содержание в исправном и готовом к применению состоянии оружия и боевой техники; высокую боевую и политическую подготовку войск, прежде всего полевую, морскую и воздушную выучку личного состава; боевую слаженность соединений, частей, подразделений; необходимую подготовку командных кадров и штабов; твердую дисциплину и организованность личного состава войск и флота, а также бдительное несение боевого дежурства. Степень боевой готовности войск в мирное время должна обеспечивать их своевременное развертывание и вступление в войну, успешное отражение внезапного нападения противника и нанесение по нему мощных ударов.

Что из вышеперечисленного может быть «преждевременным»?

Каждый новый учебный год в Советской Армии начинался с приказа министра обороны, призывающего крепить и повышать боевую готовность. Теоретически — это основное занятие всех военнослужащих в мирное время.

Даже если армия состоит из десяти солдат и одного офицера, оснащенных ружьями без патронов, они должны быть готовы к бою, максимально используя имеющиеся возможности для нанесения ущерба противнику: изучать диверсионную тактику, штыковой и рукопашный бой, действия ночью, непрестанно «совершенствовать полевую выучку», читать уставы и нести караульную службу, шагать строем и браво орать песни. В общем, они должны быть боеспособны, то есть — готовы к выполнению боевых задач. Именно боеспособность «является определяющим элементом боевой готовности войск и важнейшим условием достижения победы».

Кому нужна трехмиллионная армия, если в критический для страны момент она «первооружается» или

«осваивает технику» в надежде, что политическое руководство как-нибудь «оттянет» войну до того момента, когда генералы будут к ней готовы. Преждевременной боеготовности вооруженных сил не бывает, как не бывает осетрины второй свежести. А если армия небоеспособна — солдатам винтовку в руки не дают, чтобы не поранились, а офицер не умеет читать карту и не в курсе, чем занимаются его бойцы и сколько их в подразделении должно быть, — никакими директивами, ни преждевременными, ни запоздалыми, в боевую готовность ее не приведешь.

Отсюда возникает вопрос, который советские историки не смели даже сформулировать: насколько эффективна была «самая передовая в мире» социалистическая система хозяйствования? Уж так ли мудра и непогрешима была родная Коммунистическая партия, организатор и вдохновитель всех наших побед, и ее генеральный секретарь, так любивший работать с кадрами? Насколько была боеспособна «непобедимая и легендарная» Красная Армия накануне войны? Насколько крепка была броня, каков был в действительности порядок, ну хотя бы в танковых войсках?

Даже при беглом обзоре поражает колоссальное несоответствие между затраченными в 30-е годы на «укрепление обороноспособности» усилиями, материальными средствами, принесенными на марксистско-ленинский алтарь жертвами, горами произведенного оружия и техники, и мизерностью достигнутых результатов.

Когда после двухлетней взаимовыгодной дружбы гитлеровская Германия «вероломно» напала на СССР, вермахт располагал 5262 танками собственного производства и примерно 2000 трофейных французских ма-

шин. Для реализации плана «Барбаросса» было выделено чуть более 3800 танков.

«Тяжелых» Pz IV немцы смогли отрядить 439 штук, средних Pz III — 965 единиц, все остальное — легкие и очень легкие машины, в том числе 410 пулеметных Pz I, прозванных в войсках «спортивным автомобилем Круппа». Из общего числа предназначенных для действий на Востоке «панцеров» 354 танка до сентября 1941 года находились в Германии, в резерве верховного главнокомандования. Кроме того, в составе дивизионов и рот сопровождения имелось 246 штурмовых орудий StuG III, около 140 противотанковых самоходок PzJag I и пара десятков самодвижущихся 150-мм орудий. Подсчитывать боевые машины союзников Германии пока не стоит, поскольку ни один из них на нас 22 июня не напал, ни внезапно, ни вероломно, а кое-кто и не собирался, пока И.В. Сталин превентивными бомбардировками не «убедил» их присоединиться к Адольфу Гитлеру.

Миролюбивая Страна Советов на 22 июня 1941 года имела 25500 танков, в том числе: 1861 единицу не имевших себе равных по тактико-техническим характеристикам KV и «тридцатьчетверок» с противоснарядным бронированием, 481 «устаревший», но все равно превосходивший любую вражескую технику, надежный и хорошо отработанный средний танк Т-28, почти 13000 легких, но все-таки вооруженных 45-мм пушкой Т-26, БТ-7 и БТ-7М, а также 3258 пушечных бронеавтомобилей. Причем 15687 танков (и среди них 1600 Т-34 и KV) находились непосредственно в западных приграничных округах. Пусть из них около 2500 единиц проходили по 3-й и 4-й категории, то есть требовали среднего и капитального ремонта. Все равно советское численное превосходство на Западе получается четырехкратным. Еще была у нас такая замечательная машина, сконст-

руированная Н.А. Астровым на базе танка Т-38 — легкий, быстроходный, маневренный, бронированный и вооруженный пулеметом артиллерийский тягач «Комсомолец» Т-20. Он предназначался для буксировки противотанковых и полковых пушек, но мог использоваться и использовался в качестве пулеметной танкетки. У немцев он вообще числился «танком». Таких тягачей, мало в чем уступавших «Панцеру-І», было изготовлено 7780.

(Самое интересное заключается в том, что на вопрос, сколько же танков было в Красной Армии, точного ответа нет. Исследователи приводят разные данные, ссылаясь на самые точные архивные документы, но расходятся друг с другом не на десятки, а на тысячи боевых машин. Например:

— статистическое исследование Генштаба России в графе «Состояло на вооружении» на **22.06.1941** года дает цифру **22600** танков (на основе анализа архивных материалов и расчетов по ним);

— почти столько же танков — **22531** — имелось согласно «Справке об основных показателях мобилизационного плана 1941 г. и обеспеченности по нему Красной Армии», вот только «наличие» показано по состоянию на **1 января 1941 года** (ОХДМ ГШ, ф. 16, оп. 2154);

— Институт военной истории Министерства обороны РФ публикует «Сводную ведомость количественного и качественного состава танкового парка РККА на **1 июня 1941 г.**» — **23106** танков (данные ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353);

— историк М.И. Мельтюхов указывает «Количество танков в Красной Армии» на **1 июня 1941 года** — **25508** (РГАСПИ, ф. 71 и так далее).

То есть целые немецкие танковые группы умещаются в нашу «статистическую погрешность»!)

А ведь маршал С.К. Тимошенко в своих «Соображениях» на имя Сталина и Молотова прогнозировал, что враги развернут против Советского Союза 10550 танков, и все равно собирался воевать на чужой территории. Вот только самостоятельно, без совета Вождя, не мог определиться, что правильнее: мощным ударом захватить Краков и «в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран и лишить ее важнейших экономических баз», или все-таки сначала «нанести поражение германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней».

При таком соотношении сил Красная Армия, казалось, была способна раскатать в тонкий блин любого противника. Чтобы предотвратить агрессию, хватило бы просто вместо того, чтобы прятать по лесам, построить эту массу боевых машин вдоль советско-германской границы. Однако вышло наоборот: к концу 1941 года немцы взяли Минск, Таллинн, Ригу, Смоленск, Киев, ворвались в Крым, стояли у ворот Москвы и Ленинграда.

Неохотно «вспоминая» свои сокрушительные поражения и «размышляя» над их причинами, советские полководцы сокрушенно разводят руками: мол, история «отпустила слишком мало времени», а большинство наших танков «устарели». Не говоря о том, что это — не совсем правда, военачальники вполне определенно намекают, что устаревший — значит небоеспособный. Непонятно, что мешало «устаревшим» танкам стрелять и наносить ущерб противнику.

Еще, оказывается, совершенно недостаточно имелось «танков новейших типов». Маршал Г.К. Жуков даже точно подсчитал, сколько таких танков ему не хватило, чтобы дать супостату достойный отпор, — ровно 16600 штук (то есть чтобы восемь наших на один не-

мешкий, сразу видно — большой стратег был Георгий Константинович, не хуже Тухачевского).

А хоть бы и вовсе ни одного «новейшего»! Моторизованный корпус генерала Манштейна на четвертый день войны, преодолев почти 400 км, вышел к Двинску (Даугавпилсу), не имея в своем составе ни одной «тридцатьчетверки». Основными машинами в корпусе генерала Рейнгардта были собранные на заклепках и вооруженные 37-мм пушкой чешские 35(t) и 38(t).

Кстати, именно против них командование Северо-Западного фронта впервые массированно применило тяжелые танки КВ.

23 июня 1941 года в районе литовского городка Расейняй 6-я танковая дивизия генерала Франца Ландграфа двумя боевыми группами — группа «Раус» и группа «Зекендорф» — овладела мостами через реку Дубисса и заняла два плацдарма на ее правом берегу. Более слабой дивизии в Панцерваффе просто не было: из общего числа в 254 танка ее главную ударную силу составляли собранные в одно соединение 149 чешских трофеев типа 35(t) и 36 машин типа Pz III и Pz IV. Утром 24 июня группа «Зекендорф» была атакована и выбита с плацдарма 2-й танковой дивизией под командованием генерал-майора Е.В. Солянкина — 250 танков (полсотни КВ-1 и КВ-2). Советские танкисты перешли на левый берег и под сосредоточенным огнем сотни «панцеров» принялись утюжить позиции германской артиллерии: «Окутанные огнем и дымом, они неотвратимо двигались вперед, сокрушая все на своем пути. Снаряды тяжелых гаубиц и осколки ничуть им не вредили... Основная масса наших танков атаковала с флангов. Их снаряды с трех сторон били по стальным гигантам, но не причиняли им никакого вреда». Немцы были поражены неуязвимостью и мощью «черных монстров»,

особенно когда один из них просто раздавил гусеницами «новейший» 35(t), а другой без видимых повреждений выдержал выстрел в упор из 150-мм гаубицы. Что и говорить, страху на германца нагнали, или, согласно донесениям комиссаров, «навели на них ужас». Но и только. Всего через два дня 2-я танковая дивизия перестала существовать, не уцелело ни одной боевой машины, генерал Солянкин погиб. Дивизия Ландграфа еще неоднократно вступала в бои с «ворошиловыми», но тем не менее, хоть и «охваченная ужасом», к началу сентября оказалась под стенами Ленинграда, за все время наступления безвозвратно потеряв всего 55 танков.

Командовавший 2-танковой группой генерал Гудериан впервые обратил внимание на новые танки русских лишь в октябре, когда южнее Мценска 15-я бригада полковника М.Е. Катукова из 49 танков (батальон БТ-7, рота КВ, две роты Т-34) изрядно потрепала 4-ю танковую дивизию генерала Лангермана. Хотя в Белоруссии, в составе вдребезги разбитого Западного фронта, их было полтысячи, еще столько же сгнули под Смоленском и Рославлем (не считая 4700 «легких и устаревших»).

Тяжелее всех пришлось на Украине командующему 1-й танковой группой генералу фон Клейсту. Против его 728 танков, из которых более трети — 219 единиц — составляли «грозные» машины Pz I и Pz II, командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос только в составе механизированных соединений мог выставить 4808 танков (а всего — около 8000), в том числе 833 единицы КВ и Т-34. Их было трудно не заметить, о чем свидетельствуют многочисленные донесения, посыпавшиеся из германских частей артиллерийских и танковых подразделений:

«Совершенно неизвестный тип танка атаковал наши

позиции. Мы немедленно открыли огонь, но наши снаряды не могли пробить броню танков, и только с дистанции 100 м огонь стал эффективнее...

...Шесть противотанковых орудий вели беглый огонь по Т-34. Но эти танки, словно доисторические чудовища, спокойно прошли сквозь наши позиции. Снаряды только заставляли броню танков стучать как барабан...

...Лейтенант Штойп четырежды выстрелил по Т-34 с дистанции 50 м и один раз с 20 м, но не смог подбить танк. Наш беглый огонь был неэффективен, и советские танки приближались. Снаряды не пробивают броню и раскалываются на части».

Имея целые «стада» бронированной техники, Кирпнос и Жуков предприняли попытку устроить противнику решительный «клейстец», бросив в решительное контрнаступление шесть корпусов... И за две недели потеряли 4381 танк! Вермахту удалось добиться таких «показателей» потерь лишь к августу 1942 года (наши за это время списали почти 30000 танков). А к началу осени 1941-го в группе Клейста числились лишь 186 «полностью вышедших из строя» боевых машин и 147 «находящихся в ремонте». Причем оставшихся хватило на то, чтобы совместно с группой Гудериана замкнуть грандиозный Киевский котел.

Одним словом, летом 1941 года «лучшие в мире» танки КВ и Т-34 заметной роли не сыграли. Несмотря на все дифирамбы в их адрес и восторженные подсчеты вмятин от снарядов, на тот момент это были довольно несовершенные боевые машины. Большая пушка и толстая броня — это еще не танк, это — дот. Пушку делал В.Г. Грабин, броню изготовили ижорцы, кто-то упорно доводил дизель. Задача танкового конструктора заключается в расчете оптимальной компоновки имеющихся узлов, проектировании подвески, трансмиссии,

моторного отсека, системы управления, то есть в создании надежной и маневренной «повозки для пушки». Перефразируя Антона Павловича, в танке «все должно быть прекрасно».

КВ, созданный в конкурентной гонке, избыточно бронированный в угоду идее неуязвимости, принятый на вооружение фактически без испытаний ходовой части, имел отвратительную трансмиссию, выход ее из строя был явлением массовым. При длительном движении начинала кипеть вода в радиаторе. Не справляясь с возросшей нагрузкой, перегорали электромоторы поворота башни, позаимствованные у танка Т-28. Дело можно было поправить в процессе серийного производства, однако директора Кировского завода И.М. Зальцмана и главного конструктора Ж.Я. Котина трансмиссия не интересовала. Ликвидация целого списка недостатков потребовала бы снижения объемов производства, а за это орденов не давали. Поэтому в СКБ-2 рисовали проекты новых «мастодонтов» весом 80 и 100 тонн. Знаменитый конструктор Н.Ф. Шамшурич на склоне лет назвал КВ-1 танком «не столько для войны, сколько для показа» — балластом Красной Армии:

«Хотя КВ имел от рождения очень серьезные пороки, но машину можно было не просто спасти, но к началу войны наладить производство по-настоящему грозных для врага танков. Прежде всего надо было создать работоспособную коробку передач и заменить 76-мм пушку подходящим тяжелому танку орудием... Однако ничего этого сделано не было, а пресса тиражировала восторженные отклики о выдающейся победе советских танкостроителей. Вокруг КВ создавался ореол какого-то чудооружия, чему способствовали и отзывы иностранных специалистов, имевших возможность оценить только внешние характеристики танка. Те рекламации, что шли

из войск, просто игнорировались, а многочисленные поломки объяснялись в первую очередь плохой подготовкой экипажей. Отказов было так много, что ими занималась специальная правительственная комиссия, обнаружившая самые серьезные упущения в конструкции принятой на вооружение машины...»

Надо отметить, что подобающие тяжелому танку орудия были созданы В.Г. Грабиным. В 1940 году он представил 85-мм танковую артсистему Ф-30, а также Ф-32 — калибром 95 мм. Они были испытаны и рекомендованы для принятия на вооружение. Однако Сталину вдруг вспомнился полузабытый калибр 107-мм, и грабинские пушки признали недостаточно мощными. Выполняя постановление Совнаркома, Горьковский завод № 92 своевременно подал 107-мм орудие ЗИС-6 конструкции того же В.Г. Грабина с начальной скоростью снаряда 800 м/с, но котинский «объект 220» в серию так и не пошел, а уже поставленные на поток ЗИС-6 отправили на переплавку.

И комиссия, упомянутая Шамшуриным, действительно была. Она последовала в октябре 1940 года после письма военпреда Кировского завода Л.З. Мехлису, возглавлявшему, кроме всего прочего, Наркомат госконтроля. Перечислив дефекты машины, военинженер 3-го ранга Каливода подытоживал: «Исходя из вышеизложенного, считаю, что машина КВ недоработана и требует срочных и серьезных переделок... Целесообразнее снизить программу до конца 1940 года до 5—8 машин в месяц и перебросить все заводские силы на доработку машины. В настоящее время все силы брошены на выполнение программы, а о качестве машины думают мало. Считаю, что в настоящий момент назвать машину боееспособной нельзя из-за вышеуказанных дефектов. Отправлять ее в армию можно только как учеб-

ную, а не боевую». Комиссия полностью подтвердила выводы представителя приемки, а Мехлис немедленно довел их до сведения Сталина. Попутно выяснилось, что директор завода, впрочем, как все красные директора, грешит приписками и очковтирательством. (Во время войны склонность к победным рапортам и обещаниям катапультировала его в кресло наркома танковой промышленности, в котором он усидел ровно год. За это время особого прогресса в производстве боевых машин Исаак Моисеевич не добился, но успел угробить С.А. Гинзбурга, давшего путевку в жизнь половине советских танков. В начале 1943 года выяснилось, что новые самоходные установки СУ-76 ломаются, не доезжая до линии фронта. Дело в том, что, не имея мощных двигателей, на «сушку» установили параллельно два карбюраторных мотора ГАЗ-202 с двумя коробками передач, переключать которые надо было синхронно. Надо ли удивляться, что у неопытных водителей выкрашивались не полностью сцепившиеся зубья шестерен. «Крайним» нарком сделал С.А. Гинзбурга, заместителя Ж.Я. Котина по вопросам создания и внедрения новой техники. Семен Александрович был отстранен от работ и отправлен на фронт начальником ремонтной службы танкового корпуса, где и погиб. Ну, как, к примеру, Альберт Шпеер отправил бы на фронт Фердинанда Порше. После войны, когда евреем в Советской стране станет быть немодно, а Сталин обронит, что каждый еврей — потенциальный агент мирового сионизма, И.М. Зальцмана выкинут на улицу с резолюцией: «Использовать на работе не выше мастера»).

Неоднократно жаловались на плохое качество тяжелых машин маршал Г.И. Кулик и генерал армии Д.Г. Павлов. Но всем им было не под силу одолеть закон социалистического хозяйствования, когда главным

показателем любого предприятия является выполнение установленного количества штук, и Кировский завод продолжал «гнать план». Правда, на 1941 год было предусмотрено принять ряд мер по улучшению КВ-1, как то: установить командирскую башенку, планетарную трансмиссию, более совершенные бортовые передачи и поворотный механизм. Но в апреле грянул приказ о срочном — в три месяца — освоении еще не существующего 70-тонного танка КВ-3 со 107-мм пушкой, и чтоб за полгода построить 500 машин. Все работы по устранению недостатков «Клима-1» были свернуты, едва начавшись.

«Первые же дни Великой Отечественной войны подтвердили, что КВ-1 в том виде, в каком он выпускался, воевать по-настоящему не мог, — рассказывает Н.Ф. Шамшурин, — так как не обладал никаким гарантированным моторесурсом. Вот и получился трагический парадокс: броня была крепка, а танка быстрого не получилось. Казалось бы, сама жизнь подталкивала к срочной модернизации КВ, к замене неработоспособной коробки передач, но, увы, в самое тяжелое для страны время, с конца лета 1941 по весну 1942 года, мы продолжали тратить огромные материальные ресурсы и человеческие силы для дальнейшего научно-технического поиска. В первую военную зиму в Челябинске, куда эвакуировали Кировский завод, «изобрели» КВ-7, имевший строенную артустановку, три пушки в связке! Совершенно впустую расходовалась энергия отнюдь не бесталанных людей, впустую тратились ценные материалы, впустую выливалась высоколегированная сталь. И до сих пор тот технический авантюризм выдается за некое достижение... КВ-1 полностью дискредитировал и себя, и саму идею создания тяжелых машин».

В ходе вышеупомянутого сражения под Расейняем

имела место почти фантастическая история. Пока группа полковника фон Зекендорфа отражала атаки танковой дивизии генерала Солянкина, на другом плацдарме, в шести километрах к северу, находилась боевая группа «Раус» с 30 танками, которая, по идее, должна была прийти на помощь своим товарищам. Но сделать этого не смогла, поскольку у нее в тылу, на единственной дороге, ведущей в Расаейняй, материализовался танк КВ в количестве одной единицы. Почти двое суток группа «Раус», отрезанная от своих коммуникаций, билась с этим «ужасным монстром», используя танки, 50-мм пушки, зенитную артиллерию и даже саперную диверсионную группу, умудрившуюся ночью заминировать советский танк, пока, наконец, сумела одержать победу. Так вот, во все время этого беспримерного боя КВ вел активную стрельбу по всем целям, появлявшимся в поле зрения, но ни разу не сдвинулся с места, «он стоял на дороге совершенно неподвижно, представляя собой идеальную мишень». Что, в конце концов, позволило немцам скрытно вывести к нему в тыл 88-мм зенитку и расстрелять танк с дистанции 500 метров (причем из семи снарядов броню пробиты только два).

Вместо совершенствования трансмиссии на КВ наращивали бронирование. С началом войны толщину брони башни довели до 105 мм, машины более раннего выпуска усилили 25-мм экранами, которые крепились к корпусу и башне болтами. Танк стал нести минимум 100 мм брони, как лобовой, так и бортовой.

Никаких других явных преимуществ в сравнении с «тридцатьчетверкой» КВ-1 не имел. Вооружение его было таким же, а маневренность хуже, чем у Т-34. «Ворошилов» мог вдребезги разбить любую дорогу так, что колесная техника идти за ним уже не могла, и мало какой мост мог выдержать его вес. КВ-2 сняли с произ-

водства на второй день войны, поскольку «прорывать» ему было нечего, а для борьбы с бронетехникой его шестидюймовая гаубица совершенно не годилась.

Дело дошло до того, что в 1942 году, после катастрофических поражений Красной Армии под Харьковом и в Крыму, готовилось правительственное решение о прекращении выпуска тяжелых танков. Но вместо этого с конвейера начал сходить модернизированный КВ-1С. На нем часть недостатков была устранена, например, использована новая трансмиссия, разработанная Шамшуриным для 100-тонных танков. Однако на новой машине в погоне за маневренностью, по прямому указанию «Друга всех конструкторов», уменьшили толщину брони, и по своим боевым характеристикам «похудевший» на 5 тонн КВ еще больше приблизился к средним танкам. С появлением у немцев «Тигра» с 88-мм пушкой «Ворошилов» моментально и окончательно устарел. Противник мог безнаказанно поражать его на запредельных для советского танка дистанциях.

В 1941—1942 годах танков КВ сделали более 4000 единиц, так и не устранив полностью врожденные пороки. Неспроста в 1943 году на Курской дуге основной тяжелой машиной отдельных танковых полков Красной Армии был британский Mk IV «Черчилль».

Точно так же танк Т-34 сочетал в себе передовые решения в области вооружения и бронирования с архаичными или просто неудачными узлами и механизмами. В частности, он был единственным из новых танков, сохранившим пружинную подвеску Кристи, и заметно отставал от Германии и других стран в конструкции трансмиссии и механизмов поворота — на Западе такое уже «не носили». «Тридцатьчетверка» имела наиболее устаревшую коробку передач из всех на тот момент существовавших. На первых выпусках стояла четырехступенча-

тая КП, требовавшая перемещения шестерен относительно друг друга с зацеплением нужной пары шестерен ведущего и ведомого валов. Смена скоростей в такой коробке была непростым делом и требовала отменной выучки механика-водителя и немалой физической силы. К тому же трансмиссия располагалась в кормовой части танка, рядом с ведущими колесами. Такое решение, с одной стороны, позволило освободить боевое отделение от громоздкой коробки передач, карданного вала, бортовых механизмов и уменьшить высоту машины. С другой, опять-таки требовало приложения больших физических усилий к органам управления, соединявшимся с трансмиссией уходящими в силовое отделение металлическими тягами. В результате включить рычаг управления одной рукой было невозможно, приходилось помогать себе коленями или использовать помощь стрелка-радиста. Многие механики-водители пользовались киянкой, когда что-нибудь заклинивало.

Сама коробка передач была слаба и ненадежна и часто выходила из строя. При переключении зубцы шестерен ломались и выкрашивались. В 1942 году офицеры НИИБТ, обследовав отечественные, трофейные и лендлизовские танки, пришли к выводу: «Коробки перемены передач отечественных танков, особенно Т-34 и КВ, не удовлетворяют полностью требованиям, предъявляемым к современным боевым машинам, уступая коробкам перемены передач как танков союзников, так и танков противника, и отстали по крайней мере на несколько лет от развития техники танкостроения».

Башня Т-34 была узкой и тесной даже для двух человек. В бою командир, отдавая команды механику-водителю, куда направить или развернуть танк, давая указания заряжающему, какой снаряд послать в казенник, припадая к прицелу, чтобы навести орудие, вычислить

расстояние и нажать на спуск, одновременно уворачиваясь от откатывающегося назад орудийного ствола, почти не имел времени посмотреть, что делают другие танки, а тем более руководить действиями нескольких машин. И не только времени, но и возможности.

Во-первых, «тридцатьчетверка» не имела командирской башенки и, соответственно, кругового обзора. Во-вторых, те средства наблюдения, которые имелись, были весьма далеки от совершенства и по конструкции, и по качеству — на порядок хуже немецких. Общий обзор должен был обеспечивать панорамный перископ ПТ-6. Прибор представлял собой короб с установленными в нем под углами зеркалами из полированной стали; с превосходной цейссовской оптикой его даже невозможно сравнивать. Причем если первое время перископов в башне было два, то в дальнейшем в целях экономии решили оставить один — у командира танка.

У механика-водителя имелся свой прибор наблюдения: «Триплексы на люке механика-водителя были сделаны из отвратительного желтого или зеленого оргстекла, дававшего совершенно искаженную картинку. Разобрать что-либо через такой триплекс, особенно в прыгающем танке, было невозможно». Поэтому механики-водители даже в бою ездили с приоткрытым люком. Но командир танка не мог сделать даже этого. Башенный люк, общий для командира и заряжающего, был тяжел, неудобен и не откидывался вперед. В открытом состоянии он просто закрывал передний сектор обзора. Временами командиру танка не оставалось ничего другого, как управлять машиной, сидя верхом на крыше башни. Плохой обзор из танка облегчал жизнь немецкой пехоте, быстро вычислившей мертвые зоны «тридцатьчетверки» и применявшей для борьбы с ней ранцевые заряды и противотанковые мины.

Для сравнения, на «фашистском» Pz Kpfw IV приборов наблюдения было десять, если считать командирскую башенку с пятью перископами за один, причем немецкий стрелок-радист располагал оптическим прицелом с двукратным увеличением, откалиброванным для стрельбы на дистанции до 1200 метров, а наш имел «дырочку», через которую совмещал мушку, глаз и тулово врага (вообще принципиальным и неизменным требованием немецкого заказчика к инженерам было: «Танки должны обеспечивать хорошее наблюдение и быть удобными в управлении»).

Еще одной проблемой была повышенная загазованность боевого отделения в результате проникновения в танк пороховых газов после каждого выстрела из пушки. Для их удаления в передней части башни устанавливался электровентилятор, доставшийся в наследство от БТ с 45-мм орудием, маломощный и неэффективный. В бою нередко были случаи, когда заряжающий угорал до обморока. Настолько же плох был воздушный фильтр двигателя, который, в сущности, ничего не фильтровал, он даже чистый воздух пропускал с трудом, приводя к быстрому износу мотора.

Устанавливавшаяся на командирских Т-34 приемопередающая радиостанция 71-ТК-3 в движении обеспечивала связь на дистанции около 6—7 км, была неустойчива, сложна и часто выходила из строя. Для связи между членами экипажа внутри танка предназначалось переговорное устройство ТПУ-3, по воспоминаниям танкистов, просто бесполезное.

И уж конечно, наши танки не блистали «излишним комфортом».

Почти легендой стала пресловутая «несгораемость» Т-34 и КВ, поскольку на них, дескать, стояли дизельные двигатели. На самом деле танки с дизелями горели

ничуть не хуже машин с карбюраторными моторами. Конечно, поджечь солярку спичкой сложнее, чем бензин. Однако от попадания снаряда топливные баки детонируют одинаково, независимо от вида топлива, а на «тридцатьчетверке» они к тому же находились не в корме, а внутри боевого отделения. «Как свечи, — писал любимому Вождю политрук 161-й танковой бригады Л.И. Черненко, — горят наши могучие КВ и Т-34, и с ними гибнут кадры готовых на все танкистов».

Кстати, обследовав силовую установку германского «Тигра», инженеры полигона в Кубинке пришли к совсем парадоксальному выводу: «Применение немцами на новом танке карбюраторного двигателя, а не дизеля, может быть объяснено: ...весьма значительным в боевых условиях процентом пожаров танков с дизелем и отсутствием у них в этом отношении значительных преимуществ перед карбюраторными двигателями, особенно при грамотной конструкции последних и наличии надежных автоматических огнетушителей; коротким сроком работы танковых двигателей из-за крайне низкой живучести танков в боевых условиях, из-за чего стоимость бензина, сэкономленного в случае применения на танке дизеля, не успевает оправдать необходимого для дизеля повышенного расхода легированных сталей и высококвалифицированного труда, не менее дефицитных в военное время, чем жидкое топливо».

Таким образом, единственным относительным преимуществом использования в танке дизеля являлось удвоение запаса хода благодаря малому удельному расходу топлива и возможность работы на дешевых тяжелых сортах. Но это — только теоретически, поскольку сам дизель-мотор В-2 был еще далек от совершенства и не имел гарантированного моторесурса. Его, как многую другую новую технику, приняли на вооружение

«авансом». Но и в ноябре 1942 года на технической конференции, посвященной дизельным моторам, представители ГБТУ отмечали, что указанный в формуляре гарантийный срок в 150 часов не соответствует действительности, в реальной жизни он редко превышал 80—100 часов.

В первый период войны качество советских боевых машин только ухудшалось. Это было связано с эвакуацией многих заводов, снижением квалификации рабочей силы и ставкой на массовость производства ввиду огромных потерь в боевой технике. Танки выпускались без радиостанций, без башенных вентиляторов, с «паровозными» опорными катками — без резиновых бандажей. На них ставили дизель с чугунным картером вместо алюминиевого или вовсе — карбюраторный двигатель М-17.

Проблема качества — отдельная тема. Героические труженики тыла нередко спихивали армии откровенный брак, как в военное, так и в мирное время, а прикормленные представители приемки этот брак принимали и под резолюции митингов и клятвы в верности Родине и товарищу Сталину передавали в войска.

К примеру, в 1940 году разразился скандал, когда при обстреле германской «тройки» из родимой 45-мм пушки выяснилось, что штатный бронебойный снаряд БР-240 не пробивает 30-мм цементированную броню с дистанции 400 метров, а должен бы с дистанции вдвое большей. Проведенное расследование выявило, что термообработка снарядов образца 1938 года проводилась по сокращенной программе, чтобы, значит, выполнить и перевыполнить социалистические обязательства по валу. В результате снарядов Красной Армии дали много, но при столкновении с броней, имеющей поверхностную закалку, они просто раскалывались на

части. Позднее стали выпускать снаряды «нормального качества», но на войсковых складах соседствовали и те, и другие, не выбрасывать же народное добро. Во время войны массовое производство боеприпасов налаживалось на непрофильных гражданских предприятиях, кастрюльных и мебельных фабриках, со значительными отклонениями от технологии и с использованием эрзац-взрывчатки, например, мела, или вообще без оной — просто болванка. К концу 1941 года наша «сорокапятка» по бронепробиваемости «сравнилась» с немецкой 37-мм пушкой PaK 35/36, к тому же имевшей в боекомплекте подкалиберные снаряды с начальной скоростью более 1000 м/с.

Поэтому заявленные табличные тактико-технические характеристики советской техники, снятые с эталонных образцов, и реальные параметры серийных машин и другой амуниции — это «две большие разницы».

Строгость приемки снизилась, и нередко были случаи, когда прибывающая с заводов техника тут же отправлялась в ремонт или «доводилась» в частях.

«Было не до жиру, — вспоминал испытатель Л.И. Горлицкий. — Заказчик порой принимал танки, даже если они не ломались при пробеге вокруг завода и своим ходом въезжали на железнодорожные платформы, это чаще всего не мешало танку произвести одну-две атаки, а в тех условиях танк редко жил дольше... В войну средний танк или САУ жили на фронте от трех дней до недели, успевая за это время принять участие в двух-трех атаках и выстрелить из пушки в лучшем случае от половины до одного боекомплекта».

Вот исходя из такой статистики и делались танки — на 2—3 атаки, зато числом поболее. Такое под силу только стране с неисчерпаемыми ресурсами. Немецкого танка хватало в среднем на 11 атак.

Обратим внимание на разницу в подходах, которые закладывались задолго до войны. Постановление Комитета обороны с заданием на изготовление тяжелого танка нового типа вышло в августе 1938 года. В сентябре 1939-го правительству предъявили танк КВ, а в декабре, не проведя в полном объеме даже заводских испытаний, танк приняли на вооружение. И тут же потребовали от Кировского завода со второго полугодия 1940 года штамповать 12 дотов с колесами в день. О чем еще может болеть голова у директора Зальцмана? Еще интереснее было с принципиально новой моделью Т-34М: танка не было в помине, отдельные узлы и детали, изготовленные (и не изготовленные) разными заводами, не успели даже собрать в одну кучу, как 5 мая 1941 года последовало постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б): «Начать серийное производство улучшенных танков Т-34 на заводе № 183, **не ожидая результатов испытаний на гарантийный километраж**» и «обеспечить в 1941 году выпуск 500 штук улучшенных танков Т-34».

Германские фирмы начали конкретную разработку проектов основных боевых танков в 1934 году. У немцев были те же проблемы: кругом враги, отсутствие традиций танкостроения, нехватка кадров: «Потеря квалифицированных кадров и отсутствие необходимого оборудования явились причиной того, что наши пожелания в области танкостроения не могли быстро осуществляться. Особенно большие затруднения возникли при производстве специальной стали для танков, которая должна была обладать необходимой вязкостью; первые образцы стальных плит для танков ломались, как стекло. Много времени потребовалось также и на то, чтобы наладить производство радиоаппаратуры и оптики для танков». Поэтому опытные образцы вышли из цехов

лишь в 1936 году и больше года проходили испытания, прежде чем последовал заказ от военного ведомства.

Возьмем Pz III. Это о нем начальник АБТУ Федоренко докладывал Ворошилову: «Считаю, что немецкая армия в лице указанного танка имеет сегодня наиболее удачное сочетание подвижности, огневой мощи и броневой защиты, подкрепленных хорошим обзором с рабочих мест экипажа». Первая партия состояла из 15 единиц и не пошла в серийное производство ввиду недостаточного бронирования (14,5 мм) и дефектов подвески. Модификация «В» с принципиально новой ходовой частью и системой вентиляции, выпущенная в 1937 году, также состояла из 15 машин. Затем последовала третья серия из 15 танков с улучшенными механизмами поворота. В первой половине 1938 года фирма «Даймлер-Бенц» сделала 30 танков, защищенных 30-мм броней и с увеличенной емкостью топливных баков. И только в октябре 1938 года началось крупносерийное производство — 15 танков в месяц — моделей Pz Rpfw III. Aust. E и F, продолжавшееся (именно с таким темпом) до июля 1940 года.

Pz IV прошел аналогичный путь в войска. В апреле 1942-го, получив на вооружение 75-мм длинноствольное орудие, «четверка» превзошла советский Т-34-76 практически по всем параметрам и полтора года занимала первое место среди средних танков.

Разработкой тяжелых машин инженеры Третьего рейха занялись в 1937 году, но принять на вооружение всем известный «Тигр» предполагалось в 1942 году, в рамках запланированного перевооружения Вермахта (из этого, кстати, можно сделать вывод, что Гитлер нападать на СССР не собирался и хотел «оттянуть войну» до 1942 года. Хотя каждому понятно: воевать начинают не тогда, когда закончится очередное перевооружение армии, а

когда очень хочется и созданы необходимые политические и экономические предпосылки).

Качество советской бронетанковой техники заметно улучшилось лишь к началу 1943 года, когда был решен «количественный вопрос». Только к 1944 году, получив 85-мм пушку, командирскую башню, пятискоростную коробку передач, новые приборы наблюдения, радиостанцию и пятого члена экипажа, «тридцатьчетверка» стала полноценным средним танком. Это была совершенно другая машина, а на поле боя к этому времени у нее появились достойные противники.

И все равно совершенно избавиться от «родимых пятен» сталинского социализма было невозможно в принципе. В мае 1945 года победоносная Красная Армия закончила войну с Германией, имея в строю свыше 35 тысяч танков и самоходных установок. Все они мгновенно оказались непригодны к эксплуатации в мирное время, когда жизнь машины измеряется не днями, а годами. Послевоенное десятилетие и немыслимые средства были истрачены на программу «устранения конструктивных недостатков» с единственной целью — добиться, чтобы танк ездил хотя бы пять лет.

Все это время «панцеры» нормально эксплуатировались, состоя на вооружении армий Чехословакии, Турции, Франции, Испании, Финляндии, Болгарии и Сирии. Последние «четверки» принимали активное участие в арабо-израильских войнах вплоть до 1967 года.

Конечно, оценивая возможности противоборствующих сторон, нельзя все расчеты сводить к количеству одного вида техники и тупо сравнивать толщину брони и величину калибра орудий. Французская армия тоже имела над Вермахтом превосходство в танках и линию Мажино в придачу, а кампанию 1940 года проиграла вчистую. Воюют не танки, воюют люди. Немцы победи-

ли не качеством и количеством, а тактикой и организацией. Как писал Г. Гудериан: «Теоретически мы поставили перед собой цель — сравняться в области вооруженных сил с нашими хорошо вооруженными соседями. Практически же, особенно в отношении бронетанковых войск, мы не могли даже и думать о том, чтобы в ближайшее время иметь такое вооружение, которое хотя бы приблизительно равнялось по количеству и качеству вооружению соседних государств. Поэтому мы прежде всего пытались сравняться с ними в отношении организационной структуры бронетанковых войск и управлении ими».

Главная деталь любого оружия — голова его владельца, мало иметь в шкафу «дуру» 45-го калибра, необходимо уметь ею пользоваться. Но все же не стоило нашим маршалам, в частности П.А. Ротмистрову, сочинять сказки о том, что «танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев».

Сразу по окончании Первой мировой войны военные теоретики всех стран приступили к обобщению ее опыта с тем, чтобы определить направление строительства вооруженных сил, характер будущей войны и роль в ней различных родов войск. Сильнейший толчок развитию военной мысли дало появление на поле боя авиации, химического оружия и бронетанковой техники. Энтузиасты новых видов вооружения именно им отдавали пальму первенства в грядущих сражениях. Так, итальянский генерал Дуэ горячо полюбил тяжелые бомбардировщики, а Фрайс предпочитал ядовитые газы.

Бывший начальник штаба английского танкового корпуса генерал Дж. Фуллер в 1922 году опубликовал книгу «Танки в великой войне 1914—1918 гг.», в которой доказывал, что войну Антанте удалось выиграть исклю-

чительно благодаря танкам. Будущая война, по его мнению, однозначно будет войной механизированной. Она потребует мало людей и много новейшей боевой техники. Строительство армии должно идти «по пути увеличения подвижности, ибо подвижность важнее численности». В связи с этим особую важность приобретает повышение индивидуальной мощи отдельного бойца.

В Рейхсвере главным приверженцем идеи механизированной войны стал Гейнц Гудериан. Свои размышления он подытожил выводом: «Из всех наземных средств танк обладает наибольшей решающей силой». То есть той силой, которая «позволит солдату в бою доставить свое оружие как можно ближе к врагу, чтобы уничтожить его». В 1929 году Гудериан пришел к выводу, что «танки могут быть использованы наиболее эффективно лишь тогда, когда всем остальным родам войск, поддерживающим танки, будет придана такая же скорость и проходимость. Танки должны играть ведущую роль в соединениях, состоящих из различных родов войск; все остальные рода войск обязаны действовать в интересах танков. Поэтому необходимо не танки придавать пехотным дивизиям, а создавать танковые дивизии, в состав которых должны входить различные рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков... Было ясно, что эффективность действия дивизии в значительной степени зависит от того, как будут двигаться мотопехотные части, артиллерия, а также другие части и подразделения дивизии. Были необходимы полугусеничные легкобронированные машины для перевозки мотопехотных и саперных подразделений и подразделений санитарной службы, самоходные установки для артиллерийских и противотанковых дивизионов, а также танки различных конструкций для разведывательных батальонов и батальонов связи».

«Быстроходный Гейнц» не был абстрактным кабинетным теоретиком. Создатель «панцерваффе» в свои 40 лет имел богатый и разнообразный опыт: служил в пехоте, в частях связи (и понимал огромные возможности радио в военном деле), прошел школу работы в штабах различного уровня, занимался вопросами организации автомобильных перевозок и организации тыла, разрабатывал и преподавал тактику применения танков и неумолимо обкатывал новые идеи на полигоне, даже если бронетехнику заменяли обшитые фанерой тракторы, а мотопехоту несколько солдат с плакатами «Я — взвод» на груди, лично изучал устройство боевых машин и сам учился водить танк. Гудериан реально представлял, что он хочет построить и как это должно работать.

Тогда идеи пылкого полковника высокопоставленным генералам рейхсвера, большинство из которых никогда не видело «живого танка», казались утопичными и не учитывающими реальное политическое и экономическое положение Германии. Но через четыре года к власти пришли национал-социалисты. Гитлер полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне моторизация «будет преобладать и сыграет решающую роль». В начале 1934 года Гудериан смог продемонстрировать фюреру действия подразделений мотомеханизированных войск. Как представлялось генералу, типичному танковому удару будут предшествовать разведывательные роты на мотоциклах или бронемашинах, нащупывающие слабые места во вражеской обороне и сообщающие сведения по радио на командный пункт для координации всего наступления. Затем танки атакуют слабые участки с целью прорыва. Как только они проникнут за полосу обороны противника, то не станут укреплять свои позиции или дожидаться отхода неприятеля, а будут продолжать движение, глубоко врезаясь на террито-

рию врага, чтобы нанести удар по пунктам командования, связи и снабжения. Противотанковые орудия будут следовать за танками для оказания помощи в борьбе с бронечастями противника и закреплять захваченные позиции, а пехота будет следовать на грузовиках для прикрытия флангов, пока танки будут продвигаться дальше.

Гудериан предлагал иметь два типа боевых машин: основной, сравнительно легкой и подвижной, с противотанковой пушкой, и средний — с короткоствольным орудием для непосредственной артиллерийской поддержки основных танков. Главное оружие бронетанковых войск — сочетание огня и маневра, так как «только маневр обеспечивает полное использование огня для уничтожения противника» (танки «блицкрига» изначально не предназначались для борьбы с бронетехникой противника, и внезапное появление на поле боя «тридцатьчетверок» для танкистов панцерваффе было проблемой второго плана, потому и писал генерал Меллентин о «трагедии немецкой пехоты»).

Хотя показ был несовершенным и участвовали в нем всего пять взводов, Гитлер все понял. Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и стратегию сокрушения. При этом рейхсканцлер понимал опасность для Германии войны на два фронта. Значит, необходимо было разбивать своих противников поочередно, в кратчайший срок при минимальном материальном ущербе, с тем чтобы внезапными мощными ударами сломить их волю к сопротивлению. Экономические возможности Германии просто не позволили бы ей вести продолжительную войну с великими державами.

Выходом из этой ситуации могла стать стратегия «молниеносной войны», которая должна была обеспечить разгром любого противника до того, как он будет

способен в полной мере развернуть свой военно-экономический потенциал. В июне 1934 г. были официально образованы танковые войска, возглавляемые генералом Освальдом фон Луцем и Гудерианом в качестве начальника штаба этих войск.

Официальной военной доктриной Германии стала доктрина «тотальной и молниеносной войны». При этом вступление страны в войну должно с первой минуты носить характер внезапного оглушающего удара по врагу со всей доступной мощью: «Стратегия завтрашнего дня должна стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону».

В Берлине сделали ставку на максимально эффективное использование наличных экономических возможностей для подготовки вооруженных сил к отдельным молниеносным кампаниям, паузы между которыми позволяли накопить новые резервы для следующего удара. Решительной цели планировалось достигнуть, окружив и уничтожив врага с помощью танковых клиньев и клещей.

Авиации ставились задачи завоевать господство в воздухе в первые же дни войны, разрушить железнодорожные узлы, полностью изолировать район решающих боевых действий от тыла противника, оказать непосредственную поддержку своим войскам на поле боя. Для полного уничтожения врага и более высоких темпов наступления подготавливались воздушно-десантные и моторизованные войска.

Принципы подготовки и проведения операций сводились к следующему: массирование сухопутных сил, в первую очередь танковых и моторизованных соедине-

ний, а также авиации, на направлении главного удара с целью быстрого прорыва оборонительных линий противника и стремительного продвижения в глубь его территории, нарушение связи и взаимодействия, захват коммуникаций и стратегических пунктов, охват, окружение и уничтожение крупных группировок. В конечном счете имелось в виду достигнуть полного разгрома вооруженных сил противника в самом начале войны. Все другие стратегические, политические и экономические задачи решались сообразно с ходом таких действий.

Основная особенность тактики наступательного боя заключалась в стремлении к одновременному подавлению силами авиации и танков тактической зоны вражеской обороны. Отдельные танковые бригады войскового усиления и пехотные дивизии предназначались для прорыва тактической глубины обороны противника. Одновременно авиация должна была подавлять артиллерийские позиции и ближние резервы врага. После прорыва планировался ввод в сражение танковых групп в составе танковых дивизий и корпусов, а также моторизованных дивизий для разгрома подходящих резервов противника в оперативной глубине.

Таким образом, отдельные танковые бригады совместно с пехотными дивизиями использовались для решения тактических задач, а танковые дивизии и корпуса — для развития тактического успеха в оперативный.

Принципы «молниеносной войны» легли в основу всех стратегических планов германской агрессии.

На русской почве идеи маневренной войны с широкой моторизацией на земле и в воздухе были восприняты с пониманием и одобрением.

Но какие могут быть «малые армии», когда для ми-

ровой революции нужна мировая война! Из этого и исходили разработчики советской военной теории, взяв за основу положения марксизма-ленинизма. Советская стратегия изначально ориентировалась на то, что новая война будет носить глобальный характер; при этом, «учитывая существование двух социально противоположных систем, грядущая мировая война рассматривалась прежде всего как война коалиции капиталистических стран против Советского Союза».

«Красная Армия, — говорится в резолюциях Коминтерна, — главное оружие рабочего класса, должна быть подготовлена так, чтобы выполнить свою наступательную миссию на любом участке фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света». Поэтому боевые действия потребуют участия массовых армий, напряжения всех экономических сил и будут носить тотальный характер.

Большевики с момента прихода к власти в России стремились распространить эту власть на весь шар земной, ибо «окончательно коммунизм может победить только в мировом масштабе»; то есть готовились к войнам завоевательным — захвату территорий соседних государств с последующей их колонизацией, виноват, советизацией и освобождением «труда» от «капитала». Официально было провозглашено и многократно повторено, что будущая война будет вестись не ради заключения выгодного мира путем разгрома вооруженных сил противника, а за присоединение новых земель и населения к «братской семье» советских народов. «Ведь каждая занятая нами территория, — писал наркомвоенмор М.В. Фрунзе, — является после занятия уже советской территорией, где будет осуществляться власть рабочих и крестьян... мы тоже будем расширять-

ся в социалистическую коалицию, когда будут вспыхивать новые социалистические революции или когда нам придется занимать тот или иной район, находящийся под владичеством капитала».

Понятно, Кремль не собирался объявлять войну сразу всему миру, разве что в случае всеобщего выступления «мирового пролетариата», но на это надежды было мало. «Вероятнее всего, — прогнозировал И.В. Сталин, — что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения новых стран от системы империалистических государств». Для содействия этому «революционному отпадению» были приняты на вооружение наступательная, «активная в самой высокой степени», военная доктрина и стратегия молниеносного «сокрушения» каждого отдельного противника рядом последовательных «уничтожающих операций».

Как писал в 1929 году В.К. Триандафилов — начальник Оперативного управления Штаба РККА и один из создателей теории «глубокой наступательной операции»:

«Глубокие и сокрушительные удары могут вывести из игры довольно быстро целые государственные организмы. По отношению к большим государствам эти удары могут привести к разгрому их вооруженных сил по частям, крупными пачками. Удары эти являются наиболее верным средством для быстрого истощения людских и материальных ресурсов противника, для создания объективно благоприятных условий для социально-политических потрясений в неприятельской стране... Глубокие и сокрушительные удары остаются одним из самых верных средств для превращения войны в войну гражданскую. Государства-лилипуты могут быть раздавлены одним ударом. Вот почему современное оперативное искусство не может отказаться от глу-

боких ударов на сокрушение. Правильная и мудрая политика в строительстве вооруженных сил должна обеспечить благоприятные условия для ведения войны этим методом».

Наиболее эффективным способом ведения наступательных действий советская военная мысль признала нанесение противнику ударов огромной пробивной силы по всей глубине его порядков. Нанесение таких ударов требовало применения на избранном направлении «всесокрушающего тарана» — глубокоэшелонированной массы пехоты, танков, артиллерии, поддержанных авиацией, с одновременной «авиамотомехборьбой» в тылах противника и с применением химического оружия.

Проведение операции сводилось к тому, чтобы решить две основные задачи: во-первых, взломать фронт обороны противника одновременным ударом танков, артиллерии, пехоты и авиации на всю ее тактическую глубину; во-вторых, развить тактический успех, достигнутый при прорыве обороны, в оперативный немедленным вводом эшелона подвижных войск при изоляции авиацией района прорыва от подхода резервов противника.

Для осуществления прорыва предполагалось сосредоточить на направлении главного удара превосходящие силы и средства пехоты и поддержать их массированным воздействием артиллерии, танков и авиации. Основной задачей эшелона атаки являлся прорыв обороны противника. Для развития успеха предназначалась подвижная конно-механизированная группа фронта.

Военно-воздушные силы и воздушно-десантные войска намечалось использовать для непосредственного содействия сухопутным войскам при прорыве и для борьбы с подходящими резервами противника. Одновремен-

ного подавления всей глубины вражеской обороны предполагалось достигать непрерывными авиаударами по тылам, решительным продвижением танков дальнего действия, безостановочным продвижением пехоты с танками непосредственной поддержки, а также стремительными действиями механизированных и кавалерийских соединений.

Как видим, действиям танков на всех этапах придавалось особое значение. Они должны были не только сопровождать пехоту, помогая взломать вражескую оборону, но и, как указывал А.Е. Громыченко в своих «Очерках тактики танковых частей»:

«Быстро и дерзко проникая в глубину походных порядков противника, танки попутно (не ввязываясь в длительный бой) сбивают разведывательные и охраняющие органы противника, опрокидывают успевшие развернуться на огневых позициях батареи, вносят в ряды развертывающегося противника общее расстройство, сеют панику и срывают организацию и управление развертывающимися для боя войсками... Глубокая атака танков ведется со всей возможной стремительностью». На первое место при этом ставится «необходимость глубоких действий танков через все расположение **развертывающегося** противника, чтобы парализовать его попытки к наступлению, вырвать инициативу и не допустить организованного развертывания его главных сил»

Из этой цитаты, между прочим, следует, что удар следует наносить внезапно по неразвернувшемуся противнику, так сказать, «вероломно» и без объявления войны. Еще один теоретик, В.П. Крыжановский, рассматривая «типичные случаи» применения танковых войск, первым пунктом поставил: «Набег с объявлением мобилизации противником на его территорию с захватом важ-

нейших приграничных железнодорожных узлов и разрушением мостов с целью сорвать или замедлить сосредоточение и развертывание армии противника. Благодаря внезапности появления соединения здесь следует ожидать (даже в худшем случае) только недостаточно организованные, примитивные препятствия». Начальник советских ВВС Яков Алкснис прямо указывал, что «весьма выгодным представляется проявить инициативу и первому напасть на врага. Проявивший инициативу нападением воздушного флота на аэродромы и ангары своего врага может потом рассчитывать на господство в воздухе».

Вполне закономерно, что едва в СССР наладили танковое производство, как военные теоретики поставили практический вопрос о необходимости создания механизированных соединений. «Боевые свойства танков должны быть использованы в полной мере, — напомнил инспектор броневых сил Республики К.Б. Калиновский, — и осуществить это возможно только в составе самостоятельного механизированного соединения, все части которого обладали бы приблизительно одинаковой подвижностью. Поэтому, не отказываясь от применения танковых систем в составе других родов войск, необходимо создавать специальные механизированные соединения».

В теоретической дискуссии вырабатывались принципы использования мехсоединений и их организационные формы: танки необходимо применять массированно и внезапно в тесном взаимодействии со всеми родами войск; основные задачи механизированных соединений — развитие успеха после прорыва фронта противника, его преследование, борьба с подходящими оперативными резервами. Главный принцип — стремительное «движение и огонь», атака укрепленных полос

допускается лишь в исключительных случаях. Поскольку танковые части сами по себе не способны длительное время вести самостоятельные действия и удерживать занимаемые рубежи, они должны входить в состав более крупных «мотомеханизированных соединений»:

«Мотомеханизированные соединения (ММС) возникают вследствие того, что механизированные соединения не обладают достаточной силой для удержания захваченного, а моторизованные не имеют достаточной силы проникновения... Основная особенность использования ММС — **взаимодействие моторизованных и механизированных войск...**

ММС должны иметь в своем составе механизированные (*танковые*) и моторизованные (*мотострелковые*) части различных родов войск в надлежащей пропорции, по возможности одинаково быстроходных. В их составе должны быть машины повышенной проходимости, желательно с легкой броней для разведки пути и регулирования движения».

Хотя танки являются «прорывным ядром», успех всегда закрепляет пехота. Поэтому В.П. Крыжановский в 1931 году вполне резонно указывал: «Основным ядром мотомеханизированного соединения должна быть способная стремительно продвигаться на автомашинах на марше, драться в лесу, форсировать водные преграды и закреплять пространство пехота, усиленная артиллерией, танкетками, быстроходными танками и бронемашинами. Кроме того, мотомехсоединение должно быть обеспечено: химиками, саперами, понтонными частями, прожекторными частями, частями связи, частями ПВО, разведывательной авиацией, истребительной авиацией и поддерживаемой штурмовой и легкобомбардировочной авиацией». Крыжановский предлагал формировать самостоятельные мотомеханизированные дивизии, в со-

став которых должны были входить: ударный танковый полк, артиллерийский полк, два полка мотопехоты, оснащенных легкими танками и бронемашинами, инженерный батальон, авиагруппа, рота связи, «автообоз».

Особое внимание обращалось на обеспечение управляемости ММС, «неуязвимости с воздуха», взаимодействие ее составных элементов, налаживание «непрерывной работы тыла танковых частей на ходу и наиболее быстрое возвращение в строй восстановленных танков», ибо «от быстроты работы танковых тылов зависит быстрота развития успеха».

В целом глубокая операция рассматривалась как «многоярусное сражение», требующее от военачальника высокого оперативного искусства, способности быстро принимать адекватные меняющейся обстановке решения и доводить их войскам.

«Шаг за шагом, — наставлял начальник кафедры оперативного искусства Г.С. Иссерсон, — регулируя и направляя действия из глубины, современному командарму придется непрерывно и действенно управлять ходом событий. Каждый отказ его от активного участия в этом управлении будет означать шаг к оперативному хаосу... Многообразные данные непосредственной обстановки, освещающей операцию в двух измерениях — по фронту и в глубину, потребуют высокого уровня оперативного искусства и оперативной культуры, чтобы на основании анализа, сочетания и расчета всех данных можно было прийти к синтезу обоснованного решения... Так современный полководец вновь появится на «Праценских высотах» и, окруженный аппаратами радиосвязи и телевидения, имея всегда в своем распоряжении самолет, будет знаком руки руководить операцией глубокого прорыва. Мощный штаб — организатор и технический исполнитель решений — будет предос-

тавлен к его услугам. Другая субординированная часть штаба будет расположена позади, управляя и регулируя передвижениями частей глубокого оперативного построения. Наконец, третья тыловая часть его расположится еще дальше в глубину, примерно на линии железнодорожного базирования, и будет управлять всем сложным механизмом питания и обеспечения глубокой операции».

Можно смело сказать, что теория у нас была самая передовая, во всяком случае, не хуже, чем у Гудериана. Правда, не так гладко получалось на практике: красным командирам никак не удавалось освоить положения собственных боевых уставов, бойцам — собственную технику.

Летом 1929 года по инициативе К.Б. Калиновского был сформирован опытный механизированный полк, включавший батальон танков МС-1, автобронедивизион, оснащенный БА-27, мотострелковый батальон и авиаотряд. На базе этого полка в мае 1930 года развернули 1-ю отдельную механизированную бригаду в составе танкового и механизированного полков, разведывательного и артиллерийского дивизионов, а также ряда специальных подразделений. Бригада, командиром и комиссаром которой назначили Н. Судакова, имела на вооружении 60 танков, 32 танкетки, 17 бронемашин, 264 автомобиля и 12 тракторов.

Осенью 1932 года на базе 11-й Краснознаменной стрелковой дивизии в Ленинградском военном округе был сформирован 11-й механизированный корпус, а на базе 45-й Волынской Краснознаменной стрелковой дивизии на Украине — 45-й мехкорпус. В состав каждого корпуса входила мехбригада с танками Т-26 (три танковых батальона, стрелково-пулеметный батальон, артди-

визион, саперный батальон, зенитно-пулеметная рота), бригада такого же состава, но вооруженная танками БТ, стрелковая бригада, корпусные части: батальон связи, разведывательный, химический, саперный батальоны, артиллерийский дивизион. Всего мехкорпус имел около 500 танков, свыше 200 бронеавтомобилей, 60 орудий и другое вооружение.

Тогда же началось формирование других бронетанковых частей. В результате численность личного состава автобронетанковых войск к январю 1933 года по сравнению с 1931 годом увеличилась в 5,5 раза, а их удельный вес в армии вырос с 1,6 до 9,1 процента. Общая численность вооруженных сил достигла 800 тысяч человек.

В 1934 году были сформированы еще два механизированных корпуса: 7-й в Ленинградском ВО взамен переброшенного на Дальний Восток 11-го, и 5-й — в Московском военном округе.

Первые же учения показали, что мехсоединения громоздки, трудноуправляемы, а их материальная часть непрерывно выходит из строя как по причине недостаточной надежности — ломались двигатели, разрушались траки гусениц, так и вследствие безграмотной эксплуатации и низкого уровня технической подготовки личного состава. Чего стоят одни только соревнования по прыжкам через препятствия на быстроходных танках: на что еще сгодится 12-тонная машина после 20—40-метрового полета с «возвращением на родную землю»?

При этом в армию совершенно не поставлялись запасные части: заводы, выполняя планы, встречные и поперечные обязательства, лихорадочно собирали танки, положив начало стойкой традиции социалистической системы хозяйствования — надрывая пупок, неуклонно наращивать производство продукции, чтобы потом в кратчайшие сроки, не имея запчастей, складов, систем

базирования, ее сгноить, неважно что, картошку ли, авианосец или те бессчетные тонны боеприпасов, что до сих пор, на всех широтах — от сопок Заполярья до степей Украины — десятки лет лежат под открытым небом и взлетают на воздух с удручающей регулярностью.

«Выполнить заказ на танк, трактор, автомобиль, самолет и прочее все стараются, — сокрушался нарком обороны К.Е. Ворошилов. — За невыполнение этих заказов греют (*нарком изъясняется на казарменном жаргоне: «греть» — означает «наказывать»*), за выполнение хвалят. А запасные части, которые также должны быть поданы промышленностью, — это в последнюю очередь». Если образцы бронетехники снимались с производства, немедленно прекращался выпуск запчастей к ним.

В первой половине 1933 года промышленность поставила армии 80 штук запасных траков. Отсутствие запчастей вызвало к жизни специальный приказ начальника УММ: «В целях сбережения моторных ресурсов танков БТ 50% машин в войсках держать в неприкосновенном запасе, 25% эксплуатировать на половину их возможностей и 25% — эксплуатировать полностью».

15 февраля 1935 года последовал приказ наркома обороны № 25, согласно которому от 50 до 80 процентов танков в частях хранились на консервации, чтобы сберечь ресурс двигателя. Это тоже очень по-нашему: изготовить горы оружия и не давать его в руки тех, кто должен будет идти с ним в бой. Во-первых — экономия «народных денег»: «Вам гранату метнуть, а для государства это в корову обойдется»; во-вторых — еще сломают чего-нибудь. Поэтому на полевых занятиях большинство экипажей ходили в «танковую атаку» пешком. Если все-таки допускали танкистов к машине, то водить ее учили только по прямой, стрелять — с ровных площадок, по неподвижным и выкрашенным для заметности

в черный цвет мишеням. Для показушных мероприятий и проверок натаскивали отдельные подразделения и самых толковых механиков-водителей и сажали их в танки, если случались учения или «внезапные» тревоги.

Регулярной боевой подготовки в Красной Армии не было никогда, во всяком случае, в мирное время. Армия все время что-нибудь строила, заготавливала, сеяла и убирала, оказывала помощь народному хозяйству, обзаводилась собственными свинарниками, коровниками и сенокосами. Расходы на боевую подготовку в смете Наркомата обороны составляли 0,34—0,41 процента, почти в два раза меньше, чем на проведение политических и культурных мероприятий, ведь «моральные силы Красной Армии являются решающим средством в деле организации современного боя». Еще меньше — 0,2—0,28 процента — расходовалось на военное образование.

В первой половине 30-х годов РККА представляла собой нечто среднее между колхозом и лагерной зоной. На военную службу призывались малограмотные, прошедшие «школу коллективизации», крепостные крестьяне, получали они драное обмундирование, называемое формой, лопату или вилы и занимались привычным с детства делом. Наместник на Дальнем Востоке В.К. Блюхер вообще треть своей армии — 60 тысяч человек — определил в Особый колхозный корпус, призванный, по замыслу полководца-председателя, «освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население и армию продовольствием». Вместо бойцов у Василия Константиновича были пейзажи — пастушки, скотники и косари, кстати, их и учить ничему не нужно. Содержались «колхозоармейцы» нередко в самых скотских условиях. Новые воинские части росли как грибы и буквально на ровном месте: эшелон с

людьми опорожнялся на каком-нибудь полустанке, хорошо, если в тайге — можно заготавливать дрова и стройматериалы, и получал приказ: «Обживайтесь». Целые полки и бригады, от Ленинграда до степей Забайкалья, летом и зимой размещались в палатках, землянках и «лисыих норах».

«Пришлось принять полк, — вспоминает молодость генерал И.М. Чистяков (275-й полк 92-й стрелковой дивизии), — на голом месте строить временное жилье, столовую и конюшни. Красноармейцы рыли землянки, ставили навесы. Натаскали камней, сделали казарму на пятьсот человек... Питание у нас было неважное, но очень спасала рыба». Вопрос: чем эта воинская часть отличается от спецпоселения? Только тем, что сами себя охраняют? Вермахт с приходом к власти Гитлера тоже развивался довольно бурно, но танкистов-«сусликов» у них точно не было, как и в любой цивилизованной стране.

Крайне низок был уровень общего образования «красных командиров». Так, в 1929 году у 81,6 процента принятых в военные школы сухопутных войск имелось лишь начальное образование либо не было никакого, зато все — исключительно «с пролетарским происхождением». В январе 1932 года начальное образование было у 79,1 процента курсантов, в январе 1936-го — 68,5 процента, а в бронетанковых школах — у 85 процентов. Сделать из них знающих свое дело командиров, с хорошим общим развитием и широким кругозором, было в принципе невозможно.

Вот портрет курсанта Объединенной Белорусской военной школы «образца 1932 года»: «резко бросается в глаза слабая строевая выправка», обмундирование «почти все лето не стиралось» и «дошло до цвета нефти». Завидев командира с ромбами в петлицах, «курсан-

ты-дневальные мялись, один почесывал щеку и вертел головой, не зная, что делать: встать или сидеть».

Но и таких «специалистов» не хватало. В начале 1935 года 37—39 процентов комсостава военного образования не имели вообще. В связи с нехваткой командиров лейтенантские «кубари» массово присваивали младшему комсоставу, порой просто неграмотному. В Харьковском военном округе такими выдвигенцами были почти все командиры взводов и три четверти командиров рот. В «блюхеровской губернии» осенью 1936 года были «целые группы лейтенантов и старших лейтенантов», понятия не имевших, какой процент от 200 составит 6, и штабисты, не знавшие простых дробей. Интересно, кто-нибудь из них читал гордость советской военной мысли — «Временную инструкцию по организации глубокого боя»? Способен был сам командарм организовать «глубокое, многоактное, многоярусное сражение»? Ну-ка, попробуем представить полководца Блюхера на «Праценских высотах», окруженного «аппаратами радиосвязи и телевидения» и «мощным штабом» с «субординированной частью», синтезирующего «обоснованные решения».

Выпускники военных училищ, в которых, за ненадобностью и по причине неусвояемости обучаемым контингентом, из программы были выброшены предметы, в царской армии считавшиеся необходимыми и обязательными (была такая целевая установка: если пролетарский кадр не усваивает предмет, тем хуже для предмета), не умели читать карту, пользоваться компасом, не приобретали командирских навыков, не владели методическими приемами работы с младшими командирами, а те, в свою очередь, не могли командовать отделением, орудием или танком, подчас просто подать правильную команду. Институт сержантов (унтер-офи-

церов), занимавшихся индивидуальной подготовкой бойцов, в Красной Армии был угроблен сразу, надежно и навсегда, как ни пытались его реанимировать.

Как резонно заметил продубленный вояка С.М. Буденный, боевой унтер старой закалки: «Мы подчас витаем в очень больших оперативно-стратегических масштабах, а чем мы будем оперировать, если рота не годится, взвод не годится, отделение не годится».

Один из ударников Дальстроя сформулировал: «Три заповеди, которые надо знать человеку в лагере, — мат, блат и туфта».

Именно так. В Красной Армии процветали мат, пьянство, отсутствие дисциплины, элементарное раздолбайство и очковтирательство: «...бичом РККА накануне 1937 года была низкая требовательность командиров всех степеней и обусловленные ею многочисленные упрощения и условности в боевой подготовке войск. Бойцам позволяли не маскироваться на огневом рубеже, не окапываться при задержке наступления; от пулеметчиков не требовалось самостоятельно выбирать перед стрельбой позицию для пулемета, связиста не тренировали в беге и переползании с телефонным аппаратом и катушкой связи за спиной... В 52-м артиллерийском артполку БВО в декабре 1936 года даже устройство винтовки изучали без самой винтовки, подготовку телефона к выходу в поле — без самого телефона... Неприглядно смотрелся и младший командир РККА. Неподтянутый, небритый, часто в рваной гимнастерке, а то и без знаков различия, он в принципе не мог быть требовательным, не мог отрабатывать с бойцами все детали их подготовки. С таким командиром можно было пререкаться, его можно было величать «балдой» и крыть матом... Процветало и прямое очковтирательство, когда скрывались факты аварий, «округлялись» и завышались результаты

стрельб, а совершенно не умеющие стрелять бойцы объявлялись в рапортах стахановцами».

«Если грянут события на Дальнем Востоке, — клялся с трибуны маршал В.К. Блюхер, — то особая Дальневосточная Красная Армия, от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции, под непосредственным руководством любимого вождя Рабоче-Крестьянской Красной Армии и флота — товарища Ворошилова, центрального комитета партии, великого вождя нашей партии, товарища Сталина, ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма!»

И это понятно любому «забайкальскому комсомольцу»: «Без туфты не обойдешься — тогда у тебя харч будет весомее».

Положения теории глубокой операции проверялись на маневрах Киевского военного округа в 1935 году (участвовало 75 тысяч человек, 800 танков, 500 самолетов), Белорусского (85 тысяч человек, 1136 танков, 638 самолетов), Московского, Одесского и других округов 1936 года. В ходе учений, на которые съехались самые видные советские полководцы и иностранные военные делегации, отрабатывались: прорыв укрепленной оборонительной полосы пехотой, усиленной танковыми батальонами и артиллерией РКК, ввод в прорыв группы развития успеха, маневр механизированного корпуса и кавалерии с целью окружения и уничтожения противника, действия штурмовой авиации по боевым порядкам, применение авиадесантов; «маневры со всей убедительностью доказали огромную сокрушительную силу и исключительные маневренные возможности механизированных и танковых соединений», а также «высокую боевую мощь Красной Армии, хорошую выучку красноармейцев и навыки командного состава», войска

«округов с честью выдержали экзамен на зрелость». Мероприятия завершились речами, парадами и банкетами.

Настоящие результаты подвели в узком кругу. Эскадрильи бомбардировщиков и штурмовиков, которые должны были расчистить путь наступающим танкам, сделать этого, по существу, не смогли. Их взаимодействие с механизированными соединениями «не удавалось», «терялось совершенно» или «осуществлялось эпизодически», ввиду неумения организовать устойчивую связь. Танкисты Якира и Уборевича наступали вслепую, их разведка, по оценке начальника Управления боевой подготовки командарма 2-го ранга А.И. Седякина, «была недееспособна». В результате 15-я и 17-я бригады КВО неоднократно наносили удар «по пустому месту». 5-я и 21-я мехбригады не смогли обнаружить засады. В БВО машины 1-й танковой бригады «внезапно» для себя очутились перед полосой танковых ловушек и надолбов и вынуждены были резко отвернуть в сторону — в болото, где и застряли. Командиры танков не умели вести наблюдение в бою, механики-водители — выдерживать заданное направление, ввиду чего боевые порядки атакующих частей «быстро расстраивались». Командиры взводов, рот и батальонов не освоили радиосвязь, не умели наладить управление своими подразделениями. «Вопрос взаимодействия артиллерии с пехотой и танками» оказался недостижимым «высшим пилотажем» даже в учебных условиях.

Все взаимодействие и управление на поле боя стояло в громкой команде «Вперед», повторяемой «всеми, от командира батальона до командира отделения».

По итогам учений МВО маршал М.Н. Тухачевский отмечал, что ни выучка войск, ни работа штабов, ни взаимодействие войск не находились на должной высо-

те: «Мехкорпус прорывал с фронта оборонительные полосы противника без артподдержки. Потери должны были быть огромны... Действия мехкорпуса вялы, управление плохое... Действия мехкорпуса не поддерживались авиацией... Авиация работала недостаточно целеустремленно... Плохо работала связь... Работа штабов, в частности разведка, очень слаба во всех частях». Французский военный атташе оценивал наши маневры как организованные в пропагандистских целях и изобилующие тактическими ошибками шоу.

«Несколько позднее, — сообщает маршал М.В. Захаров, — по действиям войск на маневрах были сделаны теоретические и практические выводы, сыгравшие большую роль в последующем развитии наших вооруженных сил». Да, выводы последовали вполне практические: через два года почти никого не осталось в живых из тех, кто на Полесье и под Шепетовкой водил армиями «восточных» и «западных», «красных и синих» и наблюдал за потешными битвами с трибун.

На Дальнем Востоке имелись все возможности вместо витания «в оперативно-стратегических масштабах» решать конкретную проблему. Здесь, после оккупации японскими войсками Северо-Восточного Китая, постепенно разгорался советско-японский пограничный конфликт, тем более что и границы как таковой там никогда не было. «Самураи», подстрекаемые «правлящими кругами США, Англии и Франции и поддерживаемые фашистской Германией», — сами они до такого ни в жисть бы не додумались — планировали отхватить себе советское Приморье и северный Сахалин, а у товарища Сталина имелись виды на китайскую территорию. Почти сразу начались стычки, провокации, скандалы с разоблачением шпионов и диверсантов, которых

активно забрасывали друг к другу обе стороны. С нашей стороны в инцидентах принимали участие, как правило, пограничники, и надо сказать, что в НКВД умели готовить настоящих бойцов, а вот если в дело ввязывались «колхозоармейцы»...

Например, 1 февраля 1936 года у заставы Сиянхэ две роты японцев столкнулись с двумя ротами 78-го Казанского полка 26-й Сталинской дивизии. Сражение не состоялось, разошлись почти мирно, но советское командование на всякий случай решило выслать в помощь пехоте взвод «двадцать шестых» из 2-й механизированной бригады, но «лучшие машины» (специально хранившиеся на консервации в целях «сбережения ресурса») оказались неисправными, а «лучшие водители» не знали этих — не закрепленных за ними — танков. Началась беготня, суматоха, заводкой машин занимались все, и в итоге танки вместо одного заводили четыре часа! В пути все Т-26 поочередно ломались, а в сопровождавшей их ремонтной летучке не оказалось нужных запчастей и инструментов; технический же состав оказался технически недостаточно подготовлен и с ремонтом не справился. Затем кончилось горючее — а бензозаправщиков при взводе не было... В общем, 150 километров взвод шел 56 часов (!), и из шести танков до места боя дошли лишь четыре. Но и на них «оружие было подготовлено слабо» (?).

Летом 1938 года разразились события в районе озера Хасан. Все началось с того, что 12 июля бойцы Посъетского погранотряда, взобравшись на вершину сопки Заозерная, начали деловито оборудовать позицию на маньчжурской территории — оттуда им было сподручнее наблюдать. Через три дня к высоте прибыл отряд японских жандармов и вежливо потребовал нарушителей удалиться. Пограничники на эту провокацию не

поддались и для полной ясности застрелили одного из жандармов. В тот же день японский поверенный в делах Японии в Москве заявился в Наркомат иностранных дел с «надуманной претензией», мол, убивают наших граждан на честно нами оккупированной территории; будьте любезны — очистить. 20 июля к наркому Литвинову с тем же вопросом обратился посол Сигэмицу. В обоих случаях японские дипломаты получили достойный отпор без всяких политесов, им даже показали карту, неопровержимо свидетельствующую, что «высоты Заозерная и Безымянная находятся на российской территории». 22 июля нарком К.Е. Ворошилов приказал привести Дальневосточный фронт в боевую готовность.

29—31 июля, «с целью протупывания боеспособности Красной Армии», два полка 19-й дивизии японцев заняли высоты Заозерную и Безымянную, выбив с них советские пограничные посты. Контратака 40-й стрелковой дивизии полковника В.К. Базарова, предпринятая 2 августа и поддержанная 32-м и 40-м отдельными танковыми батальонами, была отбита с большими для нее потерями. Дивизия, совершив 200-километровый марш, потеряв по дороге почти всю артиллерию, атаковала противника с ходу, раздробленно, без разведки и хоть какого-либо плана боя — по «громкой команде «Вперед!»». Как вспоминает С. Шаронов: «Наша дивизия наступала с юга в направлении сопок Пулеметной и Заозерной в узком коридоре (в некоторых местах ширина его не превышала 200 метров) между озером и границей. Большая сложность была в том, что стрелять через границу и переходить ее категорически запрещалось. Плотность в этом коридоре была страшной, бойцы шли вал за валом. Очень много там полегло. Из нашей роты, например, в живых осталось 17 человек».

Танкисты, не зная местности, увязали в болотах и канавах. Только 3-я рота 32-го танкового батальона потеряла 5 танков. Причем в атаке участвовали лишь 119-й и 120-й стрелковые полки, поскольку часть бойцов 118-го полка прибыла к месту боевых действий с холостыми патронами и деревянными гранатами. Для поддержки наземных войск с передовых аэродромов вылетели 42 самолета, но из-за тумана отбомбиться не смогли, побоявшись поразить своих. И слава Богу! Ибо после возвращения выяснилось, что на самолеты, совершенно случайно, вместо осколочных авиабомб подвесили химические — снабженцы и оружейники просто не умели читать маркировку на внешне идентичных с виду боеприпасах.

«Наглая провокация японской военщины у озера» не должна была остаться безнаказанной, возмущенный советский народ организованно повалил на митинги и единодушно потребовал от правительства «дать решительный отпор поджигателям войны». В течение трех дней в район боевых действий подтягивались части 39-го стрелкового корпуса комбрига В.Н. Сергеева, в состав которого вошли 32, 39, 40-я стрелковые дивизии и 2-я механизированная бригада. В корпусе насчитывалось 32 тысячи человек, 609 орудий и 345 танков. Действия наземных войск поддерживали 250 самолетов. Японцы не использовали ни танков, ни самолетов.

5 августа начальник штаба Дальневосточного фронта комкор Г.М. Штерн отдал боевой приказ: перейти в общее наступление и одновременными ударами с севера и юга зажать и уничтожить «врагов, посмеявшихся вторгнуться на нашу священную землю» в полосе между рекой Тумень-Ула и озером Хасан. Диспозиция следующая: 32-я стрелковая дивизия полковника Н.Э. Берзарина с 3-м танковым батальоном 2-й механизирован-

ной бригады и отдельным танковым батальоном майора М. В. Алимова должны были нанести главный удар с севера и овладеть сопкой Безымьянная, а в дальнейшем сбросить врага с сопки Заозерная. 40-я стрелковая дивизия со 2-м танковым батальоном и разведбатом 2-й мехбригады и отдельным танковым батальоном наносит вспомогательный удар с юго-востока в направлении сопки Пулеметная Горка, а затем на Заозерную. 39-я стрелковая дивизия с кавалерийским полком, мотострелковым батальоном и 1-м танковым батальоном 2-й мехбригады выдвигалась для обеспечения правого фланга корпуса. В резерве комкор оставил 63 танка. Всего в районе боевых действий удалось сосредоточить 285 боевых машин типа БТ-5, БТ-7, Т-26 и ХТ-26. Командиры стрелковых дивизий приняли решение использовать приданные им танковые батальоны в качестве дивизионных групп непосредственной поддержки пехоты, поставив им задачу — поддержать атаку полков первого эшелона, действовавших на направлениях главных ударов.

Начало атаки было назначено на 14 часов 6 августа. План предстоящего сражения утвердил лично нарком, разрешивший пересекать линию государственной границы. Танковые части в это время готовились к бою. Ночное время они использовали для перехода на исходные позиции, разведки местности, малопригодной для использования танков, и прокладывания гатей через болота. Организовать радиосвязь с пехотой им не удалось, так как стрелковые полки не имели радиостанций (кстати, авиаторам радиостанциями пользоваться запретили по соображениям секретности).

Наступление наших войск задержалось из-за стоявшего густого тумана, мешавшего действиям авиации, и началось в 17 часов.

В 13.15 началась артиллерийская подготовка. Под ее прикрытием в 14 часов пехота заняла исходное положение для атаки. В 16 часов над полем боя появились самолеты. Одновременно с началом авиационной подготовки 3-й и 32-й танковые батальоны, поддерживавшие стрелковые полки 32-й дивизии, получили сигнал на атаку. Выдвижение с исходных позиций к переднему краю обороны противника происходило тремя колоннами, по числу переправ, наведенных саперами через ручей юго-западнее Новоселков. Однако из-за болотистого грунта в пойме ручья танки двигались со скоростью не более 3 км/ч, подвергаясь сильному артиллерийскому обстрелу противником.

Эффективность артиллерийской и авиационной подготовки оказалась низкой, японская артиллерия подавлена не была. В результате из сотни танков, участвовавших в атаке, переднего края обороны противника достигли всего 10. Остальные застряли на переправах или были подбиты огнем противотанковой артиллерии противника. Попытка овладеть высотой Безымянная провалилась. С наступлением темноты танковые батальоны были отведены в район северо-восточных склонов высоты, расположенной между Безымянной и озером Хасан; пехота зацепилась за южный склон.

На левом фланге корпуса действовала танковая рота разведывательного батальона 2-й мехбригады, которая в 16.50 атаковала противника девятнадцатью танками БТ-5 и БТ-7. Рота на большой скорости достигла заболоченной лощины между высотами Пулеметная Горка и Заозерная, где и завязла. Только двум машинам удалось преодолеть болото и прорваться к Заозерной.

2-й танковый батальон, достигнув переднего края обороны противника, также поначалу начал быстро продвигаться вперед, увлекая за собой пехоту 40-й

стрелковой дивизии. Однако к 17.30 половина танков застряла на подступах к высоте Пулеметная Горка. Многие машины были подбиты огнем противотанковых орудий. Одними из первых были выведены из строя танки БТ командира, комиссара и начальника штаба батальона, а также танки двух командиров рот, выделявшиеся из общей массы своими поручневыми антеннами. Управление батальоном нарушилось, уцелевшие танки остановились и стали вести огонь с места. Командир батальона майор Меньшов часть танков направил к Пулеметной Горке с задачей уничтожить огневые точки, мешавшие продвижению 120-го стрелкового полка, а 12 машин вместе с пехотой 118-го и 119-го полков атаковали высоту Заозерная.

Танки, атаковавшие Пулеметную Горку, не смогли преодолеть ее крутых скалистых склонов. Атака высоты Заозерная была более успешной — семь танков достигли ее юго-восточных склонов.

Ожесточенные бои за три сопки в приморской степи кипели до 9 августа, выбить с них противника так и не удалось, хотя наши средства массовой информации раструбили: «Советская территория была полностью очищена от захватчиков». 10 августа японское правительство вновь предложило правительству СССР вернуться к переговорам. 11 августа 1938 года боевые действия были прекращены, гребень сопки Заозерная остался в нейтральной полосе. Вот и пойми: мы отказались от «исконно российской территории» или все-таки нас выбили с «исконно маньчжурской»?

Советские потери составили 960 человек убитыми и 2752 ранеными, японские соответственно — 525 и 913. Наши авиаторы без особого эффекта совершили более 1000 самолетовылетов и потеряли 10 самолетов, еще 29 получили повреждения. Причем лишь две машины зе-

нитным огнем сбил противник, а половина подорвалась на собственных бомбах. Всему миру объявили, что «агрессору был преподан суровый урок. Ему пришлось убедиться, что советские границы неприступны... Проба сил японской военщины, решившей прощупать твердость советских дальневосточных границ у озера Хасан, закончилась позорным провалом».

Итоги подвел приказ К.Е. Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 года, в котором указывалось, что «боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава оказалась на недопустимо низком уровне». Войска выступили к границе совершенно неподготовленными, советские части были «раздерганы и недееспособны», снабжение их не организовано: «Начальники управлений фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снаряжение имеются. Во многих случаях целые артбатареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов».

Все рода войск обнаружили полное неумение действовать в реальной боевой обстановке. Артиллеристы не знали, куда стрелять, танковые части использовались неумело и понесли большие потери. Помимо этого, несмотря на «громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, в таком рваном обмундировании, что, по сути дела, они оставались в нижнем белье».

Этим же приказом маршал Блюхер был отстранен от командования Дальневосточным фронтом, а сам фронт

расформирован в две отдельные армии. В приказе не было упоминания о том, что непосредственно перед началом боев, в ходе боев и по их окончании производились аресты комбригов и комбатов — чекисты работали по собственному плану, они занимались ликвидацией «военного заговора», одним из фигурантов которого оказался командир 15-й кавалерийской дивизии К.К. Рокоссовский. Так, сразу после первого приступа Заозерной командование 39-м стрелковым корпусом принял Г.М. Штерн, комдивом 40-й стрелковой дивизии стал полковник С.К. Мамонтов, а 40-й танковый батальон повел в бой старший лейтенант Ситников. Полковник А.П. Панфилов принял под свою руку 2-ю механизированную бригаду за две недели до начала конфликта; два предыдущих ее командира — полковники И.Д. Васильев и В.Г. Бурков — уже обживались на нарах.

После процесса над Зиновьевым, Каменевым и другими заговорщиками из «Объединенного центра» в августе 1936 года по всей стране развернулась полномасштабная охота на людей. Советский Союз, как объяснил товарищ Сталин, оказался битком набит шпионами иностранных разведок, диверсантами, врагами народа, проникшими во все государственные и партийные структуры, сколотившими десятки контрреволюционных организаций, готовившими переворот, поголовное убийство любимых вождей и «реставрацию капитализма».

«Вредителей» выявляли везде, а среди недобитых «бывших» — в первую очередь; дальше шли по отработанной схеме: «Как только двух-трех сволочей поймем, эти две-три сволочи дадут еще двух-трех сволочей».

События 1937—1938 годов происходили на фоне арестов и отстрела командиров и политработников с

«неправильными черепами», в том числе и в бронетанковых войсках.

Был расстрелян командир 45-го механизированного корпуса комдив А.Н. Борисенко и командир 11-го мехкорпуса комдив Я.Л. Давидовский, командир 7-го мехкорпуса комдив М.М. Бакши, командир 133-й механизированной бригады комбриг Я.К. Евдокимов. В Читинской тюрьме умер еще один бывший командир 11-го мехкорпуса комкор К.А. Чайковский. Вот неполный список арестованных командиров мехбригад: полковник А.Б. Слуцкий (6-я мхбр), комдив Д.А. Шмидт (8-я мхбр), полковник Богданов С.И. (9-я мхбр), комбриг Колесниченко М.Я. (12-я мхбр), комбриг Г.Ф. Малышенков (13-я мхбр), комбриг Н.С. Поляков (14-я мхбр), полковник В.П. Стольник (тоже 14-я, а сменивший его комбриг С.И. Кондратьев застрелился сам), полковник С.Н. Аммосов (16-я мхбр), комбриг В.Г. Грачев (18-я мхбр), полковники А.А. Ваганов, Б.М. Симонов, М.Б. Залкинд (все трое — командиры 19-й мхбр), комбриг Н.И. Живин (22-я мхбр), комбриг М.И. Болотов (25-я мхбр), полковник И.П. Корчагин (31-я мхбр). Само собой, брали под белые руки их заместителей, помощников, начальников штабов, политотделов и прочая, прочая, прочая. Только в 7-м механизированном корпусе были арестованы 75 командиров и политработников. Истины ради отметим, что расстреляли не всех, кому-то дали срок, кого-то просто уволили из армии. К примеру, С.И. Богданова, будущего маршала бронетанковых войск, промурыжив допросами и очными ставками полтора года, выбросили на улицу; за это время его жена публично отреклась от «врага народа».

Само собой, сплошь заговорщиками и членами «банды Тухачевского» оказался коллектив Автобронетанкового управления, арестованный в 1937 году в пол-

ном составе, в первую очередь командарм 2-го ранга И.А. Халепский, «стоявший во главе «параллельного военного заговора», и комдив Г.Г. Бокис. Отправился по этапу комбриг Г.С. Иссерсон и отсидел 15 лет от звонка до звонка; его так и не пустили на «Праценские высоты». Для многих других теоретиков механизированной войны «коридоры закончились стенкой».

«Военная мысль страны застыла, руководство армией стало приобретать все более бюрократические черты, а главное — внутри кадрового офицерского корпуса (вдобавок сильно размытого при увеличении численности армии) исчез дух касты — взаимного доверия, сплоченности и поддержки. Те, что чувствовали себя опорой Страны и Революции, внезапно превратились в простых винтиков огромного, малоповоротливого и малоинтересного механизма».

Очищающая волна репрессий и погромов прокатилась по институтам, лабораториям и конструкторским бюро. Вслед за учеными и инженерами ликвидировались научные направления и «вредительские проекты».

Надо ли удивляться, что за такими интересными делами не сразу заметили своего рода революцию, произошедшую в мировом танкостроении, о которой в 1936 году пытался поставить в известность руководство С.А. Гинзбург: «В настоящее время лучшие иностранные танки по всем характеристикам, кроме вооружения, обгоняют отечественные образцы, являющиеся развитием конструкций, разработанных шесть-семь лет назад... В настоящее время развитие отечественных танков идет по пути наращивания массы без изменения двигателя и конструкции ходовой части... Считаю, что мы должны не откладывая развернуть опытные работы по созданию корпусов танков с толщиной стен не менее 40 мм, а также провести разработку нового типа

подвески для танков малого размера большой массы». В ходе второй пятилетки не было создано ни одного нового типа танка; вместе с авторами похоронили работы по созданию самоходных артиллерийских установок (САУ новые кураторы системы вооружений посчитали всего лишь плохим танком, только война их надоумит, что самоходы нужны войскам «как воздух») и бронетранспортеров.

На Харьковском заводе № 183 оказались «сволочами», были арестованы и расстреляны (ст. 58, пункты 6, 7, 8 и 11 — шпионаж, подрыв экономики, террор, членство в антисоветской организации) наладившие выпуск быстроходных танков в невиданных в мире масштабах директор завода И.П. Бондаренко, главный инженер Ф.И. Лящ, главный металлург А.М. Метанцев, наконец, начальник танкового КБ А.О. Фирсов — это днем он строил знаменитые БТ-5 и БТ-7, а по ночам, выполняя задание швейцарской разведки, ломал на них шестерни, выводя из строя коробки перемены передач. Злодеям удалось сорвать выпуск получивших высочайшее одобрение машин БИ-ИС энтузиаста-самоучки Н.Ф. Цыганова. Отчаявшийся изобретатель сигнализировал Центральному Комитету партии о том, что задание на производство танков БТ-ИС было загублено вследствие козней «...вредителя Фирсова, бывшего начальника КБ на заводе ХПЗ, куда оно было передано вредителем Нейманом, бывшим начальником Спецмаштреста; на заводе № 48 (Харьков), где тех. директором был вредитель-фашист Симский, который перетащил на завод № 48 фашиста Гаккеля и поставил его во главе производства БТ-ИС». Славное было время! Кстати, вскоре подгрести и Цыганова, и всю его группу. Конструкторское бюро завода № 183 возглавил М.И. Кошкин, ранее работавший в Ленинграде над тя-

желыми танками. Общее образование Михаила Ильича состояло из двух классов церковно-приходской школы, «если не считать самообразования». В возрасте одиннадцати лет он пошел работать на фабрику. В 1917 году был призван в армию, но повоевать не успел, Гражданскую войну прошел комиссаром, в 1921—1924 годах учился в Коммунистическом университете имени Свердлова, по окончании которого находился на партийной и советской работе в Вятке, был директором кондитерской фабрики и секретарем райкома. В 1929 году партия направила его на учебу в Ленинградский политехнический институт, который Кошкин закончил в 1934 году, в возрасте 36 лет. Лишь после этого он занялся конструированием танков на заводе имени Кирова, в короткий срок достигнув должности заместителя начальника КБ. Под руководством Гинзбурга и Зигеля молодой специалист Кошкин участвовал в разработке танка с «противоснарядным» бронированием Т-46-5, причем если двух первых по итогам работы арестовали и посадили, то Михаил Ильич получил орден «за досрочное выполнение задания». Поэтому в Харькове нового начальника КБ встретили настороженно. Уже при нем взяли и расстреляли А.Я. Дика, «подозреваемого» сегодня в авторстве танка БТ-20 — прообраза «тридцатьчетверки».

К этому моменту на ХПЗ на финишную прямую вышли длившиеся шесть лет под руководством К.Ф. Челпана и Я.Е. Вихмана работы по созданию 12-цилиндрового танкового дизеля мощностью 500 л.с. В помощь харьковчанам из Москвы присылали дизелистов ЦИАМ М.П. Поддубного и Т.П. Чупахина, начальника кафедры двигателей Военной академии механизации и моторизации профессора Ю.А. Степанова. Непосредственной доводкой двигателя для готовившегося се-

рийного производства занимались конструкторы под началом И.Я. Трашутина. Последний диссертацию на тему «Оптимальное проектирование основных деталей дизеля» защитил в Массачусетском технологическом университете. В 1937 году «органы товарища Ежова» выяснили, что двигательный отдел завода является гнездом «греческой контрреволюционной организации», и выжгли сразу каленым железом. Были расстреляны создатели дизеля К.Ф. Челпан, М.Б. Левитан, З.Б. Гуртовой, десять лет исправительных лагерей получили И.Я. Трашутин и Ю.А. Степанов. 21 декабря 1937 года комиссия АБТУ по перспективным работам пришла к выводу, что «в настоящее время РККА не имеет ни одного образца современного танкового двигателя... Количество разработок велико, но в серийное производство в период 1933—1937 гг. не принят ни один». Доводка танкового дизеля растянулась еще на два года, и лишь 5 сентября 1939 года двигатель, получивший индекс В-2, был рекомендован для серийного производства.

На Кировском заводе навсегда исчезли в «тюрьмах» главный инженер М.Л. Тер-Астуров, старший инженер М.П. Зигель, начальник СКБ-2 О.М. Иванов, застрелился директор завода К.М. Отс, был арестован ведущий конструктор Н.В. Цейс. Главным танковым конструктором Кировского завода стал Ж.Я. Котин, молодой человек 29 лет от роду, не блиставший инженерными талантами и не имевший опыта руководства, недостаток знаний заменявший высокой требовательностью и грубостью, но имевший одно несомненное «достоинство» — он был зятем «первого маршала», наркома обороны К.Е. Ворошилова. А в заместителях у него ходил сын «первого маршала» — Петр Ворошилов. Котин был типичным представителем главных конструкторов новой

генерации, которые сами ничего не изобретали, теорий не выдумывали, учебников не писали. Они администривали, организовывали, пробивали свои проекты, давали обязательства, рапортовали, в общем, руководили людьми. В позднейших биографиях так и напишут: «Под его руководством создавались...» Нигде не укажут, что изобрел инженер Котин, какую формулу вывел, зато сослуживцы вспомнят: «Котин очень хорошо ориентировался в быстро меняющихся вкусах высших политических сфер, он прекрасно угадывал, что, когда и кому было нужно».

На заводе № 174 неудачей закончилась попытка оснастить в 1937 году танк Т-26 более мощным двигателем. Работы по созданию дизеля ДТ-26 были прекращены, а форсирование уже существующего бензомотора до мощности 105 л.с. привело к массовому выходу машин из строя по причине обрыва клапанов при движении под нагрузкой. Дело дошло до того, что на месяц выпуск танков Т-26 был прекращен. Последовали отстранение от работы и аресты десятков «вредителей», в том числе многих конструкторов и квалифицированных рабочих.

Большая группа «вредителей» была выявлена и арестована на заводе № 37, в их числе начальник КБ Н.Н. Козырев и его заместитель А.А. Астров (и без того работавший в «шараге» со времен процесса над «Промпартией»).

«Врагами народа» оказались «крестный отец» чуть ли не всех советских танков С.А. Гинзбург («Он был наиболее грамотным из наших специалистов-танкостроителей своего времени», — вспоминал Н.Ф. Шамшурин), конструкторы танковых пушек П.Я. Сячинтов и И.А. Маханов, начальник кафедры танков и тракторов Военной академии механизации и мотори-

зации РККА профессор В.И. Заславский, как и начальник этой самой академии, краснознаменец, командир Ж.Ф. Зонберг.

Походя стерли в «лагерную пыль» С.П. Шукалова, и даже хрестоматийного автора «первого в мире танка» А.А. Пороховщикова в конце концов тоже вычислили, «разоблачили» и приговорили к «высшей мере социальной защиты».

Застыла всякая творческая мысль, кроме полицейской. Вот где фантазия была ключом. Или резиновой дубинкой. По головам. Сергея Павловича Королева чекистская мразь с «чистыми руками и холодной головой» била по голове графином. Будущий лауреат Нобелевской премии П.Л. Капица констатировал: «Развитие нашей промышленности поражает отсутствием творчества... В отношении прогресса науки и техники мы полная колония Запада. Все обычные заверения, которые делаются публично, что у нас в Союзе наука лучше, чем где бы то ни было, — неправда».

В апреле 1938 года механизированные корпуса были реорганизованы и переименованы в танковые. Теперь в состав каждого входили две танковые и одна стрелково-пулеметная бригада: 12364 человека, 660 танков и 118 орудий. К 1939 году СССР располагал четырьмя танковыми корпусами — 10, 15, 20 и 25-м, двадцатью четырьмя отдельными легкими танковыми бригадами, четырьмя тяжелыми танковыми бригадами и несколькими десятками танковых батальонов и полков в составе стрелковых и кавалерийских дивизий.

Весной 1939 года столкновение советских и японских интересов в Китае привело к прямому военному конфликту на монголо-маньчжурской границе. Еще в марте 1932 года на территории трех захваченных про-

винций Северо-Восточного Китая японцы создали марионеточное государство Маньчжоу-Го. У товарища Сталина на китайской территории была своя марионетка — Монгольская Народная Республика, по советской указке неуклонно двигавшаяся прямым «из феодализма в социализм, минуя капиталистическую фазу». Кроме Москвы, ее никто не признавал. Насколько Народная Монголия была независимой, можно судить по тому факту, что Сталин запретил монгольскому правительству устанавливать дипломатические отношения с кем бы то ни было, даже пускать к себе туристов.

Между двумя созданными с помощью иностранных штыков государственными новообразованиями, чьи отношения с самого начала не были омрачены дружбой, границы не существовало. Имелась лишь ничем на местности не обозначенная пустынная зона шириной от нескольких десятков до сотни километров, через которую свободно передвигались различные кочевые племена.

Очень скоро эта территория превратилась в место постоянных стычек маньчжурских и монгольских пограничных разъездов, тоже «свободно кочевавших». Ситуация еще больше обострилась с началом широкомасштабного вторжения японцев в Китай и их намерением проложить стратегическую железную дорогу из Гяньчжоу в Солунь, которая должна была пройти в непосредственной близости к границе МНР. Шаставшие в районе планируемого строительства монгольские цырики нервировали самураев. В связи с этим и возник вопрос: кому должна принадлежать полоса барханов восточнее реки Халхин-Гол размером 70 на 20 километров (характерна топонимика данного района: Большие пески, Дальние пески, сопка Песчаная) — то есть вопрос о демаркации границы. Монголо-маньчжурская

конференция по проблеме спорных территорий продолжалась с перерывами два года (с июля 1935 по сентябрь 1937-го), в ходе ее состоялось 35 заседаний, на которых не было решено ни одного вопроса. Поскольку Сталина не устраивал сам факт установления дипломатических и любых других отношений Монгольской Республики с Маньчжоу-Го. Несмотря на то что на картах как российского Генштаба, так и Генштаба РККА граница между Монголией и Маньчжурией была начерчена либо по линии реки Халхин-Гол, либо еще севернее, в Москве решили «вершка не отдавать» и защищать «монгольскую территорию, как свою собственную». Надо сказать, что монгольское правительство заняло «предательскую» по отношению к Москве позицию и особого энтузиазма в раздувании конфликта не проявило. Посему его, правительство, почти в полном составе вывезли на «родину победившего пролетариата», осудили на военной коллегии Верховного суда СССР и расстреляли.

Все лето 1939 года на берегах реки Халхин-Гол продолжалась до сих пор нам «не известная война», потому как и сегодня она спрятана под грифами секретности. В ходе ее состоялось первое боевое применение советского танкового соединения. Речь идет о воспете Константином Симоновым молодецком ударе 11-й танковой бригады М.П. Яковлева, когда, проспав переправу на монгольский берег целой японской дивизии, командовавший Особым корпусом Г.К. Жуков с марша бросил на занятый противником на горе Баин-Цаган плацдарм 182 танка и 59 бронемашин, в нарушение всех уставов — без подготовки, без поддержки пехоты и артиллерии. Возможно, Георгий Константинович предполагал, что «изумленные» японцы в панике разбегутся, но сам был изумлен эффективностью огня враже-

ских противотанковых пушек. После первой атаки на поле боя горело 77 танков и 37 броневедомостей. Ликвидировать плацдарм удалось лишь на третьи сутки с подходом стрелковых частей и тяжелой артиллерии. Всего, утверждает Е. Горбунов, «в основном на Баин-Цагане потери составили 175 танков и 143 бронемашин». Решение командующего, противоречащее всем положениям Устава, оправдывают необходимостью немедленно разрешить критическую ситуацию, в которую своим маневром его загнал генерал Камацубара. Вполне возможно. Беда только в том, что и в дальнейшем советские полководцы, планируя «мощные контрудары», безотносительно к намерениям противника, попадали в «критические ситуации» регулярно.

В конце концов, собравшись с силами, врагу показали «японку мать». Большие пески и пески Дальние достались Монголии, уж не знаю, может, там сейчас сады цветут. А все равно бронетанковый маршал П.С. Рыбалко отчего-то считал, что на Халхин-Голе «мы опозорились на весь мир». А маршал М.В. Захаров написал: «События в районе реки Халхин-Гол вскрыли ряд недостатков в боевой подготовке войск. Эти недостатки явились отчасти следствием того, что уставы и ряд наставлений были изъяты под тем предлогом, что они в основном писались лицами, которые были посажены в тюрьмы или расстреляны. Новых же уставов и наставлений создать не успели».

Высший класс! Если, к примеру, вредитель М.Н. Тухачевский требовал, чтобы современный боец обладал «способностью к целесообразному и продуктивному использованию передовой техники», значит, теперь надо делать все наоборот, и вообще наше тактическое искусство развивается «на стержне высокого политикоморального уровня... Сила классового воспитания,

проводимая нашей партией, является могучей силой, и притом силой только Красной Армии». Незачем «классовому бойцу» и «классовому командиру» морочить голову косинусами. Так, с 1938 года на танки Т-26 устанавливали стабилизированный в вертикальной плоскости прицел ТОС, но не прошло и года, как его начали снимать — «из-за трудности освоения личным составом». И Жукову можно в полной мере проявлять свой самобытный талант, не оглядываясь на уставы, которые «создать не успели». Не в них, объяснил Сталин, сила армии, не в профессиональной подготовке: «Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране... При правильной политике даже средние командиры могут сделать гораздо больше, чем самые способные командиры буржуазных государств».

Формирование первого крупного танкового соединения Вермахта, предназначенного для решения оперативных задач, — 1-й танковой дивизии — началось в 1935 году. Танковая бригада дивизии состояла из двух танковых полков. Каждый полк, в свою очередь — из двух танковых батальонов (четыре боевых и одна штабная рота в батальоне). Всего в танковой дивизии было 22 танковые роты, которым полагалось иметь 324 танка. Основной боевой машиной являлся Pz Kpfw I. Главный вопрос, который на этом этапе решали немецкие генералы, — принципиальная возможность управления таким большим количеством техники. Первые учения дали обнадеживающие результаты.

К 15 октября того же года в сухопутных войсках числилось уже три танковые дивизии. Для их оснащения германские генералы заказали два типа танков: легкий, вооруженный бронебойной пушкой и двумя пулемета-

ми, и средний, весом не более 24 тонн, с короткоствольным орудием калибра 75 мм. Скорость для обоих типов была определена в 40 км/ч. Экипаж должен был состоять из пяти человек — командира танка, наводчика, заряжающего, водителя и радиста. Для командира требовалось устройство отдельной башенки с возможностью вести круговое наблюдение. Обязательным условием было наличие радиостанции.

В 1936 году были созданы три легкие пехотные дивизии, имевшие в своем составе танковый батальон — 86 танков. Для совместных действий с танковыми соединениями сформировали четыре мотодивизии.

Танковая дивизия «образца 1939 года» состояла из танковой и моторизованной бригад, артиллерийского полка, мотоциклетно-стрелкового, разведывательного и саперного батальонов, истребительно-противотанкового дивизиона, батальона связи и тыловых служб. В ней по штату было 11792 человека, 324 танка, 10 броневых автомобилей, 130 орудий и минометов. Таким образом, организационно танки не расплылись по пехотным соединениям, большая часть их была сосредоточена в танковых дивизиях, для руководства которыми имелся особый штаб, подчиненный командующему бронетанковыми войсками.

Особое внимание уделялось вопросам организации бесперебойного снабжения подвижных соединений, создания ремонтной базы, подготовки личного состава, взаимодействия с другими родами войск.

1 сентября 1939 года вопросы теории были переведены в практическую плоскость. Гитлер напал на Польшу и тем самым ввязался во Вторую мировую войну, имея 3195 танков, в том числе 1666 Pz Kpfw I и 1223 Pz Kpfw II. Фактически Вермахт разбил польскую армию на учебных машинах.

Польская кампания показала, что перед лицом массивной атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или полевых укреплений, оказалась наихудшим видом обороны. Когда немецкие танки прорывали оборонительную полосу, ее защитники, растянутые по фронту, не могли сосредоточить свои силы для контратаки. 9 сентября танки генерала Рейхенау вышли к Варшаве, 15-го генерал Гудериан захватил Брест.

17 сентября двинулась в Освободительный поход Красная Армия. В составе двух советских фронтов было около 600 тысяч человек, более 2000 самолетов и около 4000 танков. В акции по «защите жизни и имущества братских белорусского и украинского народов» приняли участие два танковых корпуса и 18 танковых бригад. Через две недели польское государство перестало существовать.

Выводы по результатам кампании «братья по оружию» сделали прямо противоположные.

Генерал Гудериан пришел к убеждению, что танковые дивизии, пройдя боевое крещение, «полностью себя оправдали». Поэтому вскоре легкие пехотные дивизии были также преобразованы в танковые.

Новая генерация сталинских выдвиженцев, наоборот, убедилась в том, что руководить действиями крупных танковых соединений у них не получается. Так, начальник автобронетанковых войск Киевского военного округа комбриг Федоренко сообщал: «Действия танкового корпуса показали трудность управления, громоздкость его; отдельные танковые бригады действовали лучше и мобильнее. Танковый корпус нужно расформировать и иметь отдельные танковые бригады».

Политическим руководством поход на Запад был

воспринят как убедительное подтверждение боевой мощи Красной Армии — управились не хуже немцев, звонивших о своем «блицкриге». После блистательной победы над практически не оказавшим сопротивления противником (спасибо маршалу Рыдз-Смигому, отдавшему своим войскам приказ «с Советами не воевать») никому не хотелось поднимать «провокационные» вопросы о слабой подготовке личного состава, безобразном состоянии связи и матчасти, отсутствии взаимодействия родов войск и полном развале в вопросах тылового и технического обеспечения. Ежевечерним «тактическим приемом» во всех бригадах было переливание остатков горючего в машины передового отряда, чтобы на следующий день достигнуть указанного командованием рубежа. Согласно оперативному донесению начальника штаба 32-й танковой бригады майора Болотова, бригада, совершив 350-километровый марш-парад на запад (большой частью по главному шоссе Белоруссии), в боевых столкновениях безвозвратно потеряла один танк Т-26, а 69 машин, больше трети состава, бросила на дороге «из-за технических дефектов». Всего бронетанковые войска двух фронтов разбросали по дорогам почти полтысячи неисправных танков.

21 ноября 1939 года по настоянию Б.М. Шапошникова и начальника Автобронетанкового управления Д.Г. Павлова было признано необходимым танковые корпуса расформировать и иметь в составе бронетанковых войск только отдельные бригады со штатной численностью 258 танков. Танковые соединения теперь предназначались исключительно для поддержки пехоты.

Тут очень кстати начался конфликт с «финской козьюшкой», угрожавшей, как внезапно выяснилось, безопасности Ленинграда своими «дальнобойными орудиями». «Ленинград мы подвинуть не можем, — вздохнул

Сталин. — Придется подвинуть границу». Поскольку правящая клика Финляндии по-хорошему отдала Карельский перешеек отказалась, а главное, отвергла предложенный Кремлем договор о дружбе и взаимопомощи, предусматривавший мирное введение в страну советских войск, 30 ноября красные полки, поддержанные 1569 танками, рванулись на помощь угнетенному финскому пролетариату. И захлебнулись собственной кровью, пытаясь преодолеть «заблаговременно укрепленную оборонительную полосу», насыщенную инженерными заграждениями, огневыми точками и противотанковыми «бофорсами», без труда прошивавшими 37-мм снарядами застрявшие на надолбах танки сопровождения и прорыва.

Интересно, что «уважительные причины», придуманные советскими летописцами для Красной Армии, на финнов никакого воздействия не возымели. Хотя напали на них вероломно, без объявления войны, делая вид, что никакой войны вовсе нет, а имеет место борьба трудящихся Финляндии за свое освобождение от гнета капитала. Напали многократно превосходящими силами, имевшими «боевой опыт» Освободительного похода. История отпустила финнам времени на два года меньше, чем нам, и «оттянуть» советскую агрессию не получилось. Ни танков в стране Суоми не было, ни приличной авиации. Из средств моторизации — только лыжи. Ан обломилось кремлевским мечтателям. Не прошли парадом по мостовым Хельсинки танки под красными флагами мимо трибуны с портретом товарища Сталина, как это было в Гродно, Львове, Белостоке, не появилась на карте СССР новая республика.

Финны все двадцать лет прекрасно понимали, кто их настоящий враг, они готовились, исходя из реальной оценки своих возможностей, они не дали себя обмануть

«пактом о ненападении» и знали, за что сражаются. Финны, вступая в схватку с агрессором «в значительно менее выгодных условиях», оказались готовы к войне — вот такая они «агрессивная нация». А что наших красноармейцев отправили воевать в тридцатиградусный мороз в летней одежде и брезентовых сапогах, так сами дураки, при чем здесь противник.

Едва советские войска вступили в серьезное сражение с армией, которая не собиралась драпать в Швецию, а оказала упорное и умелое сопротивление, как в один момент рухнула вся система управления и снабжения. Да и как их снабжать, если не знаешь, сколько в твоём распоряжении имеется войск, где они находятся и чем занимаются. Почти шестьсот танков застыли без дела, не имея горючего. Радиостанции многие командиры просто оставили дома, поскольку радиосвязь не изучали, пользоваться ею не умели, а потому «не любили», телефонные провода куда-то завезли и долго не могли отыскать. Без связи только и остается — «знаком руки руководить операцией». Что говорить о взаимодействии, если даже штабы соседних армий не могли наладить взаимное общение. Слабым местом танковых войск оказался острый недостаток эвакуационных и ремонтных средств, запчастей, грузовых автомобилей и автоцистерн. Не нравилась нашим генералам техника, которая не несла на себе чего-нибудь крупнокалиберного. Нет, теоретически все понимали, что, кроме танков, должны быть еще и всякие специальные машины, и даже пытались что-то сделать, но в итоге все равно получался танк. Про подготовку непрерывно прибывавшего на «несуществующий фронт» пополнения даже нельзя сказать, что она была плохая, до 30% красноармейцев «не умели обращаться с винтовкой». Бездарно работали штабы, которые терялись в боевой обстанов-

ке, не умели организовать разведку, не знали, как правильно использовать технику. Для многих офицеров тайной за семью печатями оставалось мудреное понятие «азимут». Рядовые бойцы не понимали целей затеянной Москвой войны, были склонны к панике и нередко бежали с поля боя, бросая оружие, значительно выросло число дезертиров и «самострелов».

В общем, снова опозорились на весь мир, окончательно убедив Гитлера, что Красная Армия небоеспособна.

К маю 1940 года реорганизация советских танковых войск была завершена. Однако в том же месяце немецкие танковые клинья вспороли Францию и, в конечном счете, своими действиями решили исход войны. Уже в июне наркомат обороны принял решение о восстановлении в Красной Армии механизированных корпусов. После сенсационных побед германских танковых групп во Франции в Советском Союзе решили исправить допущенную ошибку и приступили к созданию двадцати девяти механизированных монстров, предназначенных «для глубокого потрясения фронта противника». Каждый из них должен был состоять из двух танковых и одной моторизованной дивизии. Полный штат механизированного корпуса насчитывал 36080 человек, 1031 танк, 484 броневедомоцикла и прочее, прочее. Огромное число бронетехники не сделало их более боеспособными, а, наоборот, еще более затруднило снабжение и управление. Но если осенью 1939 года управлять корпусом в 600 танков наши генералы не умели, то теперь «научились». Ничего сложного, уверял все тот же Павлов: «На самом деле операция по вводу мехкорпуса в прорыв не является сложной, она лишь требует от командования отличного знания вопросов взаимодействия всех родов войск и умения практически осуществлять это

взаимодействие». Вот именно. Генерал Павлов, никогда на практике не осуществлявший это самое взаимодействие, незамысловато считал, что против такого «лома нет приема», он уже готов «потрясать» фронты: сконцентрировать десять тысяч танков в «таранную массу» и указать ей общее направление движения: «На Берлин!» Началась новая реорганизация: дым — в трубу, дрова — в исходное. При этом наши стратеги делали вид, что немцы ничем особенным их не удивили, а тактику применения механизированных соединений у нас же и переняли (утверждают, что мехкорпуса не смогли сказать своего веского слова, потому что не успели доукомплектоваться до полного штата: на 22 июня в 22-м корпусе имелось лишь 712 танков, в 9-м — всего 316, а в 21-м и вовсе 120. Это — перепевы знакомого мотива: «История нам отпустила мало времени». В мае 1940 года Вермахт имел 10 танковых дивизий, а по штату укомплектованы были только шесть. Если в 1-й находилось около 300 танков, то в 9-й — 150. Можно говорить, что она обладала меньшей ударной силой, но никто не считал ее менее боеспособной).

По итогам приема дел у снятого с поста К.Е. Ворошилова новый нарком обороны составил разгромный «Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР», в котором, в частности, указывалось:

«Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68 проц. имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно, вследствие недоброкачества программ, неорганизованности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки. Усовершенствование

командного состава кадра должным образом не организовано...

Боевая подготовка войск имеет крупнейшие недочеты. Ежегодно издаваемые Народным Комиссаром приказы о задачах боевой подготовки в течение ряда лет повторяли одни и те же задачи, которые никогда полностью не выполнялись, причем не выполнявшие приказ оставались безнаказанными. Военская дисциплина не на должной высоте и не обеспечивает точного выполнения войсками поставленных им боевых задач».

Приказ № 120 о боевой подготовке войск на летний период от 16 мая 1940 года требовал коренной ее перестройки: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Но хотя 15 июля в Красной Армии были восстановлены дисциплинарные батальоны (решение всех проблем в Советской стране начиналось с укрепления дисциплины, тем обычно и заканчивалось), дело от этого не поправилось. На декабрьском совещании Семен Константинович Тимошенко заявил: «В целом огневая подготовка должного роста не дала и оценивается плохо». Начальник Управления боевой подготовки генерал В.Н. Курдюмов основными причинами такого положения назвал отсутствие руководства и контроля со стороны старших командиров и их штабов, значительный отрыв личного состава на хозяйственные работы, систематическое невыполнение учебных планов «во всех проверенных военных округах», постоянные срывы и переносы занятий «в большинстве соединений и частей».

Собака лает, а караван идет своей дорогой.

В ходе осенней инспекторской проверки лишь отдельные подразделения смогли получить положительную оценку. Например, в Западном особом округе из 54 частей, проверенных по огневой подготовке, положи-

тельную оценку получили только три, в Ленинградском округе — лишь пять из 30. Такая же картина наблюдалась и в других военных округах. Главную причину всех недостатков командующие видели в низкой квалификации подавляющего большинства командного состава Красной Армии, исключая, разумеется, себя.

В танковые корпуса поступали новые машины, но, как и прежде, немедленно ставились на консервацию. Изучать их, тем более эксплуатировать разрешалось лишь в специальных учебных подразделениях, причем в весьма ограниченном объеме. На практическую подготовку механика-водителя отводилось 1,5—2 часа — берегли горючее, на учебные стрельбы выделяли шесть снарядов в год. С одной стороны — это очень мало, с другой — и эти снаряды не расходовались. Мало ли занятий у военного человека: политические и строевые занятия, патрульная служба и наряды по камбузу, уборка мусора и побелка бордюров, покраска травы и уничтожение одуванчиков, постройка дач и уход за генеральскими лебедями, освоение целины и строительство городков. А сколько потрачено усилий на изготовление бесчисленно-однообразных плакатов: «Учиться военному делу настоящим образом» и «Помни войну». Вот только на стрельбище за восемь лет мой экипаж побывал всего один раз, а однажды сделал несколько залпов по горизонту из любимых 100-миллиметровок. Лишь выходя в море, мы чему-то учились, безбожно ломая и непрерывно ремонтируя технику.

К 1941 году РККА имела на вооружении новейшие боевые машины и огромные материальные запасы, повысился уровень образования кадров, особенно младших и средних офицеров, но во всем остальном почти ничего не изменилось. Она оставалась, как изящно выразился А.М. Василевский, «еще не совсем готовой к

войне», которая оказалась к тому же «более суровой, чем предполагалось».

За первые две-три недели боев, как снег на солнце, растаяли тысячетанковые мехкорпуса. По официальным данным:

потери в Белорусской операции (18 суток) — 4799 танков;

в Западной Украине (15 суток) — 4381 танк;

в Прибалтике (18 суток) — 2523 танка.

На 1 декабря 1941 года в действующей армии оставалось 1730 исправных танков. Созданный Сталиным гигантский бездумный, не умеющий и не желающий сражаться за «завоевания Октября» и отнятые у соседей территории механизм прекратил свое существование.

Знамя Победы в Берлин принесла другая армия, созданная в ходе войны и «учившаяся войне на войне».

Сергей Веревкин

КАТАСТРОФА ЛЕТА 1941 г. — НАДЕЖДЫ НАРОДА НА ФОНЕ РАСПАДА АРМИИ

Начиная с весны 1941 года мощная Красная Армия начала тайно выдвигаться к западным границам страны. Войска, тяжелое оружие, тысячи вагонов с боеприпасами тайно перебрасывались к самой границе, накапливались в естественных «балконах» — Белостокском и Львовском. Около самой границы разворачивались корпуса и армии, устраивались многочисленные аэродромы «подскока» и артиллерийские позиции. Роты, батальоны, полки, бригады, дивизии, корпуса насыщались подробными картами — двухкилометровками и километровками с тщательно нанесенными на них территориями Финляндии, Восточной Пруссии, Генерал-Губернаторства, Венгрии, Румынии. Десятки тысяч танков, десятки тысяч самолетов, десятки тысяч артиллерийских орудий, многие миллионы солдат и командиров «...непобедимой и легендарной, в боях познавшей радость побед...» Рабоче-Крестьянской Красной Армии...

Казалось, все было учтено, любая мелочь, любая малость. Загодя были даже заготовлены и написаны песни типа легендарной «Вставай, страна огромная», красочные и берущие за душу плакаты «Родина-Мать зовет»...

Оставалось совсем немного, какие-то две-три недели. А потом...

...Очередная наглая провокация зарвавшейся германской военщины, обстрелявшей из дальнобойных орудий какую-нибудь пограничную заставу РККА, расположен-

ную где-нибудь на «линии разграничения германских и советских интересов на территории бывшей Польши»...

И мощнейший нокаутирующий ответ многомиллионной, долготерпеливой и миролюбивой массы Рабоче-Крестьянской Красной Армии...

...238-я стрелковая дивизия РККА, вовремя переодетая в стилизованную под польскую форму военной одежды. Стройными рядами марширующая в качестве какой-нибудь «1-й дивизии Народно-Освободительной польской армии» где-нибудь по заполненным ликующими поляками улицам Люблина или Лодзи...

...Но настало раннее утро 22 июня 1941 года.

И все пошло не так.

Напрасно верховный вождь последнего наступления Красной Армии на Европу будущий генералиссимус Иосиф Сталин дни и ночи пропадал на своем командном пункте. Требуя от своих бессмысленно и одновременно по-рабски верно глядящих на него подчиненных, будущих «Маршалов Победы», невзирая ни на что, выполнять в строгом соответствии пункты плана «Гроза». Наступать на Лодзь, Люблин, Краков... Невзирая ни на какие неожиданности. Вроде неизвестно откуда появляющихся вдруг грозных танковых и моторизованных колонн вермахта. Отрезающих или ставящих под угрозу окружения все эти загодя заготовленные многочисленные механизированные группировки войск Красной Армии. Невзирая на то, что мощнейшие группировки советских войск, сосредоточенные в Белостокском и Львовском «балконах», с первых минут, даже секунд германского наступления — сразу же оказались на грани окружения. Стратегического окружения...

Две недели советские войска честно и тупо пытались выполнить с точностью до мельчайших мелочей все пункты предписаний плана «Гроза», который оказался

безнадежно устаревшим и подлежавшим немедленной отмене — уже с первой секунды начала германского наступления на Востоке. Командиры многочисленных марширующих из глубины страны воинских частей вскрывали на пути к фронту пресловутые «красные пакеты» — и напрямик устремлялись в распахнутые «створки котлов»...

Просто другого плана не было.

Все, что происходило в эти первые две недели войны, представляло собой настойчиво проводившиеся в жизнь попытки любой ценой реализовать план «Гроза». А когда стало окончательно ясно, что все эти попытки с треском провалились и нужен какой-то совершенно другой план ведения войны, началась еще более худшая фантазмагория. Несмотря на то что совершенно бездарный начальник Генерального штаба будущий «самый главный Маршал Победы» Георгий Константинович Жуков был с треском, со слезами выдворен со своей должности, положение в высшем военном командовании Красной Армии отнюдь не улучшилось. Все действия советского военного и политического руководства в последующие два месяца войны представляли собой плод мучительной и судорожной импровизации, связанной с жесткой установкой вождя всех народов и лучшего друга всех физкультурников на земле: «Наступать в строгом соответствии с ранее разработанными и утвержденными планами. По крайней мере — наступать!» В условиях жесточайшего дефицита времени и на фоне планомерно и крайне успешно развивавшегося, тщательно спланированного, аккуратного германского наступления на всех участках Восточного фронта.

Но даже и это не может объяснить полностью: а почему же в течение первых двух месяцев войны 1941 года

регулярная Красная Армия, «Армия вторжения» по плану «Гроза», была практически полностью разгромлена? А сам Советский Союз — мощнейшая военная держава — оказался на грани полной военной катастрофы. Потому что уж слишком было велико военное преимущество Советского Союза над Германией к началу этой войны. Если считать, складывать и отнимать общее количество танков, самолетов, артиллерийских орудий и минометов, количество отобилизованных дивизий, корпусов и армий — везде преимущество СССР над Германией было не просто значительным. Оно, преимущество это, было абсолютным, подавляющим. Известны слова Гитлера, сказанные им осенью 1941 года, что если бы он до начала войны знал истинное количество танков у Советского Союза, то он никогда бы не решился напасть на СССР.

И пусть даже все эти советские танки и самолеты не были должным образом радиофицированы. А танки к тому же еще и не имели командирских башенок. К тому же командиры танков в них совмещали обязанности не только командиров танков, но и наводчиков. Что практически выводило их из строя как командиров танков. И потому все эти бесчисленные танковые и воздушные краснорозетные армады представляли собой в какой-то мере гигантского, но если и не слепого, то уж точно почти ничего не видящего и не слышащего циклопа. И пусть даже советские командиры и генералы так толком и не умели пользоваться радиосвязью, в основном продолжая полагаться на архаичную проводную телефонную связь. А то и вовсе — на конных и пеших посыльных с допотопными пакетами. О примитивности советского командования при пользовании связью сами за себя говорят такие строки воспоминаний генерал-фельдмаршала Федора фон Бока «Дневники 1939—

1945», выпущенных в Смоленске издательством «Русич» в 2006 году. На стр. 259 он пишет: «...*Весьма радуется, что русские не считают необходимым даже зашифровывать львиную долю своих радиосообщений. И сегодня мы узнаем, как командующий действующей в тылу моего южного крыла кавалерией сообщает, что вынужден начать отход, поскольку на исходе продовольствие, боеприпасы и лошади...*» Да и потом, когда шифрование сообщений было в Красной Армии кое-как налажено, все эти примитивные «карандаши», «огурцы» и «спичечные коробки» наверняка вызывали такой же здоровый смех у немецких радистов, прослушивающих радиопереговоры советских командиров.

Все это, конечно, так, но все же все это не объясняет полностью и исчерпывающе: а почему произошла именно такая катастрофа? Именно таких невиданных доселе во всемирной военной истории размеров?

...С началом войны 1941 года **разваливающаяся регулярная** «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» стремительно откатывалась назад — на Восток. Теряя при этом по пути многие тысячи и тысячи самолетов и танков (десятки тысяч тех и десятки тысяч других!). Такие же количества орудий, грузовиков, железнодорожных вагонов (целых ж/д составов) со снаряжением. А также сотни тысяч, уже давно перешедшие в миллионы — кадровых солдат, командиров и генералов, взятых в плен немецкими войсками или сдавшихся самостоятельно.

Армия, кое-как ведомая жестоким, беспощадным к своим собственным войскам, но крайне бестолковым и неумелым командованием, к тому же чуть ли не полностью сбитым с толку многочисленными и порой противоречивыми друг другу приказами еще более высокого командования, массивная, громоздкая и неуклюжая —

разваливалась уже в процессе одного только движения. Пример тому — потери самых мощных на то время танков в мире — танков КВ («Клим Ворошилов»), по сути «супертанков», «сверхтанков» того времени. Супертанки КВ просто невозможно было уничтожить в бою — ни один снаряд германских противотанковых орудий не пробивал их запредельную броню. В тех случаях, когда дело с КВ все-таки доходило до боя, они творили на поле боя прямо-таки чудеса. Известен случай, когда один-единственный КВ расстрелял немецкую танковую бригаду, уничтожив более шестидесяти танков противника, и при этом остался неповрежденным. В то же время многочисленные прямые попадания снарядов в этот танк КВ — а их было десятки — не причиняли ему ни малейшего вреда...

И тем не менее почти все «предвоенные» танки КВ были к осени утеряны. Утеряны в подавляющем своем большинстве из-за небоевых потерь. Поломки механической части при движении, израсходование ресурса двигателя, отсутствие горючего, безграмотная эксплуатация необученным водительским составом. И все — нет огромного количества предвоенных супертанков КВ в РККА.

Бои если и происходили, то какие-то одноразовые. Вступила Нская дивизия РККА, неважно какая — стрелковая, танковая, мотострелковая, механизированная, кавалерийская — в бой, день-два, самое большое — три дня — и нет Нской дивизии РККА в природе. Давай следующую Нскую дивизию РККА. А потом — еще. И еще. Исход каждого боя закономерен и предсказуем и всегда однозначен.

Разгром.

Развал.

Распад.

В доказательство приведенного утверждения — информация для размышления.

За две недели боев с начала войны советские войска потеряли территорию, по своей площади в шесть раз превышающую территорию, которую за этот же период времени осенью 1939 года потеряли польские войска в своей войне против тех же самых германских войск. И это при том, что в силу исторически сложившейся конфигурации германо-польской границы осенью 1939 года польские войска находились относительно германских значительно в более худших условиях, нежели советские войска против германских летом 1941 года.

В то же время, когда советские и постсоветские агитпроповцы и соловьи красноперые описывают действия польской армии в тот период времени, то на языке у них только такие обозначения — «...разгром, развал».

Тогда по этой самой логике действия Красной Армии в первые две недели войны 1941 года не заслуживают никакого иного обозначения, кроме как — **распад**.

Даже не разгром и не развал, а именно — **распад**!

Ведь Красная Армия имела не только гораздо более выгодное для себя начертание границы, но и танков и самолетов — больше, чем во всех армиях мира, вместе взятых. Причем практически все эти танки и самолеты были ничуть не хуже, чем танки и самолеты Германии и ее союзников. Более того, множество танков КВ и Т-34, имевшихся в РККА, были вообще на тот период времени не просто современными танками. Как их и пытаются представить в своих многочисленных и многостраничных напыщенных мемуарах неоднократно битые в 1941, 1942, 1943 годах советские «Маршалы Победы». Это были **супертанки**, с которыми на равных не мог бороться ни один немецкий танк того времени. И то, что и эти супертанки не помогли советским генералам и

маршалам в 1941—1943 годах, это уже не в танках дело было. А в самих советских генералах и маршалах. И в соответствующих им по уровню развития (и не только в «военном» отношении) подчиненных полковниках, майорах, капитанах.

...Давайте уж будем честными и давайте хотя бы уже более чем 65 лет спустя после начала той войны начинать называть вещи своими именами.

И только своими...

И вот тут необходимо остановиться и хорошенечко подумать: что же творилось на самом деле с армией, с народом нашей страны — тогда, в эти судьбоносные несколько месяцев сорок первого года?

Если мощнейшая современная регулярная армия, до зубов вооруженная современным оружием, с первых дней войны начинает буквально распалаться, теряя пленными сотни и сотни тысяч, складывающиеся в миллионы человек, что же с ней происходит на самом деле?

...Для того чтобы честно и по возможности наиболее полно и подробно ответить на этот вопрос, необходимо не только рассмотреть ситуацию, сложившуюся в начале войны, но и проанализировать предвоенный период советского бытия.

С чем народ бывшей Российской империи пришел к 22 июня 1941 года?

Начисто проиграв активную форму Гражданской войны 1918—1920 годов (а на востоке России и вплоть до конца 1922 — начала 1923 годов), народ России тем не менее с господством над страной шайки интернациональных высевок, этих большевиков-коммунистов, так и не смирился. Уже в начале 1920 года багровым огнем повстанческих пожаров вспыхнула вся Западная Сибирь вплоть до Алтая. Боевые действия продолжались здесь до самой середины 1922 года, а на

Алтае — и вовсе до конца двадцатых годов. Кстати, своеобразным «эхом» этого восстания является трагическая судьба семьи Лыковых из того самого «Таежного тупика», обнаруженных геологами в семидесятых годах в глухом углу алтайской тайги. Воспетая в десятках очерков талантливого советского журналиста и писателя В.Пескова, семья Лыковых стала широко известна всему советскому народу. Но мало кто знает, а по какой именно причине эта семья оказалась в этом глухом углу. И уж совсем малое количество людей знает, что глава этой семьи был руководителем одного из антисоветских повстанческих отрядов, который, преследуемый частями ЧОНов, был вынужден уходить вместе с остатками отряда и семьей все глубже и глубже в дикую тайгу. Где наконец-то и обрел желанные покой и свободу от советской власти.

«Вилочное восстание» в Поволжье, прокатившееся в феврале-марте 1920 года, также всколыхнуло все население этих мест. Долго еще после официального подавления восстания тлели здесь огоньки народного сопротивления советской власти в виде отдельных террористических актов против деятелей советской власти. И, как это витиевато называли в своих бумагах сами «товарищи» — «отдельных случаев бандпроявлений политического характера».

Крестьянская война на Тамбовщине, продолжавшаяся в течение 1920—1922 годов, была подавлена войсками Красной Армии только после применения поистине драконовских, людофобских мер по отношению к населению этих областей. Население сельских районов Тамбовщины буквально поголовно сгоняли в концентрационные лагеря, разбросанные по всей Тамбовщине. Оставшееся в своих родных деревнях население лесных сел и деревень травили смертельными удушающими га-

зами. При этом применялись в основном артиллерийские обстрелы территорий «по площадям» химическими снарядами. И делались первые попытки применять отравляющие газы с самолетов. Отравляющие газы широко применялись также и по всей лесной территории Тамбовщины, где предполагалось укрытие отрядов антисоветских повстанцев. В части применения отравляющих газов против населения собственной страны красный герой Тухачевский далеко переплюнул пресловутого иракского диктатора Саддама Хусейна, повешенного недавно за свои преступления против курдского народа по приговору иракского суда. По крайней мере «пальму первенства» в этом людобойском деле по справедливости надо отобрать у Саддама Хусейна и отдать будущему Маршалу Советского Союза Михаилу Тухачевскому. До него отравляющие газы применялись исключительно только на фронте против солдат армии противника.

Помимо многочисленных случаев отравления ядовитыми газами, тамбовские деревни расстреливались из тяжелых артиллерийских орудий обычными снарядами крупного калибра. При этом они буквально перепыхивались снарядами во время сплошных артолетов. Кроме того, талантливый на всякие палаческие выдумки красный каратель Тухачевский придумал совершенно новый метод массовых убийств мирных и ни в чем не повинных людей, своих соотечественников, во время проведения карательных операций. Кстати, советские войска, которые принимали участие в подавлении крестьянского восстания населения Тамбовской губернии, так и назывались — «Карательный корпус по подавлению Тамбовского восстания». Автор, будучи еще мальчишкой, своими собственными глазами увидел бумажку с такими словами, разбирая старые документы

своего дедушки — мужа старшей сестры бабушки. Тот был писарем в этом самом «Карательном корпусе». Помнится, эти слова стали буквально шоком для советского мальчишки. Потому что, как и каждый правоверный советский гражданин, автор тогда искренне полагал, что «карательные войска» могут быть только у «фашистов», «белых» и прочих всяких там «буржуев». Но никак не у справедливой и несущей свободу и счастье народам Красной Армии. Да еще Красной Армии образца романтических времен давно прошедшей Гражданской войны. Когда «комиссары в пыльных шлемах» склоняли свои головы над павшими героями...

...Так вот, выдумку талантливого красного палача и карателя Тухачевского можно назвать как «конвейерный расстрел взятых заложников». Когда брались заложники в деревне, а всему населению объявлялось, что если через два часа не будет сдано определенное количество оружия, то все взятые заложники будут расстреляны. После истечения назначенного времени (обычно два-три часа) взятые заложники расстреливались, и на их место из числа селян брались новые заложники.

И вся эта мучительная и изуверская процедура повторялась. В некоторых деревнях приходилось проводить по три расстрела заложников, прежде чем объявленный красными карателями «план по сдаче оружия» выполнялся. Кроме того, Тухачевский придумал еще одну талантливую людобойскую задумку — на Тамбовщине по его приказу расстреливались все схваченные красными карателями жители, которые отказывались называть свои фамилии или которые не являлись жителями данной деревни.

До сих пор Тамбовская область, бывшая до революции буквально житницей Российской империи, так и не оправилась от «Тухачевщины». От последствий по-

давления народной крестьянской войны против советской власти талантливым карателем и палачом собственного народа Тухачевским. И это несмотря на то, что вся Тамбовская область расположена на черноземе — богатейшей земле. Черноземе, который немцы во время войны вывозили вагонами в Германию как ценнейшее достояние и сокровище. Еще бы, у них в Германии земля — сплошные супески. В лучшем случае — суглинки...

А ведь Тамбовская область ни разу не была под оккупацией или районом военных действий, за исключением той самой крестьянской войны 1920—1922 годов. Целых 85 лет тому назад. Ни в Гражданскую войну и ни в Великую Отечественную на территории Тамбовщины больше никаких военных действий не бушевало. И тем не менее ужасающая нищета современных жителей сел и деревень на Тамбовщине поражает и сегодня до глубины души, до слез.

В Белоруссии, на территории Полоцкой низменности, Гражданская война продолжалась без всякого перерыва практически до самого конца тридцатых годов. И прервалась только на короткий период в сороковом — сорок первом годах. Потом, уже в сорок втором — сорок третьем годах, когда на этих территориях было организовано советское партизанское движение, советские партизаны во многом опирались здесь на укрепления, землянки, окопы и прочие фортификационные сооружения, построенные в двадцатых — тридцатых годах антисоветскими партизанами-повстанцами.

На Украине и Кубани советскому руководству понадобилось организовывать чудовищный по своему людоедскому размаху искусственный голодомор в 1930—1933 годах. Чтобы, умертвив миллионы и миллионы собственных людей, непокорных соотечественников,

так и не смирившихся с советской властью, и заселив их земли семьями красноармейцев, присланными из других районов страны, полностью подчинить себе эти регионы.

Выше перечислены только самые крупные и значительные эпизоды и регионы активного сопротивления советской власти со стороны населения бывшей Российской империи. А сколько тысяч и десятков тысяч небольших повстанческих отрядов и групп, называемых бандами и бандитами, отчаянно сражалось по всей территории бывшей Российской империи в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, следы деятельности которых так и остались только в секретных анналах-архивах НКВД-НКГБ-МВД-КГБ СССР.

Автору известна судьба одной такой «банды» — банды Некрасова на Воронежчине. В составе той «банды» действовала полностью семья простого русского мужика Григория Некрасова из села Княжья Бай-Гора Воронежской области. Сам Григорий Некрасов, его жена, дочь и трое сыновей. После разгрома «банды Некрасова» и расстрела Григория Некрасова и двух его старших сыновей его жена и дочь так и сгинули в лагерях ГУЛАГа, стерты в «лагерную пыль». А младший сын Некрасова Борис, которому к моменту разгрома «банды Некрасова» было только семь лет, пошел по спецприемникам и лагерям. С тем, чтобы после своей последней пятилетней отсидки, после своего последнего освобождения в 1951 году, приехать в Москву и начать жизнь одинокого волка-волкодава, который почти год нападал и беспричинно убивал московских милиционеров. Все это время проживаясь за счет разбойных нападений на работников московского такси. Когда его поймали все-таки, Борис Некрасов на вопрос следователя, зачем он нападал на работников милиции и убивал их просто так,

безо всякой вроде причины, ответил просто и откровенно: «Да я всю вашу власть советскую — ненавижу!» Об истории «банды Некрасова» и самого Бориса Некрасова автор рассказал подробно в своей книге «Волчья повесть времен Большой Нелюбви».

И таких «банд Некрасова» по всей стране было великое множество.

...А был еще и тридцатый год. Год коллективизации, когда огненным колесом прокатилось по стране страшное слово «колхоз». Когда затрещали по стране сотни тысяч справных хозяйств с работающими, талантливыми работниками. «Кулаков». По сути, золотого фонда, основы успешного развития аграрного сектора огромной крестьянской страны. И все эти сотни тысяч и миллионы талантливейших и работающих людей потянулись многочисленными «эшелонами смерти» на Восток. В пресловутые «отдаленные местности и северные районы страны». Где, брошенные в девственные, по пояс, снега прямо посреди зимы в том, в чем были увезены после ареста с родных земель, так и вымирали целыми эшелонами, не доживши до первой своей ссыльной, подневольной, горькой и голодной весны.

И плюс к этому надо добавить многочисленные волны террора, которые раз за разом обрушивались на вроде бы и так уже покорное население завоеванной страны. Не успела стихнуть волна террора «против кулаков» 1930—1931 годов, как уже развернулась новая волна террора. Теперь уже по делу «Казачьего блока», «Весны», «Промпартии». Которая сметала в подвалы НКВД и в лагерь ГУЛАГа многочисленных уцелевших вроде после Гражданской войны представителей «противоположного лагеря». Колчаковцев, деникинцев, врангелевцев, казачьих офицеров и унтер-офицеров. Только стала рассасываться волна этого террора, как громых-

нула в 1932 году в стране «Первая Безбожная Пятилетка». Девиз которой, провозглашенный главарем Союза воинствующих безбожников Емельяном Ярославским (Минеем Губельманом): «К 1 мая 1937 года в стране не должно быть ни одного живого попа» — отдавал откровенным людобойством. И почти сразу же накатил 1934 год — год «кировского террора». Затем, на излете уже своей жизни, успел попить крови пресловутый Генрих Ягода (Гершель Иегуда). Вурдалака Ягоду на посту народного комиссара внутренних дел СССР сменил вовсе уже монстроватый маньяк Ежов. Наступило мрачное время «ежовщины», «ежовых рукавиц», время «Большого Террора» — 1937—1938 годы. Затем злобного чохоточного карлика Ежова сменил вальяжный пенснэносный Лаврентий Павлович Берия. Тот самый, про которого вздохнул сочинялись и распевались по всей стране стихи-частушки:

Веселится детвора, ликует пионерия,
Сегодня в гости к нам пришел
Лаврентий Палыч Берия...

Хитровыверченный Берия в самом начале своего кровавого пути применил первую «бериевскую амнистию», и какое-то количество людей было выпущено из тюрем и лагерей ГУЛАГа. С выбитыми зубами и отбитыми легкими и почками. Со смертным ужасом в запавших полубезумных глазах. Внесших в и так запуганное советское общество, социум — леденящий кошмар воспоминаний о таежных лесоповалах, воркутинских да колымских шахтах, лютом холоде и недостаточном питании, быстро превращающих даже самого сильного физически человека в опустившегося доходягу-дистрофика.

Не успела кадровая Красная Армия прийти в себя после ужасов Большого Террора 1937—1938 годов, как уже и так прореженное офицерство Красной Ар-

мии вновь охватил панический ужас. Это случилось в 1940 году, после бездарно проведенной советским генералитетом агрессивной войны против маленькой, но мужественной и героической Финляндии. И длилось вплоть до самого начала войны 1941 года. Репрессии и поиски «врагов народа» стали опять возвращаться мрачной действительностью в ряды «непобедимой и легендарной, в боях познавшей радость побед...» Красной Армии.

И вот тут-то и началась война 1941 года.

В стране, население которой, многократно изнасилованное и постоянно, с маниакальной регулярностью мордуемое, еще не забыло, еще не отошло толком от повстанческих будней многочисленных «банд Некрасовых».

В стране, армия которой представляла собой огромную массу запуганных и сбитых с толку безграмотных, аполитичных, люмпенизированных людей. К тому же еще и плохо обученных военному делу. Руководимую полуграмотными комдивами и комполками, совсем недавно бывшими всего лишь лейтенантами и старшими лейтенантами. И при этом не просто не приученными к самостоятельной умственной работе и принятию самостоятельных решений в случае изменения боевой обстановки. А, наоборот, приученными ни в коем случае не проявлять никакой самостоятельности в случае изменения боевой обстановки. Безынициативность и буквальное впадение в ступор советского командования в случае изменения боевой обстановки так и не было изжито им до самого конца войны. И при этом — быстро подмечено и взято на вооружение германскими командирами всех уровней. Один из которых, генерал Ф.Меллентин, выразился об этой особенности ведения войны советскими полководцами такими меткими словами: *«...Наступление велось по принятому у русских принципу:*

уж если «Иван» решил что-то захватить, он бросает в бой крупные массы войск до тех пор, пока не достигнет поставленной цели или не исчерпает всех своих резервов...» (Ф.Меллентин. Танковые сражения 1939—1945. Боевое применение танков во Второй мировой войне. Полигон — АСТ, С-Петербург — Москва, 1998 г. С. 207.)

Подобный способ ведения военных действий только в редких случаях мог привести к успеху. А если и приводил к успеху, то только ценой запредельных потерь собственных солдат и офицеров. Во время войны 1941—1945 годов, в особенности в первые два года войны, дело доходило даже до таких диких случаев. При отбитии у немцев какой-нибудь высоты или другой позиции, давшейся солдатам Красной Армии большой кровью, красноармейцы сбегались посмотреть как на диковинку, если вдруг на этой взятой позиции среди многочисленных трупов советских солдат встречались трупы немцев. В то же время бессмысленное, тупое избиение собственных войск не способствовало повышению и так невысокого боевого духа красноармейцев.

К тому же отношение советского народа в массе своей к вторгающимся на земли СССР германским полкам и дивизиям было совсем не таким, как это принято описывать в сегодняшних псевдоисследованиях на тему прошедшей войны. Да, действительно, военкоматы в центральных городах СССР, таких, как Москва и Ленинград, возможно, и были забиты вихрастыми пареньками со значками БГТО на груди, рвущимися на фронт «комсомольцами-добровольцами». И Зоя Космодемьянская, психически не совсем здоровая девушка, выйдя на свое оказавшееся единственным заданием — сжечь мирную русскую деревню Петришево, искренне считала, что этим самым своим поступком она действительно приближает победу над немецко-фаши-

стскими оккупантами. О том, что до войны она находилась на излечении в психиатрической больнице в Сокольниках, где также проходил курс лечения от приступов сумасшествия Аркадий Гайдар, упоминается в «Московском комсомольце» от 19.02.2003 г. в статье «Дурилка картонная» Е.Маетной. Все это действительно было, и таких или примерно таких примеров можно привести еще немало.

Но в подавляющей массе своей население Советского Союза относилось к немцам несколько иначе. С одной стороны, гитлеровская Германия на протяжении уже почти двух последних лет являлась единственным союзником Советского Союза в мире! Причем не просто каким-то незаметным сателлитом, типа Монголии или Танну-Тувинской народной республики, о которых большинство советского народа толком и не слышало. Нет, Германский рейх был испытанным в боях со злейшим врагом СССР — «белопанской» Польшей — «боевым союзником». И новости о героической борьбе германского вермахта с войсками англо-французской буржуазной коалиции все эти два года регулярно широко распространялись в Советском Союзе. Очередным победам вермахта советские руководители демонстративно аплодировали и радовались, а над неудачами англо-французских вооруженных сил, даже малейшими неудачами — откровенно злорадствовали. Это — с одной стороны. Стороны, так сказать, официальной, точнее — официозной.

С другой стороны, на силы, в первую очередь — военные силы Германского рейха — уповали и надеялись и многочисленные враги советской власти, жившие в СССР. В первую очередь — вожди религиозных организаций как в Советском Союзе, так и за рубежом. При

этом последние имели хорошо налаженные тайные связи на территории самого СССР.

...Как относиться к таким вот пламенным призывам **Первоиерарха Русской Зарубежной Православной Церкви Митрополита Антония (Храповицкого)**, произнесенным им в своем архипастырском послании еще в далеком от войны 1930 году: *«...Я, смиренный Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, старейший из Русских Архипастырей, находящийся волею Божией на свободе от красного плена, возвышаю свой голос, дабы возвестить русскому народу: Православные христиане! Вставайте все против красного Антихриста! Не слушайте ничьих призывов примириться с ним, от кого бы сии призывы ни исходили! Нет мира между Христом и Сатанюю. Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной Сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за русское и Христово дело...»* (выделено мною. — С. В.).

Что, Первоиерарх Русской Зарубежной Православной Церкви Митрополит Антоний — тоже предатель Родины и фашистский прихвостень?

Ой ли?!

Ведь он еще в тридцатом году благословил *«...всякое оружие, против красной Сатанинской власти поднимаемое...»*, и заранее отпустил грехи *«...всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за русское и Христово дело...»*.

«Хорошо, — скажут мне в ответ велеречивые соловушки красноперые, — а тогда Гитлер к власти еще не пришел, так что Митрополит Антоний его и гитлеровскую Германию вовсе не имел в виду».

На это можно сказать следующее: «Во-первых, не надо из Первоиерарха Русской Зарубежной Православной

Церкви Митрополита Антония (Храповицкого) делать несмышленого младенца, который не знал, что в Европе творится и куда в Германии дела клонятся. А во-вторых, мнение и Митрополита Антония, и всех без исключения членов Архиерейского Синода Русской Зарубежной Православной Церкви в самом начале войны 1941—1945 годов озвучил Архиепископ Серафим Берлинский, который сказал буквально следующее: *«...Карающий меч Божественного правосудия обрушился на советскую власть, на ее приспешников и единомышленников. Христолюбивый вождь германского народа призвал свое победоносное войско к новой борьбе, к той борьбе, которой мы давно жаждали — к освященной борьбе против богоборцев, палачей и насильников, засевших в Московском Кремле... Воистину начался новый крестовый поход во имя спасения народов от антихристовой силы... Наконец-то наша вера оправданна!.. Поэтому, как первоиерарх Православной Церкви в Германии, я обращаюсь к вам с призывом. Будьте участниками в новой борьбе, ибо эта борьба и ваша борьба; это — продолжение той борьбы, которая была начата еще в 1917 г., — но увь! — окончилась трагически, главным образом вследствие предательства ваших лжесоюзников, которые в наши дни подняли оружие против германского народа.*

Каждый из вас сможет найти свое место на новом антибольшевистском фронте... Настал последний и решительный бой. Да благословит Господь новый ратный подвиг всех антибольшевистских бойцов и даст им на врагов победу и одоление. Аминь! (выделено мною. — С. В.)»

Вдумайтесь в эти слова... В особенности вот в эти: *«...Наконец-то наша вера оправданна!..»* Это как же надо было доистязать, доизнасиловать донельзя терпеливый русский народ, доиздеваться над ним, над верой его, над святынями его, над душой его, над «все-м-всем»

его — чтобы вырвались из многотерпеливой груди монашествующего, бесстрастного Архиепископа, из груди Владыки, из груди Пастыря такие пронзительные, отчаянные и страшные слова...

...Вам мало этих высказываний? Для вас слова Первоиерархов Русской **Зарубежной Православной Церкви** ничто?

Ну так послушайте слова одного из «наших», российских церковных Первоиерархов. И не просто одного из Первоиерархов, а **Новомученика Российского, умученного коммунистами в 1937 году и ныне прославленного в лике Святых, Архиепископа Феодора (Поздеевского)**. Обратите внимание на год, когда Новомученик Российский Архиепископ Феодор принял мученическую смерть от подлых рук коммунистических палачей — 1937-й. А мученический венец — из рук Господа Бога нашего Иисуса Христа Вседержителя. Это не просто какой-то очередной, случайно пришедшийся год.

Это — год знаменательный.

В этот год должна была победоносно завершиться Первая Безбожная Пятилетка в СССР, торжественно провозглашенная в 1932 году главарем Союза воинствующих безбожников Минеем Губельманом. Цинично присвоившим себе «ярославскую» кличку Емельян Ярославский.

Девиз этой пятилетки был — **«К Первому мая 1937 года в СССР не должно остаться ни одного живого попа!»**. Пятилетка эта, как и все без исключения советские пятилетки, с крахом провалилась. Но до сих пор толком не сосчитанные тысячи и тысячи священников и монашествующих обрели свой мученический венец. Приняли скорбную и лютую смерть от рук бесовствующих безбожников типа Минея Губельмана и его приспешников из числа не только интернациональных высев-

ков разных народов и наций. Но и — к стыду огромному — русских иванов, не помнящих родства. Переставших быть русскими. Переставших быть крестьянами — от слова Христианин. И ставших колхозниками и совхозниками. Комсомольцами, пионерами, коммунистами, бригадмильцами, десятитысячниками, двадцатипяти тысячами, ударниками.

И прочей накипью...

...Ниже приведен уникальный документ — указание главара коммунистов и руководителя Советской России Ульянова (Ленина) главарю зловещей ВЧК Дзержинскому об уничтожении «попов и религии». Как видно из документа, уничтожение это предлагалось проводить самыми жестокими и одновременно — крайне подлыми методами. *«...Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.*

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады...» К этой мерзости — поистине — ничего не прибавишь. Просто какая-то квинтэссенция мерзости, жестокости за гранью патологии и лютого бесчеловечного цинизма...

...Вот такой был «дедушка Ленин», однако...

Но тогда уничтожить все же Православие в душах людских не удалось.

И теперь уже Миней Губельман (Емельян Ярославский) повел своих «воинствующих безбожников» на новый, по замыслу кремлевских вождей, последний, окончательный бой с Православием в России.

Агитационная почтовая карточка-открытка «Союза воинствующих безбожников», призывающая подписаться на журнал Союза — «Безбожник у станка».

А теперь внимательно прочитайте слова о фашизме Святого Новомученика Российского Архиепископа Феодора (Поздеевского): «...Мы в то же время очень внимательно следим за все возрастающей деятельностью фашистов на Западе, к которым мы относимся сочувственно. К фашизму мы признательно относимся, как к силе, борющейся за уничтожение враждебной нам коммунистической идеологии во всем мире.

Практика и деятельность фашизма дает нам уверенность, что коммунизм победить можно. Но наша организация, учитывая силу и крепость Советского Союза и относительную еще слабость нашей организации, непосредственной задачи свержения советской власти в ближайшее время не ставила. Мы ждали помощи в этом деле со стороны интервентов... Говоря о фашизме и его распространении на Западе, мы рассматривали его деятельность как положительную сторону для Русской Церкви, в особенности поскольку фашизм является такой силой, которая может противопоставить себя коммунизму, создает ему серьезную угрозу. В этом смысле мы стоим за борьбу фашизма против коммунистической идеологии, отсюда и против советской власти (выделено. — С.В.)».

Что, его — Святого Новомученика Архиепископа Феодора — тоже «предателем Родины» и «фашистским прихвостнем» назовем?

Внимательно вчитайтесь в выделенные автором строки. Они ясно свидетельствуют о том, что не фашизм (то есть германский национал-социализм) сам по себе был привлекателен для русских религиозных деятелей, как в России, так и за рубежом. А только лишь и единственно лишь как сила, которая «...может противопоставить себя коммунизму, создает ему серьезную угрозу...». И только поэтому, только «...в этом смысле...» русские

патриоты приветствовали и благословляли *«...борьбу фашизма против коммунистической идеологии, отсюда и против советской власти...»*.

И многие и многие простые русские, украинские, белорусские, татарские, калмыцкие и прочие люди, населявшие территорию Советского Союза, вняли именно этим призывам своих духовных Пастырей. А также послушались голоса своей совести, а не только своих церковных Пастырей. И поднялись вместе с фашистами, в союзе — временном союзе — на *«...борьбу фашизма против коммунистической идеологии, отсюда и против советской власти...»*. И сразу же моментально и на веки вечные стали в глазах «советских патриотов», советской власти — предателями Родины и России. Почему — предателями Родины и России? Может быть, они и стали предателями советской власти, но при чем здесь Родина? При чем здесь Россия? Предавая советскую власть, а если говорить точнее — отрекаясь и отряхиваясь от советской власти, они ни на минуту Россию не предавали. Они и отряхивались-то от советской власти и советской идеологии именно ради возрождения своей Родины, своей России. И Родину свою — те самые «...ветви берез, что над заводью гнутся...» — они также этим не предавали. За что же их предателями заклеямили-то, а? И ведь до сих пор клеймят предателями России, предателями Родины...

О них, бывших репрессированных советской властью миллионах советских людей, которые с приходом немцев не стали «советским патриотами», а активно взялись бороться с этой самой властью, Александр Исаевич Солженицын очень четко, емко и метко заметил на страницах все того же великого произведения «Архипелаг ГУЛАГ»: *«...Пока была наша сила — мы всех этих несчастных душили, травили, не принимали на работу, гнали с*

квартир, заставляли подыхать. Когда проявилась наша слабость, мы тотчас же потребовали от них забыть все причиненное им зло, забыть родителей и детей, умерших от голода в тундре, забыть расстрелянных, забыть разорение и нашу неблагодарность к ним, забыть допросы и пытки в НКВД, забыть голодные лагеря — и тотчас же идти в партизаны, в подполье и защищать Родину, не щадя живота. (Но не мы должны были перемениться! И никто не обнадеживал их, что, вернувшись, мы будем обращаться с ними как-нибудь иначе, чем опять травить, гнать, сажать в тюрьму и расстреливать.)

При таком положении чему удивляться верней — тому ли, что приходу немцев было радо слишком много людей? Или еще слишком мало?

...В том же Ростове в первые дни войны арестовали инженера Александра Петровича М.-В., он умер в следственной камере, жена несколько месяцев тряслась, ожидая и своего ареста, — и только с приходом немцев спокойно легла спать: «Теперь-то по крайней мере выплюсь!» Нет, она должна была молить о возвращении своих палачей... (выделено мною. — С.В.)»

...Задумайтесь над этими словами несчастной и ни в чем не виновной простой русской женщины: «...**Теперь-то по крайней мере выплюсь!**» Как надо затравить, загнать простого русского человека, чтобы вырвались у него из груди эти отчаянные, страшные в своей отчаянности слова — **Теперь-то по крайней мере выплюсь!** Человек доведен до крайности, до запредельного перенапряжения — и за что? Да ни за что, совершенно ни за что!

Власть, которая просто так, для профилактики, ни за что, на всякий случай, доводит простых своих сограждан до **такого** состояния, не имеет никакого права на существование.

И священная обязанность в этом случае каждого честного и порядочного гражданина — приложить все свои силы, все умение, все способности для того лишь и только для того, чтобы как можно скорее свергнуть такую людофобскую власть, смести ее с лица земли...

...А возвращаясь к фашизму и временному союзу с ним подлинных российских патриотов, можно только констатировать, что тысячу раз был прав современный богослов, магистр богословия протоиерей Георгий Митрофанов из Санкт-Петербурга, как-то горько и очень метко сказавший: «...И не нравственной виной, а исторической бедой всех русских патриотов, повернувших в годы войны оружие против Сталина, явилось то обстоятельство, что их единственным, хотя и весьма вероломным союзником... оказалась нацистская Германия...»

Эти мудрые горькие слова современного священника-богослова являются своего рода эпитафией всему Движению Антисоветского Сопротивления в годы прошедшей войны 1941—1945 годов.

Резюмируя все вышеизложенное, можно отметить здесь следующее.

Начало войны 1941 года, когда германские войска на какие-то две-три недели опередили изготавливающуюся к тотальному наступлению на Европу Красную Армию, застало всех в СССР врасплох.

В первую очередь — застало врасплох саму Красную Армию, собиравшуюся для решительного броска на Запад вдоль заранее, еще осенью 1939 года, таким образом прочерченной границы, что она идеальным образом подходила для наступления на Запад. Но никоим образом не годилась для глухой обороны от вторжения с Запада. Потому что оборонять Белостокский и Львовский «балконы» было крайне неудобно, ибо войска, находившиеся там, с первой секунды начала войны уже

оказывались фактически в полуокружении. Иметь границу вышеупомянутой конфигурации было выгодно только в одном случае. Если бы Красная Армия с этих «балконов» осуществила отсекающие удары глубоко в тыл войскам вермахта, расположенным восточнее Вислы. И тут надо иметь в виду, что такую конфигурацию германо-советской границы в 1939 году предложила не Германия, а Советский Союз.

Да, да, Советский Союз.

Потому что в августе 1939 года, при подписании пресловутого «пакта Молотова—Риббентропа», конфигурация границы была совершенно иной. И договорились тогда до совершенно другого. Тогда договорились, что Германия забирает себе бывшие имперские германские земли, оказавшиеся после окончания Первой мировой войны в составе Польши. А именно — Данцигскую землю, «Польский коридор», «Позенскую (Познаньскую) провинцию» и Верхнюю Силезию. А СССР забирает себе «Западную Украину» и «Западную Белоруссию», отдавая при этом территорию «Виленского края» — Литве. На оставшихся же после этих «выемок» из состава 2-й Речи Посполитой территориях образуется некая «Остаточная Польша» — государство, формально независимое, но находящееся под совместным контролем Германии и СССР. И границей сфер влияния, сфер контроля этих двух государств в «остаточной Польше» как раз и являлась река Висла. Кстати, именно по такой схеме была образована впоследствии — в апреле 1941 года — «Независна Држава Хрватска», Хорватия. Внешне она имела все атрибуты независимого государства — территорию, вождя, правительство, послов и посольства в других европейских государствах, герб, флаг, армию, почтовые марки. Но точно посередине государства была прочерчена линия раздела сфер влияния между

Германией и Италией. И севернее этой линии располагались германские оккупационные войска, а южнее — итальянские. Примерно такой же должна была стать в 1939 году и «остаточная Польша».

Но в последний момент, уже в ходе германо-польской и советско-польской войны, 19 сентября 1939 года Сталин выбросил, как бывалый шулер выбрасывает заранее запасенного туза из рукава, совершенно новые предложения:

1. Никакой формально-независимой «остаточной Польши» не образовывать.

2. Территорию «остаточной Польши», находившуюся в сфере влияния СССР, т.е. восточнее реки Висла, СССР предлагает «обменять» на территорию Литвы, признанную СССР и Германией, согласно «пакту Молотова—Риббентропа», как относящуюся к сфере влияния Германии.

3. Новая германо-советская граница была Сталиным прочерчена так, что при своем пролегании на местности она образовывала два больших плацдарма, «балкона», далеко выступающие на запад в глубь территории Германии. В районе Белостока — на севере и в районе Львова — на юге. Причем к этническим границам эти вновь образованные плацдармы никакого отношения не имели. Потому что после войны один из этих плацдармов — Белостокский — пришлось полностью возвращать новой, марионеточной Польше из-за того, что население этого «Белостокского округа» было практически полностью польским. Так же по этой же самой причине пришлось вернуть Польше и обширные территории южного плацдарма — Львовского.

И при этом на обдумывание своих предложений СССР давал Германии совсем немного времени — один день. В условиях искусственного умело созданного

Сталиным «цейтнота» Гитлер, так толком и не поняв, что это все означает на самом деле для Германии, согласился на такой «обмен». Крайне невыгодный для Германии. Так как она лишалась при этом обмене выступавшей на восток территории Литвы и получала два плацдарма, нацелившиеся на глубинные территории Германии. Единственным условием своего согласия облапошенный Сталиным Гитлер поставил при этом — обеспечение свободного и беспрепятственного выезда из Литвы всех немцев в Германию. На что советское руководство согласилось с чувством огромного облегчения. Так как ему немецкое население на вновь приобретенных землях вовсе было ни к чему.

...И вот теперь Красная Армия была застигнута врасплох. С «балконами», битком набитыми войсками... С многочисленными аэродромами, выдвинутыми чуть ли не к самой границе... Со знаменитой Брестской крепостью, кишашей войсками нескольких дивизий, запертыми в этой крепости, расположенной прямо на пограничной реке Буг... С многочисленными воинскими эшелонами, спешащими по железным дорогам, а также по шоссе и проселкам — на запад... С ни на что теперь уже не годными подробными картами Восточной Пруссии, Генерал-Губернаторства, Венгрии, Румынии в планшетах советских командиров...

А самое главное — с нерассуждающими и до панических коллик под ложечкой боящимися проявления любой инициативы, запуганными командирами и генералами на местах. И такими же нерассуждающими и запуганными генералами и маршалами — наверху, в Москве...

Армия с командным составом, низшее звено которого — на полковом, дивизионном и корпусном уровнях — представляло собой недавних лейтенантов, старших лейтенантов и капитанов. Ставших в одночасье — после

скорых и массовых расстрелов своих непосредственных начальников и командиров — подполковниками, полковниками и генерал-майорами. А высшее звено этого командного состава представляли собой уцелевшие путем крайней изворотливости и подлости герои былой Гражданской войны. Талантливые каратели и палачи собственного народа, когда-то додумавшиеся до таких хитровыверченных штук, как конвейерные расстрелы заложников, массовое применение отравляющих газов против сел, деревень и лесов собственной страны, массовый гон населения собственной страны в многочисленные концлагеря...

Но совершенно ничего не понимающие в тактике и стратегии современной войны, войны моторов и прорывов танковых клиньев.

И такая армия, с такими командирами, при таком расположении вдоль границ — была просто обречена на катастрофическое поражение в первом, приграничном сражении. И быстром отступлении для приведения себя в порядок в глубь страны.

И вот здесь-то, во время отступления именно в глубь страны, и сыграли свою резко отрицательную роль все эти «мирные» приобретения Советским Союзом территорий и стран, граничащих с предвоенным СССР. Советская пропаганда все десятилетия после войны долдонила (а современные постсоветские, теперь уже российские, исследователи продолжают долдонить до сих пор!) о том, что заблаговременно отодвинутые на запад на 300—400 километров в результате миролюбивой политики Советского Союза западные границы СССР позволили Красной Армии в сорок первом году избежать тотального поражения. И проигрыша всей войны — уже к осени сорок первого года. То есть позволили из-

бежать настоящего блицкрига. Спасли, одним словом, и Советский Союз, и весь мир...

Автор рискнет утверждать прямо противоположное: отодвинутые в течение 1939—1940 годов на 300—400 километров на запад границы Советский Союз не усилили, а существенно ослабили.

Потому что западная граница СССР, сложившаяся по результатам Гражданской и советско-польской 1920 года войн, все эти два с лишним послевоенных десятилетия Советским Союзом всячески укреплялась. Весь период с 1920 по 1939 год СССР был один в мире в окружении врагов. Это ведь только после «пакта Молотова—Риббентропа» у него появился мощный военный союзник — Германский рейх. И самый главный враг у СССР был на западной границе, и враг этот был — «белопанская» Польша. А точнее — страны-лимитрофы (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Румыния) во главе с этой самой «белопанской» Польшей. Польшей, которая поддерживала на протяжении всех этих более чем двадцати лет антисоветское движение вооруженного сопротивления в Белоруссии и на Украине. Нельзя забывать здесь того факта, что антисоветское повстанческое движение в Полоцко-Лепельской зоне пошло на убыль только после разгрома Польши в 1939 году. А подавлено было частями НКВД СССР только перед самой войной 1941 года.

Все эти более чем двадцать лет СССР был вынужден всячески укреплять свои западноевропейские границы. И если бы он встретил войну 1941 года на своих «старых» границах, кстати и начертанием своим почти идеально подходивших для обороны, то исход первых двух месяцев войны был бы совершенно иным. По крайней мере такого разгрома, как в июне-июле 1941 года, пусть

даже и с тем же самым командно-руководящим составом, все равно бы не было.

Сдвигание же границы на 300—400 километров на запад привело в первую очередь к демонтажу старой оборонительной линии укреплений — «линии Сталина» — вдоль «старых» границ. Новые же оборонительные линии вдоль «новых» границ никто в СССР серьезно устраивать и не собирался. Не для того Сталин заманил Гитлера на новые границы с их подчеркнута наступательной конфигурацией, чтобы их укреплять для маломальски серьезной обороны. Если какое-то обустройство оборонительных позиций здесь и происходило, то было оно сугубо показательным, если не сказать показушным. И проводилась эта показуха только для того, чтобы «втереть очки» новому «другу Адольфу».

Не зря летом сорок первого года войска Красной Армии так стремились как можно скорее достичь, буквально добежать до «старой» границы. Где их, к сожалению советских полководцев, ожидали стоявшие безо всякого вооружения, а то и вовсе разрушенные годом ранее инженерными частями Красной Армии пустые и разукомплектованные доты, дзоты и прочие бункера с капонирами...

И в этих условиях поспешное оставление Красной Армией не только практически всех «новых территорий» СССР, но и немалых кусков «старых территорий» было неизбежным.

А здесь уже встают во весь рост два вышеупомянутых фактора, касающиеся населения СССР.

Первый фактор. Фактор неготовности со стороны той части населения СССР, которая была лояльна советской власти, видеть в наступающих «на территорию первого в мире государства рабочих и крестьян» германских войсках своего лютого и смертельного врага.

Потому что только что еще эти самые войска и это самое государство было самым верным, да что там самым верным — единственным союзником СССР во всем мире. И не просто союзником, а проверенным боевым товарищем. Бок о бок вместе с которым — только недавно, в 1939 году — Красная Армия сокрушила самого главного врага СССР на протяжении всех послевоенных лет — «белопанскую» Польшу.

Второй фактор. Фактор ориентирования нелояльного советской власти населения СССР на фашистскую Германию, как на силу, *«...которая может противопоставить себя коммунизму, создает ему серьезную угрозу»*. И эта латентная часть населения СССР стояла — меньшей частью — активно, большей частью — пассивно, но *«...за борьбу фашизма против коммунистической идеологии, отсюда и против советской власти...»*.

И на всю эту гремучую смесь мощным детонатором накладывалось явное нежелание сельского населения Советского Союза защищать советскую власть. В первую очередь власть, давшую простому русскому крестьянину неподъемное без хлесткого удара коммунистической плети рабское ярмо колхозов и совхозов. При этом не надо забывать того факта, что даже несмотря на насильственную, подневольную индустриализацию советского государства оно в начале сороковых годов все еще представляло собой по большей части крестьянское государство. Государство, где большая часть населения была крестьянами или бывшими крестьянами, еще не забывшими своего крестьянского происхождения.

А нет на свете для любого крестьянина ничего более ненавистного и нелюбимого, чем колхоз или совхоз. Не зря потом на оккупированных германскими войсками территориях руководители советских партизан всяче-

ски распространяли и поддерживали слухи о том, что в Советском Союзе колхозы на неоккупированных территориях уже отменены. Или вот-вот будут отменены. Или будут отменены сразу же после окончания войны. Но отменены обязательно и безо всяких условий. Отменены навечно, навсегда.

Поэтому когда германские войска в своем наступлении на Москву стали вступать не только на территории «новых частей СССР», но и на «старые» советские территории, то их встречали не как лютых и смертельных врагов.

Интеллигенция, запуганная непонятно с чего начинающимися и неизвестно где оканчивающимися совершенно аналогичными репрессиями, не поддающимися никакому мало-мальски серьезному анализу, донельзя задолбленная более чем двухдесятилетним неустанным превращением ее в «говно нации», встречала немецкие войска, видя в них потомков Шиллера, Гете и Канта. Здесь, разумеется, речь идет о русской интеллигенции, так как выращенная новым режимом советская интеллигенция, по глубокому и искреннему мнению автора, настоящей интеллигенцией никогда не являлась.

И при этом городское население встречало наступающие войска далеко не как стихийное бедствие. Подтверждением этим строкам служат воспоминания генерал-полковника Хайнца Гудериана. В своей книге «Воспоминания солдата», вышедшей в Ростове-на-Дону в 1998 году в издательстве «Феникс», Гудериан, описывая ход боевых действий, между прочим, на стр. 207 пишет и такие строки: *«...У Сенча, в 11 км южнее Лохвица, были отмечены крупные сосредоточения русских. Я продолжил свою поездку и въехал в город Ромны, по улицам которого мирно гуляли празднично одетые толпы местных жителей. После Почепы и Конотопа Ромны был*

наиболее благоустроенным русским городом, в котором мне до сих пор приходилось бывать... (выделено мною. — С.В.)». Все описанное генералом Гудерианом происходило 14 сентября 1941 года, в самый разгар битвы за Киев. При этом обратите внимание — город Ромны только накануне был занят частями германской армии. Со дня на день разразится Киевская катастрофа, в результате которой только пленными Красная Армия потеряет около 650 000 человек. А в это же самое время в только что захваченном немецко-фашистскими оккупантами городе Ромны на улицы повываливали *«...празднично одетые толпы местных жителей...»*. Хотя, если принимать на веру версию советских агитпроповцев и постсоветских соловушек красноперых, все жители города Ромны должны были как один стоять насмерть до последней бутылки с зажигательной смесью на наскоро возведенных поперек улиц города баррикадах. В данном случае фраза воспоминаний генерала Гудериана *«...празднично одетые толпы местных жителей...»* означает ни много ни мало как смертный приговор всей шестидесятилетней взхлебной агитации соловушек красноперых. Той самой, относительно монолитного советского патриотизма у всех без исключения жителей бывшей Российской империи.

Дальше — больше. Через несколько дней германские войска генерала Гудериана захватили город Глухов. Когда сам генерал Гудериан приехал в конце сентября в этот город, к нему обратилась делегация местных жителей. Думаете, с протестом против наглой оккупации? Нет. Генерал Гудериан так описывает эту встречу на стр. 221 вышеупомянутых воспоминаний: *«...Население Глухова обратилось к нам с просьбой разрешить им снова пользоваться своей церковью. Мы охотно дали им разрешение на это...»* Поражает здесь и

просьба населения, и то, что Гудериан не просто дал свое разрешение, а дал его «с охотой», с удовольствием.

Аналогичные строки есть и в воспоминаниях генерал-фельдмаршала Федора фон Бока. На стр. 262 вышеупомянутых воспоминаний он пишет: «...*Вчера во многих населенных пунктах стали действовать в соответствии со своим прямым предназначением храмы, превращенные большевиками в кинотеатры и всякого рода «выставки безбожников». Население иногда за многие километры пешком добиралось до церквей, помогало прибирать в них и украшало цветами. Вернулось множество десятилетиями скрывааемых икон. По завершении военно-церковной службы в церкви устремились люди — причем не только пожилые, но и молодежь, они припадали к святыням — даже к крестам на груди наших капелланов. Служба продолжалась до самого позднего вечера...* (выделено мною. — С.В.)». Как вы думаете, те «...*не только пожилые, но и молодежь...*», кто «...*припадали к святыням — даже к крестам на груди наших капелланов...*» — как они относились к немцам, к этим самым немецко-фашистским оккупантам? Как к лютым и смертельным врагам? Сомневаюсь... То же самое можно сказать и о населении, которое «...*иногда за многие километры пешком добиралось до церквей, помогало прибирать в них и украшало цветами...*». Люди, которым позволили самое святое, что у них было в жизни, — открыто исповедовать свою Веру в Господа, не станут врагами тех, кто позволил сделать им это. Интересно, а какого отношения к немцам ожидали от простого русского населения те самые «большевики», которые превратили самые святые места для русского Православного человека — Храмы Божии — «...*в кинотеатры и всякого рода «выставки безбожников»?*

Сельские жители встречали немцев с одной затаенной мыслью: что эти черти рогатые сделают с колхоза-

ми? Распустят или нет? И там, где эти ненавистные изобретения советской власти распускались, а земля, инвентарь, постройки и прочее делились между местными жителями, там устанавливалась всеобщая атмосфера антисоветского восприятия окружающей действительности. Но даже и там, где колхозы превращались немецкими оккупационными властями в «госхозы», сельское население также относилось попервоначально к оккупантам без лютого недоверия и вражды.

И здесь можно смело констатировать очевидный и не нуждающийся в дополнительных подтверждениях факт. Подавляющая масса мирного населения оккупируемых советских территорий — как «новых», так и «старых» — встречала входящие в деревни, села и города германские войска если не открыто с цветами и мирно гуляющими по улицам празднично одетыми толпами людей, то уж, во всяком случае, без какой-либо вражды и ненависти.

А на не оккупированных пока еще советских территориях такая же подавляющая масса населения ожидала этой оккупации если и со страхом и тревогой, то и одновременно с большой и трепетной надеждой, что наконец-то смогут наступить нормальные человеческие времена, нормальные человеческие отношения, нормальная человеческая жизнь. То есть жизнь без советской власти, жизнь без НКВД, жизнь без статьи 58 УК РСФСР, жизнь без «ОСО» — пресловутых «троек». Жизнь без «врагов народа», среди которых все больше и больше попадались люди знакомые, близко знакомые, совсем близко знакомые... Лица которых обязательно надо было тщательно вымарывать из совместных фотографий. Каждый раз при этом с замиранием трепещущего сердечка с ужасом спрашивая себя, а кто будет следующим? А теперь кто? А теперь?

И в этих условиях с каждым новым городом, сдан-

ным германским войскам, страх перед советской властью все больше и больше отступал и рассеивался. А надежда на нормальную человеческую жизнь без советской власти все более и более возрастала. И народ советский, неотъемлемой частью которого и являлась Рабоче-Крестьянская Красная Армия, все больше и больше отказывал советской власти и ее представителям в своей поддержке.

И это еще более усиливало происходивший на фронте процесс распада кадровой армии РККА, «Армии вторжения», «Армии завоевания Европы». Уродливо, с перекосами насыщенной десятками тысяч танков. Которыми кое-как управляли вчерашние безграмотные или в лучшем случае полуграмотные колхозники. Обученные за несколько часов практических занятий только более-менее двигаться взад-вперед на этих железных монстрах. Которыми управляли командиры, в лучшем случае обученные только командам, отдаваемым руками и флажками. Армии, также уродливо, с перекосами насыщенной и десятками тысяч самолетов. Управляемых «летчиками одного боя», «одноразовыми летчиками». Обученными за три-пять часов практических занятий в небе только взлетать и садиться на своих сырых, зачастую с браком поставляемых многочисленных самолетах.

Да, было много, очень много случаев отчаянного сопротивления отдельных групп солдат и командиров. Отстреливавшихся до последнего патрона, последней гранаты, последнего удара саперной лопатки в страшном рукопашном бою.

Но подавляющее большинство «Армии вторжения», кадровой армии РККА, стремительно разваливалось в эти два летних месяца 1941 года. Ныне стали известными цифры потерь Красной Армии с 22 июня до окончания битвы под Москвой. Они были озвучены во время

празднования 65-летней годовщины битвы под Москвой. Из СМИ и многочисленных выступлений представителей властей стало известно, что за этот период Красная Армия потеряла только убитыми три миллиона человек. Если к этим цифрам прибавить от 3,7 до 3,9 миллиона пленных красноармейцев, которые вермахт захватил с 22 июня по 31 декабря 1941 года, а также примерно 3—4 миллиона раненых, то получившееся число в 10,2—10,5 миллиона человек и будет составлять всю кадровую армию РККА на период начала войны. Да еще и с включением в это число нескольких миллионов пополнения из числа мобилизованных за этот период граждан СССР.

Так что можно смело утверждать, что кадровая армия РККА, а уж тем более «Армия вторжения» была полностью, «с запасом», истреблена в эти несколько первых месяцев 1941 года.

Потому что народ бывшей Российской империи, так и не успевший еще полностью и окончательно трансформироваться в *«новую историческую общность людей — советский народ»*, не стал защищать советскую власть. Тая в душе своей призрачную надежду на то, что приходящий ему на смену новый режим, новая власть окажется союзником русского народа в деле восстановления и возрождения национальной России. И эта новая, возрожденная, национальная Россия наконец-то позволит русскому народу зажить по-человечески, нормальной жизнью православного человека-труженика.

Владислав Гончаров

ГЕНЕРАЛ ПАВЛОВ — ПОРТРЕТ НА ФОНЕ КАТАСТРОФЫ

Начиная с 60-х годов и по сей день отечественные (и не только) историки ведут затяжной спор о причинах тяжелейших поражений советских войск летом 1941 года. Долгое время по этому вопросу существовало две основных точки зрения.

Первая (условно назовем ее «главпуровской») утверждала, что основной причиной поражений Красной армии в 1941 году было подавляющее численное и техническое превосходство немцев, усугубленное внезапностью нападения.

Согласно другому взгляду, корни трагедии 41-го кроются в репрессиях конца 1930-х годов, когда были физически уничтожены или отправлены в лагеря наиболее опытные советские военачальники. Эта версия родилась в начале 1960-х годов и получила широкое хождение в художественной литературе — достаточно вспомнить великолепную повесть Григория Бакланова «Июнь 41-го года». В той или иной мере ее придерживались многие мемуаристы тех лет. Особое же распространение эта версия получила с конца 1980-х, а в 1990-х стала доминирующей.

Лет двадцать назад появилась и начала быстро обретать популярность третья версия. Согласно ей и армия была сильна, и командиры вполне соответствовали требованиям, и немцев РККА могла разгромить в два счета — просто враг упредил нас, ударив как раз в тот мо-

мент, когда советские войска собирались наступать и не были готовы к обороне.

Нетрудно заметить, что последняя версия по сути является лишь разновидностью «главпуровской» — только с обратным идеологическим знаком. Впрочем, в последние годы этот знак тоже начал меняться в обратную сторону. Ныне все чаще приходится встречать не возмущение коварством Сталина и большевиков, задумавших разгромить немцев и покорить Европу, а сожаление о том, что этот план так и не удалось осуществить...

К сожалению, главная причина отсутствия ясной картины событий 1941 года в том, что их непредвзятый анализ до сих пор подменяется идеологией. Вместо поиска объективных причин поражения большинство исследователей пытались и пытаются объяснить случившееся внешними факторами. Эта тенденция ведет начало еще от следователей НКВД, искавших в действиях арестованных генералов Западного фронта измену и заговор; подобно этим следователям, многие историки сводят все к преступным действиям политического руководства страны, якобы едва ли не сознательно обезглавившего прекрасную, умелую и высокопрофессиональную армию.

Так или иначе, первыми виновными в поражении оказались именно военные. Они и поплатились за это больше всех. Уже 16 июля 1941-го появился приказ Государственного Комитета Оборона за № 169сс, поименно назвавший виновников катастрофы. Приказ этот носил гриф «совершенно секретно», однако — таковы особенности нашей секретности — был распечатан во многих экземплярах, и полагалось не только ознакомить с ним командующих военными округами, командиров корпусов и дивизий, но и зачитать его во всех ротам, батареям, эскадронах, авиаэскадрильях.

...Государственный Комитет Оборона, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;

2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;

3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;

4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова...

Но что же собой представляли советские командиры, сначала объявленные изменниками и расстрелянные, а через пятнадцать — двадцать лет реабилитированные и превратившиеся в мучеников?

Остановимся же на судьбе одного из них, самого знаменитого и высокопоставленного.

Дмитрий Григорьевич Павлов родился в 1897 году в деревне Вонюх Костромской губернии (ныне деревня Павлово), в крестьянской семье. Участвовал в Первой мировой войне, дослужился до унтер-офицера, в 1916 году попал в плен. Вернулся в Россию лишь после заключения мира с Германией, в 1919 году вступил в Красную Армию, был помощником командира полка, затем командовал эскадромом. В 1920 году окончил пехотные курсы, два года спустя — Омскую высшую кавалерийскую школу, командовал полком и кавалерийской бригадой. С 1925 по 1928 год учился в Военной академии имени Фрунзе. За участие в боях на КВЖД награжден орденом Красного Знамени.

В 1931 году Павлов направляется на курсы при Военно-технической академии в Ленинграде, после которых командует в Белорусском военном округе механизированным полком, а затем механизированной бригадой.

В октябре 1936 года его командируют в Испанию в качестве главного советника танковых войск, одновременно он командует танковой бригадой, а затем и всеми танковыми войсками республиканской Испании. Здесь Павлов становится генералом (правда, пока лишь испанским), получает орден Красного Знамени, орден Ленина и, наконец, становится Героем Советского Союза. В июле 1937 года он возвращается домой, где получает внеочередное воинское звание «комкор» и назначается заместителем начальника Главного Автобронетанкового управления РККА, а с декабря того же года становится начальником этого управления.

В этой должности он участвует в советско-финской войне, после которой получает новое назначение — командующим войсками Белорусского (с 11 июля 1940 года — Западного Особого) военного округа. Еще в мае 1940 года, при введении в РККА персональных воинских званий, Д. Г. Павлов становится генерал-полковником, а в начале 1941 года — генералом армии.

В этой карьере особо привлекает к себе внимание стремительный рост в 1936—1937 годах: всего за год от командира бригады до комкора и главного руководителя всех танковых войск страны¹. Выдвиженец? Безусловно. Но вот только биографии репрессированных полководцев мало чем отличались от биографий тех, кто пришел им на замену, в том числе и самого Павло-

¹ Строго говоря, ГАБТУ руководило не войсками, а их подготовкой, учебой и оснащением. Сами же танковые же части подчинялись местному армейскому командованию.

ва — и возрастом, и участием в Гражданской войне, и датой вступления в партию. Так что не в опыте здесь было дело — за три-четыре предвоенных года опыт на новом посту вполне можно было приобрести. И он приобретался, пусть и не всегда полный — Испания, Халхин-Гол, Финляндия...

Беда в том, что для осмысления этого опыта требовался другой уровень культуры — культуры управления, культуры мышления и восприятия информации, культуры отношения к людям. А для приобретения такой культуры трех лет в Академии имени Фрунзе, увы, было маловато. Эта культура закладывается даже не годами — десятилетиями, и напрямую зависит от общего культурного уровня всего населения страны, а не только отдельной социальной группы, из которой рекрутируются руководящие кадры для многомиллионной армии и для еще более многомиллионной промышленности. Как писал в свое время французский маршал Фердинанд Фош, сам имевший степень бакалавра литературы:

«Будущее, несомненно, еще более подчеркнет абсолютную необходимость, особенно для офицера, наряду с профессиональными знаниями обладать и общей культурой. По мере того как расширяется область войны, должен расширяться и ум тех, кто ее ведет. Хороший офицер больше не может довольствоваться профессиональными знаниями... Одних технических знаний недостаточно. Они должны быть дополнены всесторонним развитием»¹.

Но что же представлял собой Д. Г. Павлов с профессиональной точки зрения? По этому поводу среди мемуаристов существуют диаметрально противоположные мнения.

¹ Фош. Ф. Воспоминания (Война 1914—1915 гг.). М.: Воениздат, 1939. Стр. 12—13.

Вот что пишет в своей книге «На службе народу» маршал К.А. Мерецков, близкий друг Павлова, сам когда-то попавший под маховик репрессий:

«В некоторых современных изданиях встречаются порой замечания, как будто бы те танкисты, которые сражались в Испании, некритически переносят боевой опыт в СССР. В частности, они якобы отрицали самостоятельную роль танковых войск и уверяли, что танки могут лишь сопровождать пехоту. Особенно часто упоминается в этой связи имя Д. Г. Павлова.

Мне хочется защитить здесь его имя. Нападки эти напрасны, а их авторы ставят вопрос с ног на голову. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Павлов справедливо доказывал, что те легкие танки, которые были у нас, вроде Т-26, не способны решать крупные задачи; между тем роль танковых войск растет с каждым месяцем; значит, нам необходимо улучшать имеющуюся технику, сдавать новые танки, более мощные и подвижные. Фактически этот тезис и был претворен в жизнь, ибо за него ратовала сама же жизнь. Танки Т-34 и другие, прославившие себя в годы Великой Отечественной войны, являлись не чем иным, как мечтой Д. Г. Павлова, воплощенной в металл. Отсюда видно, сколь неправильно переносить его критические замечания, сделанные по устаревшей технике, на принципы использования танковых войск»¹.

С другой стороны, Н. С. Хрущев (в те годы — первый секретарь ЦК Компартии Украины и член Политбюро ЦК ВКП(б) в своих воспоминаниях (надиктованных уже после отстранения от власти) отзываясь о Павлове совсем по-другому:

¹ Мерецков. К.А. На службе народу. М. Воениздат, 1983. Стр. 187.

«Это, по-моему, было в 1940 году, когда я приехал в Харьков посмотреть на испытания танка Т-34.

Этот танк испытывал сам командующий бронетанковыми войсками Красной Армии Павлов. Это человек прославленный, герой испанской войны. Там он выделился как боевой танкист, бесстрашный человек, умеющий владеть танком. В результате этого Сталин назначил его командующим бронетанковыми войсками.

Я любовался, как он на этом танке буквально летал по болотам и пескам... Затем он вышел из танка, подошел к нам — мы стояли на горочке, наблюдали, — я с ним беседовал, и он беседовал с конструкторами, хвалил этот танк. В этом разговоре он на меня произвел удручающее впечатление, он мне показался малоразвитым человеком.

Я просто боялся, как человек с таким кругозором и с такой слабой подготовкой может отвечать за состояние бронетанковых войск Советского Союза... может ли он поставить все задачи, которые необходимы, чтобы сделать этот вид вооружения действительно основой мощи Красной Армии.

Меня все это очень беспокоило... Я все-таки решил высказать Сталину свои сомнения относительно способностей командующего бронетанковыми войсками Красной Армии Павлова. Я должен их высказать с большой осторожностью, потому что мои встречи с ним были кратковременны и не давали мне права настойчиво доказывать Сталину, что он не годится для своей должности. Я только хотел высказать свои сомнения, я хотел этими высказываниями насторожить Сталина, чтобы Сталин лучше к нему присмотрелся и принял бы соответствующие меры.

Поэтому и сказал:

— Товарищ Сталин, знаете ли вы хорошо Павлова?

— Да, хорошо знаю.

— На меня он произвел отрицательное впечатление, —

и я рассказал, что мне он кажется довольно ограниченным, что это человек, который хорошо владеет танком, но хватит ли у него ума, чтобы создать бронетанковые войска, правильно их вооружить и использовать.

Сталин очень нервно реагировал на мое замечание:

— Вы его не знаете.

— Я и раньше вам говорил, что я его мало знаю.

— А я его знаю. Знаете, как он себя показал в Испании, как он воевал там? Это человек знающий. Он знает, что такое танк, он сам воевал на танке».

В среде военных историков фигура Хрущева не пользуется особым авторитетом, если не сказать больше. Да и сам Никита Сергеевич высокой культурой отнюдь не отличался — и именно поэтому перед этой культурой всегда благоговел. Очевидно, в данном случае его покорила экспрессивная лексика, которой Павлов сопровождал свой доклад.

Однако почему-то к другим военачальникам Хрущев подобных претензий не высказывал — в своих воспоминаниях он очень хорошо отзывается о Василевском, Пуркаеве, Малиновском, прямо-таки с нежностью пишет о Баграмяне, но в то же время очень часто отказывается давать человеку определенную характеристику, мотивируя это просто: «я его недостаточно знаю».

Вдобавок именно во время хрущевской «оттепели» Павлова реабилитировали и сняли с него все обвинения — в том числе и в полководческой бездарности. Так что кому-кому, а уж Никите Сергеевичу совсем не с руки было возводить поклеп на покойного генерала. И уже поэтому к его словам стоит прислушаться повнимательнее.

Следует признать, что обильная ненормативная лексика в устах высокопоставленного военачальника, да

еще в присутствии высокой государственной комиссии, как минимум свидетельствует о недисциплинированности. И далее с этой недисциплинированностью мы встретимся еще не раз.

Еще одно свидетельство принадлежит генералу Хаджи-Умару Мамсурову — начальнику 5-го отдела Разведуправления Генштаба РККА, впоследствии ставшему заместителем начальника ГРУ, одному из создателей армейского спецназа. Впервые Мамсуров встретился с Павловым в Испании в декабре 1936 года — тогда он был «полковником Ксанти», советником по разведке, и периодически прикомандировывался то к одной, то к другой части, а «генерал Пабло» командовал танковой бригадой республиканской армии.

Мамсурову Павлов сразу не понравился — чванством и любовью к выпивке. Скажем честно, последнее у нас пороком обычно не считается, что же до первого, то Павлова тут тоже можно понять: сделаться не просто генералом, а еще и командующим элитным родом войск, получить широчайшие, невиданные в Союзе полномочия — редкий человек не загордился бы от этого.

Однако через месяц произошли более серьезные события.

4 января 1937 года франкисты, наступавшие от Брунете и Боадильи, прорвали республиканский фронт западнее Мадрида. К 7 января им удалось занять городки Умера и Лас-Росас, а главное — перехватить шоссе из Мадрида на Эскориал, тем самым отрезав от Мадрида республиканские войска в районе Сьерра-Гвадаррамы.

Республиканское командование решило нанести контрудар, подтянув к месту прорыва самые боеспособные соединения с других участков: пять бригад (из них две интернациональных — 12-ю и 14-ю), а также единственное механизированное соединение — танко-

вую бригаду Павлова, до этого еще не применявшуюся целиком в одном месте. Для наступления было выделено 47 танков Т-26. Нам это может показаться до смешного малым, но столько танков одновременно не появлялись на поле боя с 1918 года.

Атака начиналась с двух направлений, причем главный удар наносили танки Павлова. Вместе с двумя интербригадами (3 тысячи бойцов) они должны были обойти вражескую ударную группировку по широкой десятикилометровой дуге и в районе селения Махадаонда (южнее Лас-Росаса) встретиться с наносившими короткий удар бригадами Листера и Галана. Таким образом планировалась классическая операция на окружение — «асимметричные Канны», только в тактическом масштабе.

11 января над фронтом стоял сильнейший туман, поэтому сражение получило название «Битва в тумане». Атака началась в 11.40, а к часу дня республиканские танки уже вышли к Махадаонде и Лас-Росасу. Здесь противник закрепился в каменных домах, и преодолеть его оборону танки не смогли. Точно так же не сумели прорвать оборону и атаковавшие навстречу танкам бригады Листера и Галана.

«Битва в тумане» длилась три дня и не принесла успеха республиканцам. Танкисты обвиняли в этом пехоту, которая отказывалась наступать вслед за танками либо же бросала захваченные позиции, как только танки уезжали на дозаправку. Пехота обвиняла танки в том, что они то и дело вырывались вперед и уходили в туман, откуда возвращались лишь после провала атаки, докладывая об уничтоженных пушках, автомашинах и разогнанных батальонах противника.

В это время «полковник Ксанти» находился в 14-й интербригаде. По его словам, сначала бригаду обстре-

ляли свои же танки, потом отказала связь. Тогда Мамсуров лично отправился в штаб Центрального фронта — в городок Алькала-де-Энарес, расположенный к востоку от Мадрида, в 50 километрах от места боев.

«Когда попытки поднять бригаду в атаку ни к чему не привели, я поехал в полевой штаб Центрального фронта и застал там командующего — дряхлого испанского генерала Посаса, а также наших советников — Константина Мерецкова, Григория Кулика, Николая Воронова, пребывающих в благодушном настроении, видимо, по причине успешно начатого наступления.

Но самое удивительное, что в штабе я увидел Павлова. Дмитрий Григорьевич по-русски упорно втолковывал ничего не понимающему Посасу, что он — генерал Павлов, повторяя это в разных вариациях. Увидев меня, Посас спросил, что тот говорит. Я ответил, что командир танковой бригады представляется ему как командующему Центральным фронтом.

Посас наконец понял — разодетый в золото генерал носит имя Пабло. Он улыбнулся и сказал, что его любимый святой — Павел и поэтому ему приятно познакомиться с замечательным генералом Пабло. При этом он не забыл упомянуть, что святой Павел тоже любил вино, явно намекая на подвыпившего Павлова.

Моя попытка обратиться к Дмитрию Григорьевичу не удалась, и я рассказал, что произошло с вводом в бой 14-й интербригады стоявшему здесь же Кулику. Тот только развел руками.

Наконец Павлов отпустил измученного старика, и я поведал эту историю Дмитрию Григорьевичу. Он возмутился и стал все отрицать. Более того, заявил, что сейчас два его танковых батальона ведут бой в населенном пункте Махадаонда. Говорил так убедительно и напористо, что не поверить было нельзя.

Однако каково же было мое удивление после возвращения в бригаду. Передовые подразделения оказались там же, где я их оставил, — залегшими под огнем врага у Махадаонда. Танки Павлова стояли где-то в тылу передовых подразделений и вели редкий огонь по селению, в котором к тому времени уже сосредоточились пять батальонов испанских фашистов с итальянскими танками... Ансальдо».

Словом, начавшееся первое контрнаступление республиканцев в районе северо-западнее Мадрида было сорвано Павловым, который, видимо, даже и не понимал всей глупости и преступности своих действий»¹.

Справедливости ради следует заметить, что присутствию Павлова в Алькала-де Энарес Мамсуров удивлялся совершенно зря: штаб танковой бригады был не столько военным, сколько административно-хозяйственным органом, координировавшим управление и снабжение множества танковых рот и батальонов, разбросанных по разным участкам фронта. Вполне естественно, что он размещался вместе со штабом всего Центрального фронта.

Но что же все-таки случилось здесь, имел ли место описанный Мамсуровым инцидент? Вот что удалось найти в мемуарах другого свидетеля происшествия — будущего маршала артиллерии Н.Н. Воронова, тогда находившегося в Испании под именем Вольтера в роли советника начальника артиллерии республиканской армии.

«В начале 1937 года мне пришлось участвовать в известной Харамской операции... Вспомогательный удар намечался из района северо-западнее Мадрида с таким

¹ Цитируется по: Болтунов. М. Командарма арестовал офицер ГРУ // Независимое военное обозрение, 5 декабря 2003 г.

расчетом, чтобы взять в клещи группировку мятежных войск в этом районе.

Подготовка к операции велась тягуче-медленно... Разведка боевых порядков противника велась слабо, огневая система фашистской обороны изучалась плохо. Командир республиканской танковой бригады генерал Пабло на совместной рекогносцировке говорил мне:

— Подавите артиллерией противотанковые пушки противника, и мои танки нанесут невиданный удар по врагу!

Я попросил его на местности показать, где и что нужно подавить.

— Вон, видите, три высоты? Бейте по ним. Но в промежутки между ними не стреляйте: там пойдут наши танки, они своим огнем проложат себе дорогу.

Артиллеристы строго выполнили эту заявку. Огневые точки на высотах были нами надежно подавлены, оттуда не выстрелила ни одна противотанковая пушка, но в лощинах республиканские танки наткнулись на сильный огонь малокалиберных пушек и понесли потери»¹.

Что можно сказать по этому поводу? Очевидно, что между советскими представителями в Испании существовали серьезные трения — например, многие советские представители (как военные, так и направленные по линии Коминтерна) высказывали серьезные претензии в адрес Г. И. Кулика, припоминая ему и грубость, и угрозы расправой (Н. Г. Кузнецов вспоминает, что Кулика называли «генералом Но» — «нет»).

Если же еще вспомнить, что Г. И. Кулик (вскоре ставший начальником Главного артиллерийского управления РККА), а также К. А. Мерецков (по возвращении из Испании занявший пост замначальника Генштаба,

¹ Воронов. Н. Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. Стр. 103.

позднее командовавший Приволжским и Ленинградским военными округами, а в августе 1940 года ставший начальником Генерального штаба) были большими друзьями Павлова, то глубина конфликта становится еще более ощутимой. Не исключено, что он явился отражением неких конфликтов в испанском военном и политическом руководстве, в ходе которых советники из СССР оказались на стороне различных группировок.

Несомненно также и то, что Д. Г. Павлов занимал среди советских представителей в Испании особое положение — он был не советником, а командиром элитного боевого соединения. И это, несомненно, повышало его самомнение и приводило к излишней самоуверенности в действиях и поведении.

В то же время следует признать: на посту руководителя танковой бригады республиканской армии Дмитрий Григорьевич Павлов проявил яркие административные способности. Его доклад, написанный уже после возвращения с Пиренеев, полон подробных описаний административной деятельности и откровенного любования тем, как ловко удавалось решать те или иные хозяйственно-организационные вопросы и выходить из трудных положений. В то же время его личная храбрость, тактические умения и технические знания сочетались с невнимательностью, неумением учесть все факторы боя — в частности, организовать взаимодействие с пехотой и артиллерией. Кроме того, в действиях Павлова проявилась излишняя самоуверенность в сочетании с недисциплинированностью, нежелание воспринимать критику и стремление затушевывать больные моменты вместо поиска решения проблем. Словом, истоки июньского поражения Западного фронта во многом закладывались уже в Испании.

Но одно дело — командование фронтом, а другое —

руководство Автобронетанковым управлением, организацией в большей степени административно-хозяйственной, нежели тактической. Безусловно, здесь Д. Г. Павлов оказался вполне на своем месте. Однако именно ГАБТУ отвечало за формирование танковых соединений, а главное — за подготовку кадров и разработку приемов боевого применения механизированных войск.

О теоретических взглядах Дмитрия Григорьевича Павлова на боевое применение танковых войск можно узнать из его доклада «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв», сделанного на совещании высшего руководящего состава РККА 28 декабря 1940 года.

Этот доклад хорошо иллюстрирует тогдашние взгляды советской военной теории на тактику и структуру механизированных войск. В нем подробно описан механизм управления такими соединениями, принципы его взаимодействия с авиацией и стрелковыми подразделениями, технология организации движения танковых и моторизованных колонн. Павлов буквально произносит панегирик танковым войскам, считая их основной ударной силой сухопутной армии. Он говорит о тактике глубоких операций, об ударной мощи, о необходимости как можно скорее оснастить войска новыми средними и тяжелыми танками, неуязвимыми для полевой и противотанковой артиллерии противника. О том, что *«танковый корпус — только один из подвижных войск — в состоянии и обязан расширить тактический успех в оперативный»*.

Все правильно, подробно, понятно и убедительно. Но постепенно вызревает вопрос: а за счет чего будут достигнуты такие выдающиеся успехи? Где залог того, что операция пройдет именно так, как было задумано в штабе?

И тут Павлов успокаивает слушателей:

«На самом деле операция по вводу мехкорпуса в прорыв не является сложной, она лишь требует от командования отличного знания вопросов взаимодействия всех родов войск и умения практически осуществить это взаимодействие»¹.

Увы, печальный опыт Великой Отечественной войны показал строго обратное — управление танковыми войсками является сложнейшим искусством, не прощающим ошибок. И отсутствие этого искусства, увы, нельзя компенсировать количеством танков и крепостью их брони. Недаром немецкий генерал Меллентин злорадно предрекал: «русские создали такой инструмент, на котором никогда не научатся играть».

При внимательном чтении доклада мы убеждаемся, что в нем практически отсутствует какой-либо анализ реального опыта боевых действий крупных механизированных соединений. Упоминая действия танковых частей вермахта в Польше и на Западном фронте, Павлов утверждает, что *«немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили».*

Приведенные Павловым примеры из действий советских танковых войск ограничиваются только одной кампанией — Польским походом 1939 года. Ни Финская война, ни боевые действия на реке Халхин-Гол докладчика не заинтересовали. Точнее, об опыте применения танков в Финляндии он говорил в апреле того же года, на совещании при ЦК ВКП(б) по обобщению опыта Финской кампании. Тогда Павлов требовал массивного применения танков и скорейшего созда-

¹ Здесь и далее приводится по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. М.: Терра, 1993.

ния машин с противоснарядным бронированием. Увы, одновременно с этим он прямо оспаривал ведущую роль артиллерии при прорыве вражеской обороны и заявлял, что как минимум часть ее функций могут взять на себя тяжелые танки. Теперь же ни Халхин-Гол, ни Финляндия не укладывались в нарисованную докладчиком стройную и впечатляющую схему:

«При освобождении западных областей Белоруссии и Украины в 1939 году с нашей стороны участвовало 16 танковых и 2 мотострелковых бригады. Все они, как правило, действовали самостоятельно в отрыве от стрелковых войск, имея в отдельных случаях до батальона пехоты, посаженной на танки.

Танковые бригады за время операции против поляков прошли от 600 до 1000 км, а среднесуточные переходы были от 50 до 100 км. Выдвижение танковых бригад вперед парализовало всякое организованное сопротивление со стороны поляков и дало возможность нашей армии в кратчайшее время выполнить поставленную задачу».

Безусловно, действия против разбитой и деморализованной польской армии наиболее соответствовали той благодостной картине танкового прорыва, что рисовал генерал-полковник Павлов. Поэтому он продолжал разворачивать перед слушателями захватывающие картины сокрушающего удара:

«Танковые корпуса, поддержанные массовой авиацией, врываются в оборонительную полосу противника, ломают его систему ПТО, бьют попутно артиллерию и идут в оперативную глубину. Впереди их, в соответствии с тактической и оперативной обстановкой, выбрасываются

парашютные десанты, которые в дальнейшем будут подчинены этим танковым корпусам. За танковыми корпусами устремляются со своими танками мотопехота и стрелковые корпуса».

На чем же основывалась эта уверенность во всемогуществе танков? Это Павлов разъяснил чуть раньше:

«Я приведу некоторые справочные данные по расходу снарядов. Если для подавления одного пулеметного гнезда в полевой обстановке требуется снарядов 76-мм — 120 или снарядов 122-мм гаубицы — 80, то я прошу вас подсчитать, сколько потребуется танку выстрелов для того, чтобы уничтожить одно пулеметное гнездо? Или ни одного, или с дистанции 1000—1500 м 2—3 снаряда.

Для уничтожения пушки ПТО, как правило, применяется 122-мм гаубица. Нужно 70—90 снарядов. Я спрашиваю вас: сколько потребуется тяжелому танку для того, чтобы подавить одну пушку ПТО? Или ничего, или один выстрел. Я повторяю, для тяжелого танка, который не знает, что такое воздействие противотанковой пушки».

Правда, здесь не выдержал даже всегда спокойный маршал С. К. Тимошенко. Со своего места он громко откомментировал данный пассаж:

— Все это до поры до времени!

Собственно, так оно впоследствии и произошло.

Увы, даже при отсутствии неуязвимых танков немцам удавались куда более глубокие прорывы, чем те, которые сулил Павлов. А в то же время советские КВ, с легкостью выдерживавшие огонь практически любых орудий противника, ничего не смогли сделать в отчаянных контратаках 1941 года. Потому что механизирован-

ные войска — это не только броня и пушки. Это еще и моторизованная пехота, которая входит в прорыв вместе с танками, занимает захваченную ими территорию и противостоит контрударам противника. Ведь танки, несмотря на всю их огневую мощь, не в состоянии бороться с пехотой. Они могут деморализовать ее, перехватить коммуникации, раздробить на части, лишив снабжения и организации, но добивать эти части и брать их в плен тоже придется пехоте. Ведь даже в обзоре «Война в Испании. Боевые действия на Центральном фронте», подготовленном в 1937 году группой вернувшихся из Испании советников, в выводах по январской операции у Махадаонды говорилось совершенно однозначно:

«Атака танковой бригады на Махадаонда, когда танки действовали в ряде случаев в значительном удалении от пехоты и уничтожили большое количество живой силы противника и его материальной части, показала, что танки без пехоты не в состоянии закрепить достигнутый ими успех и удержать захваченные районы»¹.

Нельзя сказать, что генерал-полковник Павлов в своем докладе совсем не уделяет внимания моторизованной пехоте. Но эту тему он проскакивает скороговоркой, как бы по обязанности. Мотострелковые части в танковом корпусе есть, поэтому они должны чем-то заниматься:

«Мотодивизия с успехом может быть выброшена вперед или на фланг для сковывания вдвое превосходящего противника для того, чтобы в дальнейшем дать возможность

¹ Война в Испании. Выпуск 1. Боевые действия на Центральном фронте. М.: НКО СССР, 1937. Стр. 51.

танковым дивизиям нанести окончательный удар для полного разгрома противника. Быстрота переброски мотодивизии зависит от количества дорог и их качества».

«Вслед и в непосредственной близости за танковым корпусом будет наступать пехота или мотопехота; последнюю бросать с танковым корпусом предпочтительнее».

То есть мотострелковым частям совершенно явно отводится второстепенная, подчиненная роль. Между тем в германской армии все было наоборот — танки являлись лишь средством усиления моторизованной пехоты, придавая ей ударную мощь. Там, где не было танковых дивизий, для глубокого прорыва использовались моторизованные. Там, где не было моторизованных частей, они импровизировались из подручных средств — как бригада Циглера у Манштейна в Крыму в октябре 1941 года.

И ведь нельзя даже сказать, что первыми роль и место моторизованной пехоты в бою осознали немцы! Ведь еще в 1931 году выдающийся советский военный теоретик К.Б. Калиновский писал о имеющейся в западных военных теориях тенденции к «эмансипации танков от пехоты». По мнению Калиновского, это было совершенно неправильно: ведь *«моторизованное соединение типа войскового соединения, оснащенное соответствующими средствами разведки, обладает самостоятельностью большей, чем подобного рода механизированное соединение»*. И дальше: *«Способность удерживать местность у моторизованного соединения полная, а у механизированного соединения эта способность будет равна почти нулю»*¹.

¹ Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. «Записки», том 3, Соцэкгиз, 1931.

Увы, девять лет спустя авторы коллективного труда «Тактика танковых войск» (1940) выразались на этот счет гораздо осторожнее:

«Так как танковые соединения имеют ограниченную способность удерживать захваченное пространство и в значительной степени зависят от местности, то целесообразнее всего применять их совместно с моторизованной пехотой, конницей и во взаимодействии с артиллерией и авиацией».

Вот так: в одном случае способность танков самостоятельно удерживать местность характеризуется как нулевая, а в другом — только как «ограниченная». А всего год спустя, в первые дни войны, советские танки раз за разом будут атаковать немецкие порядки без поддержки пехоты (не поднявшейся в бой либо просто отставшей из-за нехватки автотранспорта) и гибнуть десятками и сотнями, не способные закрепить за собой результаты атаки...

Кстати, упомянув германские успехи в Польше в сентябре 1939 года и во Франции в мае-июне 1940 года, докладчик заявил, что немецкие танковые и механизированные соединения отрывались от пехоты на 2—5 суток марша и, не встречая особенно прочной обороны, прорывались в глубину, достигая оперативных целей. Это было явным заблуждением — отрываться и уходить далеко вперед у немцев могли разведывательные отряды мотоциклистов (наши войска одно время были склонны принимать их за воздушные десанты), но ударные танковые группировки всегда стремились оставлять за спиной прикрытый пехотными заслонами «коридор», по которому сплошным потоком шло снабжение насту-

пающих войск. И уж, конечно, никогда не шло речи об отрыве от основных сил на несколько суток.

А вот как Павлов описывает ввод механизированного корпуса в прорыв:

«Главное охранение уже на исходном рубеже должно стоять в голове колонны. Танковые полки становятся в голове колонн, чаще имея впереди тяжелые танки, фланговые колонны предпочтительнее иметь чисто танковыми с уже готовым расчетом бокового неподвижного охранения для работы после прохода нашей пехоты. Огнетные танки в зависимости от обстановки распределяются между головным охранением и фланговыми колоннами. Мотопехота танковой дивизии следует за танковыми колоннами по лучшим дорогам. Мотодивизия корпуса, используя свой танковый полк на время вхождения в прорыв своего обеспечения, движется по лучшим дорогам за танковыми дивизиями. Танковые дивизии должны встать в линию».

Заметим — немцы предпочитали выдвигать на фланги своих механизированных клиньев не танки, а именно моторизованную (а по возможности и обычную) пехоту, сильно насыщенную противотанковой артиллерией. Именно в боевых порядках этой пехоты вязли разрозненные контрудары советских танков летом 1941 года.

Совершенно непонятен принцип использования мотострелковой дивизии: у Павлова она движется позади танковых дивизий, то есть ее танковый полк фактически играет роль «прослойки» между пехотой танковых и моторизованных частей («две танковых дивизии стоят в линию, и за ними в двух эшелонах мотодивизия»). И, кстати, зачем ставить в голову колонны тяжелые (то есть наименее быстроходные) танки, когда войска уже вошли в прорыв и от них требуется максимальная скорость продвижения по территории противника?

Создается впечатление, что изложенная бывшим начальником ГАБТУ тактика действий механизированных частей была разработана не им. Похоже, что Павлов на совещании лишь излагал *чужие* тактические разработки — разработки, которыми он был искренне заворожен, но так до конца и не понял их смысл. Судя по всему, изначально моторизованная дивизия должна была «зачищать» прорыв от остатков войск противника, укрепляя его «стенки» и прикрывая коммуникации танковых частей — поэтому она и движется позади танков. Павлов ее назначения не понял (он ведь говорил о «чистом» прорыве с полным разгромом противника и подразумевал отсутствие какого-либо воздействия войск врага на снабжение ударных групп), но механически поставил мотодивизию именно туда, где она должна была находиться по замыслу безвестного разработчика¹.

С другой стороны, следует помнить, что изложенная тактика применения механизированных корпусов во многом отталкивалась не от оперативной необходимости, а от существующей структуры этих частей. Сама же эта структура свидетельствовала о преувеличенном значении, которое придавалось танкам, и о пренебрежении ролью пехоты. Кроме того, в структуре мехкорпуса явственно заметно стремление к унификации подразделений (моторизованная и танковая дивизии отличаются друг от друга лишь соотношением танков и пехоты), а также явное желание сделать каждое подразделение уменьшенной копией целого.

Конечно же, за неудачную организационную структу-

¹ Правда, в своем заключительном выступлении после прений по докладу Павлов «поправился» и возложил задачу укрепления горловины прорыва и борьбу с фланговыми контрударными противника («не допустить смыкания флангов и этим обеспечить нормальную работу мехкорпуса») на... конницу!

ру советских механизированных подразделений несет ответственность не только Д. Г. Павлов. Но ведь именно руководимое им до лета 1940 года Главное автобронетанковое управление формировало механизированные корпуса такими, какими они оказались в 1941 году — малоповоротливыми, перенасыщенными бронированными машинами и «недогруженными» пехотой, пусть даже не моторизованной (из-за катастрофического отсутствия грузовиков). Именно ГАБТУ требовало от промышленности повышать выпуск танков и проявляло гораздо меньше беспокойства о производстве автомашин.

Впрочем, главный порок тактики использования мехчастей крылся в другом — и это тоже очень хорошо заметно по докладу Павлова. Бывший начальник ГАБТУ в своих диспозициях фактически не учитывал противодействия противника. Враг у него мог лишь обороняться и подтягивать к фронту резервы. Более он ни на что способен не был, даже на рокадный маневр.

«Самое худшее, если прорыв сделан сегодня, а мехкорпус начнет вводиться с утра следующего дня. Противник к месту прорыва бросит немедленно все свободные резервы в ночь и может создать сильные минные поля, которые заставят мехкорпус... ползти, очищая себе путь не столько боями с живой силой противника, сколько... войной со службой заграждений».

То есть даже возможность контрударов противника Павлов полностью отвергал. Ведь как он говорил ранее:

«Наличие в дивизии тяжелых танков, способных совершенно свободно решать задачи, не боясь поражения 3-дюймовой полевой артиллерией, и остальных, не боя-

щихся 37—45-мм калибров противотанковой артиллерии, наличие огнеметных танков, способных выжигать уцелевшего противника, показывают нам мощь танковой дивизии».

А что не уничтожат танки — будет добито с воздуха:

«Действия мехкорпуса всегда должны быть поддержаны массовой авиацией. Органическое включение в него одной-двух смешанных авиадивизий дает мехкорпусу еще большую силу удара, самостоятельность в решении оперативных задач, дополняет МК... дальнобойной тяжелой артиллерией в виде авиабомб любых калибров, и, что особенно важно, включение смешанных авиадивизий дает возможность отлично выучиться взаимодействию».

Вот так мы собирались воевать, да не с кем-нибудь, а с немцами — имя потенциального противника Павлов называет неоднократно. Никаких инициатив от врага не ожидалось, непредвиденных трудностей — тоже, поэтому предусматривать внезапные неприятности браваый танкист отказывался принципиально:

«При определении, что должно пойти в прорыв, следует иметь в виду, что всякая лишняя машина является обузой. В прорыв следует брать только боевую часть. Из транспортных машин должны пойти лишь крайне необходимые для подвоза боеприпасов и горючего (2 бк и 2—3 заправки горючего)».

Что будет, если одна из этих колонн попадет под контрудар противника, ее разбомбит вражеская авиация или грузовики со снабжением просто задержатся в

пути из-за непредвиденных обстоятельств — об этом докладчик как-то не задумывался.

И это была беда не только Павлова — такими же болезнями страдало все предвоенное планирование, причем не только советское. «Малой кровью, могучим ударом» собирались вести войну не только мы. Вот только планы этих грандиозных операций почему-то не учитывали возможности перехода инициативы к противнику.

Кстати, небезынтересно проанализировать и высказывания, сделанные при обсуждении павловского доклада. Например, видный кавалерист маршал Буденный завел речь о необходимости координировать действия всех подвижных сил — танков, мотопехоты и кавалерии, а также поддерживающей их авиации. Эту здравую мысль конкретизировал П. Л. Романенко, предложив создать объединение мехкорпусов — мотомеханизированную армию. Маршал Голиков назвал такую идею абсурдной, но именно подобные объединения моторизованных корпусов — немецкие танковые группы — в итоге и решили исход кампании на Восточном фронте летом и осенью 1941 года.

Другое дело, что ни в 1941-м, ни даже в 1942 и 1943 годах решить проблемы организации и управления объединением такого уровня нам все равно бы не удалось. Даже с подготовкой мехкорпусов имелись серьезные проблемы, о чем прямо сказал в своем выступлении генерал Федоренко. Он попытался обратить внимание не на теоретическую, а на реальную сторону дела, не на «бумагу», а на «овраги»:

«В настоящее время, даже на 1941 год, намечается отпуск 6 снарядов в год на один танк, причем должны отработать восемь задач. А кроме того, инспекции и комис-

сии, проверяющие войска, проверяют огневую подготовку стрельбой, на что расходуют снаряды. Получается, что снарядов для подготовки экипажей нет, а это таит большую опасность».

Далее Федоренко отметил, что при описанном Павловым прорыве механизированный корпус не сможет действовать более четырех-пяти суток, потому что после 50 часов расходования моторесурса машина потребует ремонта, а ремонтная база в корпусах крайне слаба.

Увы, в ходе июньских контрударов 1941 года так оно и получилось...

Через несколько дней после совещания произошло еще одно крайне важное событие — со 2 по 6 января 1941 года в Генеральном штабе прошла первая стратегическая военная игра, на которой войска «восточных» под командованием Д. Г. Павлова выступали против «западных», которыми командовал Г. К. Жуков.

К сожалению, вокруг этой игры создано огромное количество мифов, и даже сам ход игры при его изложении обычно искажается историками до неузнаваемости. Обычно рассказывают (часто со ссылкой на мемуары Г. К. Жукова, но при этом цитируя воспоминания К. Симонова), что в этой игре отрабатывалась оборонительная операция руководимого Д. Г. Павловым Западного (в игре — Северо-Западного) фронта против наступающей немецкой группировки и что игравший за немцев Жуков якобы «развил операции как раз на тех направлениях, где через полгода развернутся реальные боевые действия», и уже на восьмые сутки игры продвинулся до района Барановичей. Иногда прибавляется, что Сталин после игры лично сказал Павлову: «Смотри, чтобы этого не произошло в действительности!»

Увы, все происходило строго наоборот. В игре отрабатывалась не оборонительная, а наступательная операция советских войск с действиями против Сувалкинского выступа и глубоким продвижением конно-механизированной армии на территорию противника в направлении Прасныша и Бродницы, южнее Аленштейна. Да, вводная для игры предполагала, что война начинается наступлением противника, но эти действия никак не отыгрывались и операции «красных» просто по умолчанию начинались с рубежа Осовец, Скидель, Лида, Каунас, Шяуляй, отстоящего на 100—120 километров от границы.

Павлов действительно потерпел поражение от Жукова — но совсем не так, как это произошло в июне 1941 года. Скорее, ситуация напоминала Харьковскую операцию 1942 года и другие неудачные советские наступления первого периода войны: глубокий прорыв механизированной группировки, фланговые удары противника и угроза окружения.

Итог этой игры был весьма поучителен — но не для 1941 года. Скорее уж это можно было сказать про вторую игру, проходившую неделей позднее и моделировавшую боевые действия на Юго-Западном направлении. Здесь Павлов играл за западную, «синюю» сторону, а Жуков — за восточную, и именно здесь Жуков добился успеха не в обороне, а в наступлении. Но ни к действиям на Западном фронте, ни к тому, что произошло в реальности полгода спустя, эта игра не имеет уже совершенно никакого отношения...

* * *

Как уже упоминалось выше, еще в июне 1940 года Д. Г. Павлов оставил автобронетанковое управление и был назначен на должность командующего войсками

Белорусского военного округа, вскоре переименованного в Западный Особый.

Чем же занималось руководство Западного Особого военного округа весной и в начале лета 1941 года, когда всем уже стало ясно, что война неизбежна — через месяц или через год? В округе насчитывалось 4 общевойсковые армии, 44 дивизии, один воздушно-десантный корпус, 21 авиаполк. Ускоренными темпами строились укрепления по новой границе, аэродромы, дороги, закладывалась сеть складов и баз. Строительных мощностей не хватало, поэтому к работам очень часто приходилось привлекать солдат стрелковых подразделений, отрывая их при этом от боевой учебы.

Да, генерала Павлова это очень беспокоило. Поэтому 18 февраля 1941 года он направил на имя Сталина, Молотова и Тимошенко донесение, в котором просил выделить значительные средства на приведение западного театра военных действий *«в действительно оборонительное состояние путем создания ряда оборонительных полос на глубину 200—300 километров, построив противотанковые рвы, надолбы, плотины для заболачивания, эскарпы, полевые оборонительные сооружения...»*

Возникает закономерный вопрос: если сил настолько не хватало, может быть, лучше было бы бросить их не на рытье земли в болотах, а на расконсервирование и приведение в порядок старых укрепрайонов — как раз на расстоянии 200—300 километров от новой границы?

Обращаясь в Москву, Павлов резко возражал против привлечения на строительные работы войск округа, предупреждая об опасности срыва хода боевой учебы. Его осенила более гениальная идея: он предложил использовать на оборонном и дорожном строительстве

старших школьников и студентов — вместо того, чтобы отпустить ребят на каникулы, предлагалось их мобилизовать и перевести на казарменное положение, создав взводы, роты и батальоны.

О том, насколько законным было бы такое действие (внеплановая принудительная мобилизация молодежи, в том числе и непризывного возраста), генерал не задумывался. Это вообще характерно для многих жертв беззакония — сами они о законности своих действий тоже особо не заботились...

Видимо, здесь следует упомянуть об отношении Д.Г. Павлова к репрессиям среди командного состава (о которых он не мог не знать) и о ситуации, сложившейся в РККА к 1938—1939 годам. Достаточно широко известна история, когда летом 1938 года Дмитрий Григорьевич совместно с комиссаром АБТУ П. С. Аллилуевым, а также начальник Главного артиллерийского управления Г. И. Кулик и его заместитель Г. К. Савченко направили наркому обороны К.Е. Ворошилову письмо, в котором выражалась озабоченность деятельностью органов НКВД, проводящих массовые аресты среди командного состава РККА без достаточных на то оснований. Ворошилов отказался принимать это письмо, тогда Павлов и Кулик написали второе, уже в двух экземплярах, отправив один из них Сталину, а копию — Ворошилову.

Но при оценке этого поступка не стоит забывать, что письмо в какой-то мере было акцией самозащиты. Его авторы имели все основания опасаться, что ретивые подручные Ежова вскоре доберутся и до них. Не стоит переоценивать и смелость заявления о вреде репрессий — об этом среди военных в то время говорили многие, а после постановления СНК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года осуждение

допущенных «перегибов» постепенно стало едва ли не общим местом. Да и само выражение «незаконные репрессии» родилось еще в то время.

К примеру, 13 мая 1940 года, на заседании комиссии Главного Военного Совета по идеологии, работавшей в рамках совещания при ЦК ВКП(б) по сбору опыта боевых действий против Финляндии, Дмитрий Григорьевич Павлов откровенно заявил прямо в лицо Льву Захаровичу Мехлису:

— Надо сказать, что операция 1937—1938 года, до прихода товарища Берии, так нас подсидела, и, по-моему, мы очень легко отделались с таким противником, как финны¹.

Заметим, что одновременно Павлов требовал прекратить критику командиров РККА в печати как дискредитирующую военных. А еще один из присутствовавших «подписантов», Г. К. Савченко, прямо высказал Мехлису наболевшее:

— Я должен прямо сказать, что у нас не принято говорить о положительных качествах противника. Если я соберу своих помощников и отзовусь о формах работы иностранной армии положительно, то заранее знаю, что из десяти присутствующих девять будут писать донесение.

Что характерно, на этот укол Лев Захарович даже не поморщился:

— Вы здесь преувеличили, но человека два-три напишут².

¹ См.: «Зимняя война»: работа над ошибками. Апрель-май 1940 г. Материалы комиссии Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М. — СПб., Летний Сад, 2004, стр. 346. Следует заметить, что в этом сборнике заседание комиссии ошибочно датировано 13—14 апреля.

² Там же. Стр. 355.

На следующий день тему деморализации командного состава репрессиями поднял М. П. Кирпонос — и она тоже была воспринята присутствующими как нечто само собой разумеющееся.

Однако вернемся к мобилизации студентов и школьников. Ведь проблема здесь состояла даже не в законности или незаконности такой акции. При относительно низком общем образовательном уровне населения студенты и учащиеся десятых классов были резервом кадров для младшего и среднего комсостава. Через несколько месяцев большинство этих юношей, едва успев отпраздновать окончание школы, будут отправлены в училища младших лейтенантов и выпущены из них раньше срока, многие — в звании сержантов, потому что времени на подготовку командиров уже не останется.

Таким образом, если опасность близкой войны действительно требовала мобилизации студентов и десятиклассников, им надо было вручать не лопаты, а курсантские погоны. А генерал-полковник Павлов вместо этого предлагал отправить будущих офицеров на строительные работы. Безусловно, сделать это было проще, чем начать внеплановую организацию курсов подготовки младшего комсостава — однако в этом-то и состоит основа военной мудрости: если ты решился на экстренные меры, то они должны быть адекватны ситуации. Павлов же предлагал именно полумеры, потому что ему так было проще.

А ведь именно стремление ограничиться полумерами, нежелание советских военачальников дойти в принятых решениях до логического конца, боязнь серьезных перемен в стиле и образе действий станут одной из главных причин наших поражений. Многие современные историки объясняют эту нерешительность боязнь репрессий, страхом советских командиров перед

проявлением инициативы. Приведенный пример в этом смысле очень показателен, именно потому мы так подробно на нем и остановились. Инициатива-то была, но ее стремились направлять так, чтобы вызванные ею трудности максимально затронули не себя, а других.

Надо понять, что боялись командиры вовсе не наказания за инициативу — они боялись изменения привычного, накатанного стиля действий, зачастую эта боязнь еще более умножалась элементарными барством и ленью. Поэтому, например, даже осенью 1943 года, во время боев в Белоруссии, для генерала Гордова (в 1950 году вместе с Куликом расстрелянного по «делу недовольных») было легче в нарушение существующих указаний Ставки направить в боевые порядки наступающей пехоты разведчиков и саперов, выгнать в цепь штабных офицеров и без суда и следствия расстреливать людей, чем найти разумные меры достижения успеха или же просто прекратить наступление. Да и для отнюдь не лишнего воли и инициативы Г. К. Жукова зачастую проще было пригрозить расстрелом, чем разобраться в причинах неудач и задуматься о том, как их лучше ликвидировать.

Ну а что касается строительства укреплений по линии новой границы, то к нему в итоге все-таки были привлечены солдаты, но не из тыловых частей, а из стрелковых дивизий первого эшелона, расположенных ближе всего к границе...

Впрочем, боевая учеба в округе и без того находилась не на самом первом плане. В воскресенье 21 июня 1941 года командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор Оборин прибыл в 22-ю танковую дивизию и устроил в ней внеплановый строевой смотр, хотя один из танковых полков дивизии только что вернулся с полевых занятий и танкисты были смертельно устав-

шими. Поистине война — войной, но строевая подготовка будет превыше всех умений.

Имелись проблемы и в других механизированных частях округа. Так, штаб 11-го мехкорпуса имел в своем распоряжении только одну радиостанцию 5АК. Спецмашин — автоцистерн и ремонтных мастерских — практически не было, что делало невозможным снабжение, ремонт и эвакуацию танков в бою. Более того, несмотря на неоднократные запросы в штаб 3-й армии и в штаб округа, мехкорпус вплоть до начала войны так и не получил топографических карт местности!

Недостаток табельных средств связи в войсках округа был катастрофическим — армейских и аэродромных радиостанций имелось лишь 26—27% от штатного количества, корпусных и дивизионных — всего 7% (!), полковых — 41%, батальонных — 58%, ротных — 70%. Имелись проблемы и с организацией проводной связи, которая осуществлялась по телефонным и телеграфным линиям Наркомсвязи и была легкоуязвима: телеграфных и телефонных аппаратов имелось лишь около половины от штатного количества, телефонного кабеля было 42%, а телеграфного — всего 20%. Неудивительно, что связь штаба округа с войсками была так легко прервана действиями диверсантов и бомбардировками противника!

О недостатках в подготовке к войне сил Западного Особого военного округа можно говорить до бесконечности. И причин этой плохой подготовки имелось тоже много. С подачи многих военных мемуаристов 60-х годов вину за это было принято возлагать на военное и политическое руководство в Москве, не обеспечившее округа нужными ресурсами, дезориентировавшее их руководство неправильными директивами, и т. д. и т. п. Общим местом стали упоминания о том, что высшее

командование РККА и Генеральный штаб постоянно напоминали руководству приграничных округов о необходимости «не поддаваться на провокации немцев», не разворачивать войска на линии границы и не открывать огня по нарушителям. Часто упоминается и отданное 20 июня распоряжение Генштаба, запрещающее занимать войсками полевые укрепления на границе, дабы не «спровоцировать немцев». Но вот в материалах, подготовленных в процессе реабилитации Павлова уже в 50-х годах, имеется свидетельство бывшего командующего 3-й армией генерал-полковника В.И. Кузнецова:

«Все командующие армиями, в том числе и я, докладывали Павлову о совершенно открытой подготовке немцев к войне. Так, например, нами было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев в Августовских лесах юго-восточнее Сувалки.

В наших руках также были подметные письма, в которых указывалось примерное время перехода немцев в наступление — 21, 22, 23 июня. Тем не менее Павлов за несколько дней до начала войны приказал всю артиллерию отправить на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от линии фронта...»¹

Тут уж надо выбрать одно из двух: либо командующего Западным военным округом беспокоили сведения о приготовлениях немцев и он просил разрешения выдвинуть войска на самую линию границы, либо эти сведения Павлова совершенно не беспокоили и он в критический момент оставил те же войска без артиллерии.

¹ Мягков. М. Трагедия Западного фронта // Красная Звезда. 24 июля 2001 г.

Увы, имеются и другие, вполне объективные свидетельства слабой боеспособности армий округа. Проведенная в феврале 1941 года выборочная проверка стрелково-артиллерийской подготовки войск показала (приказ НКО № 059 от 14 февраля), что артиллерия к войне попросту не готова. В Ленинградском и Одесском военных округах средней оценкой было «посредственно», в Прибалтийском и Западном — «плохо». А ведь до войны оставалось чуть более четырех месяцев!

Нехватка автотранспорта в мотострелковых частях, нехватка радиостанций, недостаточный уровень подготовки среднего командного состава — это было общей бедой для всей Красной Армии 1941 года. Но вот почему многие только что призванные на службу бойцы, уже отправленные в приграничные части округа, к утру 22 июня даже не имели оружия? Почему зенитные части 4-й армии, отозванные на окружные учения в район Минска, вовремя не были возвращены на свои места, в результате чего аэродромы, механизированные части и даже штаб армии в первые часы войны оказались не прикрыты с воздуха?

Да, командование округа делало многое. Например, оно постоянно информировало высшее начальство об объективных трудностях в своей работе. За неделю до войны начальник штаба округа генерал-майор В.Е. Климовских сообщил Генеральному штабу, что разработка мобилизационного плана округа тормозится из-за отсутствия штатных табелей авиации, танковых полков, артиллерийских противотанковых бригад, воздушно-десантных и тыловых частей. Особенно умиляет наличие в этом перечне воздушно-десантных частей — одного ВДК штатной численностью 9 тысяч человек.

Зато военный городок 22-й танковой дивизии 14-го механизированного корпуса находился в трех километ-

рах от границы, склады боеприпасов — в Волынском укреплении Брестской крепости, то есть на самой границе. Естественно, что в первые же часы войны дивизия лишилась половины танков, всех запасов горючего и боеприпасов. Причем уничтожены они были даже не авиацией, а огнем артиллерии противника. О чем думали командующий войсками округа Павлов и его начальник штаба генерал Климовских, допустившие размещение дивизионных складов так близко к противнику?

Ответ прост: Брестская крепость с ее богатейшим казарменным фондом и хорошим транспортным сообщением действительно была крайне удобным местом для размещения войск и складов. То, что крепость располагалась на самой границе, командующего округом не волновало — в Павлове администратор вновь победил военного. Как впоследствии писал тогдашний начальник штаба 4-й армии Л. М. Сандалов, «хозяйственные соображения побороли у Павлова оперативные». Помимо складов танковых и артиллерийских частей, руководство округа умудрилось разместить здесь сразу две стрелковые дивизии — 6-ю и 55-ю. И это при том, что для обороны крепости предназначался лишь один стрелковый батальон с артдивизионом, остальные части в случае войны должны были покинуть крепость.

Лишь в самом конце 1940 года, после настойчивых просьб командующего 4-й армией генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова, было разрешено перевести 55-ю дивизию в район Слуцка. Но вскоре произошла и замена командования армии — на смену Чуйкову прибыл генерал-майор А. А. Коробков. Примерно в это же время началось формирование 14-го мехкорпуса, в процессе которого штаб 4-й армии оказался попросту изгнан из своих помещений в Кобрине. Одновременно 42-я стрелковая дивизия оказалась перемещена из старых поль-

ских лагерей в Картузской Березе в Брестскую крепость, в ее казармах разместилась 205-я моторизованная дивизия. На слабые возражения штаба 4-й армии генерал Павлов заявил: «Не думайте, что я позволю частям и штабам армии разместиться лучше, чем механизированному корпусу!»¹

А. А. Коробков проглотил это откровенное оскорбление — хотя по планам Генштаба 205-я мотодивизия должна была размещаться в Пинске, а Павлов, знавший о благорасположении к нему Сталина, явно превысил свои полномочия. По словам Сандалова, «новый командарм педантично исполнял волю командующего округом»².

Позднее, уже на суде, Павлов заявлял, что еще в начале июня отдавал руководству 4-й армии приказ о выводе частей из Бреста в лагерь к 15 июня. Однако Коробков получение такого приказа категорически отрицал, и Павлов изменил показания, уточнив, что распоряжение о выводе войск было отдано не командованию армии, а командиру 28-го стрелкового корпуса Попову, то есть в обход командования армии! Однако между 15 июня и началом войны прошла целая неделя, но руководство округа почему-то не проверило выполнение этого приказа.

У многих историков считается хорошим тоном возлагать вину за неготовность Западного фронта к войне на политическое руководство страны, которое своими распоряжениями мешало развернуть войска в боевые порядки. Особенно модно при этом ссылаться на пресловутое сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года, кото-

¹ См.: Сандалов. Л. М. На московском направлении. М.: Наука, 1970. Стр. 58.

² Там же, стр. 59.

рое якобы дезориентировало население и армию относительно истинных намерений Германии.

Между прочим, в этом сообщении имелись и следующие многозначительные слова:

«Происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...»

Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Подобные заявления всегда обращены вовне, а не внутрь страны, и в данном случае перевод с дипломатического языка на обычный должен звучать так: «мы не желаем конфликта, но знаем о переброске ваших войск, готовы к любым неожиданностям и тоже подтягиваем войска к границе». Вполне ясно и откровенно. Вот что много лет спустя писал по этому поводу К.Н. Галицкий, в то время — командир 24-й стрелковой дивизии 3-й армии Западного фронта:

«Меня, как и других командиров, это сообщение весьма удивило, поскольку мы не знали, что оно имело целью вызвать реакцию германского правительства и на основе этого окончательно определить его намерения. Впрочем, практического влияния на наши войска это сообщение не»

оказало, так как мы продолжали действовать в соответствии с указаниями командования и продолжали напряженную подготовку к отражению агрессии»¹.

Так что дезориентировать данное сообщение могло лишь тех, для кого оно и не предназначалось, либо тех, кому впоследствии потребовалось как-то оправдать свою нерасторопность, свалив всю вину на коварного и недалекого Сталина.

А то, что войска действовали «в соответствии с указанием командования», подтверждает и переброска стратегических резервов из глубины страны в приграничные военные округа, начавшаяся еще в конце мая 1941 года. 11 июня командующие западными пограничными округами получили от Генштаба указание — разработать план вывода и занятия долговременных оборонительных сооружений частями укрепрайонов, а полосы предполья — полевыми частями армий, но до особого распоряжения войска не выводить и укреплений не занимать.

Последнее обычно приводится как пример запрета готовить силы приграничных округов к обороне. Но ведь занять предполье значило вывести войска на самую границу, что действительно дало бы повод немецкой (и не только немецкой) пропаганде обвинить Советский Союз в подготовке к нападению! Другое дело, что укрепленные районы по «линии Молотова» действительно строились буквально в виду границы и не имели достаточного предполья. Но и это можно объяснить: новая граница на большей своей части была проведена по линиям рек Западный Буг, Сан, Прут и Дунай. Теоретиче-

¹ К.Н. Галицкий. Годы суровых испытаний. 1941—1944. М.: Наука, 1973. Стр. 30.

ски это позволяло лучше ее защищать, но одновременно требовало максимально придвигать доты и огневые точки к берегам, чтобы препятствовать переправе противника и созданию плацдармов. Заметим, что там, где граница проходила не по рекам (это полоса ПриОВО, правое крыло ЗаОВО и 6-я армия КОВО), укрепления находились дальше от границы и занять оборону в них полевыми войсками было предписано дополнительными указаниями за несколько дней до начала войны.

Более того, даже с упомянутым запретом начальника Генштаба все обстояло не так просто. Например, генерал М. А. Пуркаев, бывший в то время начальником штаба КОВО, позднее вспоминал:

«13 или 14 июня я внес предложение вывести стрелковые дивизии на рубеж Владимир-Волынского укрепрайона, не имеющего в оборонительных сооружениях вооружения. Военный совет округа принял эти соображения и дал соответствующие указания командующему 5-й армией... Однако на следующее утро генерал-полковник М. П. Кирпонос, в присутствии члена военного совета, обвинил меня в том, что я хочу спровоцировать войну. Тут же из кабинета я позвонил начальнику Генерального штаба... Г. К. Жуков приказал выводить войска на рубеж УРа, соблюдая меры маскировки»¹.

Кроме того, 13 июня Народный комиссариат обороны приказал командующим Особыми военными округами начать выдвижение войск к границе. А 18 июня командующий Западным особым военным округом получил приказ — сформировать командование Западного фрон-

¹ Крикунов. В.П. Фронтовики ответили так. Пять вопросов Генерального штаба // Военно-исторический журнал, 1989, № 3, 5.

та и к 22 июня перевести его из Минска на специально оборудованный командный пункт фронта в районе Обуз—Лесны (25 километров юго-западнее Барановичей). Одновременно подобные приказы получили и два других приграничных округа — Прибалтийский и Киевский, которым предписывалось выдвинуть свои штабы в Паневежис и Тарнополь соответственно.

Кузнецов и Кирпонос эти распоряжения выполнили, а Павлов — нет. Штаб Западного фронта остался в Минске, что в немалой степени сказалось на управляемости армий в критические дни июня 1941 года — ведь оборудованный КП имел защищенные кабели связи, а из штаба округа в Минске контакт с войсками пришлось держать через линии Наркомата путей сообщения, которые были уязвимы для диверсантов...

19 июня в приграничные округа был направлен приказ НКО о повышении боевой готовности — срочной маскировке воинских частей, аэродромов и складов, рассредоточении самолетов.

Впрочем, кое-где войска приводились в боеготовое состояние самостоятельно, без ожидания директив «сверху». К примеру, еще 18 июня, за четыре дня до войны, командование Прибалтийского военного округа отдало приказ о приведении в боевую готовность театра военных действий. Подразделения 3-го и 12-го механизированных корпусов округа были подняты по тревоге и выведены из мест постоянной дислокации. 21 июня командующий Прибалтийским округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов предупредил войска о возможном нападении Германии и приказал вывести части из военных городков в близлежащие леса, приведя их в боевую готовность. Причем механизированным частям собираться на одном направлении запрещалось, чтобы не попасть под бомбардировку на марше.

Напротив, командование Западного военного округа, ссылаясь на требование высшего руководства «не дразнить немцев», раз за разом отклоняло идущие из войск предложения привести приграничные части в повышенную боевую готовность и вывести их из мест постоянной дислокации в летние лагеря. Отметим — не занять полевыми войсками приграничные укрепления (что действительно было запрещено Наркомом обороны), а просто вывести войска в поле и рассредоточить их!

Так, в середине июня руководство округа запретило командиру упомянутой выше 42-й стрелковой дивизии генерал-майору И. И. Лазаренко вывести ее части из Бреста в Жабинку, в район КП 28-го стрелкового корпуса 4-й армии. Затем оно пресекло все попытки командира 28-го корпуса В. С. Попова хотя бы перевести дивизию на территории пригородного артиллерийского полигона. 42-я дивизия так и осталась в крепости, стены которой стали для нее ловушкой.

Чуть лучше обстояло дело в правофланговой 3-й армии, где генерал-лейтенант В. И. Кузнецов 20 июня своей волей приказал вывести часть войск к границе северо-западнее Гродно. На следующий день он без санкции командования округа разрешил находящимся в районе Августова подразделениям 27-й стрелковой дивизии занять полевые укрепления у границы.

Однако даже вечером 21 июня штаб округа (а вовсе не Генштаб!) все еще упорно отказывал армиям в разрешении вывести в поле хотя бы часть войск. По утверждению Л. М. Сандалова, в разговоре с командующим 4-й армией и командиром 10-й смешанной авиадивизии полковником Беловым, состоявшемся около 7 часов вечера 21 июня, начальник штаба округа Климовских запретил переместить самолеты на полевые аэро-

дромы¹. А ведь это фактически противоречило приказу НКО от 19 июня, требовавшему рассредоточения авиации!

Устное (по телефону) указание «всем быть наготове» командиры 3-й, 4-й и 10-й армий получили от командования округа лишь около полуночи 22 июня — за полтора часа до прибытия директивы Генштаба № 1 о приведении войск в боевую готовность, скрытном занятии огневых точек и укреплений вдоль границы². Неудивительно, что потери войск округа под первым ударом оказались столь велики.

* * *

14 мая 1941 года нарком обороны потребовал от штаба Западного особого военного округа представить разработанный план обороны государственной границы в полосе округа. От округа требовалось упорной обороной укрепленных районов и созданных по линии госграницы новых укреплений «1) не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа; 2) упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа». В то же время указывалось на необходимость «отрекогносцировать и подготовить тыловые рубежи на всю глубину обороны по р. Березина. На случай вынужденного отхода разработать план создания противотанковых заграждений на

¹ Сандалов. Л. М. На московском направлении. Стр. 72.

² Безусловно, эта директива существенно запоздала и к тому же вновь требовала от войск «не поддаваться на провокации». Однако можно понять и политическое руководство страны — в отличие от военного оно обязано не только встретить войну, но и, по возможности, предотвратить ее.

всю глубину и план минирования мостов, железнодорожных узлов и пунктов возможного сосредоточения противника».

В ответ на это штабом округа была разработана и отослана в Москву «Записка по плану действий войск в прикрытии на территории Западного особого военного округа». В целом она соответствовала предыдущему варианту плана прикрытия, разработанному в марте того же года. Судя по всему, записка была подготовлена в первых числах июня. Даты утверждения на документе не стояло — нарком обороны так и не успел его завизировать.

В документе обращает на себя внимание очень большой раздел, посвященный состоянию авиации округа:

«Подавляющее число частей ВВС округа перевооружается на новую материальную часть, в частях идет переучивание летного состава и освоение новых типов машин, поэтому части не подготовлены к ночным и высотным полетам, могут выполнять задачи только днем, в простых условиях, со средних высот.

Укомплектование частей новой материальной частью еще не закончено, утвержденный план поступления новой матчасти не выполнен. Большинство частей имеют от 40 до 60 проц. старой матчасти, сильно изношенной; нет запасных авиамоторов, особенно для самолетов типа СБ».

После этого не приходится удивляться, что авиация фронта в июньских боях никак себя не проявила — ее попросту не было. Конечно, ответственность несет в первую очередь руководство Наркомата авиационной промышленности, не выполнившее утвержденные планы поставки в округа самолетов и запчастей. Да и Генеральный штаб РККА, допустивший ситуацию, когда

новые самолеты *еще* не были готовы, а старые — *уже* оказались небоеспособны¹.

Однако управление авиацией округа тоже было отвратительным — об этом свидетельствует случай 15 мая 1941 года, когда германский транспортный «Юнкерс» без всякого разрешения (но с предварительным уведомлением!) пересек советскую границу у Белостока и беспрепятственно долетел... до самой Москвы. В приказе наркома обороны № 0035 от 10 июня 1941 г. по этому поводу особо отмечалось неблагоприятное состояние службы ПВО Западного Особого военного округа. Обращает на себя внимание следующий пассаж:

«Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военными служащими. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь».

Следует вкратце обрисовать общее соотношение сил и средств сторон в полосе Западного Особого военного округа, вскоре ставшего Западным фронтом. Дело в том, что многие историки, разбирающие действия советского военного руководства, склонны объяснять поражения Красной Армии на первом этапе исключительно бездарностью ее командиров... При этом как бы само собой разумеется, а иногда и прямо утверждается, что к началу войны германская армия не имела никакого численного

¹ Вдобавок перед самой войной с новых машин (Як-1, МиГ-3) по приказу из Москвы снимались крыльевые пулеметы винтовочного калибра — предположительно для облегчения самолетов.

превосходства над советской, а в техническом отношении (например, по количеству танков) даже уступала ей.

Не где-нибудь на страницах желтой прессы, а в столь солидном издании, как «Независимое военное обозрение»¹, мы можем встретить такой пассаж:

«Несмотря на то что войска особых округов обладали значительным перевесом над немцами в живой силе, вооружении и военной технике (причем по своим ТТХ они были отнюдь не такими плохими, как это пытаются иногда изобразить), запасах материальных средств, Красная Армия была наголову разбита противником в приграничных сражениях».

Отсюда, естественно, делается вывод:

«По сути, истоки поражений 1941 г. коренятся в 1917 г., когда была вначале окончательно разложена, а затем и полностью демонтирована и добыта военная организация России, создававшаяся до этого в течение долгих столетий. За короткое время был выкошен и рассеян высший, старший и младший офицерские составы, уничтожены как класс унтер-офицеры, забыты и оплеваны все воинские традиции».

Никаких цифр в подтверждение своих выкладок подобные авторы благоразумно не приводят, если же такой вопрос все же встает — начинают углубляться в анализ количества и сопоставление табличных характеристик бронетанковой техники, всячески избегая касаться вопроса численности войск сторон. Попытаемся же восполнить этот пробел

¹ См.: Ходаренко М., Славин В. Поражение было неизбежным // Независимое военное обозрение, 15 ноября 2002 г.

Округу противостояла немецкая группа армий «Центр», имевшая несколько более широкую полосу развертывания, но нацеленная именно на действия против Западного округа. При этом противник имел численное превосходство по всем родам оружия, даже если не учитывать боевую подготовленность войск и качество техники. Но главное — готовые к атаке немецкие войска были сосредоточены у самой границы, в то время как советские дивизии размещались в казармах и лагерях мирного времени, часть которых находилась на значительном удалении от границы, а часть — попала под первый удар, даже не успев развернуться в боевые порядки.

Таблица 1.

ЧИСЛЕННОСТЬ СИЛ И СРЕДСТВ СТОРОН

	ГрА «Центр»	Западный фронт	Соотношение
Дивизии	51*	44	1,2 : 1,0
В том числе пехотные	36	26	1,4 : 1,0
В том числе танковые и моторизованные	15	18	1,0 : 1,2
Из них в первом эшелоне	36	11**	3,3 : 1,0
Орудия и минометы	15,2***	14,2	1,2 : 1,0
Самолеты первой линии	1677****	1539 (1270)*****	1,1 : 1,0 (1,3 : 1,0)

Источник: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. М.: Институт военной истории МО РФ, 2004. Стр. 63—67.

* Две бригады принимаются за одну дивизию.

** Кроме того, в полосе группы армий «Центр» у границы находилась 128-я дивизия из состава 11-й армии Северо-Западного фронта. С учетом ее соотношения сил в первом эшелоне составляло 3 : 1 в пользу противника.

*** Уточнено по: *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. Стр. 480.

**** Дмитрий Хазанов со ссылкой на немецкие источники приводит другую цифру — 1628 машин. См.: *Хазанов Д.* 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М.: Яуза, Эксмо, 2006. Стр. 97—98.

***** В скобках указано число самолетов согласно упомянутой выше «Записке...» по плану прикрытия.

Следует отметить, что первые три дня боев 3-я немецкая танковая группа продвигалась вне полосы Западного фронта. Однако ее действия были направлены именно против войск Западного фронта, к тому же часть противостоящих Готу соединений (в частности, 5-я танковая дивизия) позднее тоже были переданы в состав этого фронта.

Отдельного разговора заслуживает соотношение численности личного состава противостоящих войск. «Статистический анализ», опираясь на трофейные немецкие документы из 500-го фонда ЦАМО, оценивает численность войск группы армий «Центр» в 820 000 человек. Однако нетрудно заметить, что это лишь суммарная штатная численность его дивизий — по 16 тысяч в каждой. То есть армейские и корпусные подразделения, отдельные полки и батальоны, а также тыловые подразделения группы армий «Центр» учитывались вообще. Реальная численность немецких войск была как минимум в полтора раза больше. М. Мельтюхов, вообще отличающийся стремлением преуменьшать немецкие силы, со ссылкой на 4-й том немецкого издания «Германский рейх во Второй мировой войне» приводит значительно

большую цифру численности группы армий «Центр» — 1 455 000 человек¹.

Общая численность войск Западного фронта разными источниками тоже оценивается по-разному. Статистическое исследование «Гриф секретности снят» (М, 1993) называет 625 000 человек — видимо, здесь не учтены части НКВД (впрочем, с немецкой стороны пограничные войска и жандармерия не учитываются никогда и нигде). Выпуск № 1 статистического сборника «Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны» (М.: ИВИ МО РФ, 1994) оценивает общую численность войск Западного фронта и Пинской флотилии в 673 472 человека. Кроме того, в составе фронта имелось 35 102 автомашины (в том числе 24 925 грузовых), 5706 тягачей и тракторов и 68 648 лошадей. Точное число автотранспорта у противника не указывается нигде; исходя из названной Мюллер-Гиллебюрантом общей численности автотранспорта, выделенного для Восточного похода (500 тысяч единиц), в группе армий «Центр» его должно было насчитываться не менее 170 000.

Отдельно следует упомянуть о численности танков, на превосходство РККА в которых так любят ссылаться многие исследователи. К сожалению, и в данном вопросе разные источники сильно противоречат друг другу — причем речь идет не только об отечественных, но и о немецких исследованиях. В частности, генштабовская работа «1941 год — уроки и выводы» (М, 1992) говорит о 2900 танках в составе Западного фронта, эту же цифру называет и упомянутый выше «Статистический анализ». В ряде случаев разноречиво объясняется тем, что разные авторы приводят данные из сводок за различные дни, а боевая техника поступала в части постоянно, в том числе и в первые дни войны.

¹ Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. Стр. 480.

Таблица 2.

**ЧИСЛЕННОСТЬ ТАНКОВ В МЕХАНИЗИРОВАННЫХ
СОЕДИНЕНИЯХ ПРОТИВОСТОЯЩИХ ГРУППИРОВОК
НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА**

	ГрА «Центр»	Западный фронт	Соотношение
Все танки и САУ	2180	2200*	1,0 : 1,0
Средние и тяжелые машины (свыше 19 тонн)	800	390	2,0 : 1,0
Легкие машины (до 10—12 тонн)	1220	1650	1,0 : 1,4
Пулеметные танки и танкетки	160	170	1,0 : 1,1
Бронеавтомобили	Нет полных данных	490	—
Средние		320	—
Легкие		170	—

* В том числе 116 КВ.

Приведенные в таблице 2 цифры взяты из работы И.Мошанского и И.Хохлова «Катастрофа Западного фронта. Белорусская стратегическая оборонительная операция, 22 июня — 9 июля 1941 г.» (М, 2003), основанной на отечественных архивных документах и иностранных источниках последних лет. Стоит добавить, что, по данным М. Коломийца¹, в составе всех войск Западного особого военного округа к 22 июня 1941 года насчитывалось 3345 танков, однако порядка 850 из них составляли танкетки Т-27, Т-37 и Т-38, а еще около 350 — не имевшие пушек машины БТ-2 и двухбашенные

¹ Приведены в книге: 1941 год: бои в Белоруссии. Стратегия КМ, 2003.

Т-26¹, а также тягачи и транспортеры на их базе. Таким образом, в пехотных соединениях, а также тыловых и учебных частях округа находились в основном вооруженные пулеметами устаревшие машины, имевшие незначительную боевую ценность. При этом на советской стороне учитываются не только боевые машины, но и техника учебных и тыловых подразделений, у противника же в статистику входят только машины танковых дивизий, а также бронетехника частей корпусного и армейского подчинения.

Итак, по танкам ударных соединений соотношение сил было примерно одинаково. Но при этом противник имел двукратное преимущество в машинах основного боевого класса — средних танках. Техническое превосходство новых советских танков Т-34, о котором многократно говорила как советская, так и антисоветская пропаганда, в значительной степени нивелировалось недостаточной подготовкой личного состава, а также наличием в экипажах немецких машин Pz.III и Pz.IV пятого члена экипажа — что позволяло командиру танка снять с себя функции артиллериста и полностью сосредоточиться на управлении боем.

К этому стоит добавить более надежную ходовую часть немецких машин, мощную ремонтную базу, хорошо организованное снабжение наступающих войск и высокую степень моторизации, позволявшую механизированным частям в течение многих дней выдерживать темп марша до 50—60 километров в сутки. При этом скорость продвижения немецких пехотных дивизий была лишь в полтора-два раза меньше, она состав-

¹ Даже если указанные машины постройки 1931—1932 годов и имели 37-мм пушку, то снаряды для этих орудий все равно отсутствовали, поскольку уже были сняты с вооружения.

ляла 30—40 км в сутки — тоже за счет относительно высокой моторизации технических подразделений и частей снабжения.

Вот с таким противником столкнулись войска Западного фронта 22 июня 1941 года. Безусловно, речи о том, чтобы выдержать этот удар, быть не могло. Однако масштабы поражения могли быть различны — и это напрямую зависело от действий командования фронта.

* * *

Что же оно делало в первые дни войны? Каким было управление войсками?

Субботним вечером 21 июня генерал Павлов и член военного совета округа корпусной комиссар Фоминых вместе с семьями находились в окружном театре Красной Армии — прибывшая на гастроли в Белоруссию труппа МХАТа давала здесь «Анну Каренину» (по другой версии — «Свадьбу в Малиновке», иногда вообще называют «Тартюфа»). В театральном коридоре (а не в ложе Павлова, как пишут об этом некоторые историки) был установлен телефон ВЧ, и на протяжении спектакля командующего округом дважды вызывали к нему для разговоров с Москвой. Позднее Фоминых и дежуривший у телефона офицер отдела культуры политуправления округа Колесов утверждали, что при ответах на звонки Павлов представлял дело так, будто находится не в театре, а в штабе округа.

Судя по всему, из театра Павлов уехал домой, потому что в штаб округа он прибыл только после полуночи, вслед за получением телефонограммы из Москвы и незадолго до получения директивы № 1.

Около двух часов ночи 22 июня (то есть еще до начала боевых действий) внезапно прервалась проводная связь штаба округа с 4-й армией, а самой армии — с ее

войсками. Около половины четвертого связь армии с частями удалось восстановить, и командарм-4 лично приказал поднять по тревоге 42-ю стрелковую дивизию и 14-й механизированный корпус, дислоцированные в районе Бреста. Если бы это произошло на полтора часа раньше, возможно, 2-й танковой группе не удалось бы в первый день войны добиться таких результатов.

В 4.30 была прервана связь штаба округа с 3-й и 10-й армиями. Около 8 часов радиосвязь с 3-й армией удалось частично восстановить, но все равно она оставалась очень плохой. Еще бы — к примеру, после налета немецкой авиации на Кобрин в первый день войны у штаба 13-го мехкорпуса осталась всего одна радиостанция (при восьми по штату). Лишь в 5.25 командование округа отдало войскам приказ действовать по-боевому. Но к этому времени война уже шла целый час.

Не имея данных об истинном положении частей, командование фронта решило, что основной удар противника направлен из Сувалкинского выступа на юг и юго-восток — на Белосток и Гродно, против частей 10-й и 3-й армий. Об этом начальник штаба фронта Климовских и доложил в Генеральный штаб донесением от 22.00 22 июня. В то же время глубокий прорыв 2-й танковой группы противника вплоть до следующего дня оставался незамеченным — в том же донесении указывалось, что 4-я армия прочно удерживает свои позиции в районе Бреста, хотя на этот момент немецкие части 3-й и 4-й танковых дивизий уже обошли Кобрин и находились в 60 километрах от границы.

Весьма характерно, что в семь утра руководителю КП(б) Белоруссии Пантелеймону Пономаренко позвонил сам Сталин. Вождь заявил, что получаемая от военных информация его не удовлетворяет, и потребовал от Пономаренко начать сбор сведений о положении про-

тивника через местные партийные органы. Бывший секретарь ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович, дежуривший в тот день у аппарата ВЧ в здании ЦК, вспоминает:

«Информацию об обстановке в западных областях, да и не только в западных, мы отрывочно получали от обкомов партии по аппарату ВЧ. В ЦК там же, около дежурного, сидел офицер связи командующего округом, который все то, что мы получали относительно обстановки в республике, тут же передавал оперативному дежурному на командном пункте округа. Это была лучшая из связей, чем располагал округ в первый день войны»¹.

В итоге Генеральный штаб был дезориентирован: по полученным им от фронтов данным выходило, что противник имеет две главные ударные группировки — сувалкинскую (в полосе Западного фронта) и люблинскую (в полосе Юго-Западного фронта), причем направление удара действий первой было определено неправильно. Но главное — наличие полесской ударной группировки (2-я танковая группа Гудериана) в течение первых двух дней войны выявлено не было.

Вдобавок, определив наличие на своем правом фланге ударной группировки противника, командование фронта недооценило ее масштабов и неверно оценило направление главного удара, приняв за него действия пехоты 8-го и 20-го армейских корпусов. В результате катастрофа на стыке фронтов прошла совершенно незамеченной. Буквально спрессованная на узком пространстве Сувалкинского выступа 3-я танковая группа Гота, поддержанная 5-м и 6-м армейскими корпусами, в первый же день вой-

¹ Минский Курьер. № 953 от 22 июня 2006 г.

ны смяла и отбросила противостоявшую ей одинокую 128-ю дивизию 29-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта (ее командир, генерал-майор Зотов, попал в плен). Уже к концу дня танки 39-го моторизованного корпуса немцев (7-я и 20-я танковые дивизии) прорвались к Алитусу, где в тяжелом бою нанесли поражение выдвинувшейся сюда 5-й танковой дивизии (фронтowego подчинения), захватили город и мосты через Неман.

На следующий день немецкие танки заняли Вильнюс, обойдя с юга разрозненные отступающие части 29-го стрелкового корпуса 11-й армии. На стыке Западного и Северо-Западного фронтов образовалась огромная брешь, в которую быстро вливалась огромная механизированная группировка противника. Уже 24 июня она слегка изменила направление движения, повернув на юго-восток и оказавшись в полосе Западного фронта, нацелившись на Минск, где предполагалось соединение с частями 2-й танковой группы Гудериана. В то время как командование фронта было озабочено ситуацией в районе Гродно и Белостока, немецкие танковые клещи уже готовились замкнуться в трехстах километрах к западу, в глубоком тылу советских войск...

Из-за практически полного отсутствия связи с армиями руководству Западного фронта постоянно приходилось посылать в войска делегатов связи — на мотоциклах, броневиках, самолетах У-2 или Р-5. Иногда офицеров с пакетами сбрасывали на парашютах в районе предполагаемого расположения частей. При незнании обстановки, в условиях глубокого прорыва противника эти делегаты до нужных штабов, как правило, просто не добирались. Поэтому командование фронта имело весьма смутное представление о расположении своих армий, а командиры армий и корпусов не знали, чего от них хочет командование.

Так, уже на второй день войны заместитель коман-

дующего фронтом генерал И. В. Болдин был отправлен в Белостокский выступ для формирования так называемой «группы Болдина» (6-й мехкорпус, 36-я кавдивизия и 124-й гаубичный артполк РГК). 24—25 июня по приказу командования фронта эта группа без прикрытия авиацией и без должной разведки противника нанесла контрудар из района восточнее Белостока на Гродно и была полностью разгромлена. Впоследствии генерал Болдин писал в своих мемуарах:

«Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей ударной группе одно боевое распоряжение за другим, совершенно не интересуясь, доходят ли они до меня, не подумав о том, реальны ли они в той обстановке, какая сложилась на Западном фронте.

Зачем понадобилось Павлову издавать эти распоряжения? Кому он направлял их? Возможно, они служили только для того, чтобы создавать перед Москвой видимость, будто на Западном фронте предпринимаются какие-то меры для оказания противодействия наступающему врагу. Ни одного из этих распоряжений я не получил, и остались они в военных архивах как тяжкое напоминание о трагедии первых дней войны...»¹

Вот один из примеров подобных распоряжений — приказ командующему 10-й армией, отданный 23 июня:

«Почему механизированный корпус не наступал, кто виноват, немедленно активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления.

¹ Болдин И. В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961. Стр. 94.

Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда, что делает и какие результаты.

Почему вы не даете задачу на атаку механизированному корпусу?

Найти, где 49-я и 113-я стрелковые дивизии, и вывести.

Исправьте свои ошибки. Подвозите снаряды и горючее. Лучше продовольствие берите на месте.

Запомните, если вы не будете действовать активно — Военный совет больше терпеть не будет»¹.

Сразу возникает вопрос: а какой механизированный корпус имеется в виду? В составе 10-й армии их было два — 6-й и 11-й. Первый из них с первого дня войны был в боях в районе Браньска, на южном фланге Белостокского выступа, действуя против частей 9-го армейского корпуса генерала Гейера. Второй на 22 июня размещался в тылу, в районе Белостока. Приказом от 18.00 22 июня командиру 10-й армии было отдано распоряжение — отвести свои войска на восточный берег реки Нарев «для занятия прочной обороны», а 6-й механизированный корпус иметь в резерве в районе Михалово, Грудек. Чуть позже в соответствии с распоряжением наркома обороны 6-й мехкорпус был передан в состав так называемой «группы Болдина» и совместно с 11-м мехкорпусом и 36-й кавдивизией должен был наносить удар в северном направлении — на Сопецкин, что возле Гродно, в полосе 3-й армии.

Может быть, в приведенном приказе командование Западного фронта имело в виду 13-й мехкорпус фронтового подчинения? Ведь именно ему накануне (тем же приказом от 18.00 22 июня) отдавалось распоряжение

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 35. М., 1958. Стр. 31.

атаковать противника в направлении Боцьки, Рудка. Этим, по свидетельству немецкого генерала Гейера, мехкорпус и занимался.

«Когда я ранним утром появился в Браньске, там еще царил большой беспорядок. Мне самому довелось столкнуться с двумя ворвавшимися в город русскими танками. Впрочем, они неуютно себя чувствовали на узких перегороженных улицах. Мы атаковали танки с трех сторон, а они пытались прорваться на свободу. Более 60 русских танков уже было уничтожено...

По дороге я обратил внимание на следы борьбы — подбитые вражеские танки, орудия, пленных и убитых. Легко было понять, почему 137-я дивизия не смогла 22 июня продвинуться далее 20 километров от Буга»¹.

Но в таком случае получается нестыковка: 13-й мехкорпус честно выполнял приказ, и претензий к его действиям быть не могло. Более того, из показаний Павлова на допросе следует, что 23 июня именно 6-му мехкорпусу было приказано нанести удар противнику из исходного положения *в направлении на Браньск*, а затем отойти в резерв фронта к Волковыску. По утверждению Павлова, корпус этой задачи не выполнил, *«командующий 10-й армией Голубев по неизвестной для меня причине в атаку его не пустил»*.

То есть в приказе Голубеву все-таки подразумевается именно 6-й мехкорпус, который к моменту отдачи этого приказа уже находился в составе группы Болдина. Тем более что в упомянутой ранее «Записке по плану

¹ Гейер Г. IX армейский корпус в Восточном походе // От Буга до Кавказа. М.: АСТ, 2004. Стр. 55—56.

действий войск в прикрытии на территории Западного особого военного округа» его использование предполагалось именно таким:

«4. В случае прорыва крупных мотомехчастей противника с фронта Соколов, Седлец в направлении на Бельск, Хайнувка, Волковыск 100-я стр. дивизия совместно с 7 птбр, 43 сад и 12 бад, прочно заняв тыловой рубеж на фронте Грудек, Хайнувка, Войнувка, уничтожает наступающие танки и мотопехоту противника, не допуская их распространения восточнее этого рубежа.

6-й мехкорпус из района Белосток наносит удар в общем направлении на Браньск, Цехановец и во взаимодействии с 9 сад и 12 бад уничтожает противника».

Вполне вероятно, что генерал Павлов, не имея в тюремной камере никаких документов, мог просто перепутать мехкорпуса и их маневры. Однако механизированных корпусов у него было не так много, а 6-й был самым мощным из них. Наличие же приведенного выше приказа командующему 10-й армией заставляет заподозрить, что корпуса эти командующий фронтом перепутал уже в ходе боев.

Вот так и получилось, что по распоряжению руководства Западного фронта 6-й механизированный корпус должен был одновременно наступать в двух противоположных направлениях. За невыполнение этого и других приказов сулились самые строгие кары! Даже на допросе, уже будучи арестованным, Павлов сообщил:

«В [4-ю] армию был направлен мой помощник по вузам Хабаров с моим строжайшим приказом, если нужно, расстрелять любое количество людей, но отступление 4-й

армии остановить и добиться того, чтобы штаб армии взять в руки управления».

Конечно же, обстановка первых дней войны весьма способствовала путанице. Штаб фронта, не имея надежной связи с войсками, известия об их положении и действиях получал крайне нерегулярно и не имел возможности оперативно и адекватно реагировать на действия противника. Однако невнятные требования, абстрактная ругань и угрозы расстрелом вряд ли были способны исправить ситуацию.

Впрочем, бывало и еще хуже. Так, 26 июня в районе штаба 10-й армии приземлились два парашютиста. Доставленные в штаб, они заявили, что прибыли с шифрованным приказом от командования фронтом. Однако все попытки расшифровать привезенный приказ оказались безуспешными. Не подошли и шифры, имевшиеся в штабе 3-й армии. Оба офицера были арестованы сотрудниками НКВД и тут же расстреляны как шпионы — немецких агентов в нашей форме и с подложными приказами в те дни действительно было очень много.

В итоге выяснилось, что штаб округа незадолго до войны сменил шифр, но не удосужился вовремя отправить новый шифр в штабы своих армий, а при отправке приказа просто забыл об этом.

Судя по всему, генерал Болдин был не прав — упоминаемые им распоряжения Павлова предназначались вовсе не для отчетности перед Москвой. Похоже, командование фронта уже к утру 23 июня полностью утратило контроль не только над ситуацией, но и над собой, впало в панику и оказалось более не в состоянии адекватно воспринимать происходящее.

Сейчас нам в общих чертах понятны причины и ход катастрофы. Считая, что главный удар немцы наносят

из Сувалкинского выступа в направлении на юг, командующий Западным фронтом сосредоточил все внимание именно здесь, стараясь предотвратить местный (как он считал) охват противником правого фланга 10-й армии. Тем более что вечером первого дня войны штабом фронта была получена директива наркома обороны за № 3, предписывающая фронту организовать мощный контрудар в общем направлении на Сувалки.

Поэтому в 10-ю армию был направлен заместитель Павлова генерал Болдин, к Сувалкинскому выступу стягивались все мобильные соединения, здесь был нанесен первый из массированных танковых контрударов этих дней. Первый и, наверное, самый неудачный — к 22 июня в 6-м мехкорпусе насчитывалось около тысячи танков, 11-й мехкорпус имел 241 танк¹. На 25 июня, к моменту прекращения контрудара «группы Болдина», в корпусах осталось едва ли более трети машин, а к началу июля они были полностью уничтожены как боевые единицы.

В то же время связь Москвы со штабом Западного фронта в Минске (а затем в Могилеве) с первого дня войны оставалась крайне ненадежной, даже несмотря на посылку сюда двух видных представителей Генштаба — маршала Г. И. Кулика и самого Бориса Михайловича Шапошникова (и так не отличавшегося крепким здоровьем). Вместе с ними на Западный фронт были направлены заместитель начальника Генштаба В. Д. Соколовский и начальник оперативного управления

¹ Всего в составе четырех мехкорпусов Западного фронта имелось: 6-й МК — 1021 танк (в том числе 352 машины новых марок — Т-34 и КВ); 11-й МК — 241 танк (в том числе 28 Т-34 и 3 КВ); 13-й МК — 295 танков (новых по штатам нет, но несколько Т-34 и КВ было передано из 6-го МК); 14-й МК — 534 танка (новых нет). 17-й и 20-й МК (формирующиеся) — соответственно 36 и 93 машины.

Г. К. Маландин. Это уже само по себе говорило о том, какое значение Ставка придает Западному оперативному направлению. А 24 июня сюда же в качестве личного эмиссара Сталина был послан Климент Ефремович Ворошилов.

Примерно в это же время командование фронта осознало катастрофичность положения на своем левом фланге и перенесло внимание в полосу прорыва группы Гота. В этот день в районе Минска была создана 13-я армия¹ генерал-лейтенанта Филатова, объединившая руководство 21-м стрелковым корпусом (находился у Лиды) и отходящими с запада либо выдвигающимися из тыла частями². Однако на следующий день штаб армии был разгромлен немецкими танками, погибло или попало в плен около 50 офицеров, почти все штабные машины, средства связи и шифры попали в руки немцев. После этого 21-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта В. Б. Борисова действовал между Минском и Могилевом как самостоятельная часть.

25 июня масштабы поражения в полосе Западного фронта стали уже очевидны. Это подтверждали и оперативные документы, захваченные в этот день под Радошковичами при разгроме отдельным разведбатальоном 64-й стрелковой дивизии одной из штабных частей 39-го немецкого моторизованного корпуса³. Части 4-й армии были разбиты и частично отброшены на восток, частично же отошли к югу. Еще вечером 23 июня немцы заняли Кобрин, к 25 июня передовые части 17-го механизированного корпуса 2-й танковой группы Гуде-

¹ Должна была формироваться еще по плану прикрытия.

² В том числе и упоминавшейся ранее 5-й танковой дивизией из состава Северо-Западного фронта.

³ Встречаются утверждения, что в тот же день немецкие оперативные документы были захвачены и в полосе 4-й армии.

риана, преодолев до 300 километров, обошли Слуцк и двигались к Бобруйску, захваченному ими 28 июня. Одновременно 46-й механизированный корпус немцев вышел на подступы к Минску, перехватив основные коммуникации 3-й и 10-й армий.

Находившийся на этом направлении 14-й механизированный корпус после неудачного контрудара 23 июня понес тяжелые потери и в беспорядке отходил на восток. Утром 25 июня командир корпуса генерал-майор С. И. Оборин после легкого ранения «эвакуировался» в тыл; затем он самовольно покинул фронт и 6 июня прибыл в Москву, где через два дня был арестован в своей квартире, отдан под трибунал и впоследствии расстрелян...

Но вернемся в 25 июня 1941 года. Первоначально действовавшая в полосе Северо-Западного фронта 3-я танковая группа Гота нацелилась на гораздо более глубокий охват, чем могло предполагать советское командование — она без особых проблем обогнула правый фланг фронта, двигаясь в глубь Белоруссии, на Минск и Оршу, и к указанному числу вышла в район Молодечно.

К этому времени для выхода 3-й и 10-й армий из образовавшегося длинного «мешка» еще оставался коридор между Лидой и Барановичами шириной 50—60 километров — правда, проходящий в основном по бездорожью западнее и южнее Минска. В этот день находившийся в штабе фронта в Могилеве маршал Шапошников (не Павлов!) сообщил в Ставку о необходимости срочно начать отвод войск из-под угрозы окружения. Ставка отреагировала мгновенно — она приказала командующему Западным фронтом вывести войска из Белостокского выступа на линию Лида, Слоним, Пинск.

В этот же день появилась весьма своевременная ди-

ректива Ставки ВГК о создании в тылу группы резервных армий (19-я, 20-я, 21-я и 22-я) под общим командованием маршала С. М. Буденного, которая должна была заранее занять фронт по линии Невель, Витебск, Могилев и далее по Днепру до Кременчуга.

Первоначально группе армий была поставлена задача — готовиться к наступлению «по особому указанию Главного командования». Однако уже 27-го числа Ставка изменила первоначальное распоряжение — отныне войска по линии Днепра должны были перейти к глухой обороне, создавая рубеж, на который следовало отходить армиям Западного фронта, и не допуская прорыва противника на Москву.

В целом нельзя не отметить, что распоряжения советского Верховного командования, начиная со второго дня войны, отличались здравостью и своевременностью. Тогда же, 27 июня, командование Западного фронта получило следующее распоряжение Ставки:

«Первое. Срочно разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей... Поставить частям задачу, вести ли бой, или сосредотачиваться в лесных районах, в последнем случае — по каким дорогам и в какой группировке.

Второе. Выяснить, каким частям надо подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Третье. Оставшиеся войска выводить в трех направлениях:

— Через Локшицы и Полоцк, собирая их за Лепельским и Полоцким УРами.

— *Направление Минск, собирать части за Минским УРом.*

— *Третье направление — Глусские леса и на Бобруйск»¹.*

Таким образом, штабу Западного фронта была предоставлена значительная самостоятельность в выборе путей вывода войск. В соответствии с этой директивой командующий Западным фронтом в тот же день отдал приказ:

«...Командиру 6-го МК. 6-му МК, пополнившись боеприпасами и горючим, форсированным маршем к исходу 28 июня 1941 года в полном составе сосредоточиться в районе Пуховичи, имея задачей через Осиповичи атаковать на Бобруйск и уничтожить бобруйск-слуцкую группировку противника. После этого сосредоточиться в районе Бобруйск и в Червень»².

Таким образом, 6-му мехкорпусу предписывалось нанести удар в тыл 2-й танковой группе, двигаясь на восток вдоль шоссе Белосток — Волковыск — Слоним — Барановичи, практически в одном с ней направлении.

Увы, штаб мехкорпуса этот приказ не получил, поскольку связь с командованием фронта он утратил еще 25 июня. Да и самого штаба фактически уже не существовало. С 27 по 30 июня отошедшие из-под Гродно разрозненные и лишенные управления части корпуса вместе с пехотными подразделениями отчаянно пытались

¹ Цит. по книге: 1941 год: бои в Белоруссии. Стратегия КМ, 2003.

² Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005. Стр. 235.

пробиться на восток — на Слоним и Барановичи, уже занятые немцами.

Тем, кто двигался по шоссе, сделать этого не удалось: шоссе от Зельвы до Слонима и окрестные леса стали для них могилой. К своим смогли выйти только отдельные подразделения, решившие пробиваться на юг, в Пинские болота, — одним из них стал отряд командира 7-й танковой дивизии генерал-майора Борзилова.

Уже 26 июня танки Гота вышли с северо-запада к Минскому укрепрайону. Вокруг столицы Белоруссии еще с 24 июня разворачивались 2-й и 44-й стрелковые корпуса (четыре дивизии), тоже переданные в состав 13-й армии. Сюда же выдвигались части 20-го мехкорпуса, прикрывавшие промежуток между Минским и Слуцким УРами. Бои здесь длились два дня...

Вечером 28 июня командование фронта получило директиву Ставки за № 0068:

28 июня 1941 г.

20 ч. 25 мин.

1. С целью разгрома подвижной группы противника в районе Радошковиче, опираясь на Минский укрепленный район, силами 21 и 44 ск 28 и 29.06 нанести удар со стороны Молодечно на Красне, Радошковиче и со стороны Минска [на] Ракув, Грудск, Молодечно и, не допустив отхода ее на запад, уничтожить. Наступательные действия не прекращать и ночью.

2. Для изоляции и уничтожения подвижных частей противника, прорвавшихся от Слуцка на Бобруйск, путем диверсионных нападений на отдельные машины, части и тылы, 214-ю авиадесантную бригаду форсированным маршем на автотранспорте выбросить сегодня же

ночью для действия в направлениях на Глушу, Глуск и Старые дороги.

Иметь в виду, что одновременно с этой же целью в район Озоричи (35—60 км сев. Калинковичей) будет выброшена¹ 204-я авиадесбригада Юго-Зап. фронта для действий в направлениях Шацилки, Паричи, Глуск. После высадки бригада подчиняется Вам.

Прикрытие Осиповичей возложить на авиадесбригаду.

Высылаемые отряды предупредить, что у противника затруднения с горючим.

По выполнении задач бригаадам искать соединения со своими войсками по обстановке.

3. Группой Петрова в составе 47 ск и мехкорпусов фронта нанести удар по тылам прорвавшейся группы противника в общем направлении Слуцк, Погост, Глуск, Паричи.

Частями 47 ск прочно занять и оборонять Слуцкий УР, закрыв дорогу для подвоза со стороны Кобрин и обеспечивая действия наших частей на Бобруйск со стороны Барановичи, Кобрин.

*С. Тимошенко,
Г. Жуков².*

Увы, выполнить этот приказ было уже невозможно. Дивизии 21-го стрелкового корпуса в районе Лиды вели тяжелые бои с наступавшим с запада 57-м моторкорпусом.

¹ В тот же день директивой № 0069 командованию Юго-Западного фронта предписывалось в ночь на 29 июня организовать высадку 204-й воздушно-десантной бригады в районе Озоричи, Любань, Волосовичи (южнее Бобруйска) с целью диверсионных действий в тылу передовых танковых отрядов противника. Однако высадку с парашютами, пусть даже в несколько приемов, невозможно было подготовить за несколько часов.

² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М.: Терра, 1998. Стр. 26.

сом немцев. Они не имели никакой возможности оторваться от противника, совершить почти 100-километровый марш на восток да еще отрезать ударную группу 39-го моторного корпуса, к этому моменту уже вышедшего юго-восточнее Молодечна, на ближние подступы к Минску. 44-й стрелковый корпус отчаянно дрался на линии Минского укрепрайона.

47-му стрелковому корпусу организовать контрудар тоже не удалось — еще накануне 3-я танковая дивизия 24-го моторизованного корпуса немцев прорвала Слуцкий укрепрайон и 28 июня захватила Бобруйск, начав форсирование Березины. Одновременно части 46-го моторизованного корпуса (10-я танковая дивизия и мотодивизия «Рейх») прошли севернее, в стык между укрепрайонами, оказавшись южнее Минска. О судьбе 6-го мехкорпуса, который должен был прорываться на Бобруйск со стороны Барановичей, было уже сказано выше. Диверсионными действиями авиабригад на коммуникациях 2-й танковой группы можно было несколько замедлить продвижение механизированных частей, однако сдержать наступление противника столь слабые силы были не в состоянии.

28 июня, после подхода пехотных частей, немцы прорвали линию Минского укрепрайона одновременно на севере (в полосе 2-го стрелкового корпуса) и на юге (в полосе 44-го корпуса). Около 4 часов вечера 28 июня 20-я танковая дивизия группы Гота ворвалась в столицу Белоруссии. Разбитые советские части торопливо оставили город; второпях никто из военного руководства даже не подумал о машинах для эвакуации окружного госпиталя, и все тяжелораненые были оставлены врагу.

На следующий день южнее Минска 20-я танковая дивизия группы Гота встретилась с 18-й танковой дивизией 46-го моторного корпуса из группы Гудериана, замк-

нув кольцо окружения вокруг основных сил Западного фронта в районе Налибокской пуши. Днем раньше пехотные части 4-й и 9-й немецких армий, находившихся «внутри» танковых клещей, соединившись у Крынки, взяли в кольцо основные силы 10-й армии Голубева. Ее части, с тяжелыми боями прорывавшиеся на восток, в итоге лишь оказывались во втором котле — вместе с войсками 10-й и 13-й армий.

Всего в окружении оказалось 26 дивизий. Оставшиеся вне окружения разрозненные части Западного фронта беспорядочно отходили от Минска к линии Днепра, левофланговая 4-я армия была отброшена от Кобрина и Бреста к Пинску и Слуцку и никак не смогла повлиять на положение дел.

Впрочем, для немцев ситуация складывалась тоже далеко не так радужно, как они рассчитывали. Войска в котле продолжали яростно сопротивляться, не прекращая попыток вырваться из окружения, поэтому еще в течение как минимум недели на удержание внутреннего периметра кольца было отвлечено 25 дивизий — половина всех сил группы армий «Центр». Тем временем наступление к Днепру продолжало лишь 8 дивизий!

Организованное сопротивление советских войск в районе Налибокской пуши продолжалось вплоть до 8 июля. В итоге, как признает Гальдер, «часть окруженной группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт группы Гудериана» — на юго-востоке, там, где этот фронт был наиболее тонок. В течение июля и даже августа из окружения вышли командующий 3-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов и заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И. В. Болдин, командир 11-го мехкорпуса генерал-майор Мостовенко, командир 13-го мехкорпуса

генерал-майор Ахлюстин, командование и штабы ряда корпусов и дивизий. В плену у немцев оказались командир 6-го кавкорпуса генерал-майор И. С. Никитин, командир 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор Потатурчев.

В середине июля вышел из окружения и старый приятель Павлова маршал Кулик, еще 23 июня прибывший в Белосток в качестве представителя Ставки. Наличие маршала в немецком тылу вызвало у противника серьезный переполох — согласно трофейным документам, немцы считали, будто он направлен специально для организации у них в тылу партизанского движения. Они организовали на Кулика масштабную, но безрезультатную охоту, которая была прекращена лишь во второй половине сентября.

3 июля генерал Гальдер записал в своем дневнике:

«Теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение всего 14 дней»¹.

Однако судьба генерала Павлова была решена значительно раньше. 27 июня Ворошилов отыскал штаб Западного фронта в районе Могилева и сообщил находившемуся здесь Шапошникову, что имеет приказ Сталина: отстранить Павлова от командования и отправить под охраной в Москву. Старый маршал согласился, что Павлов совершенно не справился с ролью командующего фронтом, но выразил сомнение в необ-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Стр. 76.

ходимости репрессий — особенно в подобной ситуации, когда арест командующего может вызвать дополнительную панику в войсках.

Ворошилов согласился с доводами Шапошникова и отправил в Москву доклад об обстановке на Западном фронте, в котором предлагалось не арестовывать командарма Павлова, а лишь отстранить его от руководства фронтом и назначить командиром танковой группы, формирующейся из отходящих частей в районе Гомеля и Рогачева.

Наверное, это предложение в сложившихся условиях было наиболее здравым. Однако в ответной телеграмме, пришедшей в Могилев рано утром 29 июня, Сталин потребовал немедленного ареста своего бывшего любимца.

Вопреки расхожему мнению, ни Лев Захарович Мехлис, ни сотрудники НКВД к этому событию не имели никакого отношения. Фактически арест Павлова по приказу Ворошилова осуществил сопровождавший его офицер разведки полковник Мамсуров. Вот как он описывает этот эпизод:

«Первым подошел сам Павлов. Снял ремень с пистолетом и, подав их мне, крепко пожал руку, сказал: «... Не поминай лихом, Ксанти, наверное, когда-нибудь в Могилеве встретимся». В отличие от вчерашней ночи он был почти спокоен и мужественен в эту минуту. Павлов первым сел в легковую машину. Вторым сдал оружие начальник штаба Климовских. Мы с ним раньше никогда не встречались. Он был также спокоен, ничего не сказал и сел в ту же машину.

Третьим подошел ко мне замечательный товарищ, великолепный артиллерист — командующий артиллерией округа Клич. Мы прекрасно знали друг друга по Испании и

всегда общались как хорошие товарищи. Он протянул свое оружие, с улыбкой обнял меня. Через несколько минут небольшая колонна двинулась в путь на Москву».

Яркая деталь — воевавшие в Испании командиры называли друг друга «испанскими» прозвищами. Так, по воспоминаниям И. Старинова, прибывшего в штаб фронта в первые дни войны для организации минирования приграничных областей, Павлов и Клич не обращались к нему иначе, чем «Вольф»...

30 июня 1941 года приказом ГКО генерал Павлов был официально отстранен от руководства войсками Западного фронта. Командующим фронтом (точнее, тем, что от него осталось) назначался нарком обороны С. К. Тимошенко, членом Военного совета — начальник Политического управления РККА армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис. Последний, прибыв в штаб Западного фронта 2 июня, уже после описанных выше событий, сразу же заявил, что причиной поражения стала измена в высшем эшелоне командования фронта.

4 июня генерал Павлов, до этого фактически находившийся под домашним арестом, по приказу Мехлиса был официально арестован сотрудниками НКВД в Смоленске. По воспоминаниям присутствовавшего при этом капитана госбезопасности Бойко, Мехлис обрушился на генерала с руганью, называя его подлецом, негодяем, предателем и изменником. После ухода начальника ГЛАВПУРа Павлов обратился к офицеру госбезопасности со словами: «Я виноват и должен нести ответственность за свою вину, но я не изменник и не предатель!» А затем попросил разрешения отхлебнуть из имевшейся у него с собой бутылки коньяку. По словам Бойко, он на какой-то момент отвлекся, а затем обнаружил, что Павлов уже почти прикончил целую бу-

тылку. На возмущенную реплику арестованный заявил, что выпил последний раз в жизни. «Меня расстреляют, я хорошо знаю Сталина, он мне не простит того, что произошло»¹.

Но первый допрос генерала состоялся только 6-го числа, уже в Москве. На следующий день он дал подробное описание действий командования фронта в первые дни войны и отрывочное — вплоть до 28 июля. Однако следователей интересовало совсем не это — они добивались, чтобы Павлов признался в измене и антисоветском заговоре.

Сама по себе история поисков нового военного заговора летом 1941 года заслуживает отдельного разговора. Прошедшую за несколько недель до войны новую волну арестов среди высшего командного состава РККА проще всего свалить на коварство «органов» или кровожадность Сталина. Однако на этот раз, в отличие от 1937—1938 годов, репрессиям подвергся довольно узкий круг военных: в первую очередь это были «испанцы», выдвинувшиеся на высшие посты после 1937 года, представители «технических» родов войск — танков, артиллерии, авиации. Формально аресты авиаторов связывались с волной аварийности и вскрывшимся низким уровнем боевой подготовки летчиков, а также с упомянутым выше инцидентом от 15 мая. Кроме того, много позднее В. М. Молотов рассказывал писателю Ивану Стаднюку, что 29 июня, после резкого выяснения отношений между политиками и военными в Наркомате обороны, Берия сообщил Сталину о возможности заговора в армейском руководстве. Скорее всего, это тоже сыграло свою роль в последующих кадровых перестановках и жестких репрессиях против проштрафившихся военных.

¹ Пальчиков П. А. Он был обречен // Москва, 2006, № 5. Стр. 79.

Обвинение в заговоре Дмитрий Григорьевич категорически отрицал. Свою вину в поражении — тоже. Он заявил: *«Основной причиной всех бед считаю огромное превосходство танков противника и его новой материальной части и огромное превосходство авиации противника...»*¹

Главной причиной разгрома Западного фронта Павлов называл недостаточное количество танков: *«Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ»*. На прямой вопрос следователя, в чем же он видит свою вину за создавшееся положение, Павлов ответил: *«Я предпринял все меры для того, чтобы предотвратить прорыв немецких войск. Виновным себя в создавшемся на фронте положении не считаю»*.

По его мнению, причиной катастрофы стала ненадежность литовских стрелковых дивизий, занимавших левый фланг Северо-Западного фронта (через который и прошла 3-я танковая группа Гота), а также неисполнительность командования армий:

«Наряду с этим потеря управления штабом 4-й армии, Коробковым и Сандаловым, своими частями способствовала быстрому продвижению противника в бобруйском направлении, а невыполнение моего приказа командующим 10-й армией генералом Голубевым о производстве удара на Брянск² 6-м мехкорпусом с целью разгрома мех-

¹ ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Л/о Р-24000, Лл.23—53. Здесь и далее фрагменты приводятся по интернет-публикации на электронном сайте «Russian Battlefield» (<http://www.battlefield.ru>).

² Имеется в виду Браньск. Механизированной группировки противника в этом районе не было, сам же корпус действовал в составе группы Болдина на совершенно другом направлении.

группировки противника, после чего войти в мое распоряжение в районе Волковыска, лишило меня возможности иметь надлежащую ударную группу».

Впрочем, следствие, привыкшее к ловле «врагов народа», довольно быстро добилось желаемого. Уже 9 июля Павлов признался в *«предательских действиях по отношению к партии и советскому правительству»*, хотя продолжал настаивать, что *«ни от кого задания открыть Западный фронт не получал»*, соглашаясь признавать лишь сознательное бездействие. Свою позицию он изменил лишь 11 июля, сознавшись, что:

«...в феврале 1937 г. бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу в Красной Армии... Мы считали, что командный состав Красной Армии якобы бесправен, а политсоставу, наоборот, предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава вызывается якобы неправильной политикой руководства Красной Армии».

К этому времени товарищ Павлова по Испании, бывший начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны СССР Кирилл Афанасьевич Мерецков тоже был арестован органами НКВД. В ответ на предъявленные ему следователями показания Павлова 12 июля он сообщил:

«...По вражеской работе со мной были связаны: командующий Западным военным округом генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич. О принадлежности Павлова к ан-

тисоветской организации я узнал в начале 1937 года, хотя и раньше имел основания предполагать о его связи с заговорщиками. В сентябре 1936 г. Уборевич меня информировал о том, что им подготовлена к отправке в Испанию танковая бригада и принято решение командование бригадой поручить Павлову. Уборевич при этом дал Павлову самую лестную характеристику, заявив, что в мою задачу входит позаботиться о том, чтобы в Испании Павлов приобрел себе известность в расчете на то, чтобы через 7—8 месяцев его можно было сделать, как выразился Уборевич, большим танковым начальником.

...Павлов неоднократно в беседах со мной высказывал свое резкое недовольство карательной политикой советской власти, говорил о происходящем якобы в Красной Армии «избиении» командных кадров и даже открыто, на официальных заседаниях, выступал в защиту репрессированных из числа военных».

Казалось бы, органы госбезопасности могли торжествовать: в высшем руководстве РККА раскрыт очередной заговор, по своим масштабам сравнимый с «заговором Тухачевского». А главное — найдены объективные и вполне убедительные объяснения страшных поражений Красной Армии. Ведь не действия противника, не низкие боевые качества войск, не плохое управление, некомпетентность командования или неудачные приказы Ставки привели к катастрофе. Измена и предательство полностью снимали с руководителей страны ответственность за положение на фронте!

Однако 22 июля 1941 года, на закрытом судебном заседании Военной коллегии под председательством армвоенюриста Ульриха, Павлов заявил, что виновным в антисоветском заговоре он себя не признает, и категорически отказался от своих показаний — за исключе-

нием тех, что были даны им 7 июля (о чем он упомянул особо).

Далее произошло неожиданное. Суд снял с руководства Западного фронта обвинение в измене. В приговоре Военной коллегии Д. Г. Павлову и В. Е. Климовских остались только обвинения в трусости, нераспорядительности и развале управления войсками, повлекшем сдачу оружия противнику и дезорганизацию обороны страны. Кроме них был осужден начальник связи Западного фронта А. Т. Григорьев и командующий 4-й армией А. А. Коробков, на которого Павлов так старательно переваливал вину. Все четверо были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

А Кирилл Афанасьевич Мерецков спустя месяц был освобожден из-под стражи и направлен представителем Ставки на Северо-Западный фронт — вместе со Львом Захаровичем Мехлисом...

Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 года Павлов, Климовских и Григорьев были реабилитированы: приговор отменен и дело на них за отсутствием состава преступления производством прекращено. Одновременно был реабилитирован командир 4-й армии Западного фронта Коробков. В постановлении суда говорилось, что прорыв германских войск на фронте обороны Западного особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован осужденным как воинское преступление, так как это произошло по не зависящим от них обстоятельствам.

Безусловно, все было именно так — против войск Западного фронта противник сосредоточил свою основную ударную группировку, в том числе две из четы-

рех танковых групп. Немцы упредили советские войска в развертывании, причем смогли сохранить в тайне направления главных ударов. Советские войска были «размазаны» вдоль границы и в глубину, а немецкие части — сконцентрированы на узких участках предполагавшихся прорывов. Западный фронт попал под удар, выдержать который он не смог бы в любом случае — даже при полной готовности к обороне. Все так. Но...

В результате виновных в отсутствии связи, отсутствии шифров, отсутствии управления войсками — того, что в немалой степени определило судьбу попавших в Белостокский котел армий — виновных в этом не оказалось. Остались только «жертвы сталинских репрессий» — и сотни тысяч красноармейцев и командиров, погибших из-за того, что для кого-то из генералов выполнение элементарных служебных обязанностей оказалось непосильным трудом...

Юрий Емельянов

ПЯТАЯ КОЛОННА БЛИЦКРИГА

Завершение всякой тяжелой и продолжительной войны часто сопровождается долгими обсуждениями: почему она случилась и могла ли она идти иначе? В этих дискуссиях особенно усердствуют побежденные. Годами, а то и десятилетиями не прекращается поток публикаций тех, кто руководил разгромленными армиями. В них предпринимаются попытки доказать свою непричастность к поражению и свалить вину на противника, нарушавшего правила ведения войны, глупое начальство, ошибки коллег, природные обстоятельства и прочее. Так было после гражданской войны 1861—1865 годов в США, когда генералы южан (а потом их дети и внуки) доказывали, что они могли бы выиграть войну, если бы военное руководство Конфедерации следовало советам потерпевших поражение военачальников. Едва завершилась Вторая мировая война, как немецко-фашистские генералы и фельдмаршалы в своих многочисленных мемуарах поспешили объяснить всему миру, что они могли бы выиграть войну, если бы не русские морозы, просчеты германской дипломатии, а главное — действия Гитлера, якобы мешавшего военачальникам одержать блистательную победу.

Но удивительным образом в нашей стране, одержавшей сокрушительную победу над гитлеровской Германией и ее союзниками, уже полвека не прекращаются дискуссии о том, почему в начальный период войны

Красная Армия отступала и несла немалые потери. Эти дискуссии были открыты не в связи с желанием оправдать поражение в войне, как это было в вышеупомянутых примерах. Их начал Н.С. Хрущев своим докладом на закрытом заседании XX съезда КПСС, в котором он постарался объявить период пребывания Сталина у власти периодом грандиозных ошибок. В этих ошибках Хрущев винил Сталина, а косвенно и его ближайшее окружение, среди которого были политические соперники Хрущева. Решая чисто политиканские задачи в борьбе за власть, Хрущев уверял, будто Сталин до 22 июня 1941 года упорно игнорировал все предупреждения о возможности германского нападения на СССР и отказывался принять меры для подготовки к отражению такого нападения. После же «первых серьезных неудач и поражений на фронте, — сообщал Хрущев, — Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще».

Позже Хрущев обвинил Сталина в организованных им необоснованных репрессиях против военных руководителей страны на основе ложных сведений, переданных ему германской разведкой через президента Чехословакии Бенеша. Благодаря тому, что Тухачевский и ряд других маршалов и генералов были арестованы, а затем казнены, утверждал Хрущев, Красная Армия утратила свою боеспособность накануне войны.

В то время мало кто задумывался о политиканской подоплеке обвинений Хрущева. Несмотря на победу в Великой Отечественной войне, в сознании народа сохранилась память о тяжелых событиях 1941 и 1942 годов, потерях тех лет. Советских людей мучил вопрос: почему после стольких лет подготовки к войне Красная Армия долго отступала, многие ее части и соединения попали в окружение, миллионы красноармейцев оказа-

лись в плену, наше вооружение было захвачено противником, а значительная часть советской территории была оккупирована немецко-фашистскими войсками? Ответ, который давал Хрущев, подкупал своей простотой. Он утверждал, что вину за поражения тех лет нес исключительно Сталин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. Нет сомнений в том, что в централизованном государстве, каким был Советский Союз, бездействие высшего руководителя страны могло парализовать или серьезно ослабить усилия государства и вооруженных сил страны по отпору врагу. Поэтому, поверив обвинениям Хрущева, люди считали, что если бы не ошибки Сталина, то враг был бы остановлен на ближних рубежах, затем был бы быстро разбит, а страна избежала бы гибели 27 миллионов человек, в том числе и 18 миллионов мирного населения оккупированных республик и областей страны.

Хотя многие воспоминания государственных деятелей страны опровергали утверждения Хрущева, лишь после опубликования тетради записи лиц, принятых И.В. Сталиным в годы войны, стало окончательно ясно, что версия Хрущева о бездействии Сталина после 22 июня 1941 года была лживой. Оказалось, что с утра 22 июня Сталин подолгу работал в своем кабинете, принимая различных людей. Лишь 29 июня и 30 июня Сталин не был в своем кабинете. Однако даже из воспоминаний А.И. Микояна, который пытался поддержать обвинения Хрущева, следовало, что 29 июня Сталин дважды посещал Наркомат обороны СССР, а 29 и 30 июня работал на своей даче, давно превращенной в штаб по руководству страной.

Ложь же Хрущева о том, что Сталин не придавал никакого значения предупреждениям о возможности германского нападения, фактически разоблачил в своих

воспоминаниях генерал армии Тюленев, руководивший в июне 1941 года Московским военным округом. В своей книге «Через три войны» генерал армии писал, что 21 июня ему позвонил Сталин. «В трубке слышу глуховатый голос: «Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?» Тюленев вспоминал, что он «коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал: «Учтите, положение беспокойное, и вам следует довести боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов». В результате этого короткого разговора у меня сложилось впечатление, что Сталин получил новые сведения о немецких военных планах. Я тут же отдал распоряжение своему помощнику по ПВО генерал-майору М.С. Громадину: в лагерь зенитную артиллерию не отправлять, привести ее в полную боевую готовность».

Более того, ложь Хрущева была разоблачена его собственными словами, которые привел в своих воспоминаниях видный деятель югославской компартии Милован Джилас в своей книге «Беседы со Сталиным». Говоря о своем пребывании в Киеве весной 1945 года, Джилас писал, что Хрущев, который в 1941 году был Первым секретарем Компартии Украины, «вспомнил, как накануне нападения Германии Сталин позвонил ему из Москвы и предупредил о том, что надо быть на чеку. Сталин получил информацию о том, что немцы могут начать операцию на следующий день — 22 июня».

Можно предположить, что 21 июня 1941 года Сталин не ограничился предупреждениями Тюленева и Хрущева. Просто другие военные и партийные руководители не оставили соответствующих воспоминаний. Теперь достаточно подробно раскрыл действия Стали-

на по мобилизации наших войск и всего населения приграничных районов к отпору врагу накануне 22 июня А.Б. Мартиросян в своих книгах «22 июня. Правда генералиссимуса» и «Трагедия 22 июня. Блицкриг или измена? Правда Сталина», написанных на тщательно выверенной документальной основе.

Однако, несмотря на эти свидетельства, вера в виновность Сталина за поражения лета 1941 года сохраняется. При этом игнорируются не только воспоминания Джиласа, которые уже давно опубликованы в постсоветской России, но и воспоминания Тюленева, которые были опубликованы немалым тиражом еще в 1960 году. Игнорируются даже мемуары Жукова, которые распространялись миллионными тиражами. Между тем в них маршал, хотя и пытался оправдать собственные ошибки и свалить вину за них на Сталина, признал, что после появления на советской границе немецкого перебежчика, сообщившего о приказе начать нападение на СССР утром 22 июня, Сталин приказал Тимошенко и Жукову составить соответствующую директиву, в которой содержался приказ: «а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов».

Были опровергнуты и утверждения о необоснованности обвинений Тухачевского и других в заговорщической деятельности. При этом уже с середины 50-х го-

дов в ряде публикаций на Западе (в частности, в книге бывшего переводчика А. Гитлера Пауля Шмидта, писавшего под псевдонимом «Пауль Каррел») утверждалось, что Тухачевский, Гамарник, Блюхер, а также ряд военных и партийных деятелей страны готовили заговор с целью осуществления государственного переворота. Поэтому сведения, которые были переданы Сталину через Бенеша, отражали подлинный характер заговора. Позже в различных публикациях (например, в книгах Р. Баландина и С. Миронова «Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева», А.Б. Мартиросяна «Заговор маршалов») было подробно рассказано о характере заговора военачальников Красной Армии.

Хотя нет сомнений в том, что в ходе репрессий пострадало немало невиновных лиц (а это привело к ненужным потерям среди руководящих кадров накануне войны), размах репрессий был преувеличен. Кроме того, как признавал даже Рой Медведев, который старался преувеличить масштабы репрессий, несколько тысяч командиров Красной Армии были освобождены, и они вернулись в строй. Среди них были «будущие Маршалы Советского Союза К.К. Рокоссовский и К.А. Мерецков, будущие генералы армии А.В. Горбатов и С.И. Богданов, будущий вице-адмирал Г.Н. Холостяков, будущий комиссар украинских партизан С.В. Руднев, герой ленинградской обороны Н.Ю. Озерянский».

Вызывало сомнение и утверждение о том, что новые командиры, заменившие тех, кто был репрессирован, оказались негодными для руководства армией. Невольным свидетелем в пользу достоинств военачальников, которые составили костяк руководства Красной Армии после репрессий, стал Йозеф Геббельс. В своем дневнике он записал 16 марта 1945 года: «Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами

советских генералов и маршалов... У меня сложилось впечатление, что мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Наш генералитет слишком стар, изжил себя и абсолютно чужд национал-социалистскому идейному достоянию... В отличие от них советские генералы не только фанатично верят в большевизм, но и не менее фанатично борются за его победу, что, конечно, говорит о колоссальном превосходстве советского генералитета».

И все же эти факты и аргументы не позволяют объяснить, почему все-таки произошли трагические события лета 1941 года и в последующие месяцы войны. Кстати говоря, одним из первых, кто поставил этот вопрос, был сам Сталин. В своей знаменитой речи 3 июля 1941 года он сказал: «Как могло случиться, что наша Красная Армия сдала врагу ряд городов и районов?» Отвечая на поставленный им же риторический вопрос, Сталин говорил: «Что же касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных — для советских войск. Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром сто-

роной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна не желала брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства».

6 ноября 1944 года Сталин вновь вернулся к этому вопросу, на сей раз говоря о закономерности успехов любой страны, начинающей первой агрессивную войну. В своем докладе, посвященном 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Сталин заявил: «Агрессивные нации как нации нападающие обычно бывают более подготовлены к новой войне, чем миролюбивые нации, которые, будучи не заинтересованы в новой войне, обычно опаздывают с подготовкой к ней. Это факт, что агрессивные нации в нынешней войне еще перед началом войны имели уже готовую **армию вторжения**, тогда как миролюбивые нации не имели даже вполне удовлетворительной **армии прикрытия** мобилизации. Нельзя считать случайностью такие неприятные факты, как инцидент в Пирл-Харборе, потеря Филиппин и других островов на Великом океане, потеря Гонконга и Сингапура, когда Япония как агрессивная нация оказалась более подготовленной к войне, чем Великобритания и Соединенные Штаты, придерживавшиеся миролюбивой политики. Нельзя также считать случайностью такой неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия как агрессивная нация оказалась более подготовленной к войне, чем миролюбивый Советский Союз. Было бы наивно объяснять эти факты личными качествами японцев и германцев, их превосходством над англичанами, американцами, русскими, их предусмотрительностью и т.д. Дело здесь не в личных качествах, а в том, что заинтересованные в новой войне агрессивные нации, готовящиеся к войне в течение длительного срока и накапливающие для это-

го силы, бывают обычно — и должны лучше быть подготовлены к войне, чем нации миролюбивые, не заинтересованные в новой войне. Это естественно и понятно. Это, если хотите, историческая закономерность, которую было бы опасно не учитывать».

Сталин справедливо обратил внимание на то, что большинство стран антигитлеровской коалиции не были готовы к войне. Начальник Генерального штаба национальной обороны Франции, а затем главнокомандующий союзными войсками во Франции маршал М.Г. Гамелен утверждал, что в 1939 году Франция не была готова к войне, а англо-французские войска могли перейти в наступление против Германии не ранее 1941—1942 годов. Первые месяцы войны на Тихом океане показали, что не были готовы к войне и США. Не был полностью готов к войне и Советский Союз. В своей беседе с Гарри Гопкинсом в июле 1941 года Сталин дал понять, что СССР рассчитывал завершить приготовления к войне не ранее 1942 года.

Несмотря на огромные усилия, предпринятые Советской страной, далеко не все было сделано для обеспечения превосходства Красной Армии над противником. Огневая мощь Красной Армии была слабее, чем у германской армии. Общая насыщенность советских войск автоматическим оружием значительно уступала немецкой армии из-за отставания в производстве пистолетов-пулеметов. Большинство выпускавшихся минометов были 50-мм калибра с небольшим радиусом поражения. Более эффективные 82-мм и 120-мм минометы стали поступать в армию лишь перед самой войной. Отсутствовали самоходно-артиллерийские установки. Артиллерийские орудия не были достаточно обеспечены механизированной тягой, что снижало их маневренность.

Танки KV и Т-34, превосходившие по своим боевым качествам немецкие танки, составляли тогда лишь меньшую часть бронетанкового вооружения страны. Основную часть танковых частей составляли устаревшие БТ. При этом 29% из них нуждались в капитальном ремонте, 44% — в среднем ремонте. Историк Александр Орлов ссылается на оценку советских танков немецкими генералами после советско-финляндской войны: «Советские танки, действовавшие в Финляндии, были невероятно низкого качества, часто ломались в пути. Даже в Прибалтике, где не было войны, все дороги были переполнены сломанными танками во время занятия Красной Армией Прибалтики. Разве с таким оборудованием можно воевать с германскими танками, которых не пугают тысячи километров сахарских песков?»

Хотя по производству самолетов СССР опережал Германию, большинство выпускавшихся самолетов было старых конструкций. Более 80% советских самолетов уступали германским по дальности, скорости, высоте полета и бомбовой нагрузке. Не было организовано серийное производство авиационных пушек. В оснащении самолетов радиостанциями советская авиация существенно отставала от немецкой. В целом средства связи были устаревшими и не приспособлены к работе в условиях маневренных боевых действий. А. Орлов подчеркивает: «На всю Красную Армию приходилось всего 37 тысяч радиостанций». Он добавляет: «Красная Армия значительно уступала вермахту в подвижности, имея 272 тысячи автомобилей против 600 тысяч у немцев».

В отличие от водителей германских танков, приобретших опыт управления своими машинами в боевых условиях, среди советских танкистов преобладали новички, едва освоившие управление танками. Подав-

ляющее большинство советских механиков-водителей к началу войны имели всего лишь 1,5—2-часовую практику вождения танков.

А. Орлов обратил внимание на сообщение Главного управления ВВС в мае 1941 года, в котором говорилось о низкой огневой подготовке летчиков (годовой налет летчиков составлял всего 12 часов). Зенитчиков обучали стрельбе только по малоскоростным воздушным целям, не было воздушных мишеней, которые могли бы буксироваться со скоростью выше 250 км/час. «И это тогда, — подчеркивает Орлов, — когда основные самолеты люфтваффе имели скорость более 500 км/час».

Орлов справедливо указывал: «Мало было иметь много техники, надо было еще и хорошо владеть военной техникой — танками, самолетами, автомобилями. Но где взять технически грамотных специалистов, чтобы эффективно управлять этой техникой, в стране, имевшей 80% неграмотного населения всего 20 лет назад?» Техническая малограмотность проявлялась в небрежном отношении к технике, неумении и нежелании соблюдать технические нормативы, следить за техническим состоянием машин. 12 апреля 1941 года Тимошенко и Жуков докладывали Сталину: «Из-за расхлябанности ежедневно гибнут 2—3 самолета... Только за неполный 1-й квартал 1941 года произошли 71 катастрофа и 156 аварий, при этом убит 141 человек и разбито 138 самолетов».

Эти и другие недостатки Красной Армии усугублялись тем, что период мирной передышки для СССР стал также периодом накапливания боевого опыта и наращивания военной мощи гитлеровской Германии. Германские победы привели к тому, что под властью Гитлера оказались многие европейские страны с высокоразвитой экономикой, наукой и техникой. Выплавка стали в Германии в 1939 году составляла 22,5 миллиона тонн, а в

1941 году общее производство стали в Германии и оккупированных ею странах достигло 31,8 миллиона тонн. (СССР в 1940 году выплавлял лишь 18 миллионов тонн.) По сравнению с советским производством 1939 г. Германия вместе с оккупированными странами добывала в 2,4 раза больше угля. На заводах «германского жизненного пространства» в июне 1941 года трудилось в 3 раза больше высококвалифицированных рабочих, чем в Германии в 1939 году.

Следует также учесть, что в своей подготовке к походу против СССР Германия использовала весь потенциал военной промышленности оккупированных стран Западной Европы, прежде всего таких стран, как Франция и Чехия.

Соотношение в вооруженности противоборствующих армий играло решающую роль в ходе войны. Победа Красной Армии в ходе Сталинградского сражения была достигнута в условиях, когда Советская страна добилась приблизительного количественного и качественного равновесия в вооружениях на советско-германском фронте, а войска наступавших советских армий смогли добиться существенного перевеса в живой силе и технике на направлениях главных ударов под Сталинградом.

Победа в Курской битве была достигнута, когда перевес Красной Армии в вооружениях стал очевидным. Дальнейшие успехи Красной Армии осуществлялись в условиях нарастающего перевеса в вооружениях. И хотя помощь союзников по ленд-лизу, особенно поставки автомашин и продовольствия для армии, сыграли немалую роль в успехах Красной Армии, перевес в области вооружений был достигнут прежде всего благодаря успешной реализации сталинского курса на индустриализацию страны и самоотверженному труду миллионов рабочих в тылу, особенно женщин и подростков. Таким

образом, экономическая и политическая подготовка к войне, которая началась в Советской стране с начала сталинских пятилеток, в конечном счете не оказалась напрасной, а принесла свои победоносные результаты.

Успехи же, которых достигли немецко-фашистские войска в первые месяцы 1941 года, были в значительной степени обусловлены тем, что они опирались не только на первоначальное преимущество в вооружениях и в подготовленных кадрах, но и на методы «молниеносной войны», или блицкрига. Эти методы стали разрабатываться еще в конце Первой мировой войны, и, видимо, о них впервые Адольф Гитлер узнал на тех военных курсах, которые он посещал в Мюнхене в 1919 году. Те познания в истории, политике, политэкономии и военном искусстве, которыми вождь нацистов делился со своими читателями в «Майн кампф», были им получены на этих курсах. В первых же главах своей главной книги Гитлер ссылаясь на фельдмаршала Х.Г.Б. Мольтке, исходившего из необходимости проведения «краткосрочных военных операций». После своего прихода к власти Гитлер взял на вооружение методы ведения «молниеносной войны», которые к этому времени были детально разработаны военными Германии.

С начала Второй мировой войны германские вооруженные силы показали, что такое блицкриг в действии. Массированные налеты с воздуха, в ходе которых германская авиация в считанные часы уничтожала вражеские самолеты на аэродромах, обеспечивали господство немцев в воздухе с первого же дня боевых операций. Мощный артиллерийский обстрел перед выступлением танков и пехоты по заранее выверенным целям разрушал систему обороны. Быстрое же продвижение в глубь страны мощных танковых и механизированных соединений разрывало систему связи и коммуникаций, спо-

собствовало овладению немцами стратегически важными центрами. Применение всей огневой мощи с первых же часов боевых действий наносило огромный урон живой силе и технике. Но главным следствием блицкрига был не столько физический, сколько психологический урон, наносимый обороняющейся стороне.

Видя перед собой, рядом с собой и за своей спиной немецкую военную технику, быстро перемещавшиеся на машинах немецкие войска, оказавшись в окружении, без связи со своим начальством, соседями, базами снабжения, тыловыми госпиталями, солдаты и офицеры теряли ориентацию и утрачивали боевой дух. Американский историк де Йонг писал, что вскоре после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года «связь со многими дивизиями оказалась нарушенной... транспортная система была расстроена, мосты и дороги разрушались немецкими бомбардировщиками. В результате наряду с хорошо сколоченными войсковыми частями в распоряжении польского командования оказывались и части случайного состава, в которых офицеры и солдаты совершенно не знали друг друга. Перед фронтом наступавших немецких танков и пехоты, а иногда и параллельно их колоннам на восток тянулись толпы обезумевших беженцев... Эта движущаяся масса, создавая панику и неразбериху, продвигалась от границ к центру Польши... к концу пятого дня борьбы боевой дух польской армии был полностью сломлен, и она лишилась боеспособности».

Блицкриг подрывал и дух мирного населения. Де Йонг писал: «С самого же начала военных действий большинство польского населения наряду с энтузиазмом охватил страх. То был страх перед грубыми силами войны, перед немецкими авиаэскадрильями, которые беспрепятственно, словно на маневрах, налетали с запа-

да. В сущности, то был страх перед всей военной машиной Третьего рейха, пытавшейся вломиться в польские земли и легко добивавшейся успеха, — эту горькую правду пришлось признать после первых же дней войны. Страх и надежда сливались воедино; одно чувство переплеталось с другим. Начали ходить слухи, что немцы сбрасывают с самолетов отравленные сигареты и шоколад, а также детские воздушные шары, наполненные ядовитым газом, разбрасывают табачные листья на пастбищах, чтобы скот, не выносящий запаха никотина, погиб от голода. Превосходство немцев, которое повсюду давало о себе знать, и постепенно выясняющаяся картина полного разгрома — все это не только переполняло сердца поляков ужасом, но и казалось совершенно невысказанным. Объяснить и понять происходящие события можно было лишь в том случае, если причиной неудач считать не поражение польских войск в открытом бою, а коварные средства, применяемые противником, и злостные махинации его агентов».

9 апреля 1940 года жертвами блицкрига стали Дания и Норвегия. Посол Германии в Дании фон Ренте-Финке вручил ноту об объявлении войны, когда германские войска уже перешли датскую границу. Позже Ренте-Финке сообщал в Берлин: «Датчане оказались совершенно не подготовленными к тому, чтобы понять суть моего посещения... Заявление о том, что немецкие войска уже перешли датскую границу и начинают высаживаться в Копенгагене, показалось им таким неожиданным, что они вначале попросту не хотели этому верить».

Де Йонг писал: «В датской столице многочисленные правительственные учреждения оказались захваченными немцами еще утром 9 апреля. Жившие в Копенгагене немцы с большим рвением и энтузиазмом показывали солдатам дорогу и служили переводчиками. Радио,

почта, телеграф, телефон, железные дороги сразу же оказались под немецким контролем. Немцы знали точно, куда им следует направляться. Об импровизации не могло быть и речи. Сказались целые месяцы тщательной подготовки». Захват Дании, главным образом с помощью военно-морского десанта, был осуществлен так неожиданно, что датские солдаты оказали лишь незначительное сопротивление. В ходе недолгих столкновений 13 солдат Датского королевства было убито и 23 ранено. На этом вооруженное сопротивление вермахту в Дании завершилось.

В ночь с 8 на 9 апреля началось вторжение в Норвегию. Де Ионг писал: «Немецкие бомбардировщики летали так низко, что в кабинах можно было разглядеть летчиков; с самолетов доносился треск пулеметов... Люди знали по фотографиям в газетах о судьбе, которая выпала на долю Варшавы. Неужели подобная участь ожидает и Осло?» Газета «Ньюве роттердамше курант» писала 14 апреля: «У входов в метро дрались обезумевшие люди, стараясь поскорее укрыться в подземных туннелях; некоторые пытались спрятаться в подъездах домов, кое-кто бежал к дворцовому парку. Часть людей бежала или пыталась убежать из города; люди катили перед собой детские коляски, забирались на грузовики, брали приступом железнодорожные станции, где весь свободный подвижной состав заполнялся до отказа. Поезда отправлялись в сельские районы».

Де Ионг констатировал: «Все были вне себя от страха, уныния и сомнений. В то время как часть населения Осло в панике убегала с насиженных мест, немцы, хладнокровные и спокойные, вступали в город: первые отряды немецких войск двигались с аэродромов к правительственным зданиям. Примерно к полудню они захватили намеченные объекты... Никто не знал, что необходимо

предпринять. Как могло случиться, что немецкие войска среди бела дня, почти в 400 милях от ближайшего немецкого порта, смогли беспрепятственно вступить в город и спокойно расположиться во всех правительственных зданиях? Оставшееся в городе население было совершенно ошеломлено... На следующий день... выяснилось, что немцы проникли не только в Осло, но и во все другие крупные города норвежского побережья: в южной его части были заняты Кристиансунн, Эгерсунн, Ставангер и Берген, в центральной части — Тронхейм, на крайнем севере — Нарвик... За всю историю не было ни одного примера такого широкого и успешного использования внезапности».

Но если для населения Дании и Норвегии нападение Германии было неожиданным, то такого нападения должны были ожидать на Западном фронте. С начала сентября 1939 года Франция и Великобритания находились в состоянии войны, англо-французские войска стояли на германской границе, порой между противоборствующими армиями шла перестрелка. Предполагалось также, что Германия нападет на Францию через Бельгию, Нидерланды и Люксембург. И все же наступление немецких войск, начавшееся 10 мая 1940 года, застало западных союзников врасплох.

Хотя французские и английские войска вступили на территорию Бельгии, чтобы дать отпор наступавшим немецким частям, они вскоре были отброшены назад. Де Йонг писал: «Через неделю после начала боевых действий тыловые коммуникации этих войск оказались перерезанными на юге наступлением немецких танковых войск, которого никто не предвидел.

Войскам не оставалось ничего другого, как медленно откатываться назад, упорно сражаясь с врагом, захватившим инициативу в свои руки». 12 мая, «за трое су-

ток до предполагавшегося срока, немецкие войска перешли в наступление на всем участке от Седана до Намюра. Пикирующие бомбардировщики включали специальные сирены и обрушивались на войска с ужасающим воем, от которого леденела кровь в жилах. Одновременно гремела артиллерийская канонада... До наступления ночи немецкие танки начали продвигаться по западным склонам долины Мааса. Некоторые французские войсковые подразделения мужественно оборонялись, ведя огонь из пулеметов и даже револьверов по надвигающимся чудовищам. Боевой дух ряда других подразделений немцам удалось сломить довольно быстро».

Французские и английские войска быстро откатывались к бельгийско-французской границе. Де Ионг констатировал: «Еще до того момента, как деморализованные отступающие войска дошли до пограничных укреплений, большинство войсковых частей, находившихся в районе этих укреплений, оказались зараженными общей паникой... На территории, которая оказалась между Парижем и направлением немецких танковых соединений, продвигающихся на запад, создалось почти хаотическое положение. Здесь скопились сотни тысяч французских граждан, пытавшихся спастись бегством; тут же находились войска, срочно отозванные с линии Мажино, — из них пытались сформировать новую армию; наконец, в этот район стекались офицеры и солдаты тех соединений, которые 12 мая и в последующие дни подверглись сокрушительному удару немецких войск, наступавших через реку Маас».

В своих мемуарах Уинстон Черчилль писал, что после воздушных налетов на аэропорты, центры связи, штабы «немецкие вооруженные силы ринулись на Францию через границы Бельгии, Голландии и Люк-

сембурга. Почти в каждом случае им удалось добиться полной неожиданности. Из крошечной тьмы вдруг появилось бесчисленное количество хорошо вооруженных, энергичных штурмовых частей, часто в сопровождении легкой артиллерии, и задолго до наступления дня сто пятьдесят миль фронта превратились в полосу огня... За один день вся внешняя линия обороны Голландии была захвачена... Роттердам превратился в пылающие руины. Гааге, Амстердаму и Утрехту грозила та же участь... 14 мая... в 7 часов вечера я огласил на заседании кабинета министров послание господина Рейно (премьер-министр Франции. — *Прим. авт.*) о том, что немцы прорвались у Седана и что французы не в состоянии сопротивляться напору танков и пикирующих бомбардировщиков».

Рано утром 15 мая Черчилля разбудил телефонный звонок Поля Рейно из Парижа. Волнуясь, он сообщил: «Мы побеждены! Мы разбиты!» Черчилль не верил своим ушам. «Не может быть, чтобы великая французская армия исчезла за неделю», — говорил он. Позже он писал: «Я не осознавал последствия революции, осуществленной со времени Первой мировой войны вследствие введения в бой массы быстро движущейся брони».

14 мая английский журналист Александр Верт записал в своем дневнике: «Люди бегут из Парижа. Трудно достать такси. В городе царит паника». Де Йонг писал: «Сколько именно беженцев заполняло дороги, остается невыясненным; во всяком случае, их было 6—7 миллионов человек. В середине мая все города и селения, расположенные между Парижем и северными границами Франции, совершенно (или почти) обезлюдели. Нормандия, Бретань и южные районы Франции оказались заполненными беженцами до отказа. Все эти со-

рванные со своих мест, доведенные до отчаяния человеческие существа заражали друг друга страхами».

Блицкриг сеял страх повсеместно. Голландские историки Э.П. Вебер, У.А. Поорт и Т.Н. Хугвлиет так описывали поведение голландцев после нападения Германии: «В первый же день распространился слух о том, что правительство сбежало. Говорили, что наиболее видные общественные деятели убиты и что немцы высадились на побережье Северного моря... Трудно назвать хоть одного голландского военачальника, которого, согласно слухам, не убивали бы по крайней мере один раз. Дороги, по которым намеревались продвигаться голландские войска, оказывались якобы зараженными отравляющими веществами. Найденный шоколад рекомендовалось немедленно уничтожать, так как он наверняка отравлен. В наших ручных гранатах будто бы оказывался песок вместо пороха, а долговременные укрепления рушились при первом же выстреле из-за плохого качества бетона. Кое-где советовали осматривать все женские сумки, так как в них могли оказаться ручные гранаты. Рекомендовали друг другу высматривать немецких солдат, одетых в голландскую форму. Советовали немедленно обстреливать автомобили с определенным номерным знаком. В конечном счете, вы уже не знали, чему можно верить».

Как отмечал де Йонг, «особое волнение царило в первые дни войны» в столице Бельгии — Брюсселе; «переполненный слухами и страхами, город гудел, как пчелиный улей. Сообщений о военных успехах не поступало. Хуже того, стало известно, что немцы захватили три важнейших моста через канал Альберта, к северо-западу от Льежа». В первый же день войны потоки беженцев запрудили дороги юго-восточной Бельгии. В западную часть Бельгии прибыло не менее полутора

миллионов беженцев. Как писал де Ионг, «то были люди, доведенные до отчаяния. Находясь под впечатлением пережитого, они рассказывали о тех мытарствах, которые потерпели сами от немцев или членов пятой колонны, или то, что слышали о страданиях других». Свою лепту в распространение панических слухов вносили и дезертиры с фронта.

Аналогичным образом был осуществлен блицкриг в Югославии и Греции в апреле 1941 года. Сокрушительные бомбардировки, стремительные прорывы танковых и механизированных колонн, захват стратегически важных объектов, паника среди населения, бегство государственных и военных руководителей привели к быстрому захвату немецко-фашистскими войсками этих государств.

Блицкриг стал мощным средством ведения психологической войны, сокрушавшей волю народов к сопротивлению в не меньшей степени, чем мощь и организованность германских вооруженных сил. Впоследствии советский карикатурист Борис Ефимов нашел удачное изобразительное решение для того, чтобы объяснить военные успехи Германии в ходе блицкрига. На карикатуре Гитлер вез за собой танк по мосту, который подпирали пять колонн с человеческими лицами. На колоннах были надписи: Измена, Шантаж, Разложение, Трусость, Паника. Надпись гласила: «Каждая из этих колонн — пятая».

Само понятие «пятая колонна» возникло после речи мятежного генерала Эмилио Мола 1 октября 1936 года в ходе гражданской войны в Испании. Мола заявил, что руководимые мятежниками силы наступают на республиканский Мадрид четырьмя колоннами. Однако, заметил генерал, пятая колонна уже находится внутри Мадрида. С тех пор тайную агентуру врага, орудующую

по его приказу, стали называть «пятой колонной». Своей карикатурой Борис Ефимов показывал, что, помимо «Измены» и «Шанатажа», «пятой колонной», фактически работающей на врага, могут быть Разложение, Трусость, Паника.

Разумеется, карикатурист не мог, не нарушая конструкции своего рисунка, запечатлеть и другие явления массового сознания, которые также работали на врага. Например, следствием всеобщей паники, порожденной германским блицкригом, стала массовая шпиономания. Не в силах объяснить внезапность успехов германских армий, значительная часть населения охотно верила слухам о всеисилии «пятой колонны». В своей книге «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне» де Йонг подробно описал нелепые слухи, породившие веру в засилье «пятой колонны», массовые аресты сотен тысяч мирных граждан Польши, Голландии, Бельгии, Франции, Великобритании, США и других стран, ложно обвиненных в сотрудничестве с врагом, самосуды и жестокие расправы над такими людьми, которые устраивались в ряде стран.

«Пятой колонной» стали также разгильдяйство, халатность, беспечность, шапкозакидательство, лживость в отчетности, нарушение своих должностных обязанностей, шкурничество, растерянность и обыкновенная глупость, которые достаточно вредны в мирной жизни, но в условиях блицкрига приводили к катастрофическим последствиям. Вторжение в СССР осуществлялось в полном соответствии с апробированной уже стратегией блицкрига, порождая, к несчастью, те же последствия, что и в других европейских странах — жертвах германской агрессии.

О том, что новая война не будет позиционной, было известно в СССР задолго до ее начала. Еще в мае 1939

года Военное издательство Наркомата обороны СССР опубликовало книгу-прогноз Николая Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне». Шпанов писал: «по плану внезапного нападения на Россию общая задача германских воздушных сил сводилась к нанесению ошеломляющего удара на трех направлениях: смоленском, минском и киевском».

Шпанов так описывал провал этого плана: «В 17 часов первые германские самолеты перелетели границу СССР. В 17 час. 01 мин. начался воздушный бой. В 17 час. 30 мин. последний неприятельский самолет первой волны покинул пределы Союза. В 17 час. 34 мин. советские истребители прорвали охранение противника и вошли в его расположение». В книге Шпанова рассказывалось, как Красная Армия с первых же минут войны захватила инициативу в свои руки. Советские самолеты без труда громили германскую авиацию в воздухе и на аэродромах. В результате действий советской авиации немцы за шесть часов потеряли 800 самолетов.

На самом деле немецкие бомбардировки советских аэродромов привели к тому, что в первый же день войны было уничтожено 1811 советских самолетов (из них 1489 — на земле). За этот день было сбито лишь 35 немецких самолетов и повреждено 100. Характеризуя наступление германских войск на центральном направлении, немецкий генерал и историк Курт фон Типпельскирх писал: «Противник был застигнут врасплох и совершенно ошеломлен. На южном фланге все переправы через Буг остались неразрушенными и попали в руки немцев». Быстрый прорыв танковых и механизированных частей немцев на восток позволил им уже 27 июня выйти на южную окраину Минска и соединиться с другой группой танковых войск, которые шли через Вильнюс. Несколько советских армий были окружены.

В сводке германского верховного командования от 11 июля сообщалось, что в результате первого большого двойного сражения за Белосток и Минск было взято в плен 328 898 человек, в том числе несколько крупных генералов, захвачено 3332 танка, 1809 орудий и другие многочисленные военные трофеи.

Успешно продвигались немцы и в Прибалтике. 24 июня они вышли в район Вильнюса, 29 июня ими была взята Рига, а 9 июля они достигли северной окраины Пскова. Правда, задачу окружения советских войск в Прибалтике, поставленную германским командованием перед своими войсками, не удалось решить.

Значительно медленнее шло продвижение немецких войск на Украине и в Молдавии. Типпельскирх признавал, что там «до 3 июля на всем фронте продолжались упорные бои. Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак против вырвавшихся вперед немецких танковых частей». Однако 5 июля группа армии «Юг» развернула наступление на Киев. К 10 июля немцы вышли на реку Ирпень, в 10 километрах от Киева. На подступах к столице Украины завязались тяжелые бои. Тем временем немецко-фашистские части двинулись на юг и сумели окружить значительные силы Красной Армии в районе Умани. В дальнейшем окруженные красноармейцы были разбиты или взяты в плен. В сводке германского верховного командования от 8 августа сообщалось, что немцы взяли в плен 103 тысячи человек, в том числе двух командующих армиями, захватили 317 танков и 858 орудий.

Поражения в Белоруссии и на юге Украины, приведшие к уничтожению и пленению сотен тысяч солдат и офицеров Красной Армии, стали грозными свидетельствами успеха германского блицкрига в СССР. Тогда еще никто не знал, что через три года Красная Армия

сможет добиться аналогичных успехов и в тех же самых регионах. Как только Красная Армия обрела количественное и качественное превосходство над противником, она стала успешно применять такие же методы быстрого наступления, характерного для эпохи тогдашнего оружия.

Следует заметить, что территорию, на которой разворачивались военные действия Великой Отечественной войны, можно разделить на несколько географических областей с более или менее однородными природными свойствами, в которых боевые операции развивались по схожему образцу как в ее начале, так и в ее конце. Если сравнить операции в период наступления германских войск на советской земле 1941—1942 годов с операциями в период наступления Красной Армии 1943—1944 годов, то нетрудно увидеть известную симметричность действий наступающих и обороняющихся сторон в одних и тех же географических областях. Оборонительные линии зачастую выстраивались примерно на одних и тех же природных рубежах, вне зависимости от того, кто оборонялся: немецкие или советские войска. Наступательные же операции внутри этих областей также обладали определенным сходством, вне зависимости от того, куда шло наступление: на запад или на восток.

Так, природные условия в основном равнинной территории Литвы и Южной Латвии не позволяли обороняющейся стороне надолго сдерживать наступление более мощной группировки войск на том или ином рубеже (за исключением Курляндии, где немцы с осени 1944 года по весну 1945 года смогли создать достаточно мощную оборону; там же в 1941 году Красная Армия пыталась организовать оборону Лиепай). В то же время наступающие части на этих землях не смогли добиться обхода отступающих войск и взять их в кольцо окруже-

ния. Быстрое продвижение северной группы немецких войск по Литве и Южной Латвии в июне-июле 1941 года затем было повторено примерно столь же быстрым темпом Красной Армией в июле-августе 1944 года.

Нелегкими для взятия с ходу наступающими частями являлись земли большей части Молдавии, поскольку это было связано с форсированием Прута и Днестра. Советские войска удерживали государственную границу по Пруту в то время, как уже была потеряна вся Белоруссия и значительная часть Прибалтики. Весной же 1944 года румынские и немецкие части довольно долго удерживали оборону по Днестру, несмотря на продвижение советских войск с севера Молдавии на территорию Румынии.

Боевые операции в Правобережной Украине позволяли наступающим частям осуществить стремительные и глубокие прорывы и окружение значительных частей обороняющегося противника в средней части этого региона (окружение советских войск в районе Умани в июле-августе 1941 года; окружение немецких войск в районе Корсунь-Шевченковского в феврале 1944 года). В ходе осуществления Корсунь-Шевченковской операции было убито и ранено 55 тысяч солдат и офицеров противника, свыше 18 тысяч — было взято в плен. Были захвачены многочисленные трофеи.

Наиболее благоприятствовала прорывам наступающих войск и окружению ими оборонявшихся сил земля Белоруссии с ее лесами и болотами. Окружение целых армий, захват в плен сотен тысяч солдат и офицеров в июне-июле 1941 года повторились на белорусской земле в июне-июле 1944 года и почти в те же сроки во время наступления Красной Армии. 8 июля генерал Мюллер, командовавший группой войск в Белоруссии, отдал приказ о капитуляции, в котором говорилось: «После

недельных тяжелых боев и маршей наше положение стало безвыходным. Наша боеспособность пала до минимума, и нет никакой надежды на снабжение. Русские, по сообщению Верховного командования, стоят у города Барановичи. Наши соединения беспорядочно рассеяны. Колоссальное число раненых брошено без всякой помощи». Из 97 дивизий и 13 бригад противника, участвовавших в боях в Белоруссии в 1944 году, 30 дивизий были полностью уничтожены, остальные понесли потери, достигавшие 70% личного состава и боевой техники. Было убито и пленено свыше 500 тысяч немецких солдат и офицеров. 57 600 солдат, офицеров и генералов, взятых в плен под Минском, были проведены 17 июля 1944 года по улицам Москвы под конвоем советских солдат.

Такое сравнение позволяет увидеть, что успех в том или ином регионе становился достоянием той армии, которая была в состоянии добиться количественного и качественного перевеса в живой силе и технике, а также обеспечить внезапность наступления на том или ином направлении. При этом природные свойства местности во многом влияли на характер наступательных действий, возможность окружения обороняющегося противника и разгрома его армий. Незнание советской стороной точного срока нападения и направления главных ударов, преобладание в живой силе и более совершенной военной технике на основных направлениях наступления и принятая ими тактика блицкрига обеспечили немцам успех в захвате всех приграничных регионов СССР. Однако поражения, понесенные Красной Армией в Белоруссии и на Украине в 1941 году, производили в то время на многих людей в мире впечатление о непобедимости германской армии и неспособности красноармейцев остановить продвижение немецко-фашистских войск.

Министр обороны США так оценивал перспективы

боевых действий Германии в СССР: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России». Еще более пессимистично оценивали шансы СССР английские военные. Они считали: «Возможно, что первый этап, включая оккупацию Украины и Москвы, потребует самое меньшее три, а самое большее шесть недель или более». Запад желал задержать падение СССР, чтобы отсрочить ожидавшееся вторжение немцев в Великобританию, Индию и другие страны, но в руководстве США и Великобритании мало кто верил в способность СССР к долгому сопротивлению.

В своей скорой победе были уверены и немцы. 29 июня Гитлер заявил: «Через четыре недели мы будем в Москве, и она будет перепажана». Лев Безыменский приводит следующие оценки германских руководителей в те дни: Гиммлер считал, что Москва будет взята 4 августа, Гальдер писал о 25 августа. Позже Гитлер говорил Шуленбургу, что Москва будет взята 15 августа, а вся война на Востоке закончится 1 октября.

Быстрое продвижение немецко-фашистских войск вызвало смятение и среди многих советских людей, включая и тех, кто защищал страну с оружием в руках. Уже 22 июня первый секретарь Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко докладывал И.В. Сталину по телефону, что командующий Белорусским военным округом генерал армии Д.Г. Павлов «под давлением тяжелой обстановки, особенно из-за утери связи со штабами фронтовых войск... потерял возможность правильно оценивать обстановку и руководить сражающимися частями, проявляет некоторую растерянность... не сосредотачивается на главных проблемах руководства».

Одновременно с этими тревожными сообщениями было очевидно, что многие советские люди, включая

высших руководителей, не осознавали остроты сложившегося положения. Вспоминая совещание у Сталина, которое происходило в ночь с 22 на 23 июня, управляющий делами СНК СССР Я.Е. Чадаев говорил: «Помню, когда поздно ночью закончилось заседание у Сталина, я шел позади К.Е. Ворошилова и Г.М. Маленкова. Те громко разговаривали между собой, считая развернувшиеся боевые действия как кратковременную авантюру немцев, которая продлится несколько дней и закончится полным провалом агрессора. Примерно такого же мнения придерживался тогда и В.М. Молотов».

Между тем из прифронтовой полосы поступали сообщения о том, что на местах многие военные оказались не готовыми к боевым действиям. Секретарь Брестского обкома М.Н. Тупицин сообщал И.В. Сталину и П.К. Пономаренко 25 июня: «Руководство 4-й армии оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями... Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко, потому что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступить, или погибнуть... В 49-й стрелковой дивизии после первых же выстрелов... произошло смятение. Разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений и, как рассказывает секретарь Высоковского РК КП(б) Белоруссии т. Рябцев, командир 49-й стрелковой дивизии только в его присутствии стал давать распоряжения подразделениям, но было уже поздно».

26 июня партийные и советские руководители Латвии писали Сталину, что хотя имеется достаточно сил для «успешного отражения наступления противника... в штабе (Северо-Западного фронта) не соблюдаются основные правила организации работы. Между отдельными войсковыми соединениями нет связи, нет взаимо-

действия, также нет взаимодействия между отдельными видами оружия (авиация, пехота). Ввиду того, что разведка поставлена плохо, часто авиация не может бомбить колонны противника, так как штабу неизвестно, чьи это колонны... При неудовлетворительной работе штаба положение на нашем участке фронта остается неудовлетворительным».

Часто не была подготовлена и противовоздушная оборона приграничных районов. 23 июня секретарь Мурманского обкома Старостин телеграфировал Сталину, что «Кандалакша, Кировск и Мончегорск, где расположены апатитовый комбинат, медно-никелевый комбинат, строящийся алюминиевый комбинат и гидростанции Нива-три, совершенно не имеют зенитной обороны и воинских частей». В тот же день из Запорожья пришла телеграмма от секретаря обкома партии Матюшина, в которой говорилось, что ДнепрогЭС недостаточно защищен от нападения с воздуха.

Мощные удары германской авиации и артиллерии в первые же часы войны принесли огромный ущерб и другим видам техники, а быстрое продвижение немецких войск позволило им захватить расположенные у границы склады вооружений. Тупицин сообщал, что значительная часть орудий артиллерии резерва Главного командования была разбита бомбами в первые же часы войны, а «все ценные орудия остались у немцев».

Утрата значительной части самолетов и другой техники сразу же стала сказываться на боевых действиях советских войск и состоянии боевого духа личного состава. Объясняя быстрое отступление Красной Армии в Прибалтике, член Военного совета Северо-Западного фронта В.Н. Богаткин сообщал Л.З. Мехлису в начале июля 1941 г.: «Если идут в бой танки и пехота, нет авиации; если идет в бой пехота — нет артиллерии или танков и т.п.».

Красноармеец мотополка Егоричев так рассказывал о первых боях: «Когда мы пошли в бой, мы крепко им дали, они стали отступать, но тут появилась их авиация и стала нас громить бомбами и с пулеметов бить, а с нашей стороны ни одного самолета никогда не бывает». Красноармеец 163-й стрелковой дивизии Никитин сообщал: «Пошли мы в атаку, закричали «ура», немец струхнул, бежит, а потом, откуда ни возьмись — их танки и самолеты, как насели на нас, страшно стало, а с нашей стороны ни танков, ни самолетов, одна пехота, как тут устоишь». Красноармеец 180-й стрелковой дивизии Демин говорил: «Товарищ комиссар, вы нас ругаете, но не только мы виноваты, но и командиры, они даже раньше нас убегают. Мы вот дрались с немцами, пехота у них слабая, у нас крепче народ, а вот техника, особенно авиация, их выручает. А у нас, когда пехота дерется, ни одного самолета не найдешь».

Передавая Л.З. Мехлису эти высказывания красноармейцев, В.Н. Богаткин указывал и на факты вражеской деятельности в тылу советских войск: «В связи с эвакуацией из Латвии, Литвы некоторой части населения к нам в тыл, несомненно, просочились проклятые немецкие шпионы. Это можно судить уже по тому, что приходится быть свидетелем, причем нередко, ряда ракетных сигналов, в месте которых вскоре же обычно появляются самолеты немцев и начинается бомбежка. Эти сигналы в большей мере вечерами появляются у таких объектов, как аэродромы, железнодорожные узлы, эшелоны, склады и даже командные пункты. Больше того, нередко те или иные намечаемые нами мероприятия упреждаются немцами. Меры в этой области борьбы со шпионажем приняты, но должного эффекта пока еще не дали. Помогают нам и крестьяне вылавливать эту сволочь. Прежнее руководство, как мне кажется, не

уделило должного внимания вопросу эвакуации населения с территорий Латвии, Литвы, занятых немцами, и среди беженцев, по всей вероятности, немцы подсылали, подсылают и сейчас, под видом беженцев, своих шпионов. Несколько немецких шпионов было выловлено и уничтожено».

Партийное и советское руководство Ельнинского района сообщало Сталину: «С эвакуированными, безусловно, прибывают и провокаторы, которые сознательно сеют панику, крича, что Минск взят, вражеские войска подходят к Орше, плюс к этому видишь, что из Смоленска бегут, а областные власти молчат, и становится трудно ориентироваться и отличать правду от провокации».

В информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) от 28 июня 1941 года говорилось: «Некоторые обкомы сообщают об отдельных случаях антисоветских высказываний и поджогов. В Горшеченском районе Курской области кулак, недавно выпущенный из заключения, во время передачи по радио речи т. Молотова заявил: «Вот и хорошо, наконец-то дождались». Однако более серьезных примеров, кроме сообщений о появлении очередей за мылом, спичками, солью, крупами, мукой и «значительном количестве случаев пьянки среди населения... в Куйбышевской области, в городах Куйбышеве, Ульяновске, Сызрани в первые два дня мобилизации» (после этих случаев здесь была прекращена продажа водки), орготдел ЦК не привел.

Более тревожные сообщения о действиях германской агентуры и их пособников поступали из приграничных республик. 23 июня руководители Латвии В.Т. Лацис и Я.Э. Калнберзин сообщали Сталину из Риги, что «на территории Латвии были неоднократно сброшены мелкие десантные группы противника. Имеются случаи вооруженных бандитских выступлений».

Под «бандитскими выступлениями» руководители Советской Латвии имели в виду боевые действия вооруженных формирований из местного населения, поддержавших германских агрессоров.

Созданный в октябре 1940 года и имевший постоянный контакт с Германией подпольный Литовский фронт активистов (ЛФА) к лету 1941 года насчитывал 36 тысяч человек. 22 июня члены ЛФА захватили радиостанцию Каунаса и провозгласили создание временного правительства Литвы во главе с Ю.Амбазевичусом. 25 июня немецкие войска вошли в Каунас практически без боя. 28 июня латвийская подпольная группа временно завладела радиостанцией в Риге. Ряд бывших военных подразделений Латвии в полном боевом порядке выступили на стороне немцев. К моменту вступления немцев в Ригу там было создано два центра, претендовавших на роль правительства Латвии. В Эстонии в тылу у советских войск действовало несколько тысяч боевиков, наносивших удары по Красной Армии. В июле ими был захвачен город Тарту. Тепло встречали оккупантов в ряде сел Западной Украины, а также в населенных пунктах Северной Буковины и Правобережной Украины с преобладанием немецкого населения. 30 июня во Львове после его оккупации немцами было создано «правительство Украины» во главе со Степаном Бандерой.

Одновременно прифронтовую полосу и тыл захватывала эпидемия шпиономании. Особенно часто распространялись слухи о немецких воздушных десантах. Руководство Ельнинского района, отрицательно характеризуя стиль работы местных военных властей, указывало: «Стоит только пролететь над районом неизвестному самолету... как они поднимают панику о высаженном десанте противника, вопят о помощи, чтобы поднять боевые дружины, созданные у нас в районе; в

ночь с 26 на 27 июня всю ночь вели бой с мнимым десантом противника, а когда мы приехали со своей боевой дружиной из числа коммунистов и комсомольцев, то обнаружили безобразнейший факт, т.е. оказывается — они всю ночь гонялись за призраком опасности, неизвестно в кого стреляли и в результате смертельно ранили двух бойцов».

В то же время германский блицкриг обнажал разгильдяйство, недисциплинированность, наплевательское отношение к служебному долгу. Заместитель начальника 3-го управления Наркомата обороны (НКО) СССР Ф.Я. Тутушкин докладывал Сталину 6 июля о том, как грузы с танками долго путешествуют по стране, прежде чем попадают на место назначения. Он сообщал: «На Львовском направлении Южной железной дороги вторые сутки стоят 13 эшелонов и 2 бронепоезда. На Ромодановском направлении Южной железной дороги несколько дней как брошены 32 транспорта воинских грузов, так как их не принимает Западная железная дорога... 4 июля с.г. оказались на станции Люботин 10 платформ с танками Т-40, направленные на станцию Волковыск в воинскую часть... По данным 3-го Управления НКО, сосредоточение вторых эшелонов Красной Армии опаздывает не на 2 суток, как доложил заместитель начальника Оперуправления Генштаба генерал-майор Анисов Председателю Государственного Комитета Обороны товарищу Сталину, а значительно больше».

8 июля Тутушкин писал Сталину: «Вследствие неготовности ВВС ПРИБОВО (Прибалтийский Особый военный округ. — *Прим. авт.*) к военным действиям, нераспорядительности и бездеятельности некоторых командиров авиадивизий и полков, граничащих с преступными действиями, — около 50% самолетов было

уничтожено противником при налетах на аэродромы. Вывод частей из-под удара авиации противника не был организован. Зенитные средства аэродромов отсутствовали, а на тех аэродромах, где эти средства были, — не было артснарядов... Потери нашей авиации объясняются тем, что в течение нескольких часов после нападения вражеской авиации командованием Округа запрещалось вылетать и уничтожать противника. Части ВВС Округа вступили в бой поздно, когда значительная часть самолетов была уже уничтожена противником на земле. Перебазировка авиачастей на другие аэродромы проходила неорганизованно, каждый командир дивизии действовал самостоятельно, без указаний командования ВВС Округа, посадку совершали, где кому вздумается, в результате чего на некоторых аэродромах скапливалось по 150 машин. Так, на аэродроме Пильзино противник, обнаружив такое скопление самолетов, налетом одного бомбардировщика 25 июня с.г. уничтожил 30 самолетов. Маскировке аэродромов до сих пор не уделяется внимания, приказ НКО по этому вопросу не выполняется».

Секретарь Лунинецкого райкома Пинской области В.И. Анисимов сообщал И.В. Сталину 30 июня, что «нет вооружений и снарядов... Шлют самолеты в разобранном виде, а собрать их негде... Нам показывают какую-то необъяснимую расхлябанность». Секретарь Гомельского обкома Жиженков сообщал Сталину 29 июня: «Незнание командованием дислокаций частей, их численности, вооружения, аэродромов, снаряжения, дислокаций баз Наркомобороны, их количества и содержимого в районе его действия тормозит быструю организацию активного отражения противнику».

Блицкриг лишь усиливал дезорганизацию в управлении войсками. В.И. Анисимов сообщал: «Штаб 4-й армии

после бомбардировки его в Кобрине до сих пор не собран, и отдельные части штаба ищут друг друга... В самом Лунинце гарнизона почти нет... Прибывший вчера в Лунинец генерал-майор артиллерии Дмитриев, находившийся до этого в отпуске, сам, видимо, не зная обстановки и не зная о существовании штаба армии, никаких указаний не дал. Сегодня отправился в Пинск в поисках штаба... В городе полно командиров и красноармейцев из Бреста, Кобрина, не знающих, что им делать, непрерывно продвигающихся на машинах на Восток без всякой команды, так как никакого старшего войскового командира, который бы мог комбинировать действия войск, нет».

Как и в других странах — жертвах блицкрига, на советской земле были также налицо проявления паники и трусости. Анисимов сообщал: «В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их бомбами подорвали, а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Лунинец, а потом, разобравшись, что это просто паника, вернулись в Пинск, но боеприпасы, горючее пропали, — и дискредитировали себя в глазах населения».

Жиженков докладывал Сталину: «Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу. 27 июня группа колхозников Корналинского сельсовета Гомельского района истребительного батальона задержала и разоружила группу военных около 200 человек, оставивших аэродром, не увидев противника, и направляющихся в Гомель. Несколько небольших групп и одиночек разоружили колхозники Уваровского района».

Тупицин докладывал Сталину и Пономаренко 25 июня: «С первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая младшими командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер... Многие командиры и политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города, в первую очередь спасая свои семьи, а красноармейцы бежали в беспорядке».

Однако порой эти сообщения Сталину не учитывали фактов смелости и отваги, проявленных советскими воинами с первых же минут войны. Так, в записке М.П. Тупицина утверждалось, что две стрелковые дивизии, которые должны были защищать Брестскую крепость, охватила паника, а их солдаты были уничтожены «мощным шквалом огня немецкой артиллерии». Впоследствии стало известно, что красноармейцы этих дивизий героически защищали Брестскую крепость в течение многих дней.

Несмотря на растущий натиск войск Германии и ее союзников, несмотря на поддержку, оказанную им вооруженными пособниками в Прибалтике и на Западной Украине, несмотря на проявления паники и неразберихи в первые дни войны, советские люди оказывали активное сопротивление агрессору. Начальник германского генерального штаба Гальдер записал 22 июня: «После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к боевым действиям. Без сомнения, на стороне противника имел место факт тактического отхода... Признаков же опера-

тивного отхода не было и следа». 24 июня Гальдер писал: «Обстановка: противник в пограничной полосе почти всюду оказывал сопротивление... Признаков оперативного отхода противника пока нет. Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Войска группы армий «Север» почти на всем фронте... отражали сильные танковые контратаки противника... В общем теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу германским войскам». 25 июня Гальдер записал: «Оценка обстановки на утро в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших войск». 26 июня в дневнике Гальдера записано: «Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. На стороне противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство». 27 июня Гальдер отмечал: «На фронте... события развиваются совсем не так, как намечается в высших штабах».

Первые дни войны дали примеры героизма многих советских людей. Вся страна узнала о подвиге летчика Николая Гастелло, который 26 июня направил свою горящую машину на колонну немецких машин. Хотя советская военно-морская база Лиепая (Либава) пала 28 июня, немецкий историк Пауль Карелл писал: «Оборона была организована блестяще. Солдаты хорошо вооружены и фанатически храбры... Они показали в Либаве наилучшие элементы советского военного искусства. Но эта победа была горьким уроком: в Либаве впервые выяснилось, на что способен красноармеец при обороне укрепленного пункта, когда им ру-

ководят решительно и хладнокровно». На Юго-Западном направлении наши войска не раз переходили в контратаку и даже на некоторое время сумели отбить Перемышль. Немецко-фашистские и румынские захватчики долго не могли занять всю территорию Молдавии. На Крайнем Севере противник не сумел продвинуться далеко от границы. В Историческом музее Мурманска до сих пор стоит пограничный знак заставы Рестикент, которая так и не была сдана врагу за все годы войны.

И все же растерянность, несобранность, паникерство, трусость наносили урон обороне страны. Руководители Ельнинского района обращались: «Убедительно просим Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА ударить по паникерам и всем, кто способствует порождению паники, приняв необходимые меры в отношении местных партийных и советских органов, в частности по Смоленской области, ибо если дальше каждый командир или руководящий советский партийный работник начнут заниматься эвакуацией своей семьи, защищать Родину будет некому».

Ответом на эти призывы и сложившуюся ситуацию стали решения руководства страны по организации обороны. Важнейшими из них стали: «Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 года и решение 30 июня 1941 года о создании Государственного Комитета Обороны СССР, в соответствии с которым вся полнота власти в государстве оказалась сосредоточенной в руках этого нового чрезвычайного органа управления, а все граждане страны были обязаны «беспрекословно выполнять решения и распоряжения» ГКО СССР.

Важнейшим политическим событием первых дней войны стало выступление Сталина по радио 3 июля 1941 года. Рассказав горькую правду о первых поражениях Красной Армии, Сталин убеждал советских людей в том, что «гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма». Объявив программу ведения Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков, Сталин заявил: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда коренным образом изменилось положение».

Одновременно Сталин призывал «организовать беспощадную борьбу со всякого рода дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица».

Решительные действия советского правительства во главе со Сталиным, включая те, что были направлены на разгром «пятой колонны» (в интерпретации этого понятия и Эмилио Молы, и Бориса Ефимова), оказали положительное воздействие на организацию обороны страны. Стремительное продвижение противника по всему фронту от Баренцева до Черного моря замедли-

лось. Бои советских войск на Лужской полосе обороны от Финского залива до озера Ильмень протяженностью 250 километров задержали продвижение противника к Ленинграду на полтора месяца. Упорные оборонительные бои развернулись и в северной части Эстонии, которые продолжались с середины июля до конца августа. Сопrotивление наших моряков на островах Моонзундского архипелага продолжалось до начала октября. В Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября), в ходе которого был осуществлен успешный контрудар советских войск под Ельней, был сорван гитлеровский план молниеносного захвата Москвы и быстрого победного завершения военной кампании.

Тем временем героическая оборона Одессы (5 августа — 16 октября) сковала продвижение противника на юге страны. В боях под Одессой немцы и их румынские союзники потеряли свыше 160 тысяч человек. Хотя в ходе Киевского сражения (10 июля — 29 сентября) Красная Армия понесла огромные потери, Маршал Советского Союза А.М. Василевский позже писал: «Враг добился успеха дорогой ценой. Красная Армия в ожесточенных боях разгромила 10 кадровых дивизий противника. Он потерял более 100 тысяч солдат и офицеров... Более месяца сдерживали советские войска группу армии «Центр» действиями на киевском направлении. Это было очень важно для подготовки битвы под Москвой».

В ходе подготовки к новым решающим боям советское руководство стремилось не допустить проявлений трусости, разгильдяйства и других явлений «пятой колонны». 16 августа 1941 года был подписан приказ Ставки № 270, который отражал возмущение продолжавшимся отступлением Красной Армии, вина за которое возлагалась на трусливых командиров, и про-

должавшейся сдачей в плен наших солдат и офицеров врагу. В нем говорилось: «Не только друзья, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможное для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения».

В приказе приводился пример действий заместителя командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенанта Болдина, который организовал из окруженных под Белостоком частей отряды. Было рассказано и о действиях бригадного комиссара Попеля и командира корпуса полковника Новикова, командующего 3-й армией генерал-лейтенанта Кузнецова и армейского комиссара Бирюкова, которые с боями вывели из окружения сотни вооруженных бойцов.

В то же время в приказе говорилось: «Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам... Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров

надо уничтожать... Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев».

Приказ венчался предписанием расстреливать на месте «подобных дезертиров из начальства» и даже подвергать аресту членов их семей. Приказ обязывал каждого военнослужащего требовать от начальства «драться до последней возможности» и «уничтожать всеми средствами» тех, кто предпочитает сдаваться в плен.

Приказ был подписан Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым, Жуковым. Приказ свидетельствовал о том, что Сталин и другие члены Ставки стремились самыми суровыми мерами добиться стойкости советских войск, остановить их отступление и не допустить сдачи в плен окруженных солдат и офицеров.

О том, что тревога руководства страны за состояние духа солдат и офицеров Красной Армии не была напрасной, свидетельствовали события после начала нового наступления немецко-фашистских войск в ходе операции «Тайфун». Казалось бы, война уже шла не первый месяц. И все же внезапное появление немецких войск там, где их не ждали, оказывало порой гипноти-

ческое влияние на некоторых бойцов и командиров Красной Армии, как и в первые дни войны. Генерал А.И. Еременко свидетельствовал, что командующий Орловским военным округом А.А. Тюрин часто приезжал на Брянский фронт «для ознакомления с положением дел на фронте и в свою очередь информировал нас о мероприятиях по организации обороны города. Таким образом, Тюрин отлично знал, что происходит на фронте, а мы имели основание считать, что знаем положение в глубоком тылу фронта... 30 сентября, когда на левом крыле фронта противник прорвал нашу оборону, я сообщил об этом по ВЧ начальнику штаба Орловского округа... Одновременно дал ряд практических советов об использовании сил и средств, имевшихся в распоряжении округа для организации обороны города». Еременко знал, что у военного округа достаточно сил для отпора наступавшего противника. Как вспоминал генерал, «начальник штаба округа ответил мне по телефону, что обстановка им понятна и что оборону Орла они организуют как следует. Он заверил меня, что Орел ни в коем случае не будет сдан врагу... Зная о наличии в Орле всех... противотанковых средств и выслушав заверения начальника штаба о том, что оборона Орла организована неплохо, я был уверен, что город не будет сдан противнику. На самом деле, однако, получилось иначе. 3 октября в Орел ворвались немецкие танки».

Майор госбезопасности Клепов и старший майор госбезопасности Леонтьев докладывали наркому внутренних дел СССР Берии 6 октября об обстановке в районе городов Юхнов и Малоярославец: «После того, как противник просочился в стыке между 33 и 43-й армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5 октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы... При нашей помощи были организованы не-

большие заслоны... которые задерживают отступающие части и отдельные группы военнослужащих. Между Юхновом и Медынью 5 октября около 15 часов капитаном 53-й авиабригады Сорокиным был взорван железный, висячий мост через реку Шаня... В результате взрыва моста, с одной стороны, затруднен отход нашим частям и автотранспорту, с другой стороны — создано препятствие для продвижения наших частей навстречу противнику».

Вскоре слухи о прорыве немцами обороны фронта и их наступлении на Москву достигли и столицы. Узнали в Москве и о решении правительства эвакуироваться в тыл страны. 16 октября А.И. Микоян, прибыв на Завод имени Сталина (ныне Завод имени Лихачева), увидел, по его словам, «около заводских ворот 5—6 тысяч рабочих. Похоже, идет неорганизованный митинг... Тут рабочие узнали меня, и отовсюду посыпались вопросы: что происходит в Москве, почему правительство удрало, почему секретарь комитета комсомола тоже удрал?.. Я выслушал спокойно, потом сказал: «Товарищи, зачем возмущаться? Война идет! Всякое может быть. Кто вам сказал, что правительство убежало из Москвы? Это — провокационные слухи, правительство не убежало. Кому надо быть в Москве, находится в Москве, Сталин в Москве, Молотов тоже и все те люди, которым необходимо быть здесь... Сейчас от вас требуется полное спокойствие, подчинение распоряжениям власти, которые вытекают из военной обстановки...» Постепенно рабочие успокоились и стали расходиться.

Однако в других частях Москвы слухи продолжали распространяться, породив беспорядочное бегство административных работников различного уровня, сожжение архивной документации, грабежи брошенных магазинов. Позже военная комендатура подготовила справку, в ко-

торой сообщалось, что «по неполным данным, из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников... За время с 16 по 18 октября сего года бежавшими работниками было похищено наличными деньгами 1 484 000 рублей, разбазарено ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей и угнано 100 легковых и грузовых машин». В докладной записке отдела пропаганды и агитации Первомайского райкома партии в МГК ВКП(б) сообщалось о том, что «в особо напряженные дни 15, 16, 17, 18 октября, когда у магазинов скапливались большие очереди, распространялись всевозможные лживые и провокационные слухи, проявлялись антисемитские настроения». Приводились примеры слухов о борьбе в руководстве между Сталиным и Молотовым. Распространители слухов утверждали, что Сталин выступает за то, чтобы дать за Москву бой, а потому неизбежны бомбежки. Некто, одетый в форму красноармейца, убеждал людей не покидать Москву, так как «Гитлер несет порядок и хорошую жизнь».

По сведениям Оргинструкторского отдела МГК ВКП(б), 16—17 октября свыше 1000 членов и кандидатов в члены партии стали уничтожать свои партийные билеты и кандидатские карточки. Чтобы пресечь паникерские настроения, 17 октября по поручению Сталина по московской городской сети выступил первый секретарь Московского горкома партии А.С. Щербаков, который заявил: «За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови... Каждый из вас, на каком был посту он ни стоял, какую бы работу ни выполнял, пусть будет бойцом армии, отстаивающей Москву от фашистских захватчиков».

И все же панические настроения и беспорядки в Москве не прекратились. 18 октября бегство начальства из Москвы вызвало возмущение рядовых москвичей.

На шоссе Энтузиастов огромная толпа народа перегородила путь машинам, направлявшимся из столицы. Когда председатель Моссовета В.П. Пронин подъехал к шоссе, он увидел «две-три тысячи народу, несколько машин в кювете, шум, крик: «Бросили Москву! Дезертиры!» Тогда Пронин встал на подножку машины и стал говорить о том, что «власть-то в Москве остается, организуется оборона Москвы». Однако ему не верили. Тогда он показал свое удостоверение председателя Моссовета и стал убеждать, что он остается в Москве.

Было совершенно очевидно, что панические настроения и слухи о том, что «нас бросили», подавлялись лишь в том случае, когда представители властей (например, Микоян, Пронин) могли личным примером показать москвичам, что их никто не бросал, и убедительно заявить, что Сталин — в Москве. Пока люди сохраняли веру в Сталина, в его способность управлять страной, в его готовность быть вместе с народом, в столице страны сохранялся порядок. Хаос в Москве мог бы вызвать цепную реакцию распада всей страны. Видимо, эти обстоятельства сыграли главную роль в решении Сталина остаться в Москве. Охранник Сталина А. Рыбин утверждал, что в эти дни Сталин сказал своему личному водителю А. Кривченкову: «Остаюсь с русским народом в Москве. Пока я в Москве, враг не пройдет. Пройдут только через мой труп».

С целью навести в Москве твердый порядок, 19 октября Сталин подписал постановление ГКО о введении с 20 октября в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения. «Всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспорта с 12 часов ночи до 5 часов утра» было воспрещено. Для обеспечения порядка в распоряжение коменданта Москвы генерал-майора Синилова были предоставлены войска внутренней охраны НКВД, милиция и добровольческие рабочие

отряды. Отдельный пункт гласил: «Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

Как сообщалось в справке военной комендатуры, за два месяца действия этого постановления на месте было расстреляно 16 человек, из них 11 — за попытки обезоружить патрули, 1 — «за распространение контрреволюционных листовок», 2 — «за измену Родине и дезертирство», 2 — «за контрреволюционную агитацию, распространение ложных слухов пораженческого характера». В справке сообщалось, что 357 человек было «расстреляно по приговору военного трибунала... Большинство осужденных к высшей мере наказания являются дезертиры, шпионы, мародеры, контрреволюционеры и изменники Родины... Осуждено к тюремному заключению на разные сроки 4741 человек». Погружение столицы страны в царство хаоса и беспорядка было остановлено суровыми мерами. Москва, превращенная в военный лагерь, готовилась отразить наступление немцев.

Огромное значение для подъема боевого духа Красной Армии и всего советского народа сыграло проведение традиционного торжественного собрания в Москве в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, на котором с докладом выступил И.В. Сталин, и традиционного военного парада 7 ноября, на котором с речью выступил И.В. Сталин. В то время как немецкие войска стояли в десятках километрах от Москвы, а немецкие самолеты могли в считанные минуты начать бомбардировку Красной площади, Сталин, выступая с Мавзолея Ленина, уверенно говорил: «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен черт, как его

малюют». Он призывал советских воинов вдохновляться мужественными образами «наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». Сталин говорил: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина... Под знаменем Ленина — вперед, к победе!»

Весть о торжественном собрании в Москве, военном параде на Красной площади и выступлениях Сталина вдохновляла советских людей в тылу, на фронте и на оккупированной немцами территории. Ответом на слова вождя стало возросшее упорное сопротивление врагу. 16 ноября свой подвиг совершили 28 героев-панфиловцев, отразившие атаку немецких танков у разъезда Дубосеково на Волоколамском шоссе. Большинство защитников погибло. О подвиге 28 панфиловцев узнала вся страна. В газетном очерке приводились слова политрука роты В.Г. Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!» Эти слова стали боевым призывом защитников Москвы. Ярким примером мужества стала гибель 29 ноября в селе Петрищево юной партизанки Зои Космодемьянской. Девушку подвергли тяжелым пыткам, но, когда ее вели на казнь, она смело выкрикивала: «Всех не перевешаешь! Сталин с нами! Сталин придет!»

Переход Красной Армии 5—6 декабря в наступление и последовавший разгром немецко-фашистских войск под Москвой развеяли миф об их непобедимости. После первых месяцев войны, когда еще сказывалась материальная и психологическая неподготовленность к войне, когда блицкриг обнажал слабости людей, а порой повергал их в шок, советские люди обретали уверенность в свои силы и стойкость. Укрепление этих качеств позволило нашему народу в тяжелые дни 1941 года сделать первые шаги к великой Победе.

Использованная литература

- Баландин Р. и Миронов С.* Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М., 2003.
- Безыменский Лев.* Укрощение «Тайфуна». Смоленск, 2001.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1973.
- Гейбельс Й.* Последние записи. М., 1977.
- Еременко А.И.* На западном направлении. М., 1959.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1969.
- Иосиф Виссарионович Сталин.* Сборник (Составитель Маркова Л.В.). М., 1994.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 (в шести томах). М., 1960—1965.
- Известия ЦК КПСС 1990—1991.
- Ионг де, Луи.* Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958.
- Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.
- Мартыросян А.Б.* Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М., 2003.
- Мартыросян А.Б.* Трагедия 22 июня: Блицкриг или измена? Правда Сталина. М., 2006.
- Медведев Рой.* О Сталине и сталинизме. М., 1990.
- Микоян А.И.* Так было. М., 1999.
- Орлов Александр.* Сталин: в преддверии войны. М., 2003.
- Скрытая правда войны: 1941 год. М., 1992.
- Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне. М., 1946.
- Сталин И.В.* Сочинения (15 и 16-й тома). М., 1997.
- Типпельскирх К.* История Второй мировой войны (в 2 томах). Санкт-Петербург, 1994.
- Тюленев И.В.* Через три войны. М., 1960.
- Хрущев Н.С.* Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. М. 1959.
- Шервуд Роберт.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца (в 2 томах). М., 1958.
- Шпанов Николай.* Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.
- Carell Paul.* Hitler Moves East. 1941—1943. New York, 1967.
- Churchill Winston S.* Memoirs of the Second World War. (Abridgement). Boston, 1987.
- Djilas Milovan.* Conversations with Stalin. New York, 1962.
- Hitler Adolf.* Mein Kampf. Boston, 1959.
- Shirer W.* The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. London. 1962.

Юрий Житорчук

ПОЧЕМУ ПРОИЗОШЛА КАТАСТРОФА 1941 ГОДА

Катастрофа начального периода ВОВ была настолько огромной и привела к таким неисчислимым человеческим жертвам, что, естественно, возник вопрос: кто виноват и что же можно было сделать для ее предотвращения?

Как ни печально, но в силу многочисленных идеологических пристрастий вокруг трагедии начального периода войны воздвигнут целый ряд ничего не имеющих общего с реальной действительностью исторических мифов. Начало этому мифотворчеству положил Хрущев, объявивший в период так называемой «оттепели» шестидесятых годов прошлого столетия, что во всех бедах советского народа в 1941 году был виноват Сталин, который якобы, уверовав в свою исключительную гениальность, счел, что он сам может предотвратить войну, и поэтому просто не позволил военным предпринять надлежащие контрмеры по организации отпора агрессору.

Во время перестройки и ельцинской эпохи всеобщего разрушения в сознание потомков победителей в Великой войне антироссийские силы стали усиленно внедрять «ледокольный» миф, созданный Владимиром Резуном, бывшим советским офицером ГРУ, изменившим присяге и Родине и перешедшим на сторону противника, а ныне обильно печатающимся в России под литературным псевдонимом «Виктор Суворов».

Согласно «суворовской» версии Сталин намеренно привел к власти Гитлера для того, чтобы тот развязал общеевропейскую войну, в пламени которой должна была бы вспыхнуть мировая революция. А в начале 1941 года Сталин якобы счел, что настало подходящее время, для того чтобы приступить к освободительному походу против Гитлера и заменить власть нацистов в Европе властью компартий. Своими действиями он просто вынудил Германию первой напасть на СССР, хотя никаких существенных мотивов для начала войны против СССР у фюрера не было и быть не могло. Следовательно, 22 июня нацисты лишь пытались упредить уже неизбежную на тот момент времени агрессию со стороны Красной Армии.

Таким образом, в соответствии с «ледокольной» версией Виктора Суворова основным виновником военной трагедии советского народа является Сталин, и без его активного участия якобы просто не могла бы начаться ни Вторая мировая, ни Великая Отечественная война. Фигура же Гитлера в этом случае представляется чуть ли не в качестве марионетки Кремля, основные действия которой много лет умело направлялись рукой Москвы. И лишь в июне 1941 года, якобы осознав безвыходность своего положения, фюрер пошел на вынужденный отчаянный шаг и при этом только случайно опередил сталинскую агрессию и первым напал на СССР.

Если следовать наиболее распространенной на Западе версии начала мировой бойни, то ее главными виновниками были Гитлер и Сталин, заключившие между собой пакт, который и открыл нацистам зеленый свет для начала агрессии против Польши. А затем совместными усилиями уничтожившие и поделившие между собой польскую республику.

В соответствии с хрущевской версией основным ви-

новником ВОВ является Гитлер, но при этом на Сталина была возложена громадная доля ответственности за трагедию начального периода войны, поскольку он якобы проявил преступную халатность и воспрепятствовал принятию экстренных мер, необходимых для организации отпора ожидаемой нацистской агрессии.

Кроме того, в советской версии причин возникновения ВМВ часто указывалось на ту подстрекательскую роль, которую Чемберлен сыграл в процессе Мюнхенского сговора. Хотя в изложении агитпропа оставалось совершенно непонятно, каким образом сдача Германии Судет могла угрожать безопасности СССР.

Так была ли политика умиротворения Гитлера направлена против СССР? Для того чтобы ответить на вопрос: кто же виновен в развязывании мировой бойни, необходимо понять, когда и в силу каких обстоятельств угроза нацистской агрессии против Советской России стала политической реальностью. Ведь какие бы проекты ни строил Гитлер в «Майн кампф», но ограничения, наложенные на Германию Версальским договором, в принципе не позволяли немецким реваншистам рассчитывать на военное решение своих людоедских планов. Так что без внешней помощи Гитлер, даже после того как он получил кресло канцлера Германии, был обречен лишь играть роль политического шута.

Так или иначе, но спасительным кругом для бесноватого фюрера явилась именно политика умиротворения Германии, провозглашенная британским премьером Чемберленом. При этом есть веские основания считать, что основой сделки между Чемберленом и Гитлером стало их взаимное стремление искоренить красную угрозу миру капитализма. Однако без ликвидации социалистического строя в СССР достижение этой це-

ли гарантировать было просто невозможно. Поскольку же лидеры Запада были в курсе того, что намерения Гитлера были направлены на завоевание жизненного пространства за счет территории СССР, то они активно использовали эти намерения в своих целях, стремясь руками нацистов уничтожить осиное гнездо коммунизма в России.

Именно поэтому первым аккордом грядущей нацистской агрессии против СССР явился англо-германский сговор, оформившийся во время состоявшейся в ноябре 1937 года встречи лорда Галифакса с Гитлером, когда лондонский эmissар от имени английского правительства сам предложил фюреру программу проведения «мирной» аннексии Германией Австрии, Судет и Данцига. Конечной целью этих английских предложений являлся территориальный пересмотр границ в Европе, выводящий нацистов к границам СССР.

Во-первых, политика умиротворения позволила Германии без особых на то усилий существенно повысить ее военно-промышленный и мобилизационный потенциал.

Во-вторых, передача Германии Данцига и Коридора поставила бы польскую внешнюю торговлю под полный контроль Берлина, тем самым значительно ограничив польский суверенитет. В этой ситуации Варшаве не оставалось бы ничего другого, как стать покорным немецким сателлитом в расчете на то, что нацисты вскоре компенсируют ей потерю Данцига за счет будущих территориальных приобретений на захваченных у СССР землях. Это и обеспечивало Германии выход к советским границам, после чего начало германо-польской агрессии против СССР было бы уже делом времени.

Вскоре началась и практическая реализация чемберленовского проекта умиротворения. При этом за два

дня до аншлюса Риббентроп провел переговоры с Чемберленом и Галифаксом, на которых обсуждался в том числе и вопрос поглощения Австрии Германией, после чего немецкий министр иностранных дел с полным основанием информировал Гитлера, что Великобритания не будет вмешиваться в немецко-австрийский конфликт.

Поэтому неслучайно, что когда австрийское правительство, получив немецкий ультиматум, попыталось найти поддержку у Англии, то в ответ услышало категорический отказ. В результате 11 марта 1938 года Вена капитулировала, а на рассвете следующего дня германская армия приступила к оккупации страны. Тем не менее в этом случае английская поддержка нацистов была скрыта от внимания мирового общественного мнения.

Однако после реализации следующего пункта англо-германского сговора скрыть активное соучастие Лондона в реваншистских планах Гитлера по аннексии Германии Судет было уже невозможно. Для объяснения этого крайне неприятного для Запада факта современными историками часто используется еще один стойкий пропагандистский миф, согласно которому Чемберлен был достаточно наивным человеком и по доброте душевной просто поверил мирным заверениям Гитлера. Фюрер же его жестоко обманул и в марте 1939 года оккупировал Чехию и, кроме того, выдвинул перед Польшей ультиматум, требуя от Варшавы передать Германии Данциг и так называемый польский Коридор, которые, впрочем, двумя годами ранее Галифакс сам же предлагал Гитлеру без лишнего шума забрать у поляков.

После этих событий английский премьер якобы прозрел и окончательно отказался от идеи умиротворения Гитлера, объявив английские гарантии неприкосновенности Польши, и начал вести переговоры с Москвой о

заключении тройственного англо-франко-советского договора о взаимопомощи. Однако исключительно из-за коварства Сталина, в последний момент заключившего советско-германский пакт о ненападении, Гитлер 1 сентября 1939 года все же смог развязать Вторую мировую войну, которая, естественно, впоследствии переросла и в Великую Отечественную войну.

Стало быть, в этой версии интерпретации предвоенных событий было два главных злодея: Гитлер и Сталин, а война возникла в результате их сговора. Чемберлен же в этом случае представляется в виде этакого белого и пушистого, но уж очень наивного и не очень умного человека, который на каком-то этапе своей деятельности из самых лучших побуждений и якобы совершенно бескорыстно пытался помочь Германии достойно войти в общеевропейский дом.

Однако последовавший далее отказ Чемберлена от политики умиротворения и дача английских гарантий Польше были предприняты вовсе не по его инициативе, а под громадным давлением общественного мнения Запада и угрозой провала на грядущих парламентских выборах. Но, объявив о перемене политического курса по отношению к Гитлеру, английский премьер уже изначально даже не предполагал выполнять взятые при этом на себя обязательства. Для него «гарантии» были лишь политическим блефом, с помощью которого он собирался поставить на место проявившего слишком большую самостоятельность фюрера и вернуть его в русло англо-германских договоренностей 1937 года, но воевать с Германией из-за какой-то там Польши явно не входило в планы сэра Невилла.

Именно поэтому ни Англия, ни Франция летом 1939 года так и не начали подготовку к уже весьма вероятной войне с нацистами. Именно поэтому, несмотря на ак-

тивное противодействие Черчилля и Ллойд Джорджа, Чемберлен фактически сорвал англо-франко-советские переговоры о создании тройственного военно-политического союза. Именно поэтому Форин офис одновременно с переговорами в Москве вел секретные переговоры с эмиссарами Третьего рейха, направленные на реализацию «мирной» передачи немцам Данцига и Коридора, вынужденной реакцией на которые со стороны Москвы и было заключение «пакта Молотова—Риббентропа».

Тем не менее даже после нападения Германии на Польшу Чемберлен приложил немало усилий, чтобы проигнорировать им же данные гарантии. Но в результате этих его действий произошел такой мощный взрыв возмущения английской общественности и парламента страны, что правительство Великобритании просто-напросто было вынуждено объявить войну Германии. Причем иного выхода в тот момент у Чемберлена уже не было, поскольку при отказе от объявления войны правительство незамедлительно было бы отправлено в отставку, а новый премьер все равно должен был бы объявить войну нацистам.

Однако, формально объявив войну Германии и обладая в тот момент явным военным преимуществом перед немцами на Западном фронте, вооруженные силы Англии и Франции бросили своего союзника на произвол судьбы, так ничего и не предприняв для того, чтобы помочь истекавшей кровью Польше. Поэтому вовсе не случайно эта «война» получила название странной или же сидячей. Но при всем этом Англия и Франция умудрились в 1940 году начать подготовку военной операции, направленной против СССР.

Таким образом, есть веские основания для обоснованных сомнений в том, что в марте 1939 года Чембер-

лен действительно отказался от проведения политики умиротворения. Судя по его дальнейшим действиям, он лишь для публики демонстрировал свою «непримиримость» к Гитлеру, но одновременно исподволь продолжал потворствовать нацистам, надеясь, что те направят свои силы на войну с СССР.

Вероятней всего, в конечном итоге так бы оно и случилось, если бы Сталин не пошел на заключение советско-германского пакта и тем самым временно не переключил вектор агрессивных устремлений нацистов с Востока на Запад. В результате этого неординарного шага Кремля Чемберлен попался в им же расставленный капкан.

В результате всех этих перипетий Великобритания сама оказалась в роли жертвы нацистской агрессии, тем не менее это ни в коей мере не снимает с Чемберлена ответственности за то, что он являлся главным провокатором и подстрекателем нацистов, активно способствовавшим претворению гитлеровских планов в жизнь. Здесь особо нужно заметить, что приди Черчилль к власти на год раньше, то в этом случае с большой долей вероятности можно было бы ожидать, что мировая история могла пойти совсем по иному руслу. Так что вторым после Гитлера виновником мировой бойни, бесспорно, является отнюдь не Сталин, а Чемберлен.

Зачем же Гитлер напал на СССР? Существует три основных версии ответа на вопрос, зачем Гитлеру вообще было нужно нападать на Советский Союз.

1. Гитлеру нужно было исключить угрозу существованию Рейха, которую таила в себе Советская Россия. Поэтому нападение фашистов на СССР носило превентивный характер. Так, например, согласно Суворову нападение фашистов 22 июня якобы всего на две-три недели

опередило советскую агрессию против Германии, полным ходом готовившуюся коварным Сталиным.

2. Германия в войне с Англией попала в стратегический тупик, и фюрер видел выход из этого тупика в разгроме СССР, получении его сырьевых и материальных ресурсов, для того чтобы таким образом принудить Лондон к заключению мира.

3. Гитлер, следуя своей идеологической программе, сформулированной им еще в «Майн кампф», стремился захватить жизненное пространство в России, необходимое для обеспечения жизнедеятельности будущих поколений 250 миллионов немцев, которые, в соответствии с его представлениями, в течение жизни нескольких поколений должны были бы полностью германизировать его.

Особенно яростно современными ревизионистами отрицается возможность того, что Гитлер напал на Советскую Россию с целью завоевания жизненного пространства. При этом в качестве основного аргумента часто используется тезис о том, что к началу нападения на СССР немцы захватили и подчинили себе так много европейских стран, что необходимость в ведении дальнейших войн за жизненное пространство у них просто отпала.

Вот, например, что по этому поводу пишет Виктор Суворов:

«В начале 1941 года Гитлер имел столько земли, что уже не знал, что с ней делать. В его подчинении были: Австрия, Чехословакия, большая часть Польши, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург, половина Франции, Нормандские острова Великобритании, Югославия и Греция. Под влиянием Германии находились Финляндия, Венгрия, Румыния и Болгария. Кроме того, германские войска вели боевые действия в Северной Африке. Ему мало земли».

На самом деле высказываемые Резуном мысли о том, что Гитлер перед нападением на СССР более не нуждался в завоевании жизненного пространства, это лишь плод типичного заблуждения, основанного на поверхностных представлениях относительно нацистской идеологической концепции.

К началу нападения на СССР среди оккупированных нацистами территорий, которые действительно могли использоваться ими для германизации, были только Чехия, Эльзас с Лотарингией и часть Польши, да и то без генерал-губернаторства, предназначенного для организации резервации для расово неполноценных аборигенов.

Для того чтобы разместить 250 миллионов немцев, как это планировал Гитлер, этих приобретений было явно недостаточно. Так что без оккупации СССР ставилась под сомнение главная цель всей нацистской программы — обеспечение будущих поколений немцев территорией, достаточной для их «достойного» существования.

Дело все в том, что когда говорят — Гитлер захватил пол-Европы, то надо вспомнить о существовании четырех, различных по своей конечной сути способах захвата территорий:

— оккупации, т.е. занятии чужой территории военной силой;

— аннексии, т.е. насильственном политическом присоединении страны или ее части к другой стране;

— колонизации, т.е. насильственном захвате одним государством другого с целью получения сверхприбылей путем ввоза в нее капиталов и товаров, использования его источников сырья, а также экономического, политического и национального угнетения населения;

— завоевании жизненного пространства. В понима-

нии Гитлера завоевание жизненного пространства сводилось к процессу германизации аннексированных территорий, т.е. к насильственной замене значительной части расово неполноценного коренного населения на генетически добротных представителей арийской расы.

Таким образом, на территориях, захваченных нацистами с целью завоевания жизненного пространства, неполноценная часть аборигенов должна была быть либо уничтожена, как это и делалось с евреями и цыганами, либо предварительно подвергнута мерам, направленным на искусственное уменьшение их популяции, а выжившая после геноцида часть коренного населения переселена в отведенные для этих целей резервации. Реализация именно такой программы освоения жизненного пространства и была начата нацистами в Польше уже в 1939 году.

Однако для завоевания жизненного пространства большинство оккупированных Германией территорий европейских стран не предназначалось. Тем не менее Резун упорно продолжает настаивать:

«Нахватав столько за полтора года, нужно думать не о новых землях, а об удержании захваченного. И уж если Гитлеру все же нужны новые земли, то перед ним лежит прекрасная Франция. Гитлер разгромил Францию в войне, но захватил только половину территории. Юг Франции лежит беззащитный. Бери его! Ведь это лучшая часть Франции — Лазурный берег, пальмы, курорты, виноградники, коньяк и вина, сыры в подвалах и лимоны на дереве! И за все за это не надо воевать. Франция капитулировала, так забирай же ее всю».

Здесь нам придется слегка поправить Владимира Богдановича. Дело в том, что фюрер не желал забирать себе не только «свободную», но даже и уже оккупированную немцами часть Франции, а лишь отщипнул от нее

Эльзас и Лотарингию, которые просто считал принадлежащими Германии по праву. Разумеется, по этому же праву он оттуда и депортировал живших там французов. Вот что по этому поводу во время своих застольных бесед Гитлер говорил 12 мая 1942 года:

«И если мы хотим вновь сделать Эльзас и Лотарингию чисто немецкими землями, то каждый, кто не желает добровольно признать себя немцем, должен быть изгнан оттуда. Гауляйтер Бюркель, приняв решительные меры, уже сделал первые шаги в этом направлении; но из Эльзаса должны исчезнуть еще четверть миллиона французишек. Будет ли кое-кто из них выслан во Францию или их всех отправят на Восток — в принципиальном отношении это не играет никакой роли. А заполнить пробел, образовавшийся из-за такого сильного оттока населения, не составит никакого труда».

Так что Северную Францию Берлин считал лишь временно оккупированной, хотя при этом нацисты весьма изрядно пограбили и поэксплуатировали ее. Да и зачем же Гитлеру была нужна Франция, разумеется, за исключением Эльзаса и Лотарингии? Что, кроме головной боли, могло дать ему присоединение этой страны к Германии? Ведь это либо сделало бы рейх многонациональным государством, где около сорока процентов населения составляли бы французы, что полностью противоречило нацистской идеологии. Либо фюрер в стремлении завоевать на этой территории жизненное пространство для немцев был бы вынужден решать весьма непростой вопрос: куда же ему девать сорок миллионов французов?

Существовала ли связь между идеологией нацизма и агрессивной против СССР. Интересен тот факт, что среди самых рьяных противников признания связи между идео-

логией нацизма с агрессией Германии против СССР находятся не только явные неонацисты, но и, скажем, израильский историк Габриэль Городецкий.

Суть аргументации Городецкого, опубликованной в книге «Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз», сводится к утверждению, что якобы нет прямой связи между идеями Гитлера, изложенными им в «Майн кампф», и агрессией нацистов против СССР:

«В самом деле, сомнительно, чтобы решение Гитлера (напасть на СССР. — Ю.Ж.) естественно вытекало из его триумфальной победы над Францией, будучи предопределено идеологическими установками «Майн кампф».

Для доказательства своей позиции Городецкий использует два основных тезиса:

«Слишком очевиден факт, что война с Англией на западе и последующий поворот к Юго-Восточной Европе и Средиземному морю противоречили идейным устремлениям Гитлера. Он не мог игнорировать новые нужды Германии, определяемые ходом событий, даже если это сильно уводило в сторону от генерального плана, набросанного в «Майн кампф».

Гитлер после победы над Францией действительно был вынужден существенно отойти от плана, начертанного им в «Майн кампф», ввязавшись в войну с Англией. Однако сделал-то он это вопреки своей воле и желаниям. Кроме того, фюрер прилагал немалые усилия, для того чтобы заключить мир с Великобританией и тем самым обеспечить продолжение своих изначальных планов завоевания жизненного пространства на Востоке. Так что совершенно непонятно, почему вынужденный отход Гитлера от его начальных планов может рассматриваться как доказательство того, что и его дальнейшие действия не могли быть обусловлены идеями «Майн кампф».

Второй тезис Городецкого исходит из факта отсутствия идейной мотивировки оперативного планирования «Барбароссы»:

«Показательно отсутствие всякой идейной мотивировки оперативного планирования вторжения. Упоминание об этом есть лишь в одной-единственной директиве по политической подготовке вермахта, изданной генералом Браухичем».

Действительно, упоминание идеологических целей войны в немецких оперативных документах является скорее исключением, чем правилом. И это вполне естественно. Ведь вермахту ставилась вполне конкретная задача разбить РККА и захватить советскую территорию по линии Волга — Архангельск. Но одно дело оккупировать часть территории страны, а совсем другое — определить, что делать с этой территорией и ее населением после оккупации.

Для решения этой проблемы составлялись директивы и планы, которые впрямую вермахта не касались. К числу таких документов относится так называемая Зеленая папка Геринга, где были разработаны принципы экономической эксплуатации природных богатств России. А также генеральный план «Ост», который должен был определить расовые принципы, технологию и темпы германизации, предназначенные для этих оккупированных территорий.

В этой связи показательно, что идеологическая мотивировка в оперативных планах вермахта отсутствовала не только в директивах «Барбароссы», но и в директивах плана «Вайс», хотя вряд ли можно сомневаться, что целью той германо-польской войны как раз и являлось завоевание жизненного пространства и его германизация. Об этом совершенно откровенно Гитлер сказал на совещании со своими генералами 23 мая 1939 года:

«Данциг не тот объект, из-за которого все затеяно. Речь для нас идет о расширении жизненного пространства на Востоке и о продовольственном обеспечении, а также о решении проблемы Балтики».

Однако все вопросы, связанные с освоением жизненного пространства на территории бывшей Польши: присоединение к Германии Западной и Центральной Польши, образование генерал-губернаторства, отбор расово неполноценных аборигенов, их переселение на восток, расстрелы, концлагеря, геноцид поляков и евреев — все это происходило уже после завершения оккупации. Все эти действия нацистов в Польше не были прописаны в плане «Вайс», однако велись они в строгом соответствии с нацистской идеологией. Аналогичная ситуация возникла и после нападения нацистов на СССР.

Так была ли идея завоевания жизненного пространства устойчивой догмой нацистской политики? Гитлер уже изначально был одержим идеей завоевания жизненного пространства. В этой связи фюрер еще в «Майн кампф» сформулировал высший принцип нацистской внешней политики:

*«Мы должны избрать **ВЫСШИМ ПРИНЦИПОМ** (выделено мной. — Ю.Ж.) нашей внешней политики: установление надлежащей пропорции между количеством народонаселения и размером наших территорий! Уроки прошлого еще и еще раз учат нас только одному: целью всей нашей внешней политики должно являться приобретение новых земель».*

Далее фюрер уточняет, что жизненным пространством для немцев могут стать лишь те земли, которые непосредственно примыкают к границам Германии:

«При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей родины.

Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии. Лишь такой прирост земли обеспечивает нам тот прирост сил, который обуславливается большой сплошной территорией».

Тем не менее Гитлер вовсе не собирался превращать захваченные земли в немецкие колонии и, следовательно, ориентироваться на использование коренного населения в качестве дешевой рабочей силы. Его главная цель — заселение оккупированных земель немцами:

«Наша задача — не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами».

А такие земли, по мнению фюрера, находились только на Востоке и прежде всего в России:

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь ТОЛЬКО РОССИЮ (выделено мной. — Ю.Ж.) и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Но свободных, примыкающих к территории Германии земель нет, на этих землях живет коренное население, а ведь нацисты как зеницу ока берегут чистоту своей арийской расы:

«Мы, национал-социалисты, являемся хранителями высших арийских ценностей на земле... Мы должны суметь убедить наш народ сделать все необходимое для защиты чистоты расы. Мы должны добиться того, чтобы немцы занимались не только совершенствованием породы собак, лошадей и кошек, но пожалели бы, наконец, и самих себя».

Однако, по мнению Гитлера, славяне, и в частности русские, относились к людям более низкой расы:

«Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обя-

зана была германским элементом — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца».

Чтобы заселить немцами завоеванные земли и сохранить при этом расовую чистоту арийских переселенцев, было необходимо предварительно депортировать большую часть расово неполноценного коренного населения, но для этого дополнительно требовалась еще одна достаточно большая территория, на которую и можно было бы депортировать всех этих вредных для расового здоровья Германии недочеловеков.

Иначе были бы неизбежны случаи совокупления истинных арийцев с коренным населением, что, по мнению нацистов, могло привести к весьма печальным для рейха последствиям. Насколько Гитлер был озабочен этой сексуальной проблемой, можно судить, скажем, из записи его застольных бесед от 5 апреля 1942 года:

«Никогда не следует забывать, что эта война будет выиграна лишь тогда, когда воцарится мир и рейх сохранит расовую чистоту... В частности, шеф предостерег от проведения в широких масштабах онемечивания чехов и поляков...»

Но прежде всего нужно следить за тем, чтобы не было случаев совокупления между немцами и поляками, ибо в противном случае в жилы польского правящего слоя постоянно будет вливаться свежая германская кровь».

Впрочем, Гитлер и после его прихода к власти в своих публичных выступлениях неоднократно возвращается к вопросу о завоевании жизненного пространства на Востоке и его германизации. Так, 3 февраля 1933 го-

да фюрер произнес речь перед генералами рейхсвера, в которой заявил:

«Главной задачей будущей армии явится завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация».

На совещании в Имперской канцелярии 5 ноября 1937 года фюрер говорил:

«Германское будущее обуславливается исключительно решением вопроса о недостаточности нынешнего жизненного пространства, а такое решение по своему характеру могло бы быть найдено только в обозримый, охватывающий примерно одно — три поколения период».

Если фюреру суждено дожить до того времени, то ЕГО НЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ НИКАКОМУ ИЗМЕНЕНИЮ РЕШЕНИЕ (выделено мной. — Ю.Ж.) таково: не позднее 1943—1945 годов решить вопрос о германском жизненном пространстве».

На заседании в Имперской канцелярии 23 мая 1939 года фюрер заявлял:

«Жизненное пространство, соответствующее величине государства, есть основа любой силы... Через 15 или 20 лет решение это станет для нас поневоле необходимым».

11 августа 1939 года Гитлер в беседе с комиссаром Лиги Наций в Данциге Карлом Буркхардтом сказал:

«Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза со всеми моими силами».

И даже уже после заключения советско-германского пакта о ненападении и разгрома Польши Гитлер 23 ноября 1939 года на совещании с руководством вермахта вновь возвращается к вопросу о неизбежности войны против России:

«Рост народонаселения требует большего жизненного пространства. Моей целью было добиться разумного соотношения между численностью населения и величиной этого пространства. Тут без борьбы не обойтись...»

«Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас освободятся руки на Западе».

Никакого принципиального изменения позиции Гитлера в вопросе о завоевании жизненного пространства на Востоке не произошло и после того, как Германия разгромила Францию и оккупировала большую часть европейских стран. Уже на самых ранних стадиях планирования нападения на СССР, на совещании, состоявшемся 31 июля 1940 года, фюрер прямо заявляет немецким генералам о своих намерениях аннексировать значительные территории Советской России:

«Позднее: Украина, Белоруссия, Прибалтийские страны — нам. Финляндия — до Белого моря».

Эту свою принципиальную позицию фюрер подтвердил и на совещании с руководством вермахта, состоявшемся 30 марта 1941 года:

«Речь идет о борьбе на уничтожение... Будущая картина государств: Северная Россия принадлежит Финляндии. Протектораты: Прибалтийские страны, Украина, Белоруссия».

Но, а тем, кто еще сомневается в том, что, нападая на СССР, Берлин планировал захват и аннексию части советской территории и ее последующую германизацию, советую ознакомиться с откровениями фюрера, сделанными им на совещании 16 июля 1941 года, когда Гитлер уже полностью уверовал в свою скорую и окончательную победу и позволил себе сказать несколько больше, чем это он делал ранее:

«В принципе дело идет о том, как сподручнее разделить гигантский пирог, чтобы мы, во-первых, господ-

ствовали, во-вторых, управляли, в-третьих, могли эксплуатировать...

Из вновь приобретенных восточных областей мы должны сделать для себя райский сад. Они для нас жизненно важны, колонии же, напротив, играют совершенно второстепенную роль...

Итак, мы будем снова подчеркивать, что были вынуждены захватить ту или иную область, чтобы навести там порядок и обеспечить нашу безопасность... Ни в коем случае не надо показывать, что это сделано навсегда. Тем не менее, все необходимые меры — расстрел, переселение и т.п. — мы все равно сможем и будем осуществлять и дальше...

Крым должен быть очищен от всех чужих и заселен немцами. Точно так же станет территорией рейха и староавстрийская Галиция... Фюрер подчеркивает, что территорией Германии должна стать вся Прибалтика».

Мечты о захвате жизненного пространства не покидали Гитлера, по крайней мере, до тех пор, пока ему еще мерещилась грядущая победа. Накануне Курской битвы 1 июля 1943 года фельдмаршал Манштейн записал в своем дневнике слова фюрера, сказанные им во время совещания с руководством вермахта:

«Гитлер заявил, что ни о каких обещаниях отдельным советским народам во время войны не может быть и речи, так как это плохо сказалось бы на наших собственных солдатах, которые должны знать, что они воюют за жизненное пространство для своих детей и внуков».

Позднее в своих мемуарах Манштейн писал: *«Политик Гитлер был одержим идеей жизненного пространства, которое он считал себя обязанным обеспечить немецкому народу. Это жизненное пространство он мог искать только на востоке».*

О целях захвата жизненного пространства на Востоке Гитлер регулярно вещал и во время так называемых застольных бесед:

«Целью восточной политики в перспективе должно быть создание на восточном пространстве территории для расселения приблизительно ста миллионов представителей германской расы... Необходимо приложить все силы к тому, чтобы с железным упорством заселять Восток немцами миллион за миллионом... Не позднее чем через десять лет я ожидаю рапорта по колонизации уже включенных к тому времени в состав Германии или оккупированных нашими войсками восточных областей, по меньшей мере, двадцатью миллионами немцев».

Почему Гитлер начинает войну с СССР именно в 1941 году. Как следует из сохранившихся документов, Гитлер уже в период подготовки агрессии против СССР активно строил планы захвата жизненного пространства в России и его последующей германизации, но это, безусловно, являлось долговременной целью нацистов, реализация которой была рассчитана на многие десятилетия. Поэтому острой необходимости ее осуществления до окончания войны с Англией, казалось бы, у них не было.

Другое дело, что Гитлер изначально не желал войны с Великобританией, а в «Майн кампф» даже рассматривал англичан в качестве будущих союзников Германии. Возникшее же из-за Польши состояние войны с Англией для фюрера казалось лишь временным недоразумением, которое нужно было уладить мирными средствами. Об этом, в частности, говорит тот факт, что немецкое верховное командование долгое время не разрабатывало никаких планов борьбы против Британии, ни во время

странной войны, ни во время междувоенной паузы, ни сразу после победы над Францией.

Даже когда отказ Черчилля пойти на какой-либо компромисс стал явным, а его решимость продолжать войну — очевидной, Гитлер продолжал верить, что со стороны Лондона это такой же блеф, как и английские гарантии, данные Польше, и считал, что Англии придется признать свое безнадежное военное положение. Лишь 2 июля он приказал изучить вопрос о вторжении на Британские острова.

Но и после этого фюрер не желал продолжения войны с Великобританией, объясняя свою позицию ее бессмысленностью с точки зрения национальных интересов Германии:

«Обоснование: если Англия будет разбита военными средствами, Британская империя распадется. Пользы от этого Германии никакой. Пролит немецкую кровь, мы добьемся чего-то такого, что пойдет на пользу лишь Японии, Америке и другим».

Причину же упрямства Черчилля Гитлер видел в том, что Лондон якобы питал надежду на Россию. Вот что по этому поводу он говорил 13 июля 1940 года в Бергхофе во время совещания с руководством вермахта:

«Больше всего фюрера волнует вопрос, почему Англия не хочет пойти по пути к миру. Как и мы, причиной этого он считает то, что Англия еще имеет надежду на Россию».

На совещании 21 июля Гитлер вновь возвращается к этой же теме:

«Сталин кокетничает с Англией, чтобы удержать ее в состоянии войны с нами и связать нас по рукам с целью получить время, чтобы взять себе все то, что он хочет взять и чего больше взять не удастся, если наступит мир. Он будет заинтересован в том, чтобы не позволить Гер-

мании стать слишком сильной. Но никаких признаков русской активности в отношении нас нет».

Здесь особо следует оговорить, что слова Гитлера **«НО НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ РУССКОЙ АКТИВНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НАС НЕТ»** свидетельствуют о том, что фюрер изначально готовился к нападению на СССР вовсе не из желания упредить угрозу, возникшую со стороны России. Такой угрозы в июле 1940 года немецкое руководство просто не видело, что делает бессмысленными ссылки на якобы превентивный характер готовящейся против СССР военной операции.

Так что, судя по всему, с точки зрения Гитлера, кокетством Москвы по отношению к Великобритании прежде всего является тот факт, что Советы до сих пор не объявили Англии войну. Именно такого «кокетства» фюрер простить Сталину никак не мог и поэтому дал команду своим генералам заняться подготовкой войны с Россией:

«Заняться русской проблемой. Обдумывать подготовительные меры.

Фюреру доложено:

а) Сосредоточение и развертывание войск продлится 4—6 недель.

б) Разбить русские сухопутные войска или по меньшей мере захватить в свои руки такое русское пространство, какое необходимо, чтобы не допустить вражеских воздушных налетов на Берлин и Силезский промышленный район.

Желательно продвинуться так далеко, чтобы наша люфтваффе смогла разбомбить важнейшие области России».

Через две недели, 31 июля, на совещании в Бергхофе Гитлер вновь заявляет:

«Россия — это тот фактор, на который более всего ставит Англия... Но если Россия окажется разбитой, по-

следняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия».

После чего формулирует свое принципиальное решение начать войну с Советами в мае следующего года:

«Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом».

После этого совещания нацистская военная машина начала раскручивать свой маховик, и уже 5 августа начальник штаба 18-й армии генерал-майор Эрих Маркс представил в генштаб сухопутных сил первый набросок плана нападения на СССР.

Как известно, попытки Германии с помощью люфтваффе заставить Великобританию согласиться на мир так и не принесли каких-либо результатов. А Черчилль публично объявил, что Великобритания продолжит войну с фашистами даже в том случае, если немцам удастся захватить Британские острова. Поэтому Россия ни в коей мере не являлась последней надеждой Лондона.

Другое дело, что после разгрома Франции Берлин уже не мог так однозначно рассчитывать на благожелательный нейтралитет со стороны Москвы в случае начала вторжения фашистов на Британские острова и должен был считаться с возможностью того, что Красная Армия в принципе могла ударить ему в тыл. Гарантией от такого развития событий могло быть только одно: объявление Советским Союзом войны Великобритании и превращение СССР в послушного фашистского сателлита, наподобие Румынии.

Именно с этой целью во время ноябрьских переговоров Гитлер и предложил Москве поучаствовать в разделе Британской империи и получить доступ к незамерзающему и всемирно открытому Индийскому океа-

ну. При этом основным моментом дипломатической игры Берлина являлось его стремление обеспечить состояние войны между СССР и Великобританией. Однако Москва отказалась пойти на такую военно-политическую авантюру и тем самым окончательно поставила Гитлера в стратегический тупик.

Дело в том, что на момент окончания войны с Францией у Германии имелась мощная сухопутная армия, но не было флота, способного сломить английское господство на море. Для того чтобы победить Великобританию, немцам было необходимо резко сократить армию и бросить все материальные и людские резервы на строительство флота и усиление авиации.

Однако при таком варианте развития событий повисала главная внешнеполитическая цель Гитлера — завоевание жизненного пространства на востоке. Ведь демобилизовать большую часть вермахта можно было сравнительно просто, а вот восстановить армию через некоторое время, а главное, добиться ее прежней боеспособности — задача весьма непростая. К тому же, в конечном итоге, было неизвестно, как в долгосрочной перспективе на англо-германскую войну будет реагировать Москва.

Вот как эту ситуацию комментирует в своих мемуарах Манштейн:

«В затягивании этой войны скрывалась главная опасность. Никто не мог знать, как долго еще будет выжидать Советский Союз. Если бы мы встали на путь сокращения сухопутной армии и связали нашу авиацию борьбой против Англии, то Советский Союз, если бы и не вступил в войну, встал бы на путь политического шантажа».

Возможных выходов из стратегического тупика у Гитлера было два. Либо в молниеносной войне разбить СССР, ликвидировав потенциальную угрозу с востока,

после чего, как совершенно ошибочно полагал Гитлер, Великобритания должна была бы пойти на предложенные ей условия мира.

Либо, захватив Египет и тем самым лишив Англию последней крупной базы в Восточном Средиземноморье, заставить Турцию вступить в союз с Германией и, выйдя к южным границам Советского Союза, поставить под первый же удар вермахта советские нефтяные месторождения на Кавказе. Вот, например, как представлял альтернативную концепцию продолжения войны в своем докладе фюреру адмирал Редер:

«Суэцкий канал должен быть захвачен. Необходимо наступать из Суэца через Палестину и Сирию как можно дальше в направлении Турции. Если мы достигнем этого рубежа, Турция станет нашей. Тогда и русская проблема предстанет в ином свете... Сомнительно, чтобы существовала необходимость наступать на Россию с севера».

Тем не менее Гитлер предпочел «Барбароссу». Дело в том, что вариант, предлагавшийся адмиралом Редером, по крайней мере на год оттягивал начало войны с Россией. За это время Сталин мог существенно повысить боеспособность Красной Армии, а почувствовав смертельную опасность на своих южных рубежах и сговорившись с Черчиллем — начать превентивную войну против Германии и прежде всего захватить румынские нефтяные месторождения.

Вот что говорил по этому поводу фюрер на совещании 30 марта 1941 года:

«Ныне существует возможность разгромить Россию, имея свободный тыл. Эта возможность так скоро не появится вновь. Я был бы преступником перед немецким народом, если бы не воспользовался этим».

Следовательно, Гитлер считал, что, с одной стороны, в тот момент Англия не представляла для Германии

реальной опасности на суше, а значит, западные тылы рейха безопасны, а с другой — обладая полностью мобилизованной и имеющей опыт победоносной войны армией, Германия, как казалось фюреру, имела возможности быстро разгромить Россию.

Еще более четко эта причина нападения Германии на СССР именно в 1941 году была сформулирована в мемуарах Кейтеля:

«Наша сухопутная армия стояла без дела. После поражения Франции у нее не было противника в Европе, и было очевидно, что мы не могли ее держать бесконечно в состоянии мобилизации, но без употребления. Это показало фюреру исключительно благоприятным случаем для того, чтобы покончить с большевизмом».

Таким образом, причина нападения нацистов на СССР в 1941 году заключалась в попытке военного решения целого комплекса краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных задач нацистской политики.

Краткосрочная задача нацистов заключалась в попытке выхода из стратегического тупика, обусловленного отказом Англии заключить мир с Германией и наличием потенциальной угрозы вмешательства в англо-германский конфликт со стороны Москвы. Реализация краткосрочной цели осуществлялась посредством операции «Барбаросса», задачей которой было уничтожение Красной Армии, захват советской территории до линии Волга — Архангельск и создание там барьера против азиатской России.

Наиболее четко эту цель Гитлер сформулировал на совещании 30 марта 1941 года:

«Наши задачи в отношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство».

Среднесрочной задачей нацистов являлось установление оккупационного режима, экономическое освоение и ограбление оккупированной территории СССР. Основой этого этапа была утвержденная 11 июня 1941 года директива № 32. «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса», где официально была сформулирована цель оккупации:

«Освоение, охрана и экономическое использование при полном содействии вооруженных сил завоеванного пространства на Востоке».

А также так называемая Зеленая папка Геринга, содержащая директивные документы по руководству экономикой в оккупированных областях СССР, в которых, в частности, говорилось:

«Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германская военная промышленность должна получить и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях... Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена».

Долгосрочной задачей нацистов являлось освоение жизненного пространства на востоке и его германизация. основополагающие идеи в этой области были сформулированы Гитлером еще в «Майн кампф» и неоднократно подтверждались во время его публичных выступлений. Для практического претворения программы освоения жизненного пространства фюрером были учреждены имперский комиссариат по укреплению германской нации во главе с Гиммлером и рейхсминистерство оккупированных территорий, возглав-

ляемое Розенбергом. Двумя этими ведомствами разрабатывался план «Ост», определявший порядок выселения или онемечивания части коренного населения и заселения его немецкими колонистами, издавались соответствующие директивы и инструкции, проводились расстрелы, депортация населения и иные меры, направленные на радикальное снижение численности коренного населения.

Альтернативная история. Попробуем теперь рассмотреть альтернативный вариант истории. Предположим, что Англия вскоре после капитуляции Франции согласилась бы пойти на мир с Германией, выторговав при этом себе определенные гарантии и привилегии. Никакого стратегического тупика в этом случае у Германии уже не возникало бы. Давайте попытаемся ответить на вопрос: начал бы Гитлер при таком варианте развития событий планировать войну против СССР и в какие сроки такая война могла состояться?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Германия до нападения на СССР так и не приобрела «достойное» для представителей высшей расы жизненное пространство. Таким образом, так и не был выполнен высший принцип внешней политики нацистов. Трудно себе представить, что, наконец-то обеспечив себе безопасные тылы на Западе, Гитлер откажется от главной цели своей жизни.

Кроме того, для обеспечения счастливой и сытой жизни немецкого народа требовалось много продовольствия и сырья. Обладая военной силой, победившей целый континент, проще всего все это было бы забрать силой в России. Ведь взамен поставляемого сырья Сталин требовал у фюрера современные станки, новые технологии и военную технику, тем самым уси-

ливая СССР и отвлекая значительную часть немецкой экономики от нужд Германии. Уже не говоря о том, что при всем прочем не была искоренена такая чудовищная угроза будущему, какой в глазах фюрера являлся коммунизм.

Так что в альтернативном варианте истории вероятность того, что нацисты должны были бы развязать агрессию против СССР, достаточно велика.

А теперь посмотрим, в какие сроки могла бы состояться эта агрессия. Напомним, у Германии без дела стоит полностью отмобилизованная армия. Содержать такую армию в мирное время дорого и бессмысленно, а распускать ее до достижения уже намеченных политических целей абсурдно. Ведь война с Россией за жизненное пространство, продовольствие, сырье, уничтожение коммунистов и евреев рано или поздно все равно неизбежны. В 1940 году войну начинать уже поздно. Остается один срок — весна 1941 года...

Так что был бы или же не был стратегический тупик в отношениях с Англией, Гитлер все равно вынужден был бы напасть на СССР, причем напасть именно в 1941 году. Следовательно, основной целью нацистской агрессии являлось завоевание жизненного пространства в России, а остальное же было лишь сопутствующими при этом обстоятельствами.

Считал ли Сталин, что ему удастся предотвратить нацистскую агрессию против СССР? Кроме выявления виновников в развязывании нацистской агрессии против СССР, не менее актуально стоит вопрос и об ответственности советского руководства за подготовку к отражению нацистской агрессии. В этой связи возникает вопрос, а все ли сделал Сталин для того, чтобы Красная Армия была в состоянии дать достойный отпор агрессии-

ру. И прежде всего, почему, несмотря на многочисленные предупреждения разведки о готовности Германии к началу агрессии против СССР, в стране так и не была проведена мобилизация и развертывание РККА.

Конкретные действия Сталина в предвоенный период однозначно свидетельствуют о том, что он вопреки расхожим домыслам прекрасно сознавал надвигающуюся опасность нацистской агрессии и предпринимал скрытые меры по организации отпора ожидаемому немецкому нападению. Хотя одновременно и стремился сделать все, чтобы максимально оттянуть начало нацистской агрессии.

Так, например, на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 24 мая 1941 года, Сталин прямо заявил: *«Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии»*.

Кроме того, Сталин предпринял целый ряд экстренных мер для организации отпора грядущей нацистской агрессии.

Еще 8 марта Политбюро приняло постановление «О проведении учебных сборов военнообязанных запаса в 1941 году и привлечении на сборы из народного хозяйства лошадей и автотранспорта». Таким образом, под видом больших военных сборов фактически была проведена частичная мобилизация 805 тысяч военнообязанных. Так мог ли Сталин пойти на отвлечение из народного хозяйства таких колоссальных людских и материальных ресурсов, если бы он действительно считал, что СССР в 1941 году не угрожала нацистская агрессия?

В период с 13 по 22 мая из глубинных районов СССР начинается выдвижение к западной границе соединений четырех армий (16-й, 19-й, 21-й и 22-й) и готовится

выдвижение еще трех армий (20-й, 24-й и 28-й), которые должны были закончить сосредоточение к 10 июля.

12 июня Генштаб приказал командованию западных округов под видом учений начать скрытое выдвижение дивизий войск второго эшелона армий прикрытия, которые должны были к 1 июля занять районы сосредоточения в 20—80 километрах от границы. Смешно было бы утверждать, что такая колоссальная переброска войск в приграничные районы могла быть осуществлена без их личного одобрения Сталиным.

В апреле началось строительство трех фронтовых командных пунктов, а 19 июня поступил приказ о выведении к 22 июня штабов этих трех фронтов на полевые командные пункты.

Еще до начала войны, 21 июня, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации фронтов и назначениях командного состава».

И, наконец, в 22 часа 20 минут 21 июня была издана Директива НКО № 1 о приведении в боеготовность войск западных военных округов.

Все эти крупномасштабные скрытые мероприятия по организации отпора ожидаемой нацистской агрессии делались только после их одобрения Сталиным, поэтому ни о каком его неверии весной 1941 года в возможность скорого нацистского вторжения в СССР не может быть и речи.

Однако, осознав неизбежность агрессии со стороны Германии, Сталин тем не менее допускает ошибку, полагая, что Гитлер по своей собственной инициативе не может начать войну на два фронта. Из этой, изначально неверной, посылки следовал и неправильный логический вывод: коль скоро нацисты готовы бросить свои силы против СССР, то надо ожидать и скорого за-

ключения мирного договора между Лондоном и Берлином.

Разумеется, такой англо-германский мир мог бы быть построен только на антисоветской основе, а это означало, что СССР будет вынужден воевать без союзников и сразу против практически всех развитых стран мира. Выиграть эту войну СССР не мог в принципе. Именно поэтому Сталин предпринял все возможные меры для того, чтобы ни в коем случае не допустить столь негативного развития событий.

Сейчас возможность англо-германского сговора летом 1941 года, как правило, отрицается с порога, и обосновывается эта точка зрения прежде всего резко антигитлеровской позицией Черчилля, сохранявшейся на протяжении всей войны. Но это все становится ясно лишь с позиции современной исторической дистанции. Как говорится, задним умом мы все сильны. С позиции же информации, имевшейся у Сталина весной 1941 года, вероятность англо-германского сговора, безусловно, должна была оцениваться как достаточно высокая, поэтому советский лидер просто не имел права игнорировать такой вариант развития событий. Впрочем, судите сами.

6 марта посол Великобритании в Москве Криппс проводит в английском посольстве неофициальную пресс-конференцию, во время которой высказывает мнение, что Гитлер *«попытается заключить мир с Англией на следующих условиях: восстановление Франции, Бельгии и Голландии и захват СССР. Эти условия мира имеют хорошие шансы на то, чтобы они были приняты Англией, потому что как в Англии, так и в Америке имеются влиятельные группы, которые хотят видеть СССР уничтоженным, и, если положение Англии ухудшится,*

они сумеют принудить правительство принять гитлеровские условия мира».

Но этим Криппс не ограничился, и 18 апреля передал советскому правительству свой откровенно провокационный меморандум:

«Не исключена возможность, если война затянется надолго, что у Великобритании (особенно у некоторых кругов в Великобритании) возникнет соблазн закончить войну путем некоего урегулирования на основе вроде той, какую недавно вновь предлагал кое-кто в Германии, а именно: Западная Европа вернется в прежнее состояние, тогда как Германии не будут мешать расширять ее жизненное пространство на восток. Такое предложение может найти отклик и в Соединенных Штатах Америки.

В этой связи стоит напомнить, что в сохранении целостности Советского Союза британское правительство не заинтересовано (выделено мной. — Ю.Ж.) непосредственно, как в сохранении целостности Франции и некоторых других западноевропейских стран».

Через три дня после этого английское посольство вручило Вышинскому так называемое предостережение Черчилля, на которое так любят ссылаться антисталинисты, но которое после меморандума Криппса резонно воспринималось Кремлем как явно провокационная акция Лондона.

10 мая состоялся таинственный перелет в Англию заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что нацистский эмиссар прилетел на Британские острова для обсуждения условий заключения мира. Тем не менее официальный Лондон долгое время хранил по поводу «визита» Гесса глубокое молчание, зато немецкий посол в СССР Шуленбург 12 мая при встрече с Деканозо-

вым со своей стороны подтвердил возможность скорого заключения англо-германского мирного договора:

«Кроме того, по его мнению, недалеко то время, когда они (воюющие стороны) должны прийти к соглашению, и тогда прекратятся бедствия и разрушения, причиняемые городам обеих стран».

Разумеется, Сталин понимал и то, что для выхода из войны Лондону будет нужен благовидный предлог, достаточно весомый в глазах западного общественного мнения. Ведь именно общественное мнение Запада заставило Чемберлена публично отказаться от политики умиротворения, дать Польше свои гарантии, а впоследствии и объявить войну Германии, чего он так упорно не желал делать. Именно общественное мнение до сих пор и не позволяло английскому правительству принять неоднократные предложения Гитлера о заключении мира.

Скорее всего, таким предлогом могло послужить лишь обвинение Кремля в искусственном разжигании европейской войны и в неспровоцированном развязывании агрессии против Германии, а для этого Москве было достаточно начать всеобщую мобилизацию. В таком случае Форин офис мог бы заявить, что поскольку война перешла в схватку двух агрессоров, то Англия не намерена участвовать в разборках между диктаторскими режимами и согласна подписать мирный договор с Берлином на условиях готовности Германии в недалеком будущем восстановить государственную независимость Франции, Бельгии и Голландии.

Именно с учетом возможности такого развития событий Сталин сразу после нападения нацистов на Югославию 6 апреля резко меняет свою наступательную позицию по отношению к Гитлеру и провозглашает недопустимость какого-либо дальнейшего провоцирования

Германии. Естественно, эта его новая точка зрения сделала невозможным проведение в СССР всеобщей мобилизации, поскольку еще со времен Первой мировой войны объявление мобилизации приравнялось к объявлению войны.

Для вывода о скором заключении англо-германского мира у Сталина были вполне достаточные основания. Ведь, как вполне логично указывал Криппс, вероятность заключения мирного договора должна была увеличиться в случае значительного ухудшения военного положения Великобритании. А в то время положение Англии в Восточном Средиземноморье и на Балканах стремительно ухудшалось.

Еще 31 марта германские войска в Ливии перешли в наступление и к 15 апреля отбросили английские части к египетской границе, тем самым поставив под угрозу важнейшую артерию Британской империи — Суэцкий канал. 17 апреля капитулировала Югославия, а 23 апреля прекратила сопротивление и Греция, откуда английские войска были вынуждены эвакуироваться на Крит. Тем временем Германия подготовила и в конце мая провела воздушно-десантную операцию по захвату Крита, образовав важный плацдарм в Восточном Средиземноморье.

Уважаемый читатель, на минуту поставьте себя на место Сталина и попытайтесь сделать выводы на основе приведенной информации и прежде всего ответьте на вопрос: мог ли советский лидер весной 1941 года в своих расчетах пренебречь вероятностью заключения англо-германского мирного договора?

В результате в преддверии ожидаемого нацистского вторжения Сталин сознательно начал демонстрировать подчеркнута лояльную позицию по отношению к Берлину. 8 мая СССР разорвал дипломатические отноше-

ния с Югославией, а 3 июня с Грецией, 13 мая заявил об установлении дипломатических отношений с Ираком. В ходе проходивших в мае в Анкаре советско-германских консультаций по Ближнему Востоку Кремль подчеркнул готовность учитывать германские интересы в этом регионе.

Одновременно Сталин санкционировал только скрытые формы приведения РККА в боевую готовность, всячески пресекая любые действия наших генералов, которые могли бы служить основанием для обвинения СССР в подготовке агрессии против Германии. Именно этим обстоятельством и объясняется некоторая двусмысленность директивы № 1, данной нашим войскам в ночь на 22 июня. Сталину было жизненно необходимо юридически зафиксировать факт неспровоцированной нацистской агрессии и только после этого начинать ответные военные действия.

При этом в своем решении Иосиф Виссарионович опирался на явно устаревшую советскую военную доктрину, исходившую из того, что нацистская агрессия начнется с локальных приграничных сражений, а следовательно, из-за сравнительно небольшой задержки приведения армии в боевую готовность, по существовавшим в то время представлениям, не должно было возникнуть каких-либо больших потерь в приграничных частях.

Почему же произошла катастрофа начального периода Великой Отечественной войны? Ставшее уже стандартным объяснение этого факта гласит: это произошло потому, что до начала нацистской агрессии не были выполнены самые необходимые мероприятия для отпора врагу — мобилизация, сосредоточение и развертывание войск. В то время как главные силы противни-

ка оказались полностью отобилизованными, развернутыми и готовыми по первому сигналу начать вторжение.

Действительно, к началу войны войска Красной Армии оказались на положении мирного времени — в пунктах постоянной дислокации, в военных городках или летних лагерях. Вооружение и техника находились в парках, на консервации. Большинство соединений уже в ходе боевых действий и под массированными ударами авиации и артиллерии противника начали выдвигаться к госгранице навстречу его наступающим танковым группировкам, так и не успев занять назначенные оборонительные рубежи в пограничной зоне.

Все это соответствует реалиям июня 1941 года. И надо сказать, что в подобных условиях любая армия мира неизбежно потерпела бы поражение при имевшем место соотношении сил. Однако и после того как уже была проведена мобилизация вооруженных сил СССР, компенсировавшая крупнейшие людские потери первых месяцев войны, налажено массовое производство военной техники в восточных районах страны и осуществлен разгром немецких дивизий под Москвой, в 1942 году Красная Армия тем не менее вновь понесла колоссальные поражения, отступив аж до самой Волги. Так что помимо заблаговременно не проведенной мобилизации были и иные, не менее значимые причины поражений Красной Армии.

Стоит напомнить и то, что в момент начала западного блицкрига французская армия была полностью мобилизована, развернута и в соответствии с оборонительными планами сосредоточена в приграничных районах. Однако это обстоятельство никоим образом не уберегло Францию от полного разгрома.

Впрочем, с чисто военной точки зрения проведение

мобилизации в СССР, даже если бы она была начата еще в первых числах мая 1941 года, было заведомо проигрышным делом. Ведь вермахт оставался в мобилизованном состоянии еще с окончания западной кампании, поэтому в ответ на начало советской мобилизации нацисты просто значительно ускорили бы переброску своих войск на восток, поскольку в этом случае им уже не нужно было соблюдать скрытность передвижения дивизий вермахта.

Однако пропускная способность железных дорог к советской границе со стороны запада была в два-три раза выше пропускной способности дорог, ведущих к ней с востока. Так что в случае объявления всеобщей мобилизации мы все равно гарантированно отставали бы от немцев в развертывании армии не только с вполне ожидаемым печальным итогом, но еще и с клеймом агрессора.

Наконец, необходимо коснуться и вопроса о том, действительно ли Сталин готовил в 1941 году нападение на Германию. В этой связи, прежде всего, нужно отметить, что все доказательства, которые приводят сторонники этой версии предвоенной истории, носят исключительно косвенный характер. Ими до сих пор не представлено ни одного документа, который однозначно свидетельствовал бы о том, что Сталин принял такое решение, а Генштаб РККА приступил к его реализации.

Однако все реальные действия, предпринятые руководством Красной Армии в последние мирные месяцы, которые сторонниками Суворова теперь представляются как действия по подготовке советской агрессии, прекрасно могут быть объяснены в рамках стратегии скрытой подготовки к отражению ожидаемой нацистской агрессии. Хотя мифы, созданные Хрущевым о том, что

Сталин якобы не верил в возможность нацистской агрессии в 1941 году, на долгое время исключили такую достаточно очевидную интерпретацию событий.

О том, что весной 1941 года в СССР шла подготовка к обороне, а не к нападению, прежде всего свидетельствует тот факт, что семь армий, перебрасывавшихся в июне из внутренних районов СССР, сравнительно равномерно размещались вдоль наших западных границ. Если же Сталиным готовилась бы наступательная операция, то эти армии должны были концентрироваться на направлениях главных ударов. Прежде всего в районах Белостокского и Львовского выступов. Таким образом, планируемая концентрация советских войск носила не наступательный, а оборонительный характер.

Противоречит версии о планируемом Сталиным летом 1941 года нападении на Германию и целый ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР. Так, например, 3 июня Сталин санкционировал поставку в Германию во второй половине 1941 года девяти тысяч тонн цветных металлов. А на следующий день подписал постановление СНК СССР № 1468-598 СС «Об укрепленных районах», в котором, в частности, утверждались сроки формирования частей для вновь строящихся укрепленных районов:

«2. Формирование частей закончить к 1 октября 1941 года, проведя его в две очереди:

1-я очередь — на 45 000 человек к 1 июля 1941 года

2-я очередь — на 75 000 человек к 1 октября 1941 года».

Только зачем же нужно было тратить колоссальные материальные и людские резервы на окончание строительства оборонительных сооружений, если, как утверждает Резун, СССР уже через месяц собирался напасть на Германию? После чего все эти сооружения должны были бы стать абсолютно бессмысленными с военной

точки зрения. Да при этом еще к 1 октября планировать формирование соответствующих воинских частей в количестве 75 тысяч человек!

Неадекватность представлений Генштаба РККА о характере начального периода войны. Как отказ Сталина от заблаговременного проведения всеобщей мобилизации, так и целый ряд оборонительных мероприятий по подготовке СССР к ожидаемой нацистской агрессии в определенной степени основывались и на явно устаревшем положении советской военной доктрины, согласно которому война должна была начаться со сравнительно локальных приграничных сражений, во время которых и планировалось провести всеобщую мобилизацию.

Однако поскольку реальность была далека от ожидавшейся схемы развития событий, то следование явно устаревшему положению советской военной доктрины и явилось одной из основных причин, во многом определивших масштаб катастрофы 1941 года. При этом основная вина в допущенных просчетах ложится на советскую военную науку и Генеральный штаб РККА, что в своих мемуарах и был вынужден признать маршал Жуков:

«Хочу коснуться некоторых ошибок, допущенных руководством Наркомата обороны и Генерального штаба.

При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась

в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными».

В полном соответствии с этим устаревшим положением советской военной доктрины и были выстроены как военная, так и политическая стратегии подготовки СССР к войне с Германией. При этом предполагалось, что немцы начнут свое нападение ограниченными силами с приграничных сражений еще до окончания своего сосредоточения и развертывания. В это время армии прикрытия будут вести активную оборону, изматывая и обескровливая фашистов, одновременно в Советском Союзе будет проведена всеобщая мобилизация и развертывание Красной Армии:

«Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков, ни руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов».

Поскольку Генеральный штаб даже не предполагал **такого характера удара немцев**, то, разумеется, и не подготовил к нему наши армии, что имело самые негативные последствия.

Здесь нужно особо подчеркнуть, что речь идет именно о характере удара, нанесенного вермахтом, а не об ошибках наших разведанных относительно количества воинских соединений и военной техники, которые немцы могли сосредоточить у советских границ. Хотя

наша разведка существенно ошибалась в определении сил противника, но ошибалась она в сторону завышения этих сил.

Так, например, в мартовской 1941 года версии «Основ развертывания...» Генштаб строил планы развертывания РККА и ведения боевых действий исходя из того, что Германия и ее союзники развернут на Востоке 271 дивизию, 10 810 танков и 11 600 самолетов. На самом же деле 22 июня нам противостояли всего 190 дивизий, 4 477 танков и 4 739 самолетов. То есть вооруженные силы противника оказались заметно меньшими, чем те, на которые изначально рассчитывало советское военное руководство! И, несмотря на это, результат был катастрофическим.

Какие же основания были у нашего Генштаба считать, что фашисты начнут войну с локальных приграничных конфликтов? Ведь опыт предшествующих войн, проведенных фашистами, говорил об обратном! Фактически немцы изобрели и на полях сражений уже опробовали принципиально новую стратегию: бронированный танковый кулак совместно со штурмовой авиацией пробивают в слабом месте противника брешь, не втягиваясь при этом в бои, чтобы ломать оборону противника. А далее в эту брешь устремляется лавина машин.

В стратегии блицкрига нового было очень много. Никаких приграничных сражений, все развертывание осуществлялось еще до начала войны, и уже с первых часов нападения вводились в действие массы танков и авиации, перед которыми ставилась задача не столько захватывать территорию противника, сколько уничтожить войска, нарушить управление армией и страной.

А Генштаб РККА по-прежнему исходил из догмы: вначале мелкие приграничные бои, затем мобилизация и развертывание вооруженных сил, а затем уже настоя-

шие сражения. Слепое следование этой догме и явилось причиной того, что к моменту вторжения немцев Красная Армия обрекла себя на колоссальные потери.

Проблемы исполнительской дисциплины в Красной Армии. В армии, как и во всей стране, в предвоенное время широко бытовали бахвальство, показуха и всякого рода приписки, всплывшие наружу в первые же дни войны. В этой связи чрезвычайно показателен пример с вводом в строй КП Южного фронта, который в соответствии с приказом наркома НКО должен был быть полностью готов к 22 июня. Однако когда 24 июня туда прибыл командующий Южным фронтом генерал Тюленев, то он застал следующую картину:

«Вечером 24 июня специальным поездом я прибыл в Винницу. Изумлению моему и огорчению не было границ: командный пункт фронта оказался совершенно неподготовленным — ни одного телефонного и телеграфного аппарата, ни одной радиостанции.

Пришлось мобилизовать местные средства и с их помощью устанавливать связь с войсками. На это терялись драгоценные часы».

И если такое происходило на уровне командного пункта фронта, то надо ли говорить, что творилось на уровне дивизии или полка.

Еще в майской директиве Генштаба командующему ЗапОВО было приказано к 20 мая разработать детальный план обороны, для составления которого необходимо было провести рекогносцировку тыловых рубежей на всю глубину обороны вплоть до реки Березина, что особо оговаривалось в этой директиве.

Однако о необходимости проведения рекогносцировки тыловых рубежей командование округа вспом-

нило лишь при составлении июньской «Записки по плану действий войск в прикрытии на территории ЗапОВО» и назначило срок ее окончания аж на 15 июля. И только после завершения рекогносцировки предполагалось приступить к созданию противотанковых районов:

«Рекогносцировка тыловых рубежей будет проведена с 15.6 по 15.7 сего года. В основу работ будет положено создание противотанковых районов и противотанковых препятствий на путях вероятного движения мотомехчастей противника».

Таким образом, к началу войны в ЗапОВО так и не были начаты работы по созданию соответствующих противотанковых районов. Так надо ли удивляться, что немецкие танковые лавины с такой легкостью вторглись на нашу территорию.

И, заметьте, никакой вины Сталина в этом не было, но зато было преступное отсутствие исполнительской дисциплины в войсках и нежелание Генштаба контролировать выполнение своих собственных директив. И это несмотря на то, что в армии совсем недавно проводились основательные чистки, и, казалось бы, это должно было поднять ответственность за невыполнение приказов вышестоящего командования.

19 июня НКО выпустил приказ о рассредоточении и маскировке самолетов во всех приграничных округах, который дублировал аналогичный приказ НКО от 27.12.40:

«Категорически воспретить линейное и скученное расположение самолетов; рассредоточенным и замаскированным расположением самолетов обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха».

Однако оба эти приказа так и не были выполнены. В результате этого должностного преступления наших

военных фашистам в первые же часы войны и удалось уничтожить значительную часть советской военной авиации, но вину за это безобразие Хрушев свалил на Сталина. Это он-де слишком поздно отдал директиву № 1 о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность.

18 июня выходит приказ № 00229 командующего ПриОВО. В соответствии с этим приказом противовоздушная оборона округа должна была быть приведена в полную боевую готовность еще к 19 июня, а 21 июня должно было быть организовано затемнение ряда крупных прибалтийских городов. А ВЕДЬ НИКАКОГО ЗАТЕМНЕНИЯ ГОРОДОВ К НАЧАЛУ НАЦИСТСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В СССР ТАК И НЕ БЫЛО ПРОИЗВЕДЕНО.

К 20 июня должны были быть приведены в полную готовность все средства связи. Однако ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ НЕМЦЕВ СВЯЗЬ С ВОЙСКАМИ БЫЛА КРАЙНЕ НЕУСТОЙЧИВА И НЕОДНОКРАТНО ПРЕРЫВАЛАСЬ НА ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

Служба военных сообщений должна была быть готова к восстановлению возможных разрушений на железных дорогах, включая выход из строя крупных железнодорожных мостов. НО ПОСЛЕ 22 ИЮНЯ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ ВОЗНИК ПОЛНЕЙШИЙ ХАОС.

К 21 июня команды подрывников и все средства для подрыва должны были быть размещены в ближайших пунктах ото всех важнейших мостов и быть готовыми выполнить приказ по взрыву этих мостов. В РЕЗУЛЬТАТЕ В ПРИБАЛТИКЕ НЕ БЫЛ ВЗОРВАН НИ ОДИН ИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ МОСТОВ.

На всех танкоопасных направлениях до 21 июня должны были быть созданы подвижные отряды минной

противотанковой борьбы, а также стационарные танковые батареи. Тем не менее ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТАНКОВЫМ КОЛОННАМ ВЕРМАХТА ТАК И НЕ БЫЛО ОРГАНИЗОВАНО.

Еще 14 мая командующим ЗапОВО была выпущена директива командующему 3-й армией, в соответствии с которой войскам должен был быть выдан неприкосновенный комплект боезапасов, а для танковых частей предусматривалось:

«В танковых частях диски с боевыми патронами укладываются в машины; все машины должны быть постоянно заправлены горючим и маслом; вода (зимой) заливается с объявлением тревоги».

Аналогичная директива для армий КОВО была издана 11 июня. Тем не менее после 22 июня сотни советских танков так и не смогли вступить в бой из-за отсутствия горючего и снарядов.

Битва слепого со зрячим. Пожалуй, самым большим и непростительным просчетом, допущенным нашими военными в области военно-технической политики в предвоенные годы, было их пренебрежительное отношение к проблемам связи. В результате этого просчета начальный период Великой Отечественной войны более всего походил на драку слепого со зрячим.

Собственно проблемы со связью в Красной Армии начались уже в последние часы мирного времени. Вот что по этому поводу пишет в своих мемуарах Г. К. Жуков:

«Перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками, и штабы округов и армий не имели возможности быстро передавать свои распоряжения. Зброшенная немцами на нашу территорию агентура и диверсионные группы разру-

шали проволочную связь и напали на командиров. Радиосредствами, как я уже говорил, значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена».

Как явствует из журналов записи лиц, принятых Сталиным 21 июня, Тимошенко, Жуков и Буденный вышли после согласования текста директивы № 1 из кабинета Сталина в 22 часа 20 минут, за пять с половиной часов до начала войны. Только через два часа десять минут после этого Генштаб закончил передачу директивы в округа. Все это происходило еще в мирных условиях! Для сравнения скажем, что сроки приведения в готовность стрелковых дивизий по объявлению тревоги составляли в то время два часа, а тут два с лишним часа Генштабу РККА понадобилось только на то, чтобы организовать передачу в округа директивы, содержащей всего лишь 20 строк текста!

Разумеется, округа не могли сработать столь же «быстро», как это делал Генштаб. Им и трех часов не хватило, чтобы передать директиву в армии. Вот как эту ситуацию описывает в своих мемуарах бывший начальник штаба 4-й армии полковник Сандалов:

«Примерно в 2 часа ночи 22 июня прекратилась проводная связь штаба армии с округом и войсками. Связь удалось восстановить только в 3 часа 30 минут. Порыв проводов обнаружили наши связисты в Запрудах и Жабинке.

После восстановления связи командующий армией получил переданное открытым текстом по телеграфу (БОДО) приказание командующего войсками Западного особого военного округа о приведении войск в боевую готовность».

Таково было состояние связи в РККА в последние МИРНЫЕ часы! Для сравнения: на флоты, где в отличие от армии эффективно действовала радиосвязь, директива ставки дошла в 23 часа 35 минут. В журнале

боевых действий Балтийского флота записано: «23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1», а в 2 часа 40 минут все корабли и части флота были приведены в полную боевую готовность. Поэтому никто на флоте не оказался застигнутым врасплох.

Уже к середине дня 22 июня командующий 3-й армией донес командующему Западным фронтом генералу Павлову, что из имеющихся у него трех радиостанций две уже разбиты, а третья повреждена. Павлов запросил три радиостанции из Москвы. Ему пообещали прислать самолетом, но так и не прислали (до того ль, голубчик, было). Фактически с первых часов войны все усилия штаба Западного фронта сводились не к управлению войсками, а к тому, чтобы получить хоть какую-нибудь информацию о том, где руководимые им войска находятся и что они делают. Странно было бы, если бы в этой ситуации немцам не удалось разбить наши армии.

Потеря связи между ставкой и командованием фронтов была регулярным явлением на протяжении всего 1941-го и значительной части 1942 года. Вот, например, как Микоян в своих мемуарах описывает ситуацию, сложившуюся в Генштабе РККА 29 июня:

«В наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи — никто не знает».

Известны и другие случаи потери связи Генштаба с войсками, например, когда во время прорыва немецкой танковой колонны в направлении Москвы со стороны Спас-Деменска на Юхнов ставка длительное время не имела ни связи, ни данных о местоположении командных пунктов как Западного, так и Резервного фронтов.

А все дело было в том, что наш Генштаб до войны считал, что основным средством связи во время войны должна являться не радио-, а проводная связь. При этом обеспечение проводной связи Генерального штаба с фронтами и военными округами планировалось по линиям и через узлы связи Наркомата связи. Построение же общегосударственной проводной сети было осуществлено по радиальному принципу, при котором узлы и линии связи сосредоточивались в крупных промышленных и административных центрах. Отсутствовали дублирующие линии и запасные узлы связи. Воздушные линии связи проходили вдоль шоссе и железных дорог и были весьма уязвимы в условиях войны. Практически отсутствовали кабельные подземные магистрали связи. Поэтому проводная связь очень часто выводилась из строя фашистской авиацией и диверсантами.

Самое печальное заключалось в том, что радиосвязи в управлении войсками Генштабом изначально отводилась лишь вспомогательная роль. На проводимых учениях радиостанции для организации военной связи практически никогда не использовались. Считалось, что гораздо надежнее послать с пакетом связного. В результате в предвоенные годы в РККА возникло устойчивое отрицательное отношение к радиосвязи.

В своих мемуарах маршал Жуков бросил обвинение Сталину в том, что именно тот и был виновником плачевного состояния радиосвязи в РККА:

«И. В. Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной маневренной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники».

Однако с этим обвинением трудно согласиться.

Действительно, в армии была нехватка средств радиосвязи, и наша промышленность была не в состоянии быстро восполнить их в полном объеме, но даже те радиосредства, которые были в войсках, использовались там крайне неэффективно, а то и не использовались вообще. Военные просто не любили этот вид связи из-за трудностей его применения по сравнению с проводной связью.

Сталин же в предвоенные годы проявлял явную озабоченность состоянием радиосвязи в РККА. Примером тому может служить взбучка, которую он устроил военным за состояние связи в Красной Армии, на совещании по итогам советско-финляндской войны. Вот, например, какой диалог состоялся на этом совещании между Сталиным и командующим 15-й армией командармом 2-го ранга Ковалевым:

«Ковалев. Я не имел связи.

Сталин. Вы же избегали связи. ЕСТЬ РАДИО, но вы не считали нужным ответить штабу Военного совета. К 8-й армии была радиопередача, вы могли связаться через 8-ю армию. Вам посылались из Главного штаба несколько телеграмм, а вы не отвечаете, вам плевать на связь с Москвой».

Впрочем, благодушное отношение к состоянию связи в армии имело место не только на уровне командующего армией, но и на уровне руководства Управления связи РККА. Об этом свидетельствует диалог, произошедший на том же совещании между Сталиным и комиссаром Управления связи РККА Муравьевым:

«Муравьев. Товарищи, я являюсь комиссаром Управления связи Красной Армии, а в период операций с белофиннами был начальником связи 8-й армии...»

Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что в 8-й армии была устойчивая радиосвязь с

Москвой. Для этого понадобилось назначить начальником связи армии одного из руководителей Управления связи Красной Армии.

«...В условиях войны с белофиннами мы имели возможность проверить работу как войсковой связи, так и средств связи, а равно и подготовку штабов по организации управления войсками.

По оценке командования и общевойсковых начальников, войска связи в данной войне с поставленной задачей справились неплохо, и, как выражаются, «связь не подвела». Правда, здесь из выступлений пока не сказано ничего о работе связи. Во всяком случае по оценке общевойсковых командиров звена дивизии и корпуса, командования армии, насколько мы имеем сведения, связь не подводила и работа связи оценивается вполне удовлетворительно...

Сталин. Связь была везде плохой, все жалуются на фронтах на плохую связь.

Муравьев. Первый раз слышу, тов. Сталин, о том, что везде связь была плохой.

Сталин. Ни одного участка не знаю, откуда бы не было жалоб на связь. Признают проволочную связь, РАДИО-СВЯЗЬ НЕ ПРИЗНАЮТ».

Так что напрасно Жуков обвиняет Сталина в том, что тот якобы «недостаточно оценивал роль радиосредств». Как видно из приведенной стенограммы, Сталин прекрасно понимал роль радиосвязи в грядущей войне и требовал от военных, чтобы они срочно освоили этот вид связи. Следовательно, вся вина за то, что радиосвязь в войсках не признавали, полностью ложится на Генштаб РККА.

В результате в начале войны частенько происходили случаи, когда по радиации передавались сообщения примерно такого типа: для передачи оперативной инфор-

мации направляем офицера связи. Встречайте. А в ответ через некоторое время поступала радиограмма: посылный добрался благополучно, отбыл обратно.

Вот, например, как рисует Жуков типичную для того времени ситуацию:

«Командиры и штабы избегали пользоваться радиосвязью, предпочитая связь проводную. Что из этого получилось в первые дни войны — известно».

Аналогичную точку зрения можно найти и в воспоминаниях других участников войны. Например, бывший в те дни начальником штаба 4-й армии полковник Сандалов в своем анализе первых дней войны пишет:

«Командный состав и штабы всех степеней, в том числе и штаб армии, не умели управлять войсками при помощи радио и не любили этот вид связи из-за трудности его применения по сравнению с проводной связью...

Постоянно действующей радиосвязи с выше- и нижестоящими инстанциями и с соседями штаб армии не имел...

Связь приходилось осуществлять лишь подвижными средствами через офицеров связи. Получаемые данные о действиях войск и отдаваемые распоряжения быстро старели ввиду резких изменений обстановки».

Отсутствие объективной оперативной информации и как следствие этого слабая управляемость армиями и невозможность добиться оперативного взаимодействия различных родов войск приводили к тому, что немцы имели возможность безнаказанно сосредоточить ударные группировки на определенных направлениях и прорывать нашу оборону в нужном для них месте. А это неизбежно приводило к тому, что наши силы дробились, окружались и по частям уничтожались.

Но в особенности крайне негативно отсутствие радиосвязи сказалось на боеспособности наших военно-

воздушных и танковых войск. Тотальная радиофикация немецких самолетов позволяла люфтваффе добиться превосходства в любом избранном для этого месте и сконцентрировать их ударную силу там, где это было надо, и тогда, когда было надо. После того как немцы завоевали безусловное превосходство в небе, наши мехкорпуса стали чрезвычайно уязвимыми и разгром наших передовых частей стал практически неизбежным.

Только после того, как в том числе с помощью западных союзников Красную Армию удалось оснастить хотя бы минимально необходимым количеством средств радиосвязи, а в войсках удалось преодолеть синдром неприятия радио, ситуация с управляемостью армией и оперативным взаимодействием различных родов войск стала налаживаться.

Это обстоятельство не осталось незамеченным и фашистами. В своей монографии «Сталинские соколы. Анализ действий советской авиации в 1941—1945 годах» немецкий генерал Вальтер Швабедиссен на основе отчетов о боевых действиях и документов верховного командования люфтваффе, содержавших обобщение докладов и сообщений, полученных в Берлине от строевых командиров немецких частей, приходит к выводу:

«Наиболее значительный прогресс наблюдался в области радиосвязи. По сравнению с 1941 г. радиообмен между самолетами и наземными станциями существенно улучшился. Например, в мае 1943 г. в Кубанском воздушном сражении все русские истребители были снабжены радиостанциями. Советские истребители и штурмовики постоянно и систематически получали радиоинформацию с наземных станций, расположенных на направлениях главного удара наземных войск. Такие сообщения помогали истребителям лучше ориентироваться в возду-

хе, а штурмовикам и бомбардировщикам получать свежую информацию о координатах цели и появлении немецких истребителей...

С весны 1944 г. русские стали использовать радары для обнаружения немецких самолетов и наведения своих истребителей на цель».

Война перестала походить на драку слепого со зрячим. Красная Армия стала драться с фашистами на равных.

Проблемы боевой подготовки Красной Армии. Основной проблемой армии в предвоенные годы был ее чрезвычайно интенсивный рост. Численность командного состава РККА в 1938 году составляла около 150 тысяч человек, а к лету 1941 года увеличилась почти в четыре раза — до 580 тысяч. По состоянию на 1 января 1938 года РККА имела 128 танковых батальонов, а к началу войны их число достигает 643.

В связи с быстрым ростом численности вооруженных сил, широким размахом организационного строительства, а также повышением удельного веса технических и специальных родов войск наиболее острым вопросом в предвоенные годы стала проблема подготовки военных кадров, и прежде всего младшего и среднего комсостава, которые военные учебные заведения не успевали поставлять в нужном количестве.

Отсюда ускоренная и зачастую некачественная подготовка офицерского корпуса. Достаточно сказать, что перед войной только около 20 процентов военных летчиков были подготовлены и допущены к полетам в ночное время. Остальным летчикам ночные полеты были строжайше запрещены в связи с очень высоким процентом аварийности.

Тем не менее к 1941 году вчерне был уже построен

каркас РККА. Начали складываться традиции оперативной и боевой подготовки, обогащенной опытом конфликтов 1939—1940 годов. Произошло осознание необходимости дальнейшей реорганизации армии и введения новых современных видов оружия. Красной Армии надо было получить еще хотя бы несколько лет относительно спокойного развития, плановой боевой учебы, терпеливого воспитания и выращивания элиты армии, крепких средних и младших командиров, сержантского состава. Но доучиваться пришлось уже в ходе сражений, оплачивая науку большой кровью.

Как политическое, так и военное руководство СССР, готовясь к войне с Германией, усиленно добивалось количественного превосходства над Германией, особенно в танках и самолетах, однако при этом оно слишком поздно осознало факт существенного отставания Красной Армии от вермахта в боевой выучке войск.

А боевая выучка войск РККА в предвоенные годы находилась на весьма низком уровне. Причиной тому являлось отсутствие укоренившихся армейских традиций, безалаберность и разгильдяйство, маскируемые очковтирательством и победными рапортами в адрес вышестоящих инстанций.

Частично проблема низкой боеспособности РККА была вскрыта лишь по окончании финской войны, когда в мае 1940 года был снят со своей должности нарком обороны Ворошилов и на его место назначен Тимошенко.

Так, например, в приказе НКО № 120 от 16 мая 1940 года констатировалось:

«Пехота вышла на войну наименее подготовленной из всех родов войск: она не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем

станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии».

Одним из результатов замены наркома обороны явился «Акт приема наркомата обороны СССР С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова». В окончательном виде этот акт был подготовлен и передан руководству страны только в декабре 1940 года, когда до нападения фашистов оставалось всего полгода, и существенно улучшить состояние боеготовности РККА было уже невозможно.

А из текста «Акта...» вырисовывалась более чем неприглядная картина состояния основных родов войск Красной Армии:

«Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки... Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота — взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава...

Противовоздушная оборона войск и охраняемых пунктов находится в состоянии полной запущенности. Существующее состояние ПВО не отвечает современным требованиям...

Летно-технический состав недостаточно подготовлен в бомбометании, в полетах в сложных метеорологических условиях и в стрельбе.

Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания им материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы».

Так стоит ли удивляться тому, что уже в первые дни войны немцам удалось добиться превосходства в воздухе.

Большие недостатки имелись в подготовке артиллеристов, плохо обстояло дело с управлением огнем и со стрельбой по движущимся целям. Так, например, в приказе НКО «О результатах проверки развертывания боевой подготовки артиллерии в 1940/1941 учебном году» № 059 от 14 февраля 1941 года давалась следующая оценка квалификации командного состава артиллерийских подразделений ряда военных округов:

«Проверка стрелково-артиллерийской подготовки командного состава на имитационных средствах показала следующие результаты.

ПриБОВО — по наземной артиллерии проверялся командный состав четырех артиллерийских полков, из них все получили плохую оценку; по зенитной артиллерии проверены один полк и пять дивизионов, все получили плохую оценку.

ЗапОВО — по наземной артиллерии проверялся командный состав пяти артиллерийских полков, из них четыре получили плохую оценку и только один посредственную.

ОдВО — по наземной артиллерии проверялся командный состав трех артиллерийских полков, из них один получил плохую и два посредственную оценку; по зенитной артиллерии проверены один полк и пять дивизионов, из них только два дивизиона получили посредственную оценку, остальные плохую».

Далее вновь цитируем текст «Акта...»:

«Руководство организацией тыла и тыловой подготовкой начальствующего состава и тыловых учреждений слабое. Территории, отошедшие к СССР в 1939/1940 гг., в отношении устройства тыла не подготовлены...

Войска исключительно слабо обеспечены тарой под горячее на военное время. Транспортировка горючего с баз снабжения в места потребления крайне затруднена из-за

недостатка тары и средств перевозки и заправки. Вероятные театры военных действий не имеют в достаточном количестве баз горючего, особенно для авиации».

Транспортировка горючего так и не была налажена вплоть до начала войны. В результате значительное количество танков и самолетов фактически не смогло принять участие в боях с немцами и было захвачено ими в исправном состоянии. А о необходимости организации тыла в Западной Украине и в Западной Белоруссии в Генштабе РККА всерьез вспомнили только в мае 1941 года.

Ну, а если говорить о взаимодействии различных родов войск, то тут и конь не валялся:

«Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него, артиллерия не умеет поддерживать танки, авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками...

В войсках не отработано управление огнем. Войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек... В использовании танковых частей организация взаимодействия с другими родами войск в достаточной степени не отработана».

Нужно ли говорить, что именно чрезвычайно слабое взаимодействие пехоты, артиллерии, бронетанковых сил и авиации явилось причиной того, что, обладая значительным преимуществом в количестве танков и авиации, Красная Армия в первые месяцы войны не могла противостоять ударной мощи вермахта.

Причину такого плачевного состояния Красной Армии авторы «Акта...» совершенно справедливо видели в неправильной системе обучения и воспитания войск:

«В боевой подготовке войск допускается много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий. Широкое применение системы условностей в обучении и воспитании войск создало в войсках неправильное представление о суровой действительности войны.

Войска мало обучаются в поле практическому выполнению всего необходимого для боя. Недостаточно воспитывается и прививается выносливость, физическая закалка и стремление выполнить приказ беспрекословно, точно и быстро, несмотря ни на какие трудности и преодолевая их».

Как это ни печально, но на учебе и боевой подготовке войск в предвоенные годы НКО экономил сверх всякой меры. Войскам не разрешалось проводить боевую учебу экипажей на новых типах танков и самолетов, жестко лимитировались горючее и снаряды. В результате многие летчики встретили войну, имея налет на боевых машинах всего несколько часов. В обучении и боевой подготовке явно преобладали теоретические занятия над практикой.

Причиной такого неудовлетворительного состояния боевой подготовки нашей армии явились грубейшие ошибки, допущенные в 1930—1938 годах наркоматом обороны по заблаговременной подготовке достаточного количества командных кадров и технических специалистов, необходимого для обеспечения многократного увеличения Вооруженных Сил непосредственно перед войной.

Достаточно сказать, что «План развития и реорганизации РККА в 1938—1942 годах» 1937 года предусматривал увеличение армии мирного времени с 1,6 миллиона человек на 1 января 1938 года всего до 1,8 мил-

лиона человек к 1 января 1943 года. Тогда как уже к концу 1940 года списочная численность Красной Армии достигла 3,5 миллиона человек. Именно поэтому авральные меры по подготовке военных кадров, принятые советским правительством в 1939—1941 годах, уже не могли выправить сложившегося на тот момент положения. Именно поэтому удельный вес командного состава РККА с высшим военным образованием в 1941 году снизился по сравнению с 1937 годом почти в 2 раза.

Причина значительно отставания Красной Армии от вермахта в боеспособности состояла вовсе не в том, что РККА была хуже вооружена. По числу танков и самолетов она превосходила немецкие войска. Однако боеспособность армии определяется не только количеством дивизий, пушек, танков, самолетов, но и умением воинских подразделений использовать их в боевых условиях. А вот боевая выучка солдат и офицеров Красной Армии существенно уступала выучке военнослужащих немецко-фашистских войск.

Поэтому вне зависимости от того, как бы началась война, успела бы РККА провести мобилизацию и развертывание до начала немецкого нападения на СССР или нет, или же Советский Союз сам первым нанес бы превентивный удар по Германии — соотношение боеспособности вермахта и РККА в середине 1941 года было таково, что поражения Красной Армии на первом этапе войны были практически неизбежными.

Истоки наших поражений. Красная Армия в начальный период войны потерпела целый ряд сокрушительных поражений, прежде всего потому, что немцы умели лучше воевать. Дело в том, что боевое мастерство генералов и офицеров, выучка и боевой дух армии не могут

появиться сами по себе. Все это является результатом длительного процесса формирования национальной военной школы.

Однако к началу двадцатого столетия в силу целого ряда обстоятельств уровень мастерства русской военной школы сильно снизился. Во время Русско-японской войны царское военное командование во всей красе продемонстрировало свою профессиональную несостоятельность.

Во время Первой мировой войны Россия, имея полутора-двукратное численное превосходство над Германией и ее союзниками, умудрилась отдать немцам значительные территории Российской империи. А для того чтобы понять уровень российского Генштаба того времени, достаточно вспомнить историю гибели армии генерала Самсонова.

Хотя в ходе мировой войны русские офицеры и генералы получили немалую практику и из их среды стали выделяться наиболее талантливые военачальники, тем не менее русская военная школа, даже на тот момент времени, по-прежнему уступала немецкой. Еще более эту ситуацию усугубила Гражданская война. В результате значительная часть кадрового русского офицерства погибла в мясорубке Первой мировой войны, на полях братоубийственной бойни либо эмигрировала из России. Естественно, что все это не могло не сказаться отрицательно на развитии военного искусства в СССР.

Для того чтобы победить в будущей войне, Советский Союз должен был создать мощную тяжелую индустрию, а после Гражданской войны множество заводов и фабрик было разрушено и не работало. Часть рабочих из-за голода уехала из городов в деревни, а значительное число инженерно-технических служащих эмигри-

ровало из страны, что еще более усилило дефицит квалифицированных кадров. В СССР необходимо было срочно решить острейшую проблему, оставшуюся от царской России: ликвидировать избыток сельского населения и обеспечить приток рабочих рук в промышленность.

Нарождающейся тяжелой и, в частности, военной промышленности требовались десятки миллионов грамотных рабочих и инженерно-технических кадров. Эту кадровую проблему можно было решить только за счет раскрестьянивания деревни. В более развитых странах раскрестьянивание осуществлялось в течение многих десятилетий и даже столетий, но в силу определенных исторических причин в царской России основная масса населения продолжала жить в деревнях. Доля городского населения России к 1913 году составляла всего 18%, а после Гражданской войны она снизилась до 13%. Для сравнения: в Англии уже к началу XX века 70% населения жило в городах, во Франции — 40%, в Германии — 30%.

Для того чтобы провести индустриализацию страны и построить экономику, способную в военных условиях противостоять внешней агрессии, было необходимо довести численность городского населения по крайней мере до уровня 30—40%. Иного России было не дано, причем разрешить эту проблему было необходимо в считанные годы.

Эта задача была блестяще решена в ходе триады сталинских реформ: коллективизация высвободила миллионы крестьян от непроизводительного ручного труда, индустриализация дала рабочие места для хлынувших в города масс вчерашних крестьян, а культурная революция позволила резко повысить образовательный и профессиональный уровень населения. И вчерашние

безграмотные крестьяне встали у современных станков, а часть из них, закончив техникумы, институты и академии, возглавили тысячи построенных заводов, НИИ и КБ, стали офицерами и генералами Красной Армии.

Все это было сделано за каких-то десять — пятнадцать лет, и результат был достигнут поистине фантастический. Однако чудес на свете не бывает. Мастерство рабочего, инженера, ученого, военного шлифуется десятилетиями и передается от поколения к поколению. В России же связь поколений во время революции разорвалась. Страна после 1917 года во многом строилась с чистого листа. И ошибки в этих условиях были просто неизбежны.

Причем ошибки эти были неизбежны практически на любом уровне. Взятые от сохи рабочие из-за недостаточности культуры производства выпускали низкосортную продукцию, а порой и приводили в негодность современные станки и оборудование, на которых они трудились. Инженеры и конструкторы, по крайней мере на первых порах, слепо копировали далеко не лучшие западные образцы. Руководство страны задавало нереальные планы для промышленности и строительства, создавая искусственные экономические диспропорции. Это были ошибки чрезмерно интенсивного роста, и они, естественно, затронули и оборонные производства, и военную науку, и деятельность Генштаба.

Выводы. Трагедия начального периода Великой Отечественной войны не может быть объяснена только какой-то одной причиной, по своей природе она многофакторна и имеет глубокую предысторию. Ее истоки были обусловлены прежде всего тем культурно-истори-

ческим разрывом, который привнесли в отечественную историю Февральская и Октябрьская революции и последовавшая вслед за ними братоубийственная Гражданская война.

В целом же можно выделить четыре основные группы факторов, сочетание которых и привело к катастрофическим поражениям Красной Армии в 1941 году.

Во-первых, Советский Союз был поставлен в условия, при которых в силу ряда как политических, так и военно-технических причин было невозможно заблаговременно провести всеобщую мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на наших западных границах. В то время как главные силы вермахта оставались полностью отмобилизованными еще со времен окончания западной кампании 1940 года.

Во-вторых, советская военная наука и Генеральный штаб РККА придерживались явно устаревшей военной доктрины, согласно которой война с Германией должна была начаться со сравнительно небольших приграничных сражений. В результате Красная Армия в принципе не была подготовлена к внезапному переходу в наступление в первые же часы войны сразу всех имеющихся и заранее развернутых на важнейших стратегических направлениях сил противника.

В-третьих, грубые ошибки, допущенные наркоматом обороны и Генштабом при планировании военно-технической политики, привели к тому, что в начале войны в РККА не существовало надежной оперативной связи между войсковыми частями всех уровней и их штабами. Поэтому мы часто проигрывали немцам из-за дефицита объективной оперативной информации о ходе боев, слабой управляемости войсками и отсутствия координации между действиями различных родов вооруженных сил.

В-четвертых, резкий рост численности Красной Армии, проведенный в последние два-три года до начала войны, привел к дефициту среднего и младшего командного состава, к ухудшению и без того слабой боевой подготовки как офицерского, так и рядового состава. Причиной тому являлось отсутствие укоренившихся армейских традиций, безалаберность и разгильдяйство, частенько маскируемые очковтирательством и победными реляциями в адрес вышестоящих инстанций.

Конечно, страна училась на своих ошибках. И без шишек тут обойтись было невозможно. Но, к сожалению, история дала Советской России слишком мало времени для учебы, и за свои ошибки мы были вынуждены заплатить очень высокую цену.

ПРИМИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ КАТАСТРОФЫ

«Все просрали!» — так часто в сердцах определяют события лета 1941 г. Иногда даже приписывают эту фразу самому Сталину. Якобы вождь посетовал об утрате таким незатейливым способом страны, оставленной Ильичом. Впрочем, от версии про Сталина, жалеющего о потере наследия обитателя мавзолея, чересчур отчетливо несет кукурузными початками, чтобы воспринимать ее всерьез. Речь, скорее, идет о материализации общественных настроений через легенды о крылатых фразах руководителя страны. Однако эмоции и крепкие словечки к делу не подошьешь. Если формализовать тезис, скрывающийся в хлесткой идиоме, то его можно сформулировать следующим образом: «Имеющиеся материальные и людские ресурсы были использованы с недопустимо низкой результативностью».

Общественный интерес к событиям 1941 г. с этой точки зрения носит отнюдь не праздный характер. Государство (читай общество) затратило значительные средства на строительство вооруженных сил, но с трудом построенная армия была разгромлена. Соответственно люди искали причины катастрофы, чтобы избежать повторения в будущем.

Большая стратегия

Для понимания причин катастрофического развития ситуации имеет смысл рассмотреть штатный сценарий. Под штатным сценарием подразумевается разви-

тие событий в той последовательности, которая в наилучшей степени устраивала Красную армию в плане достижения наивысшей готовности к войне.

Разработчиком документов советского военного планирования являлся начальник Генерального штаба Красной армии. Соответственно руководителями оперативных разработок были последовательно Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников (до августа 1940 г.), затем — генерал армии К. А. Мерецков (до февраля 1941 г.), а в последующем — генерал армии Г. К. Жуков. Непосредственными исполнителями были генерал-майор А. М. Василевский (северное, северо-западное и западное направления), генерал-майор А. Ф. Анисов (юго-западное и южное направления), а также генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Документы такой важности и секретности в СССР писались от руки на бланках «Народный комиссар обороны СССР».

Заголовок у советских военных планов 1940 года был «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». Результат размышления Б. М. Шапошникова над новым профилем границы был отражен в документе, датированном 19 августа 1940 г. По мнению Бориса Михайловича, следовало построить планирование вокруг следующих тезисов: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья. На Юге — активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии. Основной задачей наших войск является — нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе

Варшавы: вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород. Люблин, Грубешов, Томашев»¹. Фактически основной идеей плана является воспроизведение действий русской армии 1914 года, штурм цитадели Восточной Пруссии ударами с северо-запада и в обход Мазурских озер.

Однако руководство Генерального штаба меняется, и соответствующие изменения претерпевают советские военные планы. К.А.Мерецков к тому моменту уже имел печальный опыт штурма «Линии Маннергейма» зимой 1939/40 года, и перспектива взламывать куда более совершенные укрепления немцев в Восточной Пруссии его явно не прельщала. Ось советского военного планирования стала смещаться на юг. Следующий вариант плана появляется 18 сентября 1940 г. Основные задачи войск обрисованы в нем следующими словами: «Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней. Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны, в условиях же мирного времени считаю необходи-

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн.1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 185.

мым иметь разработанными оба варианта»¹. Всего в составе Юго-Западного фронта по «южному» варианту развертывания предполагалось иметь «70 стр[елковых] дивизий; 9 танковых дивизий; 4 мотострел[ковых] дивизии; 7 кавалерийских дивизий; 5 танковых бригад; 81 полк авиации»². В составе Западного и Северо-Западного, соответственно, «55 стрел[ковых] дивизий; 7 танковых дивизий; 3 мотострел[ковых] дивизии; 3 кавалерийских дивизии; 6 танковых бригад; 1 авиадесантная бригада; 59 полков авиации»³. В сентябре 1940 года еще наблюдается дуализм, попытка составить два плана. Один вариант должен был развить идеи Б.М.Шапошникова, второй же придавал первой операции советских войск принципиально иную форму, смещая центр сосредоточения на территорию Украины.

Зацикливание на 1941 г. приводит к тому, что люди иной раз не желают видеть событий и документов ни до, ни после 1941 г. Ритуальные пляски вокруг неподписанных «Соображений ...» от 15 мая 1941 г. во многом бессмысленны. Документ от 15 мая 1941 г. действительно не подписан, но он лишь является версией «Соображений...» 1940 г. Поэтому об общих тенденциях в советском военном планировании можно говорить вполне уверенно. Советские планы первой операции носили наступательный характер и предусматривали разгром угрожающего СССР противника собственным наступлением.

5 октября 1940 г. у И.В.Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали К.Е.Ворошилов,

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн.1, М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 241.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 243.

С.К.Тимошенко, В.М.Молотов и К.А. Мерецков. Темой совещания был доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке в 1940—1941 гг.». В ходе обсуждения Генеральному штабу в лице К.А.Мерецкова было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. 14 октября 1940 года доработанный «южный» вариант плана был утвержден в качестве основного. Одновременно было решено продолжить работу и над «северным» вариантом. Но интерес к мучительному «прогрызанию» укреплений в Восточной Пруссии явно пошел на убыль. Сроком готовности обоих планов было назначено 1 мая 1941 г.

Детализирует план, разработанный А.М.Василевским под руководством К.А.Мерецкова, разработка М.А.Пуркаева, датируемая декабрем 1940 года. Этот документ известен как «Записка начальника штаба КОВО по решению военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год». Записка Пуркаева интересна тем, что это один из немногих опубликованных источников, дающий информацию о задачах отдельных армий. Общая задача Юго-Западного фронта выглядит так: «Ближайшая стратегическая задача — разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача — во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить про-

тивника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлениях: на Кельце, Петроков и на Краков»¹. Задачу предполагалось решить силами семи армий. Группировка, сосредотачиваемая против Южной Польши, должна была нанести удары в излюбленной немцами форме: наступление флангов по сходящимся направлениям с обороняющимся центром.

Однако выполнение плана первой операции не могло начаться в произвольный момент. То есть Сталин не мог в один прекрасный день встать не с той ноги, поднять трубку и позвонить начальнику Генерального штаба Красной армии: «Я решил поверить Рамзаю, давайте зададим немцам жару». От момента принятия политического решения до начала выполнения плана первой операции требовался подготовительный период продолжительностью несколько недель. Согласно записке М.А.Пуркаева первые дни войны должны были выглядеть так:

«1-й этап — оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы. Задача — не допустить вторжения противника на советскую территорию, а вторгнувшегося уничтожить и обеспечить сосредоточение и развертывание армий фронта для наступления.

[...]

Главные силы армии **сосредоточиваются до 27-го дня мобилизации** за линией Ковель, Луцк, р. Стырь, Броды, Львов, Грудск Ягельонский, Самбор, Дрогобыч, Стрый, Станислав и далее по р. Днестр»².

В условиях войны с решительными целями государ-

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 492.

² Там же. С. 493. (Выделено мной. — *Авт.*).

ства мобилизуют максимально возможное количество людей в армию. Постоянно их держать под ружьем невозможно — кто тогда будет работать, растить хлеб и строить дома. Изъятие рабочих рук из экономики возможно только на сравнительно короткий промежуток времени. Поэтому в мирное время армия содержится в сокращенном составе. Предварительное обучение потенциальных солдат проводится в ходе военной службы, после которой они увольняются в запас и трудятся на благо страны в далеких от военного дела сферах. В случае возникновения конфликта запасники призываются и наполняют ряды содержащихся в сокращенном составе дивизий. Понятно, что запасники распределены по стране пропорционально плотности населения, а не сконцентрированы в приграничных областях. Поэтому местом постоянной дислокации дивизий и корпусов в мирное время являются внутренние округа. Для создания у границ способной сделать что-то полезное группировки требовалось призвать запасников, погрузить дивизии в эшелоны и протолкнуть их по железнодорожной сети на запад. Помимо призывников дивизии при переходе на штаты военного времени получали автомашины, лошадей и трактора. В крайнем случае протолкнуть в эшелонах в приграничные округа можно было содержащиеся по штатам мирного времени дивизии.

Сколь-нибудь активные задачи на этапе сбора сил со всей страны в западных округах по советским планам получала только авиация. Вот как это описывал Пуркаев: «Воздушные силы ЮЗФ решают следующие основные задачи:

1. В тесном взаимодействии с наземными войсками уничтожают живую силу наступающего пр[отивни]ка, массируя удары на главных направлениях.

2. Последовательными ударами по установленным базам и аэродромам, а также боевыми действиями в воздухе уничтожают авиацию противника.

3. Истребительной авиацией прикрывают сосредоточение, развертывание и действия армий фронта.

[...]

6. Мощными ударами по железнодорожным узлам: Краков, Кельце, Калиш, Крейцбург, Ченстохов, Бреслау, Ратибор, Брно, Оппельн нарушить и задержать сосредоточение немецких войск»¹.

Как прямым текстом указывается в записке, сосредоточение основных сил может быть произведено к 27-му дню мобилизации. Условно это можно назвать «нажатием красной кнопки». То есть после нажатия красной кнопки в Москве начинается процесс, который займет почти месяц, и лишь после этого будет собран плановый наряд сил. Только после этого можно было приступать к выполнению следующего пункта записки Пуркаева: «**2-й этап операции** — наступление. Задача — ближайшая задача фронта. Глубина — 120—130 км. Начало наступления с утра 30-го дня мобилизации. Средний темп продвижения — 12—13 км».

Таким образом, идеальный (точнее, плановый) сценарий вступления СССР в войну с Германией выглядел следующим образом. В период нарастания политической напряженности в отношениях с соседом войска приграничных округов постепенно усиливаются. В определенный момент, когда сохранять приготовления в тайне становится уже невозможным, нажимают «красную кнопку» и открыто объявляют мобилизацию. При этом обе стороны еще находятся в состоянии, когда

¹ 1941 год: В 2кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 493..

ударные группировки у границы с соседом не сформированы. В приложении к реальным событиям 1941 г. это означает объявление мобилизации примерно 10 июня. Соответственно до завершения сбора сил у границы стороны будут подвозить войска к границе, обмениваться авиаударами и совершать мелкие вылазки на территорию противника. Кто первым закончит формирование ударных группировок — тот первым перейдет в наступление.

Теперь мы вплотную подходим к вопросу о том, почему случилось страшное. Для понимания этого нужно посмотреть в описании второго этапа в записке Пуркаева наряд сил и их распределение по армиям. Вот как должна была выглядеть группировка войск Юго-Западного фронта перед началом первой операции (дается в сокращенном составе, без арtpолков, УРов и авиации, перечисление с севера на юг):

«5-я армия. Состав: четыре управления ск; двенадцать стр[елковых] дивизий; одно управление мк; две танковых дивизии; одна мотострелковая дивизия; одна моторизованная бригада; три отдельных танковых бригады;

19-я армия. Состав: два управления стр[елковых] корпусов; семь стрелковых дивизий; две моторизованных бригады; одна отдельн[ая] танковая бригада;

6-я армия. Состав: пять управлений стр[елковых] корпусов; пятнадцать стр[елковых] дивизий; три танковые бригады; одна моторизованная бригада;

26-я армия. Состав: пять управлений стр[елковых] корпусов; одно управление мех[анизированного] корпуса; пятнадцать стрелковых дивизий; две танковые дивизии; одна мотострелк[овая] дивизия; три танковых бригады;

12-я армия. Состав: упр[авлений] стр[елковых] кор-

пусов — четыре; стрелковых дивизий — одиннадцать; танковых дивизий — одна; управлений кав[алерийских] корп[усов] — одно; кавал[ерийских] дивизий — две.

18-я армия. Состав: два управления стр[елковых] корпусов; шесть стрелковых дивизий; одна танковая бригада; одна моторизованная бригада;

9-я армия в составе: два управления стрелк[овых] корпусов; восемь стрелковых дивизий; три кавалерийских дивизии; две танковые бригады; одна моторизованная бригада».

Поскольку записка писалась в декабре 1940 г., до формирования 30 механизированных корпусов, в ней присутствуют танковые и моторизованные бригады. Понятно, что в период от декабря до июня 1941 г. планы менялись, перераспределялись роли между армиями. Последний плановый наряд сил по предвоенным планам дает нам записка Ватутина от 13 июня:

«III. Распределение сил по армиям на Западном и Юго-Западном фронтах

Западный фронт:

3А — 8 дивизий, из них: сд — 5, тд — 2, мд — 1;

10А — сд — 5;

13А — 11 дивизий, из них: сд — 6, тд — 2, мд — 1, кд — 2;

4А — 12 дивизий, из них: сд — 6, тд — 4, мд — 2;

резерв фронта — 8 дивизий, из них: сд — 2, тд — 4, мд — 2.

Юго-Западный фронт:

5А — 15 дивизий, из них: сд — 9, тд — 4, мд — 2;

20А — сд — 7;

6А — 16 дивизий, из них: сд — 10, тд — 4, мд — 2;

26А — 15 дивизий, из них: сд — 9, тд — 4, мд — 2;

21А — 13 дивизий, из них: сд — 8, тд — 2, сд — 1, кд — 2;

12А — сд — 4;

18А — 8 дивизий, из них: сд — 5, тд — 2, мд — 1;

9А — 12 дивизий, из них: сд — 4, тд — 2, мд — 1;

резерв фронта — 7 дивизий, из них: сд — 4, тд — 2, мд — 1»¹.

Если мы посмотрим на группировку советских войск Юго-Западного фронта на 22 июня 1941 г., то увидим в ней мало общего с нарядом сил на первую операцию по запискам Пуркаева и Ватутина. Во-первых, в построении войск фронта вообще отсутствуют и 19-я армия (записка Пуркаева), и 20-я и 21-я армии (записка Ватутина). 19, 20 и 21-я армии находились на 22 июня довольно далеко (более 300 км) от границы. Количество войск в подчинении имеющихся армейских управлений на 22 июня 1941 г. также существенно отличается от планового. В подчинении штаба 5-й армии было пять стрелковых дивизий (45, 62, 87, 124 и 135-я), в подчинении 6-й армии — три стрелковые дивизии (41, 97 и 159-я), в подчинении 26-й армии — три стрелковые дивизии (72, 99 и 173-я), в подчинении 12-й армии — шесть стрелковых дивизий (вскоре часть из них будет передана 18-й армии). Разница, прямо скажем, в разы относительно планового наряда сил на первую операцию.

Немецкие войска, напротив, были плотно построены вдоль советской границы. Немецкая армия была полностью отобилизована и по хорошей европейской дорожной сети переброшена к границе с СССР. Поэтому удары немецких танковых и пехотных корпусов бы-

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн.2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 361.

ли для растянутых в нитку советских дивизий просто сокрушительными. Фронт неудержимо покатился на восток. Причем кризисная обстановка сложилась не только на направлениях ударов немецких танковых групп, но и на направлениях наступления полевых армий немцев. Наступление пехотных соединений 17-й армии на Львов заставило командование советской 6-й армии подпирать фронт трех своих стрелковых соединений дивизиями 4-го механизированного корпуса. Поэтому сильнейший механизированный корпус Юго-Западного фронта фактически не принимал участия в танковом сражении в районе Дубно.

Что же произошло? Была слишком поздно нажата «красная кнопка», запускавшая процесс сбора сил для первой операции. Наряд сил на первую операцию состоял из трех групп:

1) Армии и подчиненные им соединения, постоянно находившиеся у границы.

2) Стрелковые корпуса, постоянно дислоцированные в глубине территории особого (приграничного) округа.

3) Армии внутренних округов.

Немцев фактически встретила завеса из пункта 1). Пункты 2) и 3) требовали от нескольких дней до нескольких недель на доставку из глубины округа или же из внутреннего военного округа. Красная армия получила удар полностью собранных ударных группировок вермахта на этапе сосредоточения сил. Причем задача собираемых из внутренних округов и из глубины особых округов соединений могла быть какой угодно. Для построения по периметру львовского и белостокского выступов обороны на манер Курской дуги также требовались силы, далеко превосходившие имевшиеся в наличии на 22 июня 1941 г.

Выдвижение главных сил на запад было начато только в середине июня 1941 г., когда данные о готовящемся германском нападении стали почти бесспорными. Только 13 июня 1941 г. руководство Киевского особого военного округа получило директиву наркома обороны и начальника Генштаба Красной армии на выдвижение «глубинных» стрелковых корпусов ближе к границе. Началось выдвижение «глубинных» соединений округа 17—18 июня. Сроки выдвижения и пункты назначения корпусов были определены следующим образом: «31-й стрелковый корпус из района Коростеня к утру 28 июня должен был подойти к границе вблизи Ковеля. Штабу корпуса до 22 июня надлежало оставаться на месте; 36-й стрелковый корпус должен был занять приграничный район Дубно, Козин, Кременец к утру 27 июня; 37-му стрелковому корпусу уже к утру 25 июня нужно было сосредоточиться в районе Перемышляны, Брезжаны, Дунаев; 55-му стрелковому корпусу (без одной дивизии, остававшейся на месте) предписывалось выйти к границе 26 июня, 49-му — к 30 июня»¹.

Точно так же лишь в июне было начато выдвижение войск внутренних округов ближе к границе. Занять положение по предвоенным планам (в частности, записке Ватутина) они уже не успевали, и де-факто армии были перенацелены на западное направление. Все говорит о том, что советское высшее военное руководство осознало в последний момент нереализуемость предвоенных планов. Ни о каком ударе с целью разгрома противника у советских границ уже не могло быть и речи. Поэтому предвоенное построение с акцентом на юго-западном направлении пере-

¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 77—78.

играли в накачку войсками западного направления. Было очевидно, что именно здесь противник нанесет свой главный удар и, если случится что-то страшное, лучше иметь побольше войск под рукой для латания дыр во фронте. Так оно и произошло: Западный фронт рухнул после окружения его главных сил к западу от Минска. Образовавшаяся дыра была прикрыта армиями внутренних округов, предназначенными первоначально для формирования ударной группировки в львовском выступе.

Сценарий развития событий в условиях, когда «глубинные» стрелковые корпуса и армии внутренних округов не заняли назначенные им места, был предсказуемо катастрофическим. К сожалению, в советской историографии некоторые моменты не разъяснялись и не детализировались. Например, в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1981 г. были даны сведения о соотношении сил приграничных округов и противостоявших им немецких групп армий. В частности, в группе армий «Юг» (6, 11 и 17-я немецкие армии, 1-я танковая группа, 4-я румынская армия) были учтены 26 пехотных дивизий, 4 легкопехотные дивизии, 2 горно-егерские дивизии, 3 охранные дивизии, 5 танковых дивизий и 4 моторизованные дивизии, 13 румынских пехотных дивизий, 2 пехотные, 3 горно-стрелковые, 3 кавалерийские, 1 механизированная румынские бригады, 1 пехотная, 1 кавалерийская и 3 механизированные венгерские бригады. В составе войск КОВО и ОдВО авторами статьи в ВИЖе учитывались 45 стрелковых дивизий, 5 кавалерийских дивизий, 20 танковых и 10 моторизованных дивизий. Итоговое соотношение сил на юго-западном направлении получается 0,8 к 1,0 в пользу советских войск. Естественно, это соотношение сил порождает спекуляции на тему позорного проигрыша

приграничного сражения Юго-Западным фронтом и последующего отступления к старой границе, а затем и к Днѣпру.

Соотношение 0,8 к 1,0 не учитывает пространственного фактора и практического значения с точки зрения рассмотрения не имеет, может использоваться только как абстрактная справочная величина. В непосредственное соприкосновение с противником в первый день войны могли вступить только 16 стрелковых дивизий КОВО. Это были как раз те самые приграничные дивизии, которые обсуждаются в нашей лемме. Над ними у войск 6, 17-й армий и 1-й танковой группы имелось двойное общее превосходство, доведенное на направлении главного удара до соотношения 3,6:1 в пользу немцев. Второй эшелон армий прикрытия границы составляли одна стрелковая дивизия (135-я), одна кавалерийская дивизия (3-я) и четыре механизированных корпуса (8 танковых и 4 моторизованные дивизии), которые находились в 50—100 км от границы. При разгромном соотношении сил приграничных дивизий и перешедшего в наступление противника эти соединения вынуждены были расходовать на подпирание фронта и частично на контрудары. Еще 15 стрелковых дивизий (с севера на юг: 193, 195, 200, 140, 146, 228, 80, 139, 141, 130, 169, 189, 190, 198 и 109-я стрелковые дивизии), 1 кавалерийская дивизия (5-я) и 4 механизированных корпуса (8 танковых и 4 моторизованные дивизии) находились в 100 — 400 км от границы. Эти номера дивизий выше уже встречались — речь идет о «глубинных» соединениях КОВО, содержащихся в сокращенных штатах мирного времени и несколько накачаные резервистами. Эти дивизии в первые несколько дней войны чисто технически не могли принять участие в отражении удара противника.

Соответственно их войска группы армий «Юг» могли начать поедать, уже почти расправившись с приграничными соединениями, как это и произошло в реальности.

То же самое, только в куда худшем даже с точки зрения брутто-численности войск, наблюдалось в Западном особом военном округе. В «Военно-историческом журнале» № 6 за 1981 г. насчитали соотношение сил 1,7:1 между группой армий «Центр» и войсками ЗапОВО. Понятно, что с учетом пространственного расположения войск (2, 47 и 21-го стрелковых корпусов в глубине, вне оперативной связи с приграничными армиями) неизбежно наступал коллапс возглавлявшихся Д.Г. Павловым армий Западного фронта.

Немцы обладали одной, но плотной линией войск против трех тонких советских, разделенных сотней и более километров. Поэтому они сначала (обладая численным превосходством в штуках дивизий) разгромили приграничные соединения. Затем они вышли на рубежи, занимаемые «глубинными» соединениями округов (обладая все тем же численным превосходством). Следующими были уже армии внутренних округов (на Западном направлении). Поскольку над очередным эшелонем советских войск немцы также обладали численным превосходством, итог борьбы был опять же предсказуемым.

Для того чтобы нажать «красную кнопку» вовремя, требовались достаточно весомые основания. Нажатие «красной кнопки» в мае 1941 г. таило угрозу попадания в щекотливую ситуацию: войска собраны, армия мобилизована (допустим, скрытым порядком), а противник не нападает. Что здесь прикажете делать? Нападать первыми? Возвращать армию в места постоянной дислокации? Последний вариант опасен тем, что против-

ник, во-первых, может-таки напасть согласно собственным планам, а во-вторых, может запустить ответный процесс и также оказаться у границы с развернутой и мобилизованной армией.

Хороший пример действий по сценарию с ранним нажатием «красной кнопки» дает нам арабо-израильская война 1967 г. Перестрелки на границе между Израилем и Сирией все больше грозили перерасти в войну. Количественное и качественное превосходство израильской армии над сирийской было таково, что любой удар Израиля по Сирии неизбежно приводил к коллапсу последней. Египет не мог позволить безнаказанно разгромить своего союзника. Поэтому президент Египта Г. А. Насер предпринял ряд шагов, призванных удержать Израиль от удара по Сирии. 16 мая египтяне потребовали вывода войск ООН с Синайского полуострова. Одновременно на Синай вводились египетские войска. К 22 мая там была собрана 100-тысячная группировка, удвоившая постоянно дислоцировавшийся на полуострове контингент. После ввода войск Насер объявил о блокаде Тиранского пролива, лишавшей Израиль возможности использовать Эйлатский порт. Это был серьезный удар по экономике Израиля.

Однако президент Насер даже представить себе не мог, какую бурную реакцию вызовут его демарши. Израиль с его призывной армией, опиравшейся на призыв резервистов, был очень чувствителен к возможному внезапному нападению. Уже 17 мая в Израиле была объявлена мобилизация резервистов. Последней каплей стала блокада Тиранского пролива. Премьер-министр Израиля Эшкол назвал ее в кнессете 23 мая «актом агрессии против Израиля». Блокада и усиление египетских войск на Синае расценивались израильской

разведкой как подготовка к атаке на Израиль. Однако нельзя не признать, что эти предположения были ошибкой. Время для «окончательного решения» израильской проблемы было более чем неподходящее. С 1962 г. Египет втянулся в гражданскую войну в Йемене и задействовал там значительные силы своей армии. Планом действий египетских войск на Синае был чисто оборонительный план «Кахир», предусматривающий занятие нескольких ключевых точек в глубине полуострова. Предполагалось пропустить израильские танковые клинья в глубь полуострова и дать бой на этих выгодных по условиям местности позициях. Перспектива поддерживать Сирию активными действиями привела к разброду и шатанию военного планирования. Характерная деталь: одна из бригад египетской армии наездила по пустыне еще до войны 1200 км — командование никак не могло решить, где ей находиться в новых условиях. Более того, блокада Тиранского пролива была лишь продекларирована, но не осуществлялась физически.

В итоге израильская армия была мобилизована, а арабы все не нападали. Как мы знаем сейчас, нападать-то они вообще не собирались. Все ограничивалось риторикой в прессе. Арабы в свою очередь ждали нападения Израиля на Сирию. Между тем мобилизация резервистов давила на экономику Израиля, а разведка убеждала в неизбежности египетского удара. Что было делать в такой ситуации? Распускать резервистов по домам и оказаться перед лицом возможного нападения арабских стран с малочисленной армией военного времени? Судьбоносное заседание Кабинета министров Израиля началось в воскресенье 4 июня в 8.15 утра. Руководитель военной разведки А. Ярив сообщил, что, по его данным, египетская армия пере-

ходит от обороны к наступлению с явным намерением занять Эйлат. В действительности египетские войска выдвигались ближе к границе в готовности вступить в войну только в случае израильского нападения на Сирию. Однако однозначной интерпретации действий египтян у израильской разведки не было. После семичасового обсуждения израильским Кабинетом министров было принято решение бить первыми. В 7.00 утра израильского времени (8.00 египетского) 5 июня около 40 «Миражей» и «Мистэров» поднялись в воздух и понеслись в сторону моря. Несколько минут спустя за ними взлетели еще 40 машин, а потом еще 40. Вскоре в воздухе уже были две сотни самолетов. Что было дальше, общеизвестно: разгром авиации Египта на аэродромах, оккупация Синай, западного берега реки Иордан, Голанских высот и международная изоляция. Франция, ранее исправно поставлявшая Израилю военную технику (основу ВВС Израиля в 1967 г. составляли французские самолеты), отказалась делать это в дальнейшем. Ответом на вопрос: «Почему погибли 800 солдат и офицеров Израиля в июне 1967 г.?» будет: «Потому что у руководства страны не выдержали нервы».

В итоге в 1973 г. Израиль оказался в сложном положении. На этот раз арабы действительно готовили атаку на Израиль, но делали это без лишней помпы. Мобилизацию армии, ложившуюся тяжким грузом на экономику, проводить на каждый чих соседей было невозможно. Шанс на «превентивный удар» был использован в 1967 г. Атака соседей второй раз уже не лезла ни в какие ворота. Поэтому, когда нападение все же состоялось, армия Израиля встретила его неотмобилизованной. Мобилизация проходила уже под грохот пушек на границе.

Советское руководство в 1941 г. находилось в куда более сложных условиях, чем руководство Израиля в 1967 г. Если израильская армия чувствовала по крайней мере качественное превосходство над соседями, то РККА не испытывала такого же чувства превосходства над вермахтом. Напротив, это вермахт имел за плечами опыт двух успешных кампаний. РККА же имела опыт выявившей массу недостатков в подготовке войск Финской войны. Кидаться на сильного противника, не имея для этого оснований, кроме расплывчатых данных разведки, было почти безумием. Помимо этого свой отпечаток на оценку ситуации накладывала специфика СССР с его большими расстояниями от мест постоянной дислокации армий внутренних округов до границы. Это в маленьком Израиле можно поднять резервистов и за день, максимум два растолкать их по нужным участкам границы. В СССР требовалось везти резервистов по железной дороге одну-две недели. То есть мобилизация даже без ее объявления могла быть вскрыта противником и привести к сползанию к войне. Замечу также, что руководству Израиля в 1967 г. было морально намного легче: в средствах массовой информации арабских стран не было недостатка в громких заявлениях о скором разгроме еврейского государства. Напротив, немцы весной 1941 г. не спешили обличать «жидобольшевиков» в прессе и на радио.

Сталин в 1941 г. находился между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, опасность оказаться с неотмобилизованной и недоразвернутой армией вынуждала реагировать на любые изменения в обстановке. С другой стороны, проведение мобилизации и масштабных мероприятий по созданию на западе группировки сил для первой операции могло привести к

вступлению в войну без весомых на то оснований. Понятно, что фактор возможности так называемого «внезапного нападения» учитывался. Никто не ждал, что будут заранее присылать бумагу с классическим «иду на вы», т.е. официальным объявлением войны. Однако очевидное забвение формальностей не отменяло стандартного набора событий перед началом военных действий. Но этого стандартного набора не было. Не было прощупывания на дипломатическом уровне возможности получения от СССР тех или иных материальных благ или территории. Не было прямых обвинений (например, в сотрудничестве с Англией, с которой Германия находится в состоянии войны). Что бы ни говорили, но нападение Германии на СССР в 1941 г. было особым случаем в истории войн. Немецким руководством было заранее принято решение на безусловное силовое решение проблемы. Поэтому никаких демаршей, которые могли бы дать основания для нажатия на «красную кнопку» и запуска процесса сбора войск у границы, попросту не было. Напротив, на дипломатическом уровне немцы просто молчали как рыбы. Информацию, которая могла служить достаточным основанием для «красной кнопки», могла дать разведка. Но до самого последнего момента, когда нажатие «красной кнопки» могло дать положительный результат, разведка весомых доказательств не представляла. 31 мая 1941 г. начальник Разведывательного управления Генерального штаба Ф.И.Голиков докладывал:

«Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

— против Англии (на всех фронтах) 122—126 дивизий;

— против СССР — 120—122 дивизии;

— резервов — 44—48 дивизий»¹.

При этом разведка не отмечала заметного акцента в группировке немецких войск. Голиков докладывал, что:

«Распределение по направлениям немецких сил против СССР следующее:

а) в Восточной Пруссии — 23—24 дивизии, в том числе 18—19 пехотных, 3 моторизованных, 2 танковых и 7 кав. полков;

б) на варшавском направлении против ЗапОВО — 30 дивизий, в том числе 24 пехотных, 4 танковых, одна моторизованная, одна кавалерийская и 8 кав. полков;

в) в Люблинско-Краковском районе против КОВО — 35—36 дивизий, в том числе 24—25 пехотных, 6 танковых, 5 моторизованных и 5 кав. полков;

г) в Словакии (район Зборов, Пренов, Вранов) — 5 горных дивизий;

д) в Прикарпатской Украине — 4 дивизии;

е) в Молдавии и Северной Добрудже — 17 дивизий, в том числе 10 пехотных, 4 моторизованных, одна горная и две танковые дивизии;

ж) в районе Данциг, Познань, Торн — 6 пехотных дивизий и один кав. полк².

Последней строкой доклада Голикова была: «В заключение можно отметить, что перегруппировки немецких войск после окончания Балканской кампании в основном завершены». Глядя на эту картину распределения сил, мы не видим ярко выраженных ударных группировок. Количество подвижных соединений немцев в Румынии примерно равно их числу на

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 290.

² Там же.

западном направлении против Западного особого военного округа.

Советское руководство можно понять: запускать процесс накопления войск у границы, усугубленный тайной мобилизацией, было просто опасно. Для его запуска нужна была прочная опора. Либо политические демарши противника, либо не допускающие двоякого толкования данные разведки. Ни того, ни другого у высшего руководства СССР в период, когда нажатие «красной кнопки» еще могло дать положительный результат, попросту не было. Потом уже начиналась сплошная импровизация, т.к. штатный вариант был нереализуем.

Техника

Одна из проблем дискуссии вокруг 1941 г. в том, что многие ее участники зацикливаются на специфике первого года войны, не желая оглянуться вокруг. Дело даже не в смаковании документов критического характера по 1941 г. Люди не очень представляют себе проблемы отступающей армии. Многие естественные спутники общего неуспеха воспринимаются как причины самого поражения. Быстрое уменьшение численности легкого состава техники механизированных корпусов представляется уникальным явлением, явившимся причиной якобы неравноценного размена массы советских танков на горстку немецких.

В первую очередь мне хотелось бы дистанцироваться от тех, кто пытается натягивать резинку на глобус в подсчетах категорий танков. Их усилия направлены на то, чтобы подогнать число «реально боеспособных» советских танков поближе к численности танкового парка вермахта. Как изучение документов, публиковавшихся в соответствующих сборниках, так и личное

знакомство с первичными документами в ЦАМО показывает, что большая часть боевых машин мехкорпусов благополучно вышла по тревоге 22 июня. Доля танков и бронемашин, брошенных вследствие неисправностей в местах постоянной дислокации, невелика. Во всяком случае, она не дает ни малейших шансов арифметическими экзерсисами согнать цифру общей численности танкового парка мехкорпусов приграничных округов до численности танковых дивизий сил вторжения. Проблемы начались уже после того, как танки ушли из военных городков в пекло маршей и сражений.

Попробуем заглянуть в 1943 г., когда линия фронта двигалась на запад. Обвал в конце августа 1943 г. фронта 6-й армии в Донбассе вынудил немецкое командование спешно бросать в бой перевооруженные на новую технику части. Одной из «подпорок» 6-й армии должен был стать II батальон 23-го танкового полка, вооруженный 96 «Пантерами». Новейшие по тому времени танки должны были остановить продвижение вперед советских танковых войск. К моменту прибытия на фронт в первых числах сентября 1943 г. батальон был укомплектован по штату и насчитывал 96 «Пантер». Почти сотня «Пантер» была серьезным аргументом. Однако они были быстро растащены по пехотным подразделениям и фактически стали маленькими «пожарными командами». К 20 сентября 1943 г. из 96 новеньких «Пантер» осталось только 11 боеготовых танков. 28 «Пантер» были взорваны, так как не могли быть отбуксированы при приближении советских войск. Еще 11 «Пантер» были в краткосрочном ремонте и должны были быть восстановлены к 23 сентября, 13 были на ремонтной базе батальона в Запорожье, 24 — на сборном пункте к востоку от Днепра, 4 — на полковой ремонтной базе, 4 погруже-

ны на ж.д. платформы, и один танк охранял дамбу у Запорожья. Буквально за две недели от сотни «Пантер» остался всего десяток боеготовых машин. При этом обстоятельства потери некоторых «Пантер» вполне могут соперничать с утратой «КВ» и «Т-34» в 1941 г. Так, 14 поврежденных «Пантер» находились в готовности к погрузке на станции Сталино-Западная. Однако перед лицом наступающих советских войск на станции была взорвана система водоснабжения паровозов — это было первое, что взрывали. Из-за этого ни один паровоз на Сталино-Западная не мог двинуться с места. Вывозить что-либо можно было только паровозами с соседних станций. В итоге несколько танков пришлось взорвать. Эвакуация «Пантер» также затруднялась тем, что вместо затребованных батальоном 18 тяжелых тягачей было выделено только четыре. В итоге боевые повреждения составляли едва ли 10% от общего числа потерянных танков. К концу месяца в батальоне остались буквально единицы боеготовых «Пантер». Один из немногих батальонов новейших танков на Восточном фронте потерял боеспособность, не оказав заметного воздействия на ход событий.

Примерно то же самое происходило на южном фланге Курской дуги после завершения немецкого наступления. К 20 июля 1943 г. из 200 отправленных на фронт для участия в операции «Цитадель» «Пантер» 39-го танкового полка боеготовым остался только 41 танк. Судьба остальных машин распределилась следующим образом: 82 танка были в ремонте в полковых ремонтно-восстановительных подразделениях, 16 танков были подготовлены для отправки на ремонт в Германию и 58 «Пантер» числились в безвозвратных потерях. Из числа последних 2 танка сгорели от пожара двигателя еще до начала боев. Названная цифра танков в ремонте на са-

мом деле лукавая. Правильнее их назвать «потенциально восстанавливаемые». К тому моменту 55 «Пантер» и 3 «Бергепантер» все еще не были эвакуированы. Поэтому, прежде чем приступить к ремонту, их еще необходимо было отбуксировать к Борисовке, где были развернуты ремонтные мастерские 39-го танкового полка. При этом для эвакуации немцами были сосредоточены крупные силы: четырнадцать 18-тонных полугусеничных тягачей из 3-й ремонтно-эвакуационной роты и девятнадцать 18-тонных полугусеничных тягачей из ремонтных подразделений 39-го танкового полка. Однако в конце июля немцы были выдвинуты на исходные позиции, которые они занимали до 4 июля. В августе началось советское наступление — операция «Румянцев». В итоге, несмотря на получение 12 «Пантер» с завода, боеготовыми было всего 9 машин, 47 в ремонте, а число безвозвратных потерь подскочило до 156 танков. В донесении 4-й танковой армии Гудериану от 11 августа уточнялось, что 35 «Пантер» были взорваны немцами в Борисовке, т.е. в том районе, где располагались ремонтные мастерские 39-го танкового полка. Звучит парадоксально, но, если бы «Румянцев» начался двумя неделями позже, немцы бы его встретили большим числом боеготовых танков.

Продвижение советских войск вперед вызывало быстрый «падеж» немецких танков. В августе 1943 г. в группу армий «Юг» прибыл из Германии перевооружившийся на «Пантеры» II батальон танкового полка дивизии СС «Дас Райх» — 71 танк. Через десять дней боев боеготовыми осталась только 21 «Пантера». «Детские болезни» танков «Пантера» только усугубляли общую ситуацию. Точно так же поломки новых «КВ» и «Т-34» приводили к быстрому снижению числа боеготовых машин в механизированных корпусах.

Может быть, проблема в 1943 г. касалась только новых танков, какими были еще относительно сырые «Пантеры»? В качестве еще одного примера можно привести данные по боевой деятельности одного из участников дубненских боев июня 1941 г., немецкой 14-й танковой дивизии, двумя с половиной годами спустя, осенью 1943 года. 14-я дивизия прибыла в октябре 1943 г. на Восточный фронт из Франции, где проходила пополнение и переформирование. Соединение действовало в схожих с мехкорпусами 1941 г. условиях, вело маневренные оборонительные бои севернее Кривого Рога. Дивизия вступила в бой 28 октября в составе 49 танков Pz.IV, 44 САУ StuG.III, 7 огнеметных (Flamm) танков, 9 командирских машин. Как мы видим, никаких сырых «Пантер» в соединении не было. 14-я танковая дивизия в тот период вела боевые действия в составе 1-й танковой армии. Потери танкового парка дивизии за 16 дней боев отражены в таблице.

Таблица 1.

СТРУКТУРА ПОТЕРЬ 14-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ОСЕНЬЮ 1943 г.

Классификация потерь	Pz.IV	САУ StuG.III	Flamm	Командирские
Боевые потери (сгоревшие и т. п.)	9		0	0
Танки, требующие заводского ремонта вследствие боевых повреждений	6		0	0
Танки, оставленные поврежденными на территории противника вследствие боевых повреждений	5	6	2	0

Классификация потерь	Pz.IV	САУ StuG.III	Flamm	Командирские
Танки, оставленные поврежденными на территории противника вследствие поломок	6	4	0	0
Танки, вышедшие из строя вследствие длительных маршей и брошенные из-за отсутствия возможностей отбуксировать их в тыл	7	2	1	0
Всего	33	25	3	0
Состояние танкового парка дивизии на 7 декабря 1943 г.				
Боеготовые	8*	6	2	4
Танки, требующие полевого ремонта длительностью до 14 дней	8	8	2	4
Танки, требующие полевого ремонта длительностью более 14 дней	4	5	0	1

* — включая 4 новых танка Pz.IV, полученных с завода в ходе боев

Все эти частные примеры являются отражением общей тенденции воздействия быстрого смещения линии фронта на состояние танковых войск. Прекрасной иллюстрацией этого явления может служить статистика по немецким танкам на Восточном фронте с середины 1942 г. до весны 1943 г. Когда немцы наступали на юге и сохраняли относительно стабильный фронт в центре, в безвозвратные потери списывалось не так много танков. В июле 1942 г. было списано 198 машин, в августе — 232, в сентябре — 298 машин. Замечу: это потери в период наступления на Кавказ и Сталинград и тяжелых позиционных боев под Ржевом. Но линия фронта

смещалась преимущественно вперед (на частный успех Западного фронта под Погорелым Городищем можно внимания не обращать). А вот когда линия фронта покатила назад, в безвозвратные потери было списано 456 машин в январе 1943 г. и 1105 машин в феврале. Судя по всему, в последнюю цифру входят танки, потерянные с капитуляцией армии Паулюса. Формально небоеспособные танки 6-й армии могли числиться в ремонте и автоматически перешли в статус безвозвратных потерь с ликвидацией «котла». То же самое происходило с танками, числившимися в ремонте в группах армий «А» и «Б» (позднее «Юг»). Смещение линии фронта поглощало машины, находившиеся в тыловых районах этих групп армий. Потеря ремонтного фонда, в свою очередь, вызывала снижение числа боеготовых танков на фронте. Если в декабре 1942 г. их было у немцев на всем Восточном фронте 1723, то в феврале 1943 г. число боеготовых танков упало до 981 единицы. Для этого периода показательна судьба 6-й танковой дивизии, прибывшей на Восточный фронт переформированной с запада и участвовавшей в попытке деблокировать армию Паулюса. 7 декабря 1942 г. соединение прибывает на фронт с 143 боеготовыми танками. Уже к 20 декабря число боеготовых машин падает до 62 единиц, а к 8 января — до 32 единиц. Причем 8 января 1943 г. в безвозвратные потери сразу списывается 59 танков. Именно в этот период советские войска перешли в наступление на сталинградском направлении и захватили находившиеся в ремонте танки дивизии в районе станции Котельниково.

Как мы видим, движение линии фронта назад, общий отход вызывают поистине катастрофические изменения в балансе боеготовых, находящихся в ремонте и безвозвратно потерянных танков. Когда есть понима-

ние общих тенденций, данные по потерям советских механизированных корпусов уже не вызывают сильных эмоций. Перед нами встает вполне обычная «история болезни». Характерную картину дает отчет командира 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса, участвовавшей в дубненских боях с момента их завязки в первые дни войны до самого финала (см. таблицу). Потери приведены по данным на 1 августа, но подавляющее большинство их приходится на период дубненских боев.

Таблица 2.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТЕРЬ ТАНКОВ 10-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ

№	Характер потерь	Число потерь по маркам машин						Итого
		«КВ»	«Т-34»	«Т-28»	«БТ-7»	«Т-26»	Броне-машин	
1	Разбито и сгорело на поле боя	11	20	4	53	7	13	108
2	Вышло из строя при выполнении боевой задачи и осталось на территории, занятой противником	—	1	4	2	2	4	13
3	Не вернулось с экипажами с поля боя после атаки	11	3	—	3	3	7	27
4	Сгорело в результате бомбардировок	—	—	—	1	—	4	5
5	Осталось с экипажами в окружении противника из-за технической неисправности или отсутствия горюче-смазочных материалов	2	—	6	1	—	—	9

Продолжение табл. 2.

№	Характер потерь	Число потерь по маркам машин						Итого
		«КВ»	«Т-34»	«Т-28»	«БТ-7»	«Т-26»	Бронемашин	
6	Осталось из-за отсутствия горюче-смазочных материалов и невозможности их подать, так как район расположения машин захвачен противником	—	—	4	2	—	—	6
7	Пропало без вести с экипажами	—	—	3	—	—	—	3
8	Уничтожено на сборных пунктах аварийных машин в связи с невозможностью эвакуировать при отходе	7	1	6	—	—	6	20
9	Оставлено при отходе части по техническим неисправностям и невозможности восстановить и эвакуировать	22	6	15	28	10	14	95
10	Застрыло на препятствиях с невозможностью извлечь и эвакуировать	3	1	2	10	2	3	21
	Всего	56	32	44	100	24	51	307

Как мы видим, из 307 боевых машин на поле боя дивизией потеряно 153 танка и бронемашины, что составляет 50%. Еще 20 машин было уничтожено на сборных пунктах аварийных машин, где собирались поврежденные огнем противника танки. Это прибавляет еще 7% к списку потерь в результате непосредственного воздействия противника. 21 машина застряла в болотах и речках, что составляет 7% от общего числа потерь. Наконец, наиболее обидный пункт — это 95

машин, потерянных из-за невозможности восстановить и эвакуировать их. Это почти треть общего числа потерь, 31%. Советская 10-я танковая дивизия летом 1941 г. во многом воспроизводит судьбу полка «Пантер» летом 1943 г., о котором я писал выше, в несколько ускоренном темпе.

Не следует думать, что немецкие танки в 1941 г. были неуязвимыми. Возьмем в качестве примера 13-ю танковую дивизию. В июне 1941 г. она пробивалась в составе III моторизованного корпуса к Луцку от Владимира-Волынского. В I батальоне 4-го танкового полка дивизии на утро 24 июня 1941 г. имелось боеготовыми 19 Pz.II, 34 Pz.III, 10 Pz.IV и 2 командирских танка. Наступая вдоль Киевского шоссе, немецкая дивизия сражалась с 19-й танковой дивизией советского 22-го мехкорпуса под Войницей, 1-й противотанковой артиллерийской бригадой. К вечеру 28 июня в батальоне осталось боеготовыми 15 Pz.II, 10 Pz.III, 4 Pz.IV и 2 командирских танка. Нетрудно догадаться, что в случае потери ремфонда 13-я танковая дивизия довольно быстро осталась бы вообще без танков. Однако смещение фронта на восток позволило поддерживать боеспособность соединения на приемлемом уровне. В некоторых случаях это позволяло длительное время держаться без пополнения. 10-я танковая дивизия 2-й танковой группы Гудериана вступила в войну с СССР с 176 танками. К 21 июля 1941 г. число боеготовых танков упало более чем вдвое — до 81 машины. Однако усилиями ремонтников к 11 сентября 1941 г. число боеготовых танков в дивизии поднялось до 150 машин. При этом первое пополнение прибыло только 18 сентября — всего 3 (три!) танка Pz.IV. При этом темпы ремонта были умеренными: к 1 августа в 10-й танковой дивизии было 88 боеготовых танков. Такие скачки численности можно видеть

во многих соединениях панцерваффе летом 1941 г. Наступавшая на Ленинград 1-я танковая дивизия начинает кампанию со 145 боеготовыми танками, к 22 июля их остается 79. К 3 августа ремонтники подтягивают численность боеготовых танков до 109 машин, а к 23 августа она падает до 72 машин. Все это не помешало дивизии выставить к началу наступления на Москву 111 танков, получив в качестве пополнения всего 5 Pz.III и 4 Pz.IV.

Когда Красная армия наступала в 1944—1945 гг., противники поменялись ролями. Теперь ремонтные средства корпусов и танковых армий получили возможность восстанавливать застрявшие и подбитые машины. При этом даже безвозвратно потерянные танки (т.е. не подлежащие восстановлению силами ремонтных служб), оставшиеся на контролируемой советскими войсками территории, становились источником запасных частей. В 4-й танковой армии зимой 1944/45 г. почти 50% запасных частей было получено путем «каннибализации» разбитых и сгоревших танков. По некоторым позициям (например, траки, пальцы гусениц и орудия) изъятые с безвозвратно потерянных машин части и агрегаты превосходили поступление аналогичных запчастей с заводов промышленности. Поэтому 4-я танковая армия могла «держаться на плаву» без массивного вливания пополнений. В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта отмечается: «армия в целом за период боев почти 1,5 раза пополнялась за счет танков, вышедших из ремонта, что давало возможность поддерживать на протяжении всей операции боевую способность частей и соединений армии»¹. Аналогичная картина наблюдалась во 2-й гв. танковой

¹ ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 35.

армии. В зимних боях 1945 г. один танк проживал три «жизни». В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта указывалось: «Сопоставляя количество отремонтированных танков и СУ за время операции с количеством танков и СУ, имевшихся в армии к началу операции, получается, что каждый танк 3 раза восстанавливался и возвращался в строй»¹.

Это типичная ситуация, когда танки многократно восстанавливаются после выхода из строя на поле боя. Нужно вообще раз и навсегда забыть киношный образ поражения танка из фильмов Озерова: красивый взрыв углеводородов на моторном отсеке после попадания в лобовую проекцию машины. Эффектные взрывы сопровождали поражение танка периода Второй мировой войны далеко не всегда. Чаще это происходило при попадании снарядов калибром 88 мм и выше. Выгорание танков также было не самым частым явлением. Например, в ходе зимних операций 1945 г. управлением бронетанкового снабжения и ремонта 2-й гв. танковой армии было осмотрено 160 попаданий на 50 танках безвозвратных потерь и 40 танках капитального ремонта. По итогам анализа статистики повреждений был сделан вывод: «...на танках и самоходных установках, безвозвратно потерянных в боях, обнаружены в большинстве случаев пробоины болванками 88 мм и более 100 мм. В результате этих попаданий танки сгорали. В то же время при осмотре танков и СУ капитального ремонта установлено, что машины в большинстве случаев имеют пробоины болванками 75 мм. Попадания болванок 75 мм лишь в отдельных случаях приводили к взрыву 10—12 гильз снарядов боеукладки»². Если в 1945 г. по-

¹ ЦАМО РФ, ф. 2 гв.ТА, оп. 4163, д. 83, л. 43.

² Там же, л. 48.

падания из орудий калибра 88 мм и выше составляли около 40% общего числа попаданий, то до лета 1942 г. 50% потерь советских танков приходилось на 50-мм ПАК-38. Разрушительные возможности 50-мм снарядов были еще ниже, чем у 75-мм. Чаше машина получала одно или несколько результативных попаданий без видимого эффекта, останавливалась и далее уже покидала поле боя не своим ходом. Поэтому работа танковых войск во многом опиралась на восстановление подбитой или вышедшей из строя вследствие поломок техники.

Здесь позволю себе сделать небольшое лирическое отступление. Мемуары Г.К.Жукова «Воспоминания и размышления» при всех их очевидных недостатках на самом деле очень глубокая и серьезная книга. Некоторые моменты и высказывания кажутся странными без накопления некоторого объема знаний о предмете. Георгий Константинович был человеком информированным и иногда указывал на некоторые подводные течения в войне. Есть его широко известное высказывание про «огнеопасность» советских танков. Однако «БТ» действительно имели легкопоражаемые баки по бортам боевого отделения и часто вспыхивали от попаданий снарядов. Выгорание танков мешало их восстановлению и тем самым нарушало систему работы танковых войск. По итогам боев на Халхин-Голе отмечалось: «От попадания противотанковых снарядов почти все танки и броневики тоже горят и восстановлению не подлежат. Машины приходят в полную негодность, пожар вспыхивает за 15 — 30 с. Экипаж всегда выскакивает с горячей одеждой. Пожар дает сильное пламя и черный дым (горит, как деревянный домик), наблюдаемый с дистанции 5 — 6 км. Через 15 минут начинают взрываться боеприпасы, после взрыва которых танк может быть

использован только как металлолом». Как мне думается, своим высказыванием Жуков как раз намекает на трудности с «оборачиванием» битых «бэтэшек». Это, кстати, видно в таблице потерь 10-й танковой дивизии, приведенной выше. Танки БТ лидируют в графе «Разбито и сгорело на поле боя». В боях на Халхин-Голе с 3 июля по 5 августа 1939 г. в 11-й танковой бригаде 68 БТ числилось сгоревшими, а 61 — подбитыми. То есть более 50% машин шло в безвозвратные потери. Танки новых типов были намного устойчивее, за что и были любимы экипажами.

Когда армия отступает, цепочка «подбили, эвакуировали, восстановили, снова в бой» нарушается. Эвакуация поврежденных танков в условиях откатывающегося назад фронта быстро перегружает ремонтные подразделения танковых соединений практически любой армии. РККА образца 1941 г. здесь не исключение. Ремчасти рассчитываются на сравнительно ровное течение событий и лучше всего себя показывают в наступлении. Успешно наступающее или даже увязшее в позиционных боях танковое соединение имеет возможность вытаскивать подбитые танки и восстанавливать их по нескольку раз. Если же приходится отступить, то ситуация быстро ухудшается: подбитые танки приходится бросать, количество боеготовых машин в соединении неуклонно падает, и такое соединение все меньше способно эффективно сдерживать противника. Линия фронта катится назад все быстрее, и даже легко поврежденные боевые машины взрывают или просто бросают.

Может быть, эвакуационных средств в 1941 г. было просто недостаточно? Вследствие разгильдяйства, слабоумия или же «преступлений режима» — кому что больше нравится. Мы настолько заиклены на событи-

ях 1941 г., что эти данные даже не нужно искать, они публиковались в печатном виде. В отчете командира 10-й танковой дивизии указывается: «К моменту выхода дивизии 22.6.41 г. дивизия располагала 29 тракторами «Ворошиловец». В условиях наступательных действий дивизии этого количества для эвакуации тяжелых и средних боевых машин было бы достаточно, а при сложившейся обстановке, особенно в условиях общего отхода, такое количество тракторов оказалось недостаточным». Ему вторит командир 32-й танковой дивизии Ефим Пушкин: «Наличие тракторов «Ворошиловец» не обеспечило эвакуацию, тракторы для буксировки «КВ» выходили из строя от перегрузки». В дивизии Пушкина было больше 30 «Ворошиловцев». Три десятка тракторов на дивизию — это много или мало? Давайте посмотрим на 4-ю танковую армию Д.Д. Лелюшенко в победном 1945 г. В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта армии за март 1945 г. читаем: «Эвакуационные средства армии составляют две эвакуаторы № 1 и № 154, имеющие в своем составе 24 трактора ТД-18. Но ввиду того, что имеющие[ся] трактора работают уже с Орловской операции без единого среднего ремонта, отработали по 1400—1500 м[ото]/ч[асов], ходовая часть сильно износилась, к дальнейшей эксплуатации большинство из них были непригодные и требовали капитального ремонта на заводах промышленности. К началу операции имелось только 12 тракторов с ограниченным запасом хода. Части и соединения эвакуосредств не имели»¹. «ТД-18» — это получавшиеся по ленд-лизу трактора фирмы «Интернешнл». По своим характеристикам они недалеко ушли от отечественных эксельскохозяйственных «Сталинцев» (они же «ЧТЗ—65»,

¹ ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, лл. 56—57.

они же «С-65»). Достоинством «ТД-18» по сравнению со «Сталинцами» была штатная лебедка. Но никакого сравнения с мощными «Ворошиловцами» ни «Сталинцы», ни «ТД-18» не выдерживали. «ЧТЗ-65» («Сталинцы») двигались со скоростью пешехода, их максимальная скорость была всего 7 км/ч. «Ворошиловцы» могли развивать скорость до 36 км/ч. Усилие на крюке у «Ворошиловца» было 10 тонн, а у «Сталинца» — 4,6 тонны. У «Ворошиловца» была грузовая платформа под груз до 2 тонн (которой не было ни у «ЧТЗ-65», ни у «ТД-18») и лебедка усилием до 10 тонн.

Корпуса (эквивалентные танковым дивизиям 1941 г.) 4-й танковой армии получали из двух армейских эвакуаторов по 3—4 трактора, обходились ими или танками. Развитие ситуации было предсказуемым. Трактородолгожители в армии Д.Д. Лелюшенко до Берлина не дотянули: «К концу оппельнской операции все трактора вышли из строя и армия осталась без эвакуосредств. Чтобы пополнить убыль, были предприняты меры по восстановлению из танков безвозвратных потерь тягачей, которые по своему техническому состоянию не могли быть восстановлены как боевые машины. Эвакуация в это время производилась 3-мя тягачами 5 гв.МК. К концу Ратиборской операции было введено в строй 6 тягачей из танков Т-34»¹. Несколько лучше дела обстояли во 2-й гв. танковой армии. Перед началом Висло-Одерской операции в 1-м механизированном корпусе армии С.И. Богданова было пять тягачей на шасси «Т-34» (так называемые «Т-34Т»), в 9-м гв. танковом корпусе — 5 тягачей «Т-34Т», в 12-м гв. танковом корпусе — 6 «Т-34Т». Две армейские эвакуаторы 2-й гв. танковой армии могли похвастаться 15 «ЧТЗ-65»,

¹ ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 58.

6 «ТД-18» и 6 трофейными тягачами «Фамо» (18-тонными).

Поэтому несколько десятков «Ворошиловцев» в танковой дивизии июня 1941 г. — это очень много. Подавляющее большинство танковых и механизированных корпусов Красной армии 1945 г. такой толпой тягачей похвастаться не могли. Потрепанные «Т-34» из капитального ремонта без башни в качестве основного корпусного средства эвакуации — это «чистенько, но бедненько». Это, заметим, отнюдь не частности, а общая тенденция. Вот что сказано о состоянии эвакуосредств танковых армий 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронта перед Висло-Одерской операцией в послевоенном академическом труде: «К началу операции танковые армии двух фронтов имели 152 трактора и тягача, или около 70% штата. Из этого количества более 50% были «Т-34Т»¹. Полторы сотни тягачей на четыре полностью укомплектованные танковые армии! В Киевском особом военном округе перед войной было 313 «Ворошиловцев» (в том числе 15 в ремонте), из которых в подчинении танковых войск было 230 тракторов. Как ни крути, в июне 1941 г. в бой вступила армия, оснащенная по высоким стандартам мирного времени. Если оснастить скоростными тягачами артиллерию в СССР перед войной не смогли, то «Ворошиловец» в качестве эвакуатора заслуживает самой высокой оценки. Однако он конкурировал по двигателю с «Т-34» и «КВ», был достаточно дорогим, и поэтому производство «Ворошиловцев» было довольно быстро свернуто. В 1945 г. на советские танковые войска работала обстановка,

¹ Сыропятов В.А. Танко-техническое обеспечение бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Академия бронетанковых войск им. Р.Я.Малиновского, 1981. С. 142.

фронт двигался практически только вперед. Поэтому можно было временно бросать застрявшие и поврежденные машины и вытаскивать их по мере сил имеющимися хилыми эвакуационными средствами.

Таким образом, есть еще один ответ на вопрос о замене 20 тыс. советских танков на 3,5 тыс. немецких. Советские танковые войска в условиях быстрого смещения линии фронта на восток не могли опираться на ремонтный фонд танковых частей и соединений. Это заставляло вновь и вновь бросать в бой новые танковые подразделения вместо восстановления уже существующих. Механизированные корпуса Юго-Западного фронта в ходе танкового сражения в районе Дубно сумели на какое-то время задержать противника. Но вследствие потери ремонтного фонда «второго дыхания» у них уже не было. Второй раунд (Бердичев) отыгрывал новый 16-й мехкорпус. Позднее смыкание окружения вокруг 6-й и 12-й армий задержал на неделю 2-й механизированный корпус Южного фронта. Если вводная «срыв плана «Барбаросса» предусматривает аннигиляцию ремфонда, то для ее решения нужно гораздо больше 3,5 тыс. танков. Пожалуй, даже 10 тыс. будет маловато на кампанию протяженностью в несколько месяцев. Затраты (потери) бронетехники в 1941 г. на самом деле вполне укладываются в специфику ситуации катящегося назад фронта. Очень хорошо, что у нас были те 20 тыс. танков, которые можно было несколькими эшелонами вводить в бой, не надеясь на восстановление большинства подбитых. Бездушные железки спасли страну от гибели.

Вадим Кожинов

ВНЕЗАПНОСТЬ ИЛИ НЕГОТОВНОСТЬ?

На предыдущих страницах Великая Отечественная война рассматривалась в наиболее широком — всемирном — контексте, но, конечно, необходим и взгляд на нее с точки зрения внутреннего положения в стране, особенно если учитывать, что во многих новейших сочинениях содержатся необоснованные толкования не только внешнеполитических, но и сугубо внутренних проблем.

Начать уместно с вопроса о *внезапности* нападения врага. По мере рассекречивания относящихся к 1940—1941 гг. документов разведки СССР, в которых сообщалось о близящейся войне — вплоть до конкретных дат ее начала, — многие историки и публицисты все с большим негодованием (а подчас и с недоумением) писали о том, что правительство и прежде всего Сталин в силу чуть ли не патологической тупости «не верили» этим правдивым сообщениям. Как известно, Сталин полагал, что Германия, прежде чем она нападет на СССР, должна победить находившуюся с ней в состоянии войны с 1939 года Великобританию, ибо иначе ей придется воевать на два фронта. И игнорирование иных сообщений разведки оценивается как беспрецедентный, прямо-таки абсурдный просчет Сталина и его окружения, приведший в первые месяцы войны к тяжелейшим последствиям.

Правда, рассуждая об этом, почему-то никогда не упоминают о вполне аналогичном, но еще более разительном просчете, который несколькими месяцами

позже допустил президент США Рузвельт и его окружение. Американская разведка, которой еще летом 1940 года удалось раскрыть японские шифры, неоднократно предупреждала о готовящемся нападении; тем не менее мощная атака Японии 7 декабря 1941 года на военноморскую базу США Перл-Харбор явилась полной неожиданностью, и в результате была мгновенно уничтожена очень значительная часть американского флота и морской авиации. При этом Рузвельт был уверен, что Япония *сначала* нападет на СССР. Таким образом, имела место полная аналогия с тем, что произошло пятью с половиной месяцами ранее в СССР, но, оказывается, США не извлекли из этого никакого урока!

Просчет Рузвельта представлялся совершенно необъяснимым; некоторые историки даже пытались позднее истолковать поведение президента как тайную акцию, преследовавшую цель вовлечь США в мировую войну. Поскольку в стране господствовала доктрина «изоляционизма», принципиального «невмешательства» в мировые дела, Рузвельт, который, напротив, стремился к глобальному влиянию в мире, будто бы сознательно ничего не сделал для подготовки отпора японской атаке, о которой ему-де было доподлинно известно, — не сделал, так как хотел потрясти американцев обилием потерь и тем самым побудить их ввязаться в мировую войну¹. Эта версия едва ли сколько-нибудь основательна, но само ее возникновение о многом говорит (Сталину, между прочим, подобное «обвинение» не предъявляли...).

Но если беспристрастно вдуматься, просчеты и Сталина, и Рузвельта имеют всецело убедительное объяснение. Сообщения разведки всегда в той или иной степени противоречивы, ибо она черпает их из самых раз-

¹ См. об этом: Яковлев Н. 3 сентября 1945. М., 1971. С. 26—30.

ных — нередко дезинформирующих — источников. Не так давно был издан сборник документов под названием «Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941 г.», из которого явствует, что в это время Сталин получал весьма различные сообщения — в том числе и дезинформирующие, в особенности сообщения, согласно которым Германия (как и полагал Сталин) намерена прежде нападения на СССР захватить Великобританию¹. Один из тогдашних руководителей разведки, генерал П. А. Судоплатов впоследствии отметил: «Особое внимание заслуживала информация трех *надежных* (выделено мною. — В. К.) источников из Германии; руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта»².

Недоверие к сообщениям разведки о германском нападении вызывала также и разногласия в содержащихся в них датировках начала войны: «...называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня... Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, Сталин... окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 г. на СССР...»³

В 1960-х годах и позже многие авторы с крайним возмущением писали, например, о том, что никто не поверил поступившему ровно за неделю до начала войны сообщению обретшего впоследствии всемирную известность разведчика Рихарда Зорге, в котором указывалась совершенно точная дата германского нападения — 22 июня. Однако этому и нельзя было поверить

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Март—июнь 1941 г. М., 1995. С. 35,70,80.

² Судоплатов Павел. Разведка и Кремль... М., 1996. С. 109.

³ См.: Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 198.

после ряда «несбывшихся» дат, сообщенных источниками, которые считались «надежными» (кстати, сам Зорге сначала сообщил, что нападение состоится в мае). И *теперешние* «аналитики», знающие — как и весь мир, — что война началась именно 22 июня, и потому негодующие на Сталина, пренебрегшего точной информацией Зорге, отправленной 15 июня, предстают как по меньшей мере наивные люди...

Впервые подобное обвинение в адрес Сталина было высказано в «сенсационном» хрущевском докладе на XX съезде КПСС — докладе, задача которого — что вполне очевидно — заключалась не в уяснении реального хода истории, а в развенчании превозносимого в течение долгих лет вождя. Как возмущенно говорилось в этом докладе, «предостережения Сталиным не принимались во внимание» и потому «не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения»¹.

В этом обвинении Сталина в конечном счете выразился — пусть и бессознательно — все тот же комплекс «культы личности»: вот, мол, гений всех времен, а не смог разобраться в разведанных... Ведь, скажем, Рузвельт не вызывает подобного крайнего возмущения, хотя вроде бы именно из-за его «слепоты» США лишились основной части своего Тихоокеанского флота.

Помимо прочего, в хрущевском докладе утверждалось следующее: «Многочисленные факты предвоенного периода красноречиво доказывали, что Гитлер направляет все свои усилия для того, чтобы развязать войну против Советского государства» (с. 42), то есть другие люди — в том числе, очевидно, и сам Хрущев, —

¹ Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 42, 43.

в отличие от Сталина, ясно понимали ситуацию, но, не обладая, мол, сталинскими полномочиями, не могли результативно действовать в плане подготовки к нападению врага.

Как ни удивительно, всего через несколько абзацев своего доклада Никита Сергеевич поистине просто-душно «разоблачил» самого себя, фактически признавшись, что лично он совершенно **не готовился** к войне, несмотря на упомянутые им «многочисленные факты», которые «красноречиво доказывали» ее неотвратимое приближение. Он поведал, как в первые дни войны он «позвонил из Киева т. Маленкову и сказал ему:

— Народ пришел и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем... Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами»¹.

Стремясь в 1956 году дискредитировать своего соперника в борьбе за верховную власть Маленкова, Хрущев невольно дискредитировал самого себя. Ведь к 22 июня он уже три с половиной года — с января 1938-го — был полновластным «хозяином» в Киеве и на всей Украине (кстати, граничившей с сентября 1939-го с Германией!), но, оказывается, не удосужился заготовить хотя бы винтовки!.. Так что одно из двух: либо Хрущев в действительности вовсе не внимал тем «красноречивым доказательствам», о которых упомянул в 1956 году, либо никак не реагировал на эти «доказательства» в практическом плане (ведь уж винтовки-то первый секретарь ЦК Украины и член Политбюро мог бы своевременно заготовить...).

¹ В стенограмме доклада здесь пометка: «Движение в зале» (понятно, возмущенное).

Впрочем, как уже сказано, хрущевский доклад, по сути дела, и не являлся сколько-нибудь объективным освещением хода истории; цель его сводилась к развенчанию Сталина, который, в частности, не смог подготовить страну к германскому нападению.

Между тем в действительности-то подготовка к войне была весьма внушительной. Так, с 1 сентября 1939 года, когда был принят закон о всеобщей воинской повинности, и до 22 июня 1941-го численность вооруженных сил страны выросла с 1,5 млн. (как было в 1938 году) до 5,3 млн. человек, то есть в три с половиной раза¹, а производство вооружения увеличилось с 1938 года по июнь 1941-го в четыре раза². И что касается стрелкового оружия, — то есть главным образом столь озаботивших Хрущева винтовок, — оно накануне войны производилось в среднем за год в количестве 1 млн. 800 тыс. единиц³, и если в Киеве не нашлось летом 1941 года винтовок, то уж скорее всего из-за нерасторопности самого Хрущева...

Впрочем, суть проблемы в другом. Как ни парадоксально, Хрущев, утверждая, что причина тяжелейших поражений в начале войны состояла в неожиданности, внезапности нападения врага (которое не сумел предвидеть вождь), собственно говоря, повторил главный аргумент *самого Сталина!* Ведь тот в своем известном приказе от 23 февраля 1942 года «оправдывался»:

«В первые месяцы войны ввиду *неожиданности и внезапности* (выделено мною. — В. К.) немецко-фашистского нападения Красная Армия оказалась вынужденной отступать». Только на рубеже 1941—1942 годов, про-

¹ История России. XX век. М., 1996. С. 412.

² Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1984. С. 41.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945. М., 1975. Т. 4. С. 18.

должал вождь, «настало время, когда Красная Армия получила возможность перейти в наступление... Теперь (то есть в феврале 1942-го. — В. К.) уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности... израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то *неравенство* (выделено мною. — В.К.) в условиях войны, которое было создано внезапностью... При этом следует отметить одно обстоятельство: стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой... Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии. Недалек тот день, когда... на всей Советской земле снова будут победно реять красные знамена»¹.

Увы, всего лишь через десять недель после появления этого сталинского приказа, 8 мая 1942 года, враг начал в южной части фронта мощнейшее наступление, в результате которого к осени 1942 года фронт передвинулся на 600—800 км (!) к востоку и юго-востоку, достигнув нижнего течения Волги и Кавказского хребта (21 августа германский флаг был установлен на вершине Эльбруса). И 28 июля 1942 года Сталину пришлось отдать совсем иной по смыслу и тону, поистине отчаянный приказ, известный под названием «Ни шагу назад!», где говорилось уже не о «победно реющих», а о «*покрытых позором*» знаменах...² Однако и после этого приказа «позорное» отступление продолжалось...

¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 38,39,40.

² Цит. по кн.: Косолапов Ричард. Слово товарищу Сталину. М., 1995. С. 180.

Наши поражения, испытанные в 1942 году, не уступали поражениям 1941-го, а в определенных отношениях даже превосходили их — хотя ни о какой «внезапности» теперь уже не могла идти речь... А это означает, что причина поражений отнюдь не сводилась — вопреки утверждениям Сталина в его приказе от 23 февраля 1942-го и, позднее, Хрущева в его докладе 1956 года — к «внезапности» (хотя она, конечно, влияла на ход событий).

Суть дела заключалась в том, что враг, вбивавший в себя человеческие и материальные ресурсы почти всей Европы, был сильнее. Остановленная и отброшенная назад в ходе самоотверженной битвы за Москву в конце 1941 — начале 1942 года германская армия, в частности, не только быстро восстановила, но и значительно увеличила свою численность и вооруженность боевой техникой: в июне 1941-го — 5,5 млн человек, 4200 танков, 43 000 орудий; летом 1942-го — 6,2 млн человек, свыше 5000 танков, 52 000 орудий¹.

Есть все основания утверждать, что ко времени появления приказа «Ни шагу назад!» страна находилась в наиболее тяжелом положении за все время войны². Имелась вполне реальная угроза прорыва врага за Волгу с последующей атакой с тыла на центральные области России — и в том числе Москву, захват врагом Северного Кавказа отрезал страну от основных источников нефти и т. п.

Из этого следует, что едва ли основательно широко распространившаяся и нередко крайне эмоционально

¹ Похлебкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир. Военный и внешнеполитический справочник. М., 1997. С. 18, 121.

² Едва ли случайность, например, то, что генерал Власов перешел на сторону врага не в 1941-м (когда он, кстати, побывал в окружении), а именно летом 1942 года; скорее всего, он был тогда убежден в неизбежности победы Германии.

преподносимая (начиная с хрущевского доклада) точка зрения, согласно которой поражения наших войск и их безудержное отступление вплоть до московских пригородов были обусловлены главным образом или даже исключительно внезапностью (объясняемой, в свою очередь, «слепотой» Сталина) нападения врага.

И, как уже сказано, эту точку зрения выдвинул именно Сталин, стремясь объяснить — и «оправдать» — тяжелейшие поражения первых месяцев войны, но впоследствии сталинская версия была обращена против него самого как главного виновника сей «внезапности», не сумевшего вовремя предвидеть нападение врага и подготовить к нему армию.

Между тем, исходя из факта сокрушительного германского наступления летом 1942 года, позволительно высказать убеждение, что, если бы даже Сталин и другие точно знали о долженствующем совершиться 22 июня 1941 года и сделали все возможное для подготовки отпора, это не могло бы принципиально изменить ход войны... Ибо враг «был сильнее!..»

В высшей степени важно осознать, что сила врага определялась и той присущей ему мощной *геополитической волей*, о которой подробно говорилось выше, — между тем как нашим войскам и стране вообще в первое время была свойственна ослабляющая их волю *раздвоенность*. Это очень существенная и очень сложная проблема, но без ее освещения нельзя обойтись.

С середины 1930-х годов в СССР преодолевалось «революционное» отрицание многовековой истории России и совершался поворот к патриотической идеологии. Согласно работе одного из наиболее основательных нынешних исследователей истории второй половины 1930-х годов, М. М. Горинова, «в этот период происходит болезненная, мучительная трансформация

«старого большевизма» в нечто иное... В области национально-государственного строительства реабилитируется сама идея государственности — идеология сильного государства сменяет традиционные марксистские представления... по всем линиям происходит естественный здоровый процесс восстановления, возрождения тканей русского (российского) имперского социума»¹ и т. д.

В связи с этим стоит процитировать «Воспоминания солдата», принадлежащие знаменитому Гейнцу Гудериану. 3 октября 1941 года его танковая армия захватила Орел, и там состоялся разговор, явно произведший на германского военачальника очень сильное впечатление (цит. по смоленскому изданию 1998 года, с. 338): «О настроениях, господствовавших среди русского населения, можно было судить по высказываниям одного старого царского генерала, с которым мне пришлось в те дни беседовать в Орле. Он сказал: «Если бы вы пришли 20 лет назад (то есть в 1921-м. — В. К.), мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать... Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины»».

Восстановление государственности неизбежно означало определенное оттеснение *партии*, которая ранее была всеопределяющим средоточием власти. Это оттеснение конкретно проанализировано в недавнем исследовании О. В. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы». В предвоенное время, подводит итог историк, нарастает «тенденция перемещения центра власти из Политбюро в Совнарком, которая была окончательно закреплена после назначения Сталина в мае 1941 г. председателем СНК...

¹ История России. XX век. М., 1996. С. 393, 394.

Как регулярно действующий орган политического руководства Политбюро фактически было ликвидировано, превратившись, в лучшем случае, в совещательную инстанцию при Сталине»¹.

Разумеется, то, что совершалось на самой вершине власти, имело место и на других ее этажах. Партия — воплощение революционной власти — утрачивала свою прежнюю роль, и именно в этом, в частности, заключался подспудный смысл террора 1937—1938 годов, направленного прежде всего и главным образом против партии. Вот, например, подтверждающие этот тезис совершенно точные сведения о судьбах делегатов Съезда советских писателей 1934 года. Из 597 делегатов Съезда 356, то есть около 60%, были членами (или кандидатами в члены) ВКП(б) и ВЛКСМ, и из них подвергся репрессиям 181 человек, то есть более половины (!). Между тем из беспартийных — 241 делегат — пострадали 47 человек, то есть менее чем один из пяти...² Столь резкое количественное различие нельзя считать случайностью, и, в сущности, правы те, кто вообще трактуют «1937-й год» как борьбу против *партии* с целью заменить ее порожденную революцией власть «традиционной» по своему характеру государственной властью.

Кстати сказать, в цитируемых исследованиях М.М. Горинова и О. В. Хлевнюка напрасно не обращено пристальное внимание на сталинский доклад, произнесенный 10 марта 1939 года. Тот переход власти от партии к государству, о котором говорит О. В. Хлевнюк, может все же показаться «формальным» актом, однако в док-

¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 266.

² См.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. Приложения. М., 1990.

ладе Сталина утверждалось — хотя и не без известной уклончивости, — что в стране происходит именно восстановление государства в его прежнем, *дореволюционном* виде и смысле.

По-своему замечательно содержащееся в этом докладе рассуждение об известной книге Ленина «Государство и революция», написанной в августе-сентябре 1917 года, то есть накануне Октябрьского переворота. Поскольку высказанные в сталинском докладе представления о значении и роли государства явно имели очень мало общего с ленинскими, вождь счел необходимым заявить, что-де «Ленин собирался написать вторую часть «Государства и революции»... Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства... Но смерть помешала ему (кстати сказать, до этой смерти оставалось тогда шесть с лишним лет! — *В. К.*) выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики»¹, — то есть прежде всего он, Сталин.

Ленин в предисловии к своей книге действительно упомянул о том, что не дописал ее, однако речь шла не о некой «второй части», а только о еще одной, седьмой, главе — «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов»². И имелся в виду, понятно, опыт именно *революций*, а не проблема государственности как таковой. И даже в самых последних своих статьях, известных под названием «Завещание», Ленин рассматривал в качестве носителей безраздельной верховной власти ЦК и ЦКК (Центральная контрольная комиссия) партии, которые он

¹ *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 643—644.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т. 33. С. 120.

призывал усовершенствовать, а не собственно государственные структуры.

Поэтому ссылка Сталина на будто бы не «успешного» создать «теорию государства» Ленина не имела под собой реальных оснований; она преследовала цель затушевать тот факт, что предлагался кардинальный пересмотр ленинских — и вообще предшествующих — представлений о государстве в СССР.

В сталинском докладе неоднократно заходила речь о «недооценке роли и значения механизма нашего социалистического государства», о «непозволительно-беспечном отношении к вопросам теории государства» и т. п. Признавалось, что в 1917 году «необходимо было... разбить вовсе государственную машину», однако тут же оговаривалось: «...но из этого вовсе не следует, что у нового, пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого (то есть дореволюционного! — В. К.) государства» (с. 644).

Сказано это было достаточно осторожно, ибо и государство по-прежнему называлось «пролетарским», и «сохранение старого» ограничивалось только «некоторыми» функциями. Но перед нами все же явная «ревизия» прежних представлений, отразившая *реальное* изменение роли государства во второй половине 1930-х годов. С этим изменением нераздельно связана «чистка» руководства на всех уровнях и во всех сферах, включая (что особенно важно для нашей темы) *армию*.

В литературе о войне безусловно господствует точка зрения, согласно которой начавшееся с 1936 года смешение (и, в соответствии с «атмосферой» времени, репрессирование) огромного количества военачальников нанесло страшный ущерб и во многом обусловило по-

ражения 1941 года; нередко в этом усматривают вообще *главную причину* поражений.

Не приходится сомневаться в том, что сама по себе широкая замена военачальников накануне великой войны не могла не привести к тяжелым последствиям. Помимо прочего, она в значительной мере подкрепляла уверенность Гитлера в победе; накануне войны он утверждал: «Россия не обладает даже той силой, которой обладала во время первой мировой войны... Сталин уничтожил большинство русских генералов и офицеров»¹.

Есть даже сведения — хотя их и оспаривают, — что сами германские спецслужбы способствовали дискредитации маршала Тухачевского и других.

Но вместе с тем известно, что «в конце войны Гитлер много раз повторял: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников» (!)². И это «прозрение» врага в высшей степени существенно, особенно если учитывать, что Гитлер отнюдь не был тем дурачком, каким его подчас рисуют.

Не исключено сомнение: уместно ли прислушиваться к мнению врага? Сошлюсь поэтому и на суждения прошедшего войну офицера, позднее ставшего известным писателем, а еще позднее — ярким «антикоммунистом», Василя Быкова. В опубликованной им в 1995 году статье, посвященной «цене» войны и крайне резко обличающей «методы» ее ведения, В. Быков вместе с тем утверждает, исходя из своего военного опыта:

«Существует распространенный *миф* (выделено мною. — В. К.) о том, что неудачи первого периода вой-

¹ Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 449.

² Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991. С. 13.

ны вызваны, кроме прочего, репрессиями среди высшего комсостава Красной Армии... Но ведь репрессировали не всех... И первые же месяцы войны показали полную неспособность прежнего командования... Очень скоро на полководческие должности по праву выдвинулись другие командиры... и, как ни странно, именно на их опыте кое-чему научился и Сталин. Может быть, впервые в советской действительности идеологические установки были отодвинуты в сторону...» (журн. «Родина», 1995, № 5, с. 34).

Гражданская — «классовая» — война 1918—1922 годов, в ходе которой выдвинулись почти все занимавшие высокое положение в армии до 1937—1938 годов военачальники СССР, была совершенно иным явлением, чем война, начавшаяся 22 июня 1941 года, для победы в которой требовались люди принципиально другого склада.

Вспомним, что Тухачевский, успешно командовавший подавлением антибольшевистских мятежей в Симбирске (1918 год), Кронштадте и на Тамбовщине (1921), потерпел сокрушительное поражение в единственной выпавшей на его долю войне с *иностранной* — польской — армией летом 1920 года. И едва ли основательно предположение, что он (вместе с другими подобными ему военачальниками) мог сыграть первостепенную роль в Отечественной войне — или даже вообще не допустить первоначальных побед врага! — хотя такие предположения безапелляционно высказывали многие авторы. Но это чисто декларативные утверждения, несостоятельность которых становится очевидной при обращении к реальному положению дел.

Примечательна с этой точки зрения изданная в 1988 году в Лондоне книга Виталия Рапопорта и Юрия Алексеева «Измена Родине. Очерки по истории Красной

Армии». В общих рассуждениях этих авторов гибель Тухачевского и других военачальников предстает как едва ли не главная причина тяжких бед 1941 года. Но, в отличие от авторов множества других сочинений, эти авторы стремились изучать реальную историю Красной Армии в 1920—1930-х годах, в частности, разработку ее стратегии и тактики. И стало непреложно ясно, что глубокое и точное предвидение характера будущей войны и основы необходимой в ней стратегии разработали вовсе не Тухачевский со товарищи, а служившие в Красной Армии выдающиеся военачальники *Первой мировой войны* — А. А. Свечин (до октября 1917-го генерал-майор, начальник штаба Северного фронта), А. Е. Снесарев (генерал-лейтенант, командующий корпусом), В. Н. Егорьев (генерал-майор, командующий корпусом) и другие. Тухачевский же в 1920 — начале 1930-х был их непримиримым противником, обличал их как «антисоветских» и «антиреволюционных» стратегов, и все они еще в 1930 году были арестованы (см. об этом с. 160—169, 216—237 указанной книги; как это ни абсурдно, ее авторы в своих общих рассуждениях продолжают превозносить Тухачевского). И есть основания утверждать, что именно репрессии 1930 года (а не 1937-го) нанесли наиболее тяжкий ущерб нашей армии...

Необходимо сказать еще о следующем. Господствует мнение, что в результате репрессий 1937—1938 годов место зрелых и опытных военачальников заняли молодые и неискушенные, и это привело к тяжелейшим поражениям в начале войны. В действительности же на смену погибшим пришли в основном люди *того же поколения, но другие* — и с иным *опытом*.

Так, скажем, репрессированные Я. Б. Гамарник, В. М. Примаков, М. Н. Тухачевский, И. Ф. Федько, И. Э. Якир родились в 1893—1897 годах, и в те же самые

годы, в 1894—1897-м, родились Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, Ф. И. Толбухин. Но первые, исключая одного только Тухачевского, провоевавшего несколько месяцев в качестве подпоручика¹, не участвовали в Первой мировой войне, а вторые (кроме окончившего школу прапорщиков Толбухина) начали на ней свой боевой путь простыми солдатами.

Далее, первые оказались вскоре после революции на наиболее высоких руководящих постах (хотя им было тогда всего от 21 до 25 лет...), без сомнения, по «идеологическим», а не собственно «военным» соображениям, а вторые, медленно поднимаясь по должностной лестнице, обретали реальное умение управлять войсками. Дабы оценить это, вспомним, что Суворов в 18 лет начал свой воинский путь унтер-офицером (тогда — капралом), а 16-летний Кутузов — прапорщиком, и лишь к сорока годам они «дослужились» до генеральского звания.

О кардинальном различии двух типов советских военачальников одного поколения можно бы еще многое сказать, но, впрочем, это различие и так очевидно.

* * *

Выше приводились высказанные в 1939 году Сталиным «ревизионистские» положения о государстве; правда, говорил он весьма осторожно и двойственно. Ибо, во-первых, не так легко было быстро изменить сознание миллионов преданных коммунистической идеологии людей, убедить их в необходимости верхов-

¹ Он попал на фронт в сентябре 1914-го, а уже в феврале 1915-го оказался в плену, откуда вернулся на родину только в октябре 1917 года.

ной роли государства в «старом» смысле этого слова, а во-вторых, имело место сомнение в том, сможет ли восстанавливаемая «государственная» идеология (и далее практика) явиться *более эффективной*, чем предшествовавшая, делавшая ставку прежде всего на партию и «революционность» и легшая в основу многих, как тогда говорилось, «*побед*» (включая ту же коллективизацию...).

И целый ряд суждений и «указаний» Сталина в начальный период войны ясно говорит о том, что он *колебался* между собственно государственной и прежней, революционно-партийной «линиями». Так, например, ликвидированный после столь прискорбной финской войны в 1940 году институт *военных комиссаров* (то есть всевластных большевистских руководителей армии) был — в сущности, неожиданно — восстановлен менее чем через месяц после начала великой войны, 16 июля 1941 года!

В 1920 году Ленин вполне справедливо заметил: «Без военкома (то есть военного комиссара. — *В. К.*) мы не имели бы Красной Армии»¹. Но дело шло тогда о *классовой* войне; между тем Сталин уже в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года дважды назвал начавшуюся войну «отечественной», хотя пока и без особого подчеркивания этого определения. Тем не менее вскоре же, через две недели, в войска были направлены «агенты» партии, имевшие, в сущности, больше полномочий, чем командиры.

Однако через год с небольшим, 9 октября 1942 года, институт комиссаров был окончательно ликвидирован, и закономерно, что это свершилось незадолго до победной стадии Сталинградской битвы, начавшейся 19 ноября. А 6 января 1943-го были восстановлены *погоны*,

¹ Ленин В. И., цит. изд., т. 41. С. 148.

которые еще совсем недавно воспринимались в качестве непримиримо враждебного символа («золотопогонники»).

Словом, сознание Сталина (и, конечно, множества людей того времени) в начале войны было глубоко двойственным, в нем — подчас даже причудливо — переплеталось «революционное» и «государственное». В сталинском выступлении по радио 3 июля 1941 года ныне замечают прежде всего или даже только «православно-патриотическое» обращение «Братья и сестры!» и напоминание о победах над Наполеоном и германским кайзером Вильгельмом II. Но ведь в этом же выступлении содержится и звучащая теперь попросту наивно фраза: «В этой великой войне мы будем иметь верных союзников... в том числе в лице *германского народа* (выделено мною. — В. К.), порабощенного гитлеровскими заправилами». И далее: «...германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов». По-своему даже забавно столкновение синонимов — «*германский тыл немецких войск*» (!), которое как бы обнажает несостоятельность этого утверждения.

Но важнее другое. Даже и среди тех немцев, которые в 1944 году в самом деле пытались свергнуть Гитлера с его авантюристической, на их взгляд, стратегией, было немало «героев» войны против СССР-России, о чем уже говорилось выше. И абсолютное большинство «германского народа» отнюдь не возражало против имевшего многовековую предысторию геополитического «натиска на Восток»... В 1971 году видный германский историк и публицист Себастиан Хаффнер справедливо характеризовал развитие самосознания своих соотечественников в 1920—1930-х годах: «Они ничего не имели против создания Великой германской

империи... Однако... они не видели пути, обещающего успех в достижении этой заветной цели. Но его видел Гитлер. И когда позже этот путь, казалось, стал реальным, в Германии не было *почти никого*, кто не был бы готов идти по нему»¹.

И еще один яркий образчик «раздвоенности» Сталина. В его речи 7 ноября 1941 года во время парада на Красной площади прозвучало постоянно поминаемое ныне: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского...» и т. д. — то есть Сталин как бы стирал границу между дореволюционной Россией и СССР. Однако в произнесенном днем раньше, 6 ноября, на станции метро «Маяковская» докладе утверждалось следующее:

«По сути дела, гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме, «...гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим...» и т. д. (с. 26).

Выходит, задача состояла в том, чтобы вместе с «германским народом» свергнуть установившийся в Германии режим, и свергнуть потому, что он точно такой же («копия!»), какой был до 1917 года в России. То есть народ призывался к своего рода «революции», к «классовой» войне, как бы к повторению совершенного в 1917 году...

В этой раздвоенности вождя выражалась в конечном счете глубинная, фундаментальная *неготовность* к той *геополитической* войне, которая обрушилась на СССР-Россию 22 июня. К концу войны Сталин уже совсем по-иному говорил об ее сущности и — что особенно харак-

¹ Хаффнер Себастиан. Самоубийство Германской империи. М., 1972. С. 27—28.

терно — о *причине* наших поражений в начальный ее период. Так, 6 ноября 1944 года он недвусмысленно заявил, что, «как показывает история, агрессивные нации (речь уже идет о германской нации в целом, а не о кучке «гитлеровских авантюристов». — В. К.), как нации нападающие, обычно бывают более подготовлены к новой войне... Нельзя... считать случайностью такой неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия, как агрессивная нация, оказалась более подготовленной к войне... это, если хотите, историческая закономерность...» (с. 146, 147). Таким образом, истинная причина поражений — не во «внезапности»...

Но главное заключалось в другом. Та раздвоенность, которая столь явно предстает в первоначальных сталинских суждениях, присутствовала — имея, правда, *противоположный* смысл — и в сознании (и, далее, поведении) тех миллионов людей — главным образом, из *крестьянских* семей, — которые должны были с оружием в руках противостоять германской армии. За что они ведут смертный бой — за свою тысячелетнюю Россию или же за установившийся в 1917 году возглавляемый партией *строй*? Не забудем, что всего восемь лет назад завершилась коллективизация, которая нанесла тяжелейший урон многим из этих людей или хотя бы их родственникам, соседям, односельчанам... Для осознания — притом не отвлеченного, «теоретического», а воплощающегося в целостном существе людей и непосредственно переходящего в *действие* осознания, — истинного смысла войны было необходимо определенное время.

Уже упомянутый германский истолкователь хода войны Хаффнер обоснованно писал: «С того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского

народа. С этого момента был ясен также исход; русские были сильнее... прежде всего потому, что для них решался вопрос *жизни и смерти*» (цит. соч., с. 59).

По мнению Хаффнера, поворотным «моментом» стал уже декабрь 1941 года, «когда контрнаступлением под Москвой русские доказали свою вновь обретенную волю к борьбе» (с. 59—60). Но, как мне представляется, проблема более сложна. Ведь позже, летом 1942 года, наши войска, как уже упомянуто, на южном фронте покатались на восток, к Волге и Кавказу, в сущности, так же, как летом — осенью 1941-го к Москве... Ничего подобного не было и, очевидно, не могло быть *после* Сталинграда.

Мирослав Морозов

ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК АВИАЦИИ БАЛТФЛОТА

Говоря о разгроме, постигшем советскую авиацию летом 1941 года, большинство историков упоминают внезапные удары по аэродромам и захват многих из них в первые дни войны. По целому ряду причин гораздо меньше внимания уделяется потерям, которые были понесены в результате воздушных боев. А ведь именно они стали главной причиной обескровливания советской бомбардировочной авиации, большинство частей которой к началу войны дислоцировалось слишком далеко от границы, чтобы понести серьезные утраты на земле. В течение первой недели войны все ее части были введены в бой в отчаянных попытках задержать продвижение подвижных соединений немцев в глубь нашей страны. Чем они заканчивались, показано в одном из самых ярких и запоминающихся эпизодов фильма Александра Столпера «Живые и мертвые». Как и почему произошла трагедия советской бомбардировочной авиации, мы и рассмотрим в настоящей статье на примере ВВС Краснознаменного Балтийского флота, посланных 30 июня 1941 года на бомбежку немецких переправ на реке Западная Двина в районе города Даугавпилс.

* * *

В наши дни трудно представить, каким было начало Великой Отечественной войны. Знание фактов и событий того времени не помогает, а, наоборот, затрудняет

нам восприятие исторических ситуаций глазами их участников, поскольку они как раз-таки и не обладали той информацией, которая есть теперь у нас.

Война началась внезапно, однако в ее первые дни у большинства тех, кто не попал под удар германской военной машины, она не вызвала того ощущения трагизма, как это было принято показывать в послевоенных художественных фильмах и литературе. Эти эмоции пришли позже, вместе со сводками Совинформбюро, за скупыми словами которых без особого труда угадывались истинные масштабы катастрофы. В первые же дни находившееся в тылу гражданское население и личный состав воинских частей с нетерпением ждали известий о том, как доблестные войска Красной Армии перенесли боевые действия на территорию противника.

К вышеуказанным частям фактически можно было отнести и Военно-Воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота (ВВС КБФ). Хотя с первого дня войны морская авиация совершала боевые вылеты, их характер сильно отличался от тех, что пришлось делать летчикам западных приграничных округов. Немцы не наносили ударов по находившимся близ Ленинграда и Таллина аэродромам КБФ, и практически не встречавшие противника флотские истребители в течение первых недель монотонно барражировали над удаленными от фронта базами и объектами. Несколько интенсивнее действовали части ударной авиации. 24 июня флотские бомбардировщики нанесли удар по Мемелю (ныне литовская Клайпеда), а в последующие несколько суток — по портам и аэродромам Финляндии. В ночь на 29 июня самолеты 1-го минно-торпедного полка (мтап) произвели первую постановку мин в финских шхерах. Потери при всех этих вылетах были незначительны. Так, 1-й мтап за восемь дней войны потерял всего 3 са-

молета (для сравнения можно вспомнить, что только за первый день советско-финляндской войны полк потерял 4 ДБ-3). В 23.30 29 июня в штабе ВВС был получен приказ командующего КБФ адмирала В.Ф. Трибуца: *«30 июня действовать всеми силами по содействию ВМБ Ханко»*. Тем неожиданней оказался новый приказ, поступивший спустя всего 45 минут. В нем, переданном от имени начальника штаба флота адмирала Ю.А. Пантелеева со ссылкой на указание наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, предписывалось действовать по танковым колоннам противника, форсирующим реку Западная Двина. В то, что за восемь дней боев немецкие танки продвинулись на 300 км в глубь нашей территории, было просто невозможно поверить! Поскольку события, произошедшие за восемь дней войны на Северо-Западном направлении, имеют непосредственное отношение к теме статьи, необходимо их кратко осветить.

Начало немецкого наступления в полосе Прибалтийского военного округа (командующим округом, преобразованным 22 июня в Северо-Западный фронт, был генерал-полковник Ф.И. Кузнецов) уже в первый день приобрело для советской стороны характер катастрофы. Обе находившиеся в Литве наши армии потерпели жестокое поражение: 11-я под ударами пикировщиков 8-го авиакорпуса и танков 3-й танковой группы, 8-я — в тяжелых боях с 4-й танковой группой генерала Гёпнера, поддерживаемой главными силами 1-го Воздушного флота. Между армиями образовался многокилометровый разрыв. Попытка контрудара силами наших 3-го и 12-го мехкорпусов во фланг 41-му моторизованному корпусу генерала Рейнгарда успеха не имела из-за господства авиации противника в воздухе. Только за три первых дня боев ВВС Северо-Западного фронта

потеряли 921 из 1078 самолетов, числившихся в строю на 22 июня. Судя по тому, что за последующие 15 дней ВВС фронта лишились всего порядка 70 крылатых машин, противодействие, оказываемое противнику в воздухе, стало носить весьма эпизодический характер.

Тем временем 56-й мотокорпус — второй в составе 4-й танковой группы — под командованием небезызвестного генерала Эриха Манштейна устремился в образовавшуюся брешь. Главной задачей этого соединения был захват плацдармов на Западной Двине — одной из двух крупных водных преград, преграждавших путь немцев к Ленинграду. Обходя очаги сопротивления советских войск и не оглядываясь на фланги, Манштейну к утру 26 июня удалось достичь Даугавпилса¹.

Переодетое в форму красноармейцев подразделение разведполка «Бранденбург-800» уничтожило команду наших подрывников, в результате чего уже к 8 часам утра шоссейный и железнодорожный мосты оказались в руках противника. Лишь железнодорожный был слегка поврежден небольшим взрывом, не препятствовавшим, впрочем, движению по нему. В течение дня на северный берег Двины переправились части 8-й немецкой танковой дивизии, а на следующий день 3-й моторизованной дивизии удалось расширить плацдарм, наведя несколько мостов выше по течению. Прибывший 27 июня для рекогносцировки на штабном «Шторхе» генерал Гёпнер приказал 56-му корпусу приостановить наступление и закрепиться на плацдарме, хотя Манштейн ратовал за продолжение наступления на Ленинград. Не желая рисковать, немецкое командование на-

¹ До обретения Латвией независимости в 1918 г. именовался Двинском. Под этим же названием город фигурировал в советских оперативных документах 1941 г.

метило возобновить наступление танковыми частями 2 июля, пехотными соединениями 16-й армии — 4-го.

Тем временем для ликвидации прорыва наше командование выдвинуло в район Двинска 27-ю армию генерала Н.Э. Берзарина (будущий первый комендант Берлина) и 21-й мехкорпус генерала Д.Д. Лелюшенко. Утром 28 июня командование фронта получило директиву Ставки ГК за подписью начальника Генштаба Г.К. Жукова: *«Нарком приказал под Вашу ответственность не позднее сегодняшнего вечера выбить противника из Двинска, уничтожить мосты и прочно занять оборону, не допустив переправы противника на северный берег р. Зап. Двина в районе Двинска»*. Несмотря на это грозное указание, начавшийся контрудар успеха не имел. Немцы успели организовать оборону, и наши вступавшие с ходу в бой части преодолеть ее не смогли. Учитывая, что против захваченного плацдарма советское командование сосредоточило довольно большие силы, начальник немецкого Генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер приказал закончившему бою в районе Шяуляя 41-му мотокорпусу Рейнгарда форсировать Двину не через двинские мосты, а в 75 км ниже по течению, в районе Екабпилс — Крустпилс, что и было осуществлено на рассвете 29 июня. Одновременно передовые отряды 18-й полевой армии завязали бои в предместьях Риги. И если рижский гарнизон в течение двух дней оказывал ожесточенное сопротивление и смог уничтожить все мосты, то парировать удар в районе Крустпилса было просто нечем. В течение дня 29 июня наведенные немцами переправы несколько раз атаковывались ослабленными ВВС СЗФ (на 30 июня насчитывали 154 самолета) и действовавшей под их контролем 43-й морской разведывательной эскадрильей ВВС КБФ. Сомнительно, чтобы эти силы смогли на-

нести противнику серьезные потери, зато явно поторопили его с развертыванием зенитного и истребительного прикрытия. Именно в эти сутки действовавшие ранее с аэродромов Восточной Пруссии истребительные части I-го Воздушного флота перебазировались на новые аэродромы: I/JG54 — в Митаву (ныне Елгава; действовала на другом операционном направлении, в событиях над Двинском участия не принимала), II/JG53 — в Крустпилс (к 30 июня не успела закончить перебазирование), II/JG54 и III/JG54 — в Каунас¹. Предстояли новые ожесточенные сражения. Несмотря на неудачи, постигшие нас в предшествующих боях, вечером 29-го Ставка ГК отдала приказ № 0096: «... 3. Войскам Северо-Западного фронта продолжать оборону на фронте Рига, Якобштадт (ныне Екабпилс. — Прим. М.М.), озеро Лукнас, имея главной своей задачей не допустить прорыва противника со стороны Двинска и от Якобштадта в северном и северо-восточном направлениях. Резервы фронта сосредоточить в районах Режица, ст. Мадона, Цесис, Смилтен. Глубокие фронтовые резервы в составе 41 ск, 22 ск и 1 мк сосредоточить в районах Пскова, Острова, Новоржева, Порхова. Основной задачей этих резервов (выделено мной. — М.М.) ставлю: опираясь на Псковский и Островский УРы, подготовить упорную оборону и прочно закрыть направление на Ленинград». Несмотря на вполне однозначный смысл приказа, Ф.И. Кузнецов понял его иначе и в ночь на 30-е приказал всем войскам начать отход к Пскову и Острову. Не зная об этом (в Ставке узнали об отходе войск фронта лишь вечером 30 июня), в Геншта-

¹ По-видимому, в Каунасе разместились лишь штабы обеих групп, в то время как боевые подразделения передислоцировались на передовые аэродромы на южном берегу Двины в район юго-западнее Двинска.

бе решили с утра 30 июня оказать поддержку обороняющимся войскам, нанеся удары по форсирующим Двину танковым колоннам силами 1-го корпуса ДБА и ВВС КБФ.

Организация самого авиаудара достойна того, чтобы заострить на ней внимание особо. Главное, что нужно учитывать при ее оценке, это то, что между находившимся в Таллине (главная база КБФ до августа 1941 г.) штабом ВВС (командующий — генерал-майор В.В. Ермаченков, начальник штаба — полковник Д.И. Сурков) и находившимся на аэродроме Котлы под Ленинградом штабом 8-й бомбардировочной авиационной бригады (полковник Н.К. Логинов; в состав бригады входили 1-й мтап и 57-й бап) не было прямой связи. Дело в том, что произошедшее после войны с Финляндией перебазирование главных сил флота в прибалтийские базы (Таллин, Рига, Либава) не повлекло за собой адекватного перебазирования авиации. На западных аэродромах — в Эстонии, на Моонзундских островах и на Ханко — дислоцировались лишь полки 10-й смешанной авиабригады и несколько отдельных лодочных эскадрилий. Основная же масса авиации (8-я бомбардировочная и 61-я истребительная бригады, а также 15-й морской разведывательный авиаполк) как была, так и осталась базироваться в районе Ленинграда. Несмотря на то, что с момента перебазирования штабов в эстонскую столицу прошло несколько месяцев, прямая связь с подчиненными частями налажена так и не была. В результате все приказы об организации воздушного удара передавались начальником штаба ВВС флота по телефону в штаб 61-й авиабригады (Новый Петергоф), далее тем же способом в штаб 5-го участка противовоздушной обороны и уж только затем в штаб 8-й авиабригады, дислоцировавшейся в Котлах. Радиосвязь даже

между звеньями управления верхнего уровня отсутствовала. То же можно сказать и по поводу связи со штабами ВВС Северо-Западного и Северного фронтов, что, как оказалось в дальнейшем, серьезно отразилось на планировании налетов. Подобных проблем удалось избежать лишь входившему в состав 10-й авиабригады 73-му бомбардировочному полку, дислоцировавшемуся в Пярну — между находившимся в Таллине штабом бригады и полком связь имелась. Как ни удивительно, в данном случае и это оказалось нам не на руку. Получив задачу без промедления, подразделения 73-го полка начали действовать в те часы, когда силы 8-й бригады только разворачивались для нанесения удара. Дальнейшие события показали, что это позволило немцам бить наши эскадрильи последовательно.

В течение всей ночи в штабы частей продолжали поступать указания, связанные с организацией налетов. Сначала поступил приказ *«Быть в готовности для нанесения удара по танкам на дорогах западнее города Двинск»* (фактически в это время в указанном районе находилась лишь часть сил 3-й моторизованной дивизии. — Прим. М.М.). В 00.25 начальник штаба ВВС флота отправил телефонограмму о том, что необходимо задействовать в ударе все самолеты, кроме разведчиков и минных заградителей. Наконец, около 3 часов до штаба 8-й авиабригады был доведен замысел удара: *«На разведку танков противника на линию фронта в районе г. Двинск послать 1—2 звена разведчиков, разведать объекты противника и уничтожить их. В этом районе будет работать 73 ап на высоте 400—600 м, бомбовая зарядка ФАБ-50 и осколочные. Данные разведки передать по радио. Остальным вылетать по данным разведки»*. Чуть позже к вышесказанному было добавлено требование осуществлять полет сомкнутым строем, бомбить с вы-

соты от 400 до 800 м, а в качестве бомбовой нагрузки использовать бомбы ФАБ-50М-2 (переделанные в авиабомбы 155-мм снаряды т.н. французского образца эпохи Первой мировой войны). Штаб бригады в 01.15—01.25 поставил предварительные задачи полкам по телефону, а с рассветом на связных самолетах был доставлен приказ на вылет.

Вопрос о прикрытии бомбардировщиков истребителями в штабе ВВС КБФ даже не рассматривался. Ленинградский аэродромный узел отстоял от района цели на 420—450 км, аэродром в Пярну — 210—300 км. Естественно, что ни один истребитель флота покрыть такое расстояние не мог. Их перебазирование на расположенные южнее аэродромы ВВС РККА заняло бы слишком много времени, то же можно сказать и по поводу организации взаимодействия с немногочисленной истребительной авиацией ВВС СЗФ. В результате было принято решение произвести удар одними бомбардировщиками, тем более что сведениями о действиях и дислокации частей люфтваффе штаб ВВС КБФ все равно не располагал. В своих мемуарах штурман 1-го мтап капитан П.И. Хохлов так вспоминал события, произошедшие вслед за доведением боевого приказа: *«Спешно готовясь к вылету, авиаторы говорят, не скрывая сомнений и опасений:*

— Почему нас, морских летчиков, бросают на сухопутные цели?

— Да еще за сотни километров?

— А как лететь днем с полным бомбовым грузом без истребительного прикрытия? — спрашивает комиссара полка штурман второй эскадрильи старший лейтенант А.И. Власов.

— Верно, товарищи, сегодняшняя боевая задача не из легких, — отвечает батальонный комиссар Г.З. Огане-

зов. — Слов нет, полет дальний и плохо, что без прикрытия. Но ведь дело-то идет о судьбе Ленинграда. Нам ли, балтийским летчикам, пасовать перед трудностями!»

В то время как полки 8-й бабр только получали боевые приказы, в 06.25 с аэродрома Пярну в воздух поднялась первая шестерка СБ из состава 4-й эскадрильи 73-го авиаполка (ведущий — майор Иванов). Эта часть произвела разведку «на себя» силами пары СБ еще на рассвете (вылет в 03.47, возвращение в 06.14). Хотя записей относительно результатов разведки в журнале полетов сделано не было, можно не сомневаться в том, что летчики обнаружили массы войск противника, для бомбежки которых командир полка майор Ф.М. Коптев и послал группу Иванова. Спустя некоторое время из-за потери ведущего на базу вернулся один бомбардировщик, остальные же не вернулись вовсе. О том, что произошло с пропавшей эскадрильей, стало ясно из мемуаров командира группы II/JG54 капитана Дитриха Храбака. *«На рассвете они (советские бомбардировщики. — Прим. М.М.) попытались совершить рейд на нашу базу, но, к счастью, бомбы упали на краю летного поля, не причинив никаких повреждений. Поднявшееся по тревоге звено сбilo шесть из них прямо над аэродромом. Пилоты обеих групп (II/JG54 и III/JG54. — Прим. М.М.) во время атаки лежали в палатках. Капитан Лигниц (командир группы III/JG54. — Прим. М.М.) наблюдал, как один бомбардировщик упал прямо перед его тентом».* В вышеописанном бою вместе со своими машинами погибли экипажи лейтенанта Рындина, младших лейтенантов Корункова и Уланова. Экипаж лейтенанта Куцика спустя несколько суток в полном составе вышел к своим. Это же удалось и командиру эскадрильи майору Иванову, но его штурман и стрелок-радист погибли вместе с самолетом.

Как ни горька была бы трагедия 4-й эскадрильи, в утренние часы, по-видимому, еще существовала возможность нанести внезапный удар по войскам противника без существенных потерь. Это подтверждается полетом разведывательного звена 3-й эскадрильи 57-го бап (вылетело только два ДБ-3 — третий остался на земле из-за неполадок), поднявшегося с аэродрома Котлы в 07.26. Погода, обнаруженная на маршруте, была не идеальной, но в целом благоприятной для действий бомбардировщиков без истребительного прикрытия: облачность на высоте от 200 до 1000 м силой 9—10 баллов с постепенным повышением ее высоты в районе цели до 400—1400 м, видимость 2—4 км, местами дождь¹. Спустя два часа летчики пересекли Двину и сразу же обнаружили интенсивное движение на дорогах, ведущих к Екабпилсу. В том, что обнаружен противник, сомневаться не приходилось — многие танки и автомашины сверху были разрисованы в красный цвет с белым кругом и свастикой в центре. Так немецкие наземные войска пытались избежать ударов своей собственной авиации, которая, по всей вероятности, казалась им в тот момент куда опасней, чем разгромленные ВВС Красной Армии. В 09.40 разведчики сбросили свои 20 ФАБ-50 на вражеские войска в районе литовского города Сувайнишкис и без каких-либо происшествий спокойно вернулись на свой аэродром. К сожалению, переданная командиром звена по радио разведин-

¹ Характерная деталь: в отпечатанном на машинке «Отчете о боевых действиях ВВС КБФ против германского фашизма в период 22.6—22.10.1941» (ОЦВМА, ф. 46, д. 25875, лл. 30—37) информация о погоде в районе цели перечеркнута чернильной ручкой и исправлена на «ясная безоблачная погода». Видимо, таким образом неизвестный фальсификатор пытался найти дополнительную мотивировку жесточайших потерь, понесенных ВВС КБФ в этот день.

формация не была получена в Котлах и стала известна командованию только после посадки самолетов в 12.00. К этому времени полковник Логинов уже приказал поднять в воздух две группы «ильюшиных» 57-го авиаполка.

Первой около 10.35 с летного поля в Котлах взлетела 5-я эскадрилья, ведомая капитаном П.А. Чемодановым. В нее входило 3 ДБ-3ф и столько же ДБ-3. Встретив на маршруте облачность, Чемоданов снизил высоту полета до 100—200 м. Вскоре над лесным районом восточнее Пскова группа попала в дождь и окончательно потеряла ориентировку. В течение 1,5—2 часов эскадрилья кружила где-то в районе Двинска, но немецких войск так и не обнаружила. Когда бензина осталось только на обратный путь, Чемоданов приказал сбросить бомбы в болото. Около 15 часов все машины, кроме одной, севшей из-за технической неисправности в 1 км южнее Котлов, приземлились на базе.

На 15 минут позже Чемоданова с аэродрома Керстово стартовала 4-я эскадрилья капитана М.Н. Хроленко (9 ДБ-3ф). Группе удалось выдержать высоту 200—400 м, сохранить ориентировку и пересечь Двину. Осуществляя поиск войск противника примерно в 20 км южнее Крустпилса, наши экипажи внезапно увидели на небольшом удалении от себя воздушный бой с участием примерно 150 самолетов. Почти наверняка можно утверждать, что в нем принимали участие две группы бомбардировщиков 73-го полка (5 СБ 4-й эскадрильи, ведомые ст. лейтенантом Косовым, и 6 СБ 5-й эскадрильи во главе с капитаном Ивановым) и, возможно, какие-то самолеты из состава ВВС фронта и 1-го бомбардировочного корпуса ДБА. В 13.07 группа Хроленко была атакована примерно тремя десятками «мессершмиттов». Несмотря на удары, сыпавшиеся со всех сто-

рон, эскадрилья осталась на боевом курсе и спустя 2 минуты сбросила на двигавшиеся по шоссе войска противника 72 ФАБ-100. Лишь после этого Хроленко увел уцелевшие машины в облака, где им удалось оторваться от преследователей. Выполнение боевой задачи было достигнуто дорогой ценой. Погибли вместе со своими экипажами четыре ДБ-3ф, пилотируемые капитаном Манько, ст. лейтенантом Головиновым, лейтенантами Бурундасовым и Колосовым. Все уцелевшие машины имели серьезные повреждения, а двое находившихся на них стрелка-радиста (мл. сержанты Меньшаков и Чернобыльский) были убиты вражескими пулями. Немецкие потери от ответного огня по докладу составили 2 Vf.109F. Еще более чувствительные утраты понесла группа капитана Иванова, подвергшаяся ожесточенному нападению в 13.10. 4 из 6 входивших в нее СБ рухнули на землю, причем один из них, пилотируемый мл. лейтенантом П.П. Пономаревым (штурман В.П. Вотиннов, стрелок-радист И.С. Варенников), непосредственно на шоссе, совершив, таким образом, «огненный таран» колонны войск противника. К сожалению, этот подвиг так и остался неоцененным, хотя командующий КБФ адмирал В.Ф. Трибуц после войны и упомянул о нем в своих мемуарах. Кроме Пономарева, непосредственно над целью погиб экипаж мл. лейтенанта Глухова, а СБ ст. лейтенанта Круглова и мл. лейтенанта Мелкумова упали при возвращении. Всем членам их экипажей, за исключением Круглова и стрелка-радиста с самолета Мелкумова, удалось выйти к своим. По донесениям, в неравном бою стрелки СБ сбили один «мессершмитт».

Истребляя эскадрильи Хроленко и Иванова, немцы не заметили группу ст. лейтенанта Косова, шедшую на чуть большей высоте. По всей видимости, старший

лейтенант учел факт гибели половины эскадрильи в утреннем вылете и решил бросать бомбы в разрывы между облаками с высоты около 500 м. В 13.13 пятерка СБ успешно отбомбилась, так и не встретившись с противником. Еще раньше — около 13.00 — это же решение реализовал командир 2-й эскадрильи того же полка капитан Б.П. Сыромятников. Ведомые им 8 Ар-2 сбросили бомбы с высоты в 1400 м, где, естественно, истребителей противника не оказалось. Обратной стороной данного успеха стало неизбежное снижение точности бомбометания.

И все-таки отсутствие потерь у двух последних групп было скорее результатом случайного стечения обстоятельств, чем безупречного замысла их ведущих. Отбив первую крупную атаку бомбардировщиков, эскадрильи 54-й эскадры возобновили барражирование и вскоре сбили вылетевшую в 12.05 на разведку из Пярну пару СБ (машины заместителя командира 73-го полка капитана Никанорова и летчика 5-й эскадрильи мл. лейтенанта Дароган). Экипажи обеих «катюш» сопротивлялись до последнего, но выиграть безнадежный воздушный бой, конечно же, не смогли. Несмотря на то, что оба самолета упали над нашей территорией, из их экипажей выжили только капитан Никаноров и штурман второго самолета — остальные летчики были убиты пулями и снарядами «мессершмиттов» еще в воздухе.

Успешно проведя вышеописанные воздушные бои, пилоты немецких истребительных групп, очевидно, произвели посадку, чтобы пополнить запасы топлива и боеприпасов. На смену им вылетели свежие эскадрильи, в то время как побывавшие в бою подразделения перешли в «горячий резерв». Все эти мероприятия подходили к концу, когда в воздухе показались ударные эшелоны 1-го минно-торпедного полка. Их немедлен-

но с разных сторон атаковали вражеские истребители. Лично руководивший атакой коммодор 54-й истребительной эскадры майор Ганс Траутлофт впоследствии вспоминал: «Как только мы достигаем самолетов противника, разворачивается бешеный воздушный бой. Повсюду ты можешь видеть падающие как кометы русские бомбардировщики. Небо наполнено горящими самолетами. Мы собираем с них ужасную дань: Я атакую одиночного русского, по-видимому, отставшего от своего строя из-за зенитного огня. Длинная очередь оставляет его в огне, после чего один из членов его экипажа выпрыгивает с парашютом. Горящий самолет врзается в землю в лесном массиве в десяти километрах севернее нашего аэродрома, но я к этому времени уже нахожусь позади следующего. Я стреляю раз, второй, и пламя окутывает его левый мотор, из которого вываливается стойка шасси. Он переходит в крутое пики и устремляется к небольшому озеру. Бомбардировщик касается его поверхности, отскакивает от нее, как скользкий камень, перелетает через береговую черту и в конце концов терпит крушение в лесу, сопровождающееся огромным каскадом огня. Слева я могу видеть другой сбитый самолет, а спереди — еще один. Это была ужасающая картина. Внезапно один из Вф. 109 переворачивается на спину и на большой скорости врзается в землю. По-видимому, его пилот был смертельно ранен. Когда мы вернулись на базу, почти каждый самолет приобрел на свои крылья победные знаки. Четверо из наших пилотов пропали без вести: обер-лейтенант Мютерих, лейтенант фон Малаперт, обер-фельдфебель Штотц и обер-фельдфебель Кенинг. Сбитыми видели только два Вф. 109. Что могло случиться с двумя другими? Последнее, что слышали по радио от обер-лейтенанта Мютериха, было: «В меня попали, я должен прыгать». К счастью, он вернулся». Забегая вперед, отметим, что

общие потери двух немецких истребительных авиагрупп в воздушных боях 30 июня сбитыми составили пять «мессершмиттов», а еще три получили серьезные повреждения при взлетах на собственных аэродромах. Из пилотов погибли лейтенант фон Малаперт, фенрих Вашель и обер-фельдфебель Кенинг. В то же время пилоты обеих принимавших участие в боях групп доложили о 65 воздушных победах, а «героем дня» стал оберлейтенант Ганс-Эккехардт Боб, доложивший о сбитии четырех СБ. Как же выглядела воздушная схватка с нашей стороны?

В 11.07 с аэродромов Копорье, Беззаботное и Клопицы начали подниматься в воздух самолеты 1-го авиаполка. Вылет осуществлялся поэскадрильно с интервалами в 10—15 минут. Считалось, что более массивированный боевой порядок неприменим из-за погодных условий, хотя не исключено, что этому имелась и другая, более прозаическая причина. Дело в том, что командир полка майор Н.В. Абрамов не имел навыков пилотирования ДБ-3 и потому возглавить полк просто не мог. Другой причиной была очевидная недооценка возможностей противника. То ли из-за отсутствия информации, то ли желая успокоить пилотов, флагштурман 8-й авиабригады капитан А.А. Ермолаев, инструктировавший экипажи, вылетающие с аэродрома Копорье, сказал, что вражеских истребителей в районе цели нет.

В том, что это не так, нашим авиаторам предстояло вскоре убедиться. Одной из первых около 14.20 в район цели подошла ведомая командиром 2-й эскадрильи капитаном В.А. Гречишниковым резервная группа полка в составе 6 ДБ-3. Для того чтобы представить последующие события, предоставим слово лично участвовавшему в вылете штурману полка П.И. Хохлову. По-

сколько из непосредственных участников удара он один оставил после себя мемуары, отрывок из них имеет смысл привести почти полностью¹: «Точных данных о погоде по маршруту полета и в районе цели у нас нет. По прогнозу аэродромной метеостанции выходило, что слоистая облачность встретится на высоте около 1200 метров при относительно хорошей видимости. Но прогноз не оправдался. Уже на полпути пошли кучевые облака с нижней кромкой 200—300 метров. Местами шел дождь, снижая видимость до 2—3 километров.

Летим на малой высоте, под облаками, стараемся обходить стороной ливни. Но это не легко. Вокруг сверкают молнии, грохочут громовые раскаты... (Далее следует описание нападения истребителей И-153 ВВС Северного фронта, не подтвержденного, однако, архивными данными. — Прим. М.М.) За сотню километров от Двины стали попадаться самолеты Ил-4 (очевидно, имелись в виду машины эскадрильи Хроленко; до марта 1942 г. Ил-4 назывался ДБ-3ф. — Прим. М.М.), идущие встречным курсом. Наши, уже возвращавшиеся с двинской переправы, на которую шли мы. Летели они разрозненно. Некоторые, видно, были повреждены — еле тянули. Должно быть, им крепко досталось в бою над Двинском. И нам стало ясно — внезапного налета на цель не получится, предстоит жаркая схватка в воздухе. Противник наверняка встретит нас на подходе к цели.

Погода стала заметно меняться. Появились большие

¹ П.И. Хохлов летел штурманом на самолете командира звена ст. лейтенанта А.М. Шевлягина. Необходимо заметить, что практически все воспоминания и написанные ветеранами исследования (М.Л. Львова, В.И. Минакова, П.И. Хохлова и др.) в сравнении с архивными документами содержат многочисленные неточности и не могут служить в качестве полностью достоверного источника при анализе событий 30 июня 1941 г.

разрывы в облачности, нижняя ее кромка поднялась до 600 метров, значительно увеличилась видимость. Советуемся с командиром, продолжать ли полет над облаками? Так, конечно, безопаснее. Но если окажется, что переправа через Даугаву закрыта облачностью, то нам придется повторно заходить на цель под огнем зенитной артиллерии и истребителей противника».

К настоящему отрывку мемуаров необходимо сделать ряд комментариев. Во-первых, ведущим группы был самолет не Шевлягина, а Гречишникова, так что решения относительно высоты полета Хохлов принимать не мог. Во-вторых, целью летчиков были не переправы, а движущиеся к ним войска.

«Решаем продолжать полет под нижней кромкой облаков, держа высоту примерно 500 метров.

Впереди по курсу видим довольно много очагов огня. От земли ввысь поднялись столбы дыма, сквозь которые пробиваются языки пламени. Стрелок-радист Казунов докладывает:

— Справа, на удалении трех-четырех километров, идет воздушный бой.

Всматриваемся туда. Да, несколько пар Ме-109 атакуют пятерку наших Ил-4, идущую от цели на север. Но рассматривать некогда. Впереди блеснула лазурью широкая гладь Даугавы. Мы точно подходим к переправе. И сразу же попадаем под сильный огонь зенитных орудий.

Два ведомых самолета, один за другим, падают слева от переправы. На нас сверху пикируют несколько «мессершмиттов». От их огня загорается еще один из наших ведомых, но пока еще держится в воздухе.

Оглушительный треск не прекращается в нашем самолете. Машина то и дело вздрагивает от осколочных попаданий. А вокруг в нескончаемой карусели кружат вражеские истребители. Трудно даже определить, сколько

их в этом круговороте. Нам не приходится рассчитывать ни на какое прикрытие. И тем не менее наши бомбардировщики не дают спуску врагу. Экипажи ведут огонь из всех своих огневых средств. И вот один из Me-109 загорелся. Сначала он как будто завис впереди и чуть повыше нашего самолета, но тут же перевернулся вокруг своей продольной оси (похоже, что гибель именно этого «мессершмитта» наблюдал и Траутлофт. — Прим. М.М.), обнажив черные кресты на плоскостях, и, волоча за собой дымный шлейф, врезался в берег.

— Еще один гад нашел себе могилу! — восклицает Шевлягин.

Понтонный мост в двух местах разрушен. На южном берегу Даугавы виднеются скопления техники и пехоты противника. Фашисты уходят от разрушенной переправы на юг и на запад, но встречные потоки транспорта и техники перекрыли дороги. Образовались пробки. Там горят танки, автомашины, сбитые самолеты.

С большим трудом мы прорываемся к левому берегу реки. Шевлягин торопит:

— Быстрее выводи группу на цель. Быстрее сбрасывай бомбы и — в облака. Иначе нас собьют.

Я тороплюсь, но хочется ударить туда, где погуще. Мы довернули немного вправо и с высоты 500 метров обрушили бомбовый груз на крупное скопление танков, машин, орудий. Большое пространство внизу покрылось огнем и дымом. Все там переворачивалось в огненном водовороте.

Теперь — уходить! И как можно быстрее. Уклоняясь от атак истребителей, тройка самолетов нашей группы скользнула в облака. Выходим из них уже в пяти километрах от переправы. Осматриваемся и в один голос:

— Где третий?

Третьего самолета нет. Что с ним? Установить не-

возможно... Оставшись теперь в паре, мы ищем возможность перелететь через Даугаву, на ее правый берег, чтобы взять курс на свой аэродром. Но не удается. Над рекой барражирует большое количество истребителей. Идти на них рискованно. Приходится лететь на северо-запад, в сторону Риги. Река остается справа.

Летим пять, десять километров и вдруг замечаем отставание последнего из ведомых — самолета, пилотируемого младшим лейтенантом В. Ф. Смирновым. В этот экипаж входили также штурман младший сержант В. М. Малышев, стрелок-радист сержант И. М. Бондарь. Что за оказия с ним? Мы разворачиваемся и пристраиваемся в хвост к самолету Смирнова. Летим за ним следом, пытаюсь разобраться: почему он отстает?

Слева показался городок Илкусте. И тут произошло самое невероятное. Самолет Смирнова с большим углом пикирования пошел вниз и на наших глазах врезался в землю. Над ним взметнулось пламя.

Все это было непонятно. Ведь никто из экипажа не прыгнул с парашютом. Не было заметно и попытки летчика вывести машину из пикирования или хотя бы дать нам какой-то знак, условный сигнал. Оставалось строить предположения. Вероятнее всего, летчик, будучи ранен, потерял сознание. Либо повреждения самолета оказались настолько серьезными, что экипаж был бессилен не только устранить их, но даже покинуть машину в воздухе. Обиднее всего было то, что экипаж погиб, когда самое опасное осталось позади.

Мы шли теперь в одиночестве, не имея за собой ни одного ведомого. Ни одного из пяти подходивших к цели! От этой мысли я почувствовал какую-то пустоту, оцепенение. Болью в сердце отозвалась гибель стольких боевых товарищей, прекрасных авиаторов.

Наконец пересекли Даугаву, пошли прямым курсом на

Беззаботное. И лишь теперь стали замечать, как сильно поврежден наш самолет. На плоскостях зияли рваные дыры, из правого мотора по плоскости темными полосами струилось масло... Но самолет летел... На исходе пятого часа труднейшего полета мы — над своим аэродромом. А как садиться? Только теперь стало ясно, что поврежденные шасси не выпускаются. Садимся на фюзеляж. Обошлось. Здесь нам повезло... Об остальных деталях боя мы узнали чуть позже. А пока занялись осмотром своего самолета. Нашли в нем более пятидесяти осколочных и пулевых пробоин.

— *Это чудо, что машина не загорелась, — сказал полковой инженер В. К. Морозов. — И вообще невообразимо, как вы могли лететь на ней?»*

Несколько иначе вырисовывалась картина произошедшего из анализа архивных документов. На подходе к цели группа подверглась внезапной атаке «мессершмиттов» и обстрелу с земли, в результате чего были сбиты машины мл. лейтенанта Смирнова (в оперсводке самолет значится как севший на вражеской территории после атаки истребителей противника) и лейтенанта Серебрякова (сбит прямым попаданием тяжелого зенитного снаряда — единственная достоверная потеря от огня зенитной артиллерии). Вопреки воспоминаниям П.И. Хохлова, ни об одном сбитом Вф.109F наши авиаторы не докладывали. Уклоняясь от атаки, группа скрылась в облаках, где пилоты потеряли друг друга и продолжили выполнять задачу самостоятельно. В дальнейшем машины продолжали подвергаться спорадическим атакам истребителей, причем некоторые из них углублялись на расстояние до 30 километров в глубь нашей территории. В результате тяжело поврежденный ДБ-3, пилотируемый Гречишниковым, сел в районе станции Плюсса (экипаж на следующий день прибыл в

Ленинград на поезде, данных о дальнейшей судьбе машины найти не удалось), другой ДБ (лейтенант Леонов) в не менее тяжелом состоянии — на аэродроме в Сиверской (перелетел в Беззаботное 2 июля). Как уже упоминалось, самолет Шевлягина садился «на брюхо» в Беззаботном, и лишь «ильюшин» лейтенанта Дашковского вернулся на базу в боеспособном состоянии.

Группой наших самолетов, бой которой Хохлов наблюдал при приближении к цели, несомненно, была 1-я эскадрилья, ведомая капитаном Н.В. Челноковым. Согласно полковому отчету, она подошла к цели на 5 минут позже Гречишникова, но это расхождение, по-видимому, объясняется неточностью хода часов летчиков, стартовавших с разных аэродромов. Именно это подразделение на инструктаже получило информацию об отсутствии истребителей, так что последовавшее нападение оказалось для наших авиаторов совершенно внезапным. Тем не менее Челноков попытался сохранить строй, что дало возможность некоторое время отбивать атаки сосредоточенным огнем стрелков-радиостов. Попав под обстрел с находившейся буквально под самолетами земли, строй эскадрильи распался, и далее каждый бомбардировщик действовал самостоятельно. Кажется невероятным, что только четыре из девяти ДБ-3ф оказались сбиты — очевидно, закончить истребление немцам помешало прибытие последующих ударных эшелонов, а также ожесточенное сопротивление, оказанное стрелками-радистами. По-видимому, именно в этом бою JG54 и понесла свои основные потери — стрелки группы доложили о 7 сбитых «мессершмиттах», что составляло почти половину сделанных нами в тот день заявок. Полностью погибли вместе со своими крылатыми кораблями экипажи, возглавляемые мл. лейтенантами Абраменко и Копыловым. Уже на обрат-

ном пути, в районе Вышгородка (40 км юго-западнее Острова), пошла на вынужденную посадку тяжело поврежденная машина мл. лейтенанта Калинин. При приземлении у ДБ отвалилась хвостовая часть, но экипаж остался невредим, если не считать раненного пятью пулями стрелка-радиста Ростовцева. Из пяти бомбардировщиков, дотянувших до Копорья, все имели различные повреждения, причем на трех насчитывалось более 20 пробоин.

Особого рассказа требует четвертый погибший «ильюшин», пилотирувавшийся мл. лейтенантом П.С. Игашевым. По свидетельству очевидцев, уже над целью его самолет был атакован сразу тремя Вф.109 и загорелся. Ответным огнем обоих стрелков был сбит один из нападавших. Волки продолжали добивать свою несчастную жертву, когда произошло немыслимое — после очередного захода один из истребителей начал набор высоты и внезапно оказался прямо перед носом обреченного бомбардировщика. По наблюдениям сослуживцев, Игашев таранил и уничтожил врага. Затем ДБ-3ф перешел в пикирование и врезался прямо в гущу войск противника. Ни один из членов экипажа (командир — младший лейтенант Игашев Петр Степанович, штурман — младший лейтенант Парфенов Дмитрий Григорьевич, стрелок-радист — младший лейтенант Хохлачев Александр Митрофанович, воздушный стрелок — краснофлотец Новиков Василий Логинович) не предпринял попытки покинуть гибнущую машину, что давало повод говорить об «огненном таране», совершенном по единодушному решению всех четырех авиаторов. Удивительно, что несмотря на то, что подвиг экипажа бомбардировщика сразу стал широко известен, ни в 1941 г., ни в последующие годы Великой Отечественной войны герои так

и не были удостоены никаких наград. Лишь в год 20-летия Победы летчиков наградили орденами Отечественной войны I степени, дополненными спустя еще 30 лет званиями Героев России. Некоторые скептики высказывают мнение, что, мол, столкновение самолетов если и произошло, то произошло случайно, а падение после столкновения было и вовсе непреднамеренным. Хотя, конечно, отрицать или утверждать что-либо при анализе подобной ситуации нельзя, хотелось бы ответить этим господам, что для ветеранов войны и личного состава ВВС имя Игашева стало прежде всего символом героизма всех наших авиаторов, которые в первые дни войны не щадя своих молодых жизней шли на верную смерть, пытаясь остановить танковые колонны захватчиков под Двинском, Бобруйском, Уманью и во многих других местах огромного советско-германского фронта.

С небольшим интервалом вслед за двумя первыми группами в бой вступила 3-я эскадрилья капитана М.Н. Плоткина (9 ДБ-3). Уже в который раз в течение этого трагического дня ситуация повторилась: после первой атаки «мессершмиттов», сбивших машину лейтенанта Чевырова (выпрыгнувший с парашютом пилот вышел в расположение части спустя 13 суток, другие члены экипажа пропали без вести), остальные бомбардировщики нырнули в облака, где их боевой порядок нарушился. Отдельные звенья и экипажи продолжали выполнение задачи в тот момент, когда количество вражеских истребителей в воздухе, за счет поднятых по тревоге, достигло максимума. В результате эскадрилья понесла потери, в процентном отношении наибольшие по сравнению с другими подразделениями. На базу удалось вернуться только трем ДБ (Плоткина, ст. лейтенанта Громова и лейтенанта Хорева), из которых один имел

сильные и один средние повреждения. Судьба шести других «ильюшиных» выяснилась лишь спустя несколько дней. Изрешеченный пулями самолет замком-эска лейтенанта И.И. Борзова упал на нашей территории, но всем членам экипажа, кроме погибшего стрелка-радиста Леоненко, удалось спастись, выпрыгнув с парашютами. Несмотря на серьезные ожоги Борзова, через 6 дней летчикам удалось выйти к своим. Еще более драматически сложилась судьба штурмана Харламповича из экипажа ст. лейтенанта Тяжельникова. Он оказался единственным, кому удалось успешно покинуть горящую машину, но обратный путь в часть занял ни много ни мало 36 суток (!!!). Сбитый истребителями противника бомбардировщик ст. лейтенанта Борисенка был найден в районе поселка Дубна в 1974 г., а самолеты лейтенантов Дроздова и Кудинова пропали без вести. По докладам, ответным огнем было сбито три вражеских истребителя.

По всей видимости, в атаках на эскадрилью Плоткина немцы израсходовали почти весь боекомплект и были вынуждены вновь произвести посадку для его пополнения. В любом случае прибывшие около 15.30 к месту событий восемь ДБ-3ф 5-й эскадрильи полка¹ имели боевое столкновение всего с восемью «мессершмиттами». Любопытно отметить, что спасительное опоздание с прибытием в район цели объяснялось плохой организацией службы на недооборудованном аэро-

¹ К сожалению, автору статьи не удалось обнаружить в архивных документах фамилию ведущего 5-й эскадрильи. В написанных же ветеранами исследованиях в качестве ведущего зачастую упоминается заместитель командира 3-й эскадрильи лейтенант И.И. Борзов. Причина появления этой заведомо ложной информации очевидна — в 50-е годы И.И. Борзов командовал ВВС КБФ, а с 1962 по 1974 г. — ВВС ВМФ, так что недостатка в желающих приукрасить бывшие подвиги маршала авиации не наблюдалось.

дроме Клопицы. Самолетам этой группы удалось сохранить строй, выполнить задачу и даже якобы сбить двух нападавших. Единственной потерей стал бомбардировщик мл. лейтенанта Новицкого. Его машина была подожжена огнем Vf.109F и села на обратном пути в районе Острова. Экипаж, включая раненого стрелка-радиста, успел покинуть сгоревший ДБ. Ранения в воздушном бою получили еще три летчика эскадрильи, включая пилота ст. лейтенанта Медведева.

Вслед за сравнительно удачным ударом 5-й эскадрильи последовал очередной интервал, затянувшийся на два с половиной часа. Еще в 12.37 в штаб 8-й авиабригады поступило приказание командующего ВВС КБФ: *«Всем экипажам сходить по два раза. Там решается судьба КБФ»*, но реально выполнить его могли только две эскадрильи 57-го бап, задействованные в утренней воздушной разведке Финского залива (для этой цели было сделано по 6 вылетов ДБ-3 и СБ). В 16.09 с ВПП в Котлах взлетела 2-я эскадрилья капитана Рубцова (8 СБ), спустя 17 минут после нее — 3-я эскадрилья капитана А.Я. Ефремова (6 ДБ-3). В 18.20 группа Ефремова прибыла в район цели. Очевидно, имея от вернувшихся экипажей информацию об организации вражеской ПВО, комэск решил обойти Двинск с востока, а затем, набрав высоту до 1200 м, где примерно проходила нижняя кромка облачности, произвести поиск в западном направлении. Данный замысел увенчался успехом — бомбы были сброшены точно на цель, причем боевое столкновение с воздушным противником имело только второе звено. В результате скоротечного боя был сбит «мессершмитт», но одному из бомбардировщиков пришлось сесть в 30 километрах северо-восточнее Крустпилса. Машина была разбита, но экипаж, включая раненого стрелка-радиста, вышел к своим.

Пострадал и ДБ-3 Ефремова. Самолет загорелся, но опытному пилоту, использовавшему энергичное маневрирование и баллоны с углекислотой, удалось сбить пламя и дотянуть до аэродрома. Осмотр показал, что «ильюшин» имел более 100 осколочных и пулевых пробоин.

Более трагично сложилась судьба эскадрильи Рубцова. Снизив высоту полета из-за низкой облачности, группа потеряла ориентировку и вскоре рассеялась. Отставшие от ведущего СБ лейтенантов Гусева и Джикаева сбились с курса, не нашли цели и на последних каплях бензина сели на аэродроме Старой Руссы. Шесть остальных бомбардировщиков внезапно для себя оказались над Двиной и подверглись весьма точному обстрелу зенитной артиллерии. После повреждения одного из моторов самолет лейтенанта Чечетина прекратил выполнение задачи и вернулся в Котлы, остальная же часть эскадрильи пропала без вести. Лишь на следующие сутки удалось выяснить ее судьбу. В результате повреждений, полученных от обстрела с земли и атак истребителей, СБ лейтенанта Целовальникова сел в районе Острова, а самолеты капитана Петрова и лейтенанта Мищенко — под Псковом. Даже если сами бомбардировщики и могли быть восстановлены, этому помешали условия наземной обстановки. В числе исчезнувших вместе со своими экипажами так и остались машины комэска Рубцова и ст. лейтенанта Губанова. Последними, еще спустя 1,5 часа, с большой высоты войска противника бомбила семерка Ар-2 из эскадрильи капитана Б.П. Сыромятникова. Это подразделение стало единственным, которому удалось не только дважды в течение дня слетать в район Двинска, но и не понести при этом никаких потерь.

Общие результаты вылетов можно представить в виде следующей таблицы:

Подразделение	Ведущий	Число вылетающих	Время удара	Сбито в районе цели	Село на своих аэродромах	Село вне своих аэродромов	Число поврежденных	Потери личного состава
1 мтап								
1/1 мтап	к-н Челноков	9 ДБ-3ф	14.25	4	5	—	5	+11, =1
2/1 мтап	к-н Гречишников	6 ДБ-3	14.20	2	2	2	3	+7
3/1 мтап	к-н Плоткин	9 ДБ-3	ок. 14.45	6	3	—	2	+15, =1
5/1 мтап	???	8 ДБ-3ф	15.30	1	7	—	?	=4
Итого		32		13	17	2	10+?	+33, =6
57 бап								
2/57 бап	к-н Рубцов	8 СБ	ок. 18.00	5	1	2	1	+6, =2
3/57 бап	???	2 ДБ-3	09.40	—	2	—	—	—
??/?	к-н Ефремов	6 ДБ-3	18.20	—	5	1	1	=1
4/57 бап	к-н Хроленко	9 ДБ-3ф	13.07	4	5	—	5	+14
5/57 бап	к-н Чемаданов	3 ДБ-3 3 ДБ-3ф	— (13.05)**	—	5	1	1	—
Итого		31		9	18	4	8	+20, =3

Подразделение	Ведущий	Число вылетающих	Время удара	Сбито в районе цели	Село на своих аэродромах	Село вне своих аэродромов	Число поврежденных	Потери личного состава
73 бап								
Упр./7 3 бап	к-н Никаноров*	1 СБ	ок. 13.45	1	—	—	—	+3
?/73 бап	???	2 СБ	ок. 04.30	—	2	—	—	—
2/73 бап	к-н Сыромятников	8 Ар-2	13.00	—	8	—	—	—
?/?	?/?	7 Ар-2	ок. 19.30	—	7	—	—	—
4/73 бап	м-р Иванов	6 СБ	ок. 08.30	5	1	—	—	+11
?/?	ст. л-т Косов	5 СБ	13.13	—	5	—	—	—
5/73 бап	к-н Иванов	6 СБ	13.10	4	2	—	?	+8
?/?	мл. л-т Дароган*	1 СБ	ок. 13.45	1	—	—	—	+2
Итого		36		11	23	—	?	+24, =?
Итого ВВС КБФ		99		33	58	6	18+?	+77, =9+?

Условные обозначения: * — разведывательный вылет, ** — цель не обнаружена, + — число погибших, = — число раненых.

В воздушных боях, по донесениям нашей стороны, было сбито 16 «мессершмиттов» (12 — стрелками 1-го мтап, три — 57-го и один — 73-го бап) и сброшено на головы войск противника не менее 42 тонн бомб¹. Только авиаторы 1-го авиаполка доложили об уничтожении 50 единиц бронетехники и около 200 автомашин. И если потери противника в воздухе нам доподлинно известны, то об ущербе, нанесенном его наземным силам, можно только догадываться. В своих «Утеранных победах» Эрих Манштейн писал: *«В эти дни советская авиация прилагала все усилия, чтобы разрушить воздушными налетами попавшие в наши руки мосты. С удивительным упорством, на небольшой высоте одна эскадрилья летела за другой с единственным результатом — их сбивали. Только за один день наши истребители и зенитная артиллерия сбили 64 (необходимо напомнить, что за 30 июня только пилоты II и III/JG54 доложили о 65 воздушных победах. — Прим. М.М.) советских самолета»*. Определенная обеспокоенность сквозит в записи, сделанной генералом Ф. Гальдером 1 июля: *«Наше командование серьезно недооценивало силы авиации противника в отношении численности. Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше, чем 8000 самолетов. Правда, теперь из этого числа, видимо, сбиты и уничтожены почти половина, в результате чего сейчас наши силы примерно уравнились с русскими в численном отношении. Но боеспособность русской авиации значительно уступает нашей вследствие плохой обученности их летного состава. Поэтому, например, во время вчерашних воздуш-*

¹ Архивные данные по данному поводу весьма противоречивы. Так, по отчетам полков значится, что 1-й мтап сбросил 30 ФАБ-100 и 269 ФАБ-50, а 57-й бап — 72 ФАБ-100, 120 ФАБ-50 и 1920 АО-2,5. В то же время в бригадной оперсводке указано, что сброшено 196 ФАБ-100 и 295 ФАБ-50. 73-й бап (данные представляются весьма неполными) согласно оперсводке 10-й сабр сбросил 16 ФАБ-100 и 20 ФАБ-50.

ных боев над Двинском и Бобруйском атаковавшие нас воздушные эскадры противника были целиком или большей частью уничтожены». Не вызывает сомнения, что ни один генерал, тем более проигравшей армии, не стал бы выпячивать собственные потери, но в главном они правы — наши налеты не смогли задержать запланированного наступления немцев ни на день, ни на час. К концу суток в 1-м мтап насчитывался всего 21 исправный ДБ-3, в 57-м — 16 ДБ и 2 СБ (к началу войны полки имели 61/53 ДБ и 33/26 ДБ, 15/12 СБ соответственно), так что на следующие сутки продолжения налетов даже не планировалось. После доклада командования КБФ наркому ВМФ о понесенных потерях поступило приказание «задержать использование минно-торпедной авиации до приведения ее в порядок». На смену ей со следующего дня эстафету бомбардировки войск и переправ переняли ВВС Северного фронта (бывш. Ленинградского военного округа). Любопытно отметить, что фронтовые разведчики совершили несколько удачных облетов войск противника еще 30 июня (и наверняка наблюдали трагедию морской авиации), но приказ о нанесении ударов ВВС СФ получили только 1 июля. В течение трех последовавших дней авиаторы Северного фронта совершили 296 самолетовылетов на бомбежку района Двинск — Крустпилс, практически не понеся потерь — 54-й эскадре, видимо, нелегко далась одержанная 30-го победа! Лишь с 4 июля противник возобновил противодействие истребителями, в результате чего до 10 июля включительно мы потеряли еще 60 бомбардировщиков и 20 экипажей.

Подводя итог всему вышеописанному, хотелось бы обсудить два основных дискуссионных момента. Во-первых, оценить масштабы потерь, понесенных ВВС КБФ 30 июня. Известный балтийский летчик-истребитель, Герой Советского Союза В.Ф. Голубев в опубликованной в

сборнике «Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945 гг.» статье «Цена Победы» писал: *«В результате все полки понесли большие потери. С боевых заданий не вернулись: от 1-го МТАП — 11 экипажей на самолетах ДБ-3, ДБ-3ф, от 57-го МТАП — 9 экипажей на ДБ-3; от 73-го БАП — 11 экипажей на СБ (из 14 вылетавших). (Об истинных потерях ВВС КБФ см. помещенную выше таблицу. — Прим. М.М.). Кроме того, часть самолетов, получивших повреждения, не долетев до целей, произвели вынужденные посадки на других наших аэродромах.*

Все вылетавшие на задание самолеты имели различной степени повреждения от зенитного огня, атак истребителей, требовали ремонта, в том числе и капитального.

К исходу дня все три полка потеряли боеспособность, что потребовало не только срочного пополнения летного состава, но и необходимости отправить на переформирование и получение для 73-го бап новых самолетов Пе-2 (пикирующих бомбардировщиков), а для 57-го мтап — самолетов ИЛ-2 (штурмовиков).

Такой массовой потери ударной авиации за один день — 30 июня 1941 г. в истории флота еще не было».

Подобные оценки встречаются и в других изданиях.

Справедливости ради следует признать, что авторы подобных оценок несколько сгустили краски. Фактически приказ Н.Г. Кузнецова о временном запрещении использования минно-торпедной авиации на сухопутном фронте спас ее от немедленного истребления; впрочем, ненадолго. С 14 июля действия 1-го мтап и 57-го бап на сухопутном направлении возобновились. ВВС КБФ было приказано непрерывными бомбоштурмовыми ударами содействовать войскам фронта в уничтожении врага в районе озера Самро. Авиация флота выполняла эту задачу в течение четырех суток.

На этот раз ДБ-3 действовали с высот 1500—2000 м отдельными группами по 6—9 самолетов под прикрытием истребителей МиГ-3 5-го иап. В среднем в день производилось от 10 до 70 вылетов бомбардировщиков, причем некоторые экипажи поднимались в воздух по три раза. Всего за четыре дня боевых действий только части 8-й авиабригады произвели 263 самолетовылета и сбросили на врага более шести с половиной тысяч бомб общим весом более 190 т. Потери при этом, даже несмотря на сопровождение истребителями, оказались весьма чувствительными. Только 1-й мтап за 14—18 июля потерял 11 самолетов ДБ-3 и ДБ-3Ф. С учетом тех утрат, которые полк понес 30 июня, получалось, что часть лишилась примерно половины самолетов и трети экипажей. 57-й бап потерял с 10 по 12 июля пять бомбардировщиков ДБ-3. В конце июля он передал все ильюшинские машины в 1-й мтап, продолжив сражаться на СБ и только что поступивших от промышленности Ил-2. 73-й бап с начала войны до начала октября потерял 45 СБ (в том числе 11—30 июня), 15 Ар-2 и 4 Пе-2, после чего был отведен в тыл на переформирование. Из приведенных цифр ясно, что обескровливание частей произошло не за один день 30 июня, а за несколько недель напряженных боев. Тем не менее нельзя не согласиться с авторами вышеприведенных оценок в том, что 30 июня стало переломным днем в психологии летчиков, сделав их менее инициативными и гораздо более осторожными. Заметно увеличилась высота бомбометания — она выросла до 1400—1800 м, а в отдельных случаях и до 3000 м. С конца 1941 г. боевые вылеты бомбардировщиков за пределы радиуса действия наших истребителей стали совершаться только в ночное время. В силу этого изменения тактических методов наша бомбардировочная авиация стала действовать менее

эффективно и не смогла полностью решить возникшие проблемы до конца войны.

Вторым дискуссионным моментом являются причины, обусловившие столь высокие потери. В своей статье В.Ф. Голубев излагает их в следующем порядке: *«незнание фактической наземной, воздушной и метеорологической обстановки в районах нанесения ударов — всеми инстанциями, от командования фронта, флота до командиров полков; плохая организация и отсутствие должного управления при подготовке и выполнении боевой задачи; пренебрежение к организации взаимодействия различных родов авиации флота и истребительному прикрытию каждой ударной группы; неподготовленность штабов и необученность истребительной авиации флота прикрытию ударных сил, в том числе и корабельных, на большие расстояния с использованием передовых аэродромов и полетов с дополнительными подвесными бензиновыми баками, которые так же, как и реактивные снаряды РС-82, сотнями штук лежали на складах ВВС и флота до августа 1941 г.»*. Авторы исследования «Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.» к этому добавляют: *«Если бы экипажи знали воздушную и метеорологическую обстановку в районе цели, они сумели бы более целесообразно использовать условия этой обстановки и выбрать более приемлемые тактические приемы действий»*. Пояснение этой мысли содержится в труде «Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне»: *«Допускали тактические ошибки и ведущие групп. Вместо того, чтобы отражать атаки истребителей противника в сомкнутом строю, некоторые командиры групп применяли разомкнутый строй, а отдельные из них приказывали рассредоточиться и следовать на аэродромы самостоятельно. Все это и привело к тяжелым потерям»*. Согласиться со

всей этой критикой можно лишь отчасти, поскольку ее авторы, по-видимому, нечетко разделяют для себя границы ответственности ведущих групп, штабов соединений и высших инстанций, утверждавших боевые уставы, курсы боевой подготовки и другие нормативные акты. Не задействовать бомбардировщики командование не могло, даже если бы стало известно, что переправы прикрывает вся истребительная авиация люфтваффе. В аналогичных условиях в мае 1940 г. командование союзников принимало те же решения, поскольку задержка стремительно продвигавшегося противника даже на несколько часов могла иметь стратегические последствия. В день и час, когда условия обстановки поставили задачу бомбардировки войск противника, было уже поздно сетовать на неготовность истребительной авиации к дальнему сопровождению ударных машин с использованием дополнительных топливных баков. Неудовлетворительная организация связи в ВВС КБФ также была данностью, изменить которую в течение суток уже ничто бы не смогло. Таким образом, речь может идти только о том, были ли реальные способы успешного выполнения боевой задачи и все ли сделало командование, чтобы избежать больших потерь в конкретно существовавших 30 июня условиях.

Упрек в отсутствии надлежащей воздушной и метеорологической разведки района цели всецело на совести командования 8-й авиабригады и 73-го полка. С этой целью, конечно же, следовало выслать большее число звеньев, особо заострив внимание на состоянии радиопаратуры разведчиков. Следующей ошибкой была посылка ударных эшелонов, не дожидаясь результатов разведки. Разведчиков, конечно же, могли сбить, или же они могли потерять ориентировку, но это должно было только насторожить командование бригады и заставить

его воздержаться от посылки отдельных эскадрилий «в затылок друг другу». Отдельные эскадрильи имели бы смысл высылать, только делая главную ставку на внезапность — например, если бы налет производился на рассвете всеми группами в одно и то же заранее установленное время, но штаб ВВС прошел мимо подобного решения. Наиболее приемлемой формой проведения удара в реально сложившихся условиях представлялось создание единой ударной группы из состава обоих полков 8-й бабр, подобно тому, как это делалось шестью сутками ранее при налете на Мемель. Из-за длительности подготовки, конечно же, не удалось бы совершить более одного подобного вылета, но его результат стал бы намного более успешным, чем то, что произошло в действительности. Даже в крайне неблагоприятных условиях оборонительным огнем наших бомбардировщиков было сбито пять «мессершмиттов», в случае же сосредоточенного боевого порядка их могло быть заметно больше — не случайно, учтя опыт советско-финляндской войны, в 1-м мтап только за первое полугодие 1941 г. было произведено 590 воздушных стрельб, из которых в 480 стрелки получили «зачет»! Плотный строй бомбардировщиков представлял бы намного более уязвимую цель для зенитной артиллерии, но потерь по этой причине можно было бы избежать, проложив курс в обход переправ и атаковав не их, а находящиеся на южном берегу войска противника. Однако ни командир 1-го мтап Н.В. Абрамов, ни командир 57-го бап Е.Н. Преображенский во главе подобной ударной группы в воздух так и не поднялись. Негласно неудачную организацию воздушных ударов по войскам противника признало и руководство ВМФ, заменившее 14 июля 1941 г. командующего ВВС КБФ В.В. Ермаченкова на его бывшего заместителя генерал-майора М.И. Самохина. В тех же условиях, которые

имели место в действительности, ведущие эскадрилий не имели приемлемых альтернатив. Если группа оставалась на боевом курсе, она несла потери от атаки в 2—3 раза численно превосходящих истребителей, если укрывалась в облаках — ее самолеты впоследствии сбивались поодиночке. Но самое обидное заключается в том, что из-за развала связи и управления в высших инстанциях вооруженных сил даже то немногое, чего удалось достичь морским летчикам, пропало даром — ведь, как мы знаем, вместо того, чтобы укрепляться на естественном водном рубеже, войска Северо-Западного фронта уже начали отступление к Пскову.

Здесь мы подходим к главному. Не вызывает сомнения то, что первоочередной причиной трагедии, произошедшей над Двинском, стали ошибки, допущенные высшими флотскими и армейскими инстанциями еще до войны. К ним необходимо отнести неудовлетворительную организацию боевого управления, отсутствие запасных вариантов боевых действий и аэродромов, с которых их можно было бы осуществлять, отсутствие средств радиосвязи, техническое несовершенство самих самолетов, падавших «как кометы», недостатки в боевой подготовке и многое другое, что вскрылось в масштабе всех наших Вооруженных Сил в грозном июне 41-го. Чтобы избежать всего этого, армия, и в особенности такие наукоемкие ее виды, как авиация и флот, должны иметь нормальное финансирование, что обеспечивало бы НИОКР, закупки вооружения, проведение боевой подготовки — все то, чего у российских Вооруженных Сил фактически нет и сейчас. Неужто «если завтра в поход», наши воины снова будут обречены на массовый героизм, подобно тому, как это было 30 июня 1941 г. в небе над Двинском?

Содержание

<i>Владимир Бешанов</i> «Мы были еще не совсем готовы...»	5
<i>Сергей Веревкин</i> Катастрофа лета 1941 г. — надежды народа на фоне распада армии	82
<i>Владислав Гончаров</i> Генерал Павлов — портрет на фоне катастрофы	121
<i>Юрий Емельянов</i> Пятая колонна блицкрига	200
<i>Юрий Житорчук</i> Почему произошла катастрофа 1941 года	250
<i>Алексей Исаев</i> Примитивная сложность катастрофы	316
<i>Вадим Кожин</i> Внезапность или неготовность?	356
<i>Мирослав Морозов</i> Черный понедельник авиации Балтфлота	378

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КАТАСТРОФА II

1941 год. Причины трагедии

Ответственный редактор *Г. Плоткин*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *А. Пучкова*

Корректор *И. Федорова*

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

ООО «Издательство «Яуза»

109507, Москва, Самаркандский б-р., д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,

Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.07.2007.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7000 экз.

Заказ № 6295.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Новая книга проекта «Великая Отечественная катастрофа», посвященного одной из самых спорных и загадочных страниц отечественной истории – трагедии 1941 года.

Жесткая бескомпромиссная дискуссия – без политической цензуры и идеологических запретов.

Самые популярные современные историки противоположных взглядов и политических убеждений

Алексей Исаев	Юрий Житорчук
Владимир Бешанов	Сергей Веревкин
Владислав Гончаров	Вадим Кожин
Юрий Емельянов	Мирослав Морозов

отвечают на самые важные и болезненные вопросы: Кто виноват в трагедии 1941 года?

Почему, имея сильную армию и подавляющее численное превосходство в танках и авиации, Советский Союз был разгромлен за считанные недели?

В чем главные причины величайшей военной катастрофы в русской истории?

ISBN 978-5-699-22268-1

9 785699 222681

